

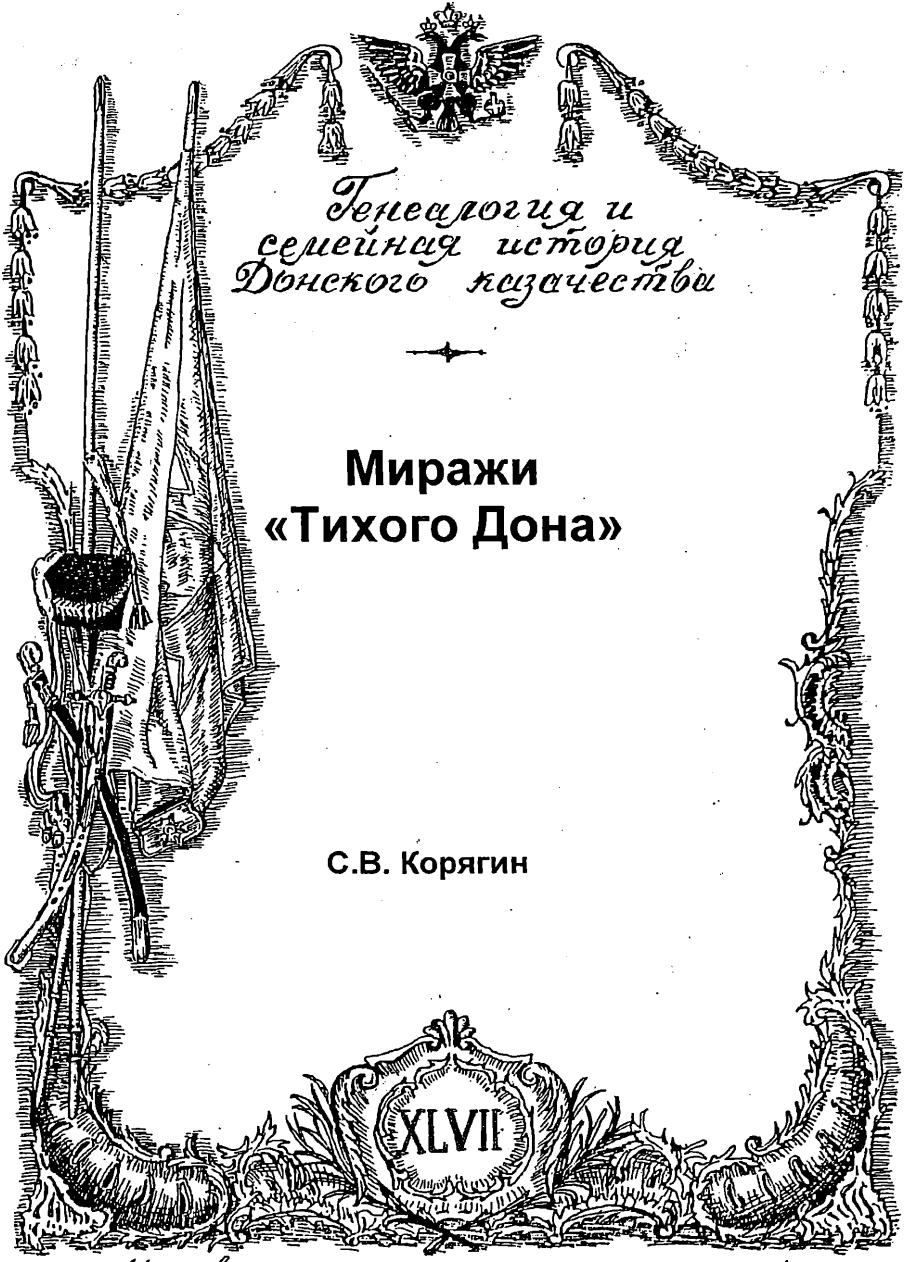
МИРАЖИ

Тихого Дона

Генеалогия и семейная история
Донского казачества

Выпуск 47

*Геральдика и
семейная история
Донского казачества*

**Миражи
«Тихого Дона»**

С.В. Корягин

Москва

2004 г.

Корягин С.В. *Миражи «Тихого Дона»*. Серия "Генеалогия и семейная история Донского казачества". Выпуск 47. М.: Русаки, 2004.–256 с., илл.

ISBN 5-93347-146-1

В данной работе рассмотрены четыре основные темы, поднятые в романе «Тихий Дон»: *мирная жизнь донского казачества; 1-я Мировая война; революция; Гражданская война.*

Сделана попытка сравнить описания жизни казаков и исторических событий, предложенные автором, с тем, что было на самом деле.

Ценность произведения должна определяться, в первую очередь, на основании исторической достоверности описываемых событий, и только во вторую, в виду т.н. "художественной ценности" романа.

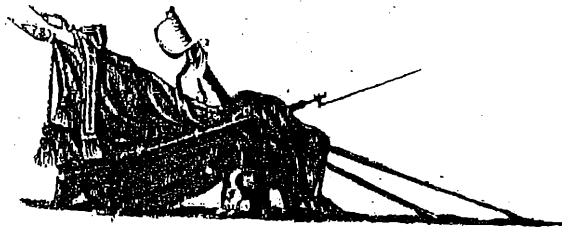
В приложении предлагается описание жизни и деятельности наиболее значительных фигур донского казачества в эпоху революции: А.М. Каледина, В.М. Чернецова, Н.М. Голубова, Ф.Г. Подтелкова.

Описаны Донские казачьи фамилии: *Голубовы, Каледины, Кривошлыковы, Подтелковы, Чернецовы.* Предлагаются поколенные росписи, а также сведения о других представителях этой фамилии, не вошедших в основные рода.

Продолжены рубрики: *Архивы и библиотеки. В Краю непуганых историков.* Для генеалогов, историков и всех интересующихся русским офицерским корпусом, российской генеалогией и семейной историей.

ISBN 5-93347-146-1

© С.В. Корягин, 2004 – Миражи «Тихого Дона»

Содержание

Глава 1. О 1-й Мировой войне	5
Козьма Крючков (5). Издательства (13). Принятые обращения (14). Описание гвардии (17). Еще о "неуставных" отношениях (20). Наиболее "захватывающие" эпизоды романа (21). Карьера Григория (25). Общие положения (27). Поиски автора (33).	
Глава 2. О мирной жизни	35
Эротика или порнография ? (36). Григорий и Наталья (45). Григорий и Аксинья ("основной" вопрос) (49).	
Глава 3. О революции	53
Четыре месяца Советской власти (53). Отдельны образы (63). Истори- ческие личности (69). Подтелков и К (81).	
Глава 4. О Гражданской войне	89
Начало противостояния (90). Григорий – враг, почему ? (93). М. Коше- вой против хутора (98).	
Значение романа	106
Мораль (107). Образы абсолютного зла (108). Магия кино (112). Вос- поминания и ощущения (115).	
Приложение: О Каледине	117
Каледины.....	120
<i>Архивы и библиотеки</i>	
«Донская вол на». Памяти Каледина.....	129
Деникин о Каледине.....	151
Из журнала «Донская вол на».....	154
Приложение: О Чернецове	163
Чернецовы.....	166
<i>Архивы и библиотеки</i>	
«Донская вол на». Памяти Чернецова.....	170
Из журнала «Донская вол на».....	187
Приложение: О Голубове	201
Голубовы.....	205
<i>Архивы и библиотеки</i>	
Войсковой старшина Голубов.....	216

Приложение: О Подтелкове и Кривошлыкове	225
Подтелковы.....	226
Кривошлыковы.....	226
<i>Архивы и библиотеки</i>	
Федор Подтелков.....	228
<i>В краю непуганых историков</i>	
Книга К.А. Хмелевского.....	241
Именной указатель.....	247
Список сокращений.....	250

*   *   *

Почему-то основным мерилom литературного произведения является так называемая "художественная ценность".

Правомерно ли это ?

Да, безусловно, если книга отражает происходящие исторические события.

А если – нет ? Если в романе все переставлено с ног на голову ?

В этом случае наблюдается прямо противоположная ситуация. Чем интереснее написано литературное произведение, чем привлекательнее оно для читателя, тем оно более аморально и бессовестно.

Восприятие романа «Тихий Дон», как произведения, описывающего подлинную жизнь донских казаков, и дающее: точное описание 1 Мировой войны и вполне адекватное представление революции и Гражданской войны, – абсолютно неправомерно.

К действительности это не имеет никакого отношения.

Казачество описано в столь неприглядном виде, что современное представление М.А. Шолохова, как гордости донских казаков, само по себе, можно рассматривать как дурной анекдот.

Примечание.

В основу поколенных росписей положены материалы РГВИА (Москва) – послужные и формулярные списки (ПС) XVIII – XX веков, документы из РГВА (Москва) времен Гражданской войны, а также опубликованные материалы по истории Донского казачества и справочники Военного ведомства. В меньшей степени к работе были привлечены материалы ГАРО (Ростов-на-Дону) и РГИА (Санкт-Петербург).

При использовании документов РГВИА, РГВА и РГИА автор старался передать их дух и колорит, сохраняя в некоторых случаях устаревшую терминологию и нетрадиционное написание географических названий. Все необходимые расшифровки даны в списке сокращений.

Даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю (юлианскому календарю), после – по новому (григорианскому календарю).

Автор выражает большую признательность: дорогой жене – за художественное оформление книги, Алабину Игорю Михайловичу и Волкову Сергею Владимировичу, – за предоставленные материалы; Шилкину Николаю Васильевичу за перенос кадров из фильма в макет книги.

Автор с благодарностью примет критические отзывы, исправления и дополнения коллег по адресу:

121165, Москва, Кутузовский проспект, д. 33, кв. 87. Сергей Викторович Корягин. Тел.: 095 – 249.61.98   dongenealog2003@mail.ru

О 1-й Мировой войне

Донские полки и батареи приняли самое деятельное участие в 1 Мировой войне. Г.И. Маноцков (исследователь из ст. Преображенской Волгоградской области) говорил, что Донским казакам было вручено 36 тысяч Георгиевских крестов. По словам С.Б. Патрикеева (г. Москва) практика показывает, что кавалеры всех 4-х степеней обычно находятся в соотношении 1 : 60 (один к шестидесяти) к общему числу награжденных. Т.о. можно ожидать, что до 600 героев Дона получило «полный бант».

Несомненно, самым известным Донцом тех времен был Козьма Фирсович Крючков – 1-й Георгиевский кавалер не только в Донском войске, но и среди всей Русской армии. Публикации о его подвиге были помещены, практически, во всех газетах. Портрет его многократно тиражировался, и на плакатах, посвященных войне, чаще его встречался, пожалуй, только Государь Император.

Козьма Крючков

Приведем ряд документов и публикаций о К. Крючкове:

Козьма Фирсович Крючков, казак Усть-Хоперской ст.

Приказный 6-й сотни 3 ДКП. Награжден СГ-4 № 5501 приказом № 37 от 11 августа 1914 г. по войскам 1-й армии Северо-Западного фронта: за то, что, встретив с

4-мя казаками развезд в 22 немецких кавалериста, лично убил офицера и несколько всадников (всего 11 человек), получил 16 ран. Награжден СГ-3 № 92481. Помимо СГ-4 и СГ-3 был награжден Георгиевскими медалями 4-й и 3-й ст.

Погиб летом 1919 г. в бою с красными, будучи в Донской армии [сообщил С.Б. Патрикеев со ссылкой на: РГИА, ф. 496, оп. 3, д. 1197; «Военная быль», № 4 (133), 1993 г.].

1-й (!!!) Георгиевский кавалер 1-й Мировой войны. Во время Гражданской войны хорунжим в 13 конном полку Усть-Медведицкой конной дивизии; убит 18 августа 1919 г. в районе с. Громки Саратовской губ. [Голубинцев «Русская Вандея», 1995, л. 51, 107].

В [ДОВ, № 175, л. 1, 2 августа 1914 г.] были опубликованы телеграммы:

“ТЕЛЕГРАММА ВОЙСКОВОМУ НАКАЗНОМУ АТАМАНУ ИЗ ВИЛЬНЫ ОТ 1 АВГУСТА

Поздравляю славное Донское войско с награждением первым Георгиевским крестом в армии гордости Усть-Хоперской станицы казака хутора Нижне-Калмыкова Козьмы Крючкова, который один побил одиннадцать немцев, получив 16 ран пикой в себя, одиннадцать в лошадь. Чувствует себя молодцом, поправляется.

Генерал – адъютант Ренненкампф

ВИЛЬНА. ГЕНЕРАЛ – АДЪЮТАНТУ РЕННЕНКАМПФУ

От лица Донского войска горячо благодарю Ваше Высокопревосходительство за радостную весть о подвиге доблестного Крючкова. Сейчас рассылаю Вашу телеграмму по всем станицам, дабы скорее доставить радость всем казакам от старика до малолетка. Не откажите передать Крючкову благодарность и любовь родного Дона. Дай Бог ему скорее поправиться.

Генерал-от-кавалерии Покотило”.

Спустя две недели [ДОВ, № 186, л. 4, 17 августа 1914 г.] появилось стихотворение Ксении Богаевской «Станичникам первого Георгиевского кавалера»:

“Гей, вы, станичники! Весточку радости

Слушайте, братцы, ликуйте как встарь:

Много у родины счастья и благодсти,

Храбрых – их щедро дарит государь!

Дрался, как лев, - весь израненный пикойо

Вольный сын Дона – удалый казак

Вспомнив отвагу природную, дикую,

Много врагов изрубил ваш земляк.

Конь его верный не выдал товарища,

Дедовской шапки не гнулася сталь,

Вышел он с честью из дыма пожарища,

Жизни бесстрашному не было жаль!

Знайте станичники: грудь молодецкая

Ныне украшена белым крестом!

Первый Георгий! – То – гордость донецкая,

Славную песню слагайте о том.

Пусть их побольше на песню откликнется

Дона удалых и смелых сынов!

Мыслью и чувством один всяк проникнется:

Нужно, должны победить мы врагов.

Гей, вы, станичники! Радость безмерную

Тихому Дону приносит заря...

Радость за лихость, за службу их верную

Шлет казакам эта воля царя!”

В следующем номере [ДОВ, № 187, л. 4, 19 августа 1914 г.] - стихотворение Д.

– «Казак Кузьма Крючков»:

«Нипочем нам все казаки,
Не боимся мы их сим,
Доблесть их – одне лишь враки!» –
Так хор немцев возгласил
“Пусть скорей под наши клики,
Все они сдаются нам,
Шашки пусть свои и пики,
К нашим вынесут ногам!”
“Ах, вы, нехристи, собаки! –
Проворчал Крючков Кузьма, -

Чтоб сдавались вам казаки ?!
Знать, вы спятели с ума ? . . .
А-ль не слышали, что шагу
Нам невместно уступить,
Что давал казак присягу
Смерть за родину принять ? . . .”
И с казачьим грозным гиком
Немцев стал крошить Крючков,
Снес им в бешенстве великом,
С плеч одиннадцать голов”.

Публикации о первом Георгиевском кавалере прошли по многим периодическим изданиям Российской Империи. В конце августа [ДОВ, № 194, л. 3 – 4, 27 августа 1914 г.] появилась статья Д. Б-кий «Станица Усть-Хоперская (письмо в редакцию)»:

“Геройский подвиг нашего станичника, первого Георгиевского кавалера Козьмы Крючкова, во всех газетах описывается несколько неточно, а потому, для правильного освещения этого из ряда выходящего молодецкого дела, с разрешения родителей Крючкова, любезно представляю подлинную копию письма Крючкова, с соблюдением точной орфографии, где герой подробно описывает случившееся.

«1914 г. 3 дня августа Господи Благослови письмо написать до натихой дон послать радной сямьи здравствуйтя дорогая мая семья я помилости Господа Бога нахожуся жив и здоров чево и вам желаю получить от Бога скорого успеха делах рук ваших затем понискому у усердному поклону посылаю в сем родным и знакомым ниска кланяюся высеуму тихому дону ниска кланяюся всем православным христианам помолитесь Богу обнас висех воинок. Затем мы были посланы выразиветь из местечка Колверти к границы 10 верст 5 розвездов 6 человек выразвезди вынашим вразезди был приказнай Казьма Фирсавич Крючков Иван Щеголков Василий Астахов Сыхутора Астахов Михаил Иванков схутора Киригина двое увезли донесение 29 июля а мы астались ночь боялися 30 июля 7 часов утра наворили картошки поели я лох спать немнога уснул мене будють ставай Фирсавич я скачил что тут вон немцы и взял бинок посмотрил 27 человек сели мы ноконие поехали надграницей отбили их атграницы и погнали верст 12 прогнали 1 офицер немцы забутовалися офицера убили мы немцы ишо абутовалися товарищи мои поскакали двоа выправо один вылево а я один осталси немцы зачали мене колотть пиками, а я выхватие шашку шашкою рубил шашку влажлив вырвал у немца пику до пикою докопол 11 человек приехал высотню мне осмотрели сочли у мене 16 ран у коня 11 ран отправили мене выбольницу приехал командочий войсками выбольницу снел себе 1 степени Геворгское крест повесил на мене тепера идут комне господа офицеры полковники хоружи заручку берут астаюся жив и здоров как сам так конь день 5 пробуду выбольницу потом поеду высотню»”.

Спустя еще две недели [ДОВ, № 208, л. 3, 13 сентября 1914 г.] появилось стихотворение казака Ф. И Шестакова «Герою казаку Крючкову»:

I) Донской казак Крючков удалый!
Едва над Русскою землей
Раздался гром войны кровавой,
Как ты достойно новой славой
Успел прославить Дон родной..

II) Донской казак на свет родился
Не для того, что-б праздно жить,
Но что-б Царю всегда годился
И мог с достоинством служить.

III) Ты чуть не с самой колыбели
В себя дух храбрый восприял
И дивной доблестью на деле
Его достойно показал.

IV) Герой, святому долгу верный,
За Русь ты жизни не щадил
И лихо в стычке беспримерный
Великий подвиг совершил.

V) Собрав всю мощь, ты в бой неравный
Один против врагов вступил, -
Как лев ты бился с ним и славно
И всех одиннадцать сразил.

VI) Да будет вписана страница
О том в скрижаль страны родной,
И должен искренно гордиться
Всегда наш тихий Дон тобой.

VII) Мы чтим твой подвиг, как героя,
И будем чтить его, - пока,
Есть на Руси войско Донское, -
И жив дух мощный казака.

Уже в конце октября [ДОВ, № 248, л. 4, 30 октября 1914 г.] в газете появилось объявление о продаже книги:

“Г. Неплюбин «Донской казак Козьма Крючков»

Первый георгиевский кавалер Великой борьбы народов 1914 г. 32 стр. в цветной обложке с 2-мя фототипиями: 1) портрет Крючкова и 2) Крючков среди боевых товарищей. Цена 20 коп.

Требования адресовать: Книгоиздательскому Т-ву «Астра» Пернов, Лифл. губ. Книгопродавцам скидка 50 коп.”

Не менее интересно, что его отец – Фирс Ларионович “за славное воспитание сына Козьмы” был произведен в урядники приказом по ВД № 316 от 9 августа 1914 г. [ДОВ, № 182, с. 1, 12 августа 1914 г.].

Выше приведены публикации, посвященные К. Крючкову, взятые из ДОВ за три месяца (да и то – не все). Это дает представление - сколь популярен был данный человек не только на Дону, но и по всей России.

Еще две публикации появились в ДОВ в феврале 1915 г.

«Кузьма Крючков» [ДОВ, статья “Р.Сл.”, № 31, с. 3, 8 февраля 1915 г.]

“На днях мне пришлось быть на скромном торжестве. Это был парад, устроенный по поводу раздачи Георгиевских крестов, медалей и производств нижним чинам – казакам. Между прочим, генерал вызвал Кузьму Крючкова и поздравил его с производством в вахмистры.

Генерал пожал ему руку, сказал, что гордится, что находится в одной части с ним, и в заключении поцеловал Крючкова.

До сих пор открытое и смелое лицо Кузьмы Крючкова вдруг смуглилось, и он скромно, совсем как это делают девушки, опустил глаза.

Все, кто знает Кузьму Крючкова, - этого настоящего народного героя текущей кампании, а не того, которого в печати несколько раз хоронили, сдавали в плен, ранили и, наконец, которого изобразили в кинематографах, - все, кто знает его лично, знают его как удивительно скромного, несколько застенчивого малого.

Его вихор на голове, телосложение, вся его фигура, живость, ловкость говорят за то, что он – настоящий сын Дона. Нам приходилось наблюдать не раз его в деле и в жизни, когда мы находились с ним в одной части. Между прочим, пришлось видеть и то, с каким совершенно искренним удивлением реагирует он на внимание, которое ему уделяют общество и печать. Его привели почти в детский восторг подарки Петрограда и Донского банка – шашки, оправленные в серебро, и кованный пояс – от Нижегородской ярмарки. И озадачили письма а Петроградских дам, нашедших необходимым выразить признательность казаку Кузьме Крючкову.

- Чего это оне ? – сказал как-то раз казак. – Ведь у меня женка осталась на родине и двое детей: один – четырех, другой – трех лет.

Это общее желание обязательно напечатать что-нибудь о Крючкове привело к тому, что даже встревожили дедушку казака Крючкова, и тот пишет внуку:

«Дорогой Кузя! Неужели же наш славный Костяк погиб, что тебя всюду рисуют на серой лошади!»

«Костяк» – имя лошади Крючкова, и она бурой масти, и до сих пор благополучно здравствует.

На днях как раз этот конь наступил на ногу Крючкову, и шип подковы (зимней ковки), протыравив казаку сапог, вонзился ему в ногу. Перевязав наскоро рану, и обув более широкий сапог, Кузьма Крючков, по прежнему, остается в строю.

И так же лихо, как прежде, отправляясь на поездку, запекает одну из красивейших песен Дона: «За курганом пики блещут!»

Публикация в [ДОВ, № 40, с. 2, 19 февраля 1915 г.]:

“ОДЕССА. (17 февраля). В Думе чествовали Козьму Крючкова. Голова, поднеся подарок от города – ящик из серебра, указал, что в лице Крючкова город чествует русского воинство. Донцы сего казацкого полка поднесли Крючкову от имени полка золотые часы с надписью. Крючков был принят архиепископом Назарием, благословившем его нательным крестом”.

Второй Георгиевский крест (3 ст.) также был отражен в периодической печати. А.Г. Кабанов (г. Волгоград) любезно прислал заметку из ж. «Нива» [№ 6, п. 3, 1915 г.] «Новые подвиги Козьмы Крючкова»:

“Козьма Крючков находится в одном из военных госпиталей в местечке Х., недалеко от Варшавы. После известного дела с двадцатью пятью немцами он, оправившись от одиннадцати ран, снова возвратился в армию и был участником следующего лихого дела.

Нужно было разведать расположение германских войск. Крючков и еще человек десять вызвались произвести эту разведку. Подъехали к деревушке М., в которой расположился отряд, человек в двадцать, германцев-кавалеристов. Недолго думая, они ворвались в деревню, половину перебили, остальных забрали в плен и нашли у них ценные документы относительно расположения германских войск

Затем Крючков участвовал в больших боях, получил три раны, из которых одна в бок – самая опасная.

Крючков в настоящее время имеет все четыре степени ордена св. Георгия (полный бант) и получает 50 р. ежемесячного жалования”.

Примечание. Награды преувеличены. Было два креста и две медали.

* * *

Первому Георгиевскому кавалеру 1-й Мировой войны, в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» уделено значительное внимание [т. 1, ч. 3, гл. VII - IX]:

“В третьем ряду головного взвода ехал Митька Коршунов с Иванковым Мишаилом, казаком с хутора Каргина Вешенской станицы, и усть-хоперцем Козьмой Крючковым. Мордатый, широкий в плечах Иванков молчал, Крючков, по прозвищу Верблюд, чуть рябоватый, сутулый казак, придирался к Митьке. Крючков был «старый» казак, то есть дослуживавший последний год действительной, и по неписаным законам полка имел право, как и всякий «старый» казак, гонять молодых, вымуштровать, за всякую пустяковину ввалить пряжек. Было установлено так: провинившемуся казаку призыва 1913 года – тринадцать пряжек, 1914 г. – четырнадцать. Вахмистры и офицеры поощряли такой порядок, считая, что этим внед-

руется в казака понятие о почитании старших не только по чину, но и по возрасту.

Крючков, недавно получивший нашивку приказного, сидел в седле сутулясь, по птичьим горбатам вислые плечи. Он шурился на серое грудастое облако, спрашивал у Митьки, подражая голосом ломовитому командиру сотни есаулу Попову:

- Э . . . скажи мне, Коршунов, как звать вашего кзмендира сэтни ?

Митька, не раз пробовавший пряжек за свою строптивость и непокорный характер, натянул на лицо почтительное выражение.

- Есаул Попов, господин старый казак ! - Кэк ?

- Есаул Попов, господин старый казак !

- Я не прэ это спрашиваю. Ты мне скэжи, как его кличут прэмеж нэс, кзэзков ?

Иванков опасливо подмигнул Митьке, вывернул в улыбке трезубый рот.

Митька оглянулся и увидел подъезжавшего сзади есаула Попова.

- Ну ? Отвечай ! - Есаул Попов звать их, господин старый казак.

- Четырнэдцать пряжек. Гэвэри, гад ! - Не знаю, господин старый казак !

- А вот приедем на лунки, - заговорил Крючков подлинным голосом, - я тебе всыплю ! Отвечай, когда спрашивают ! - Не знаю.

- Что ж ты, сволочуга, не знаешь, как его дражнут ?

Митька слышал позади осторожный воровской шаг есаульского коня, молчал. - Ну ? - Крючков зло шурился.

Позади в рядах сдержанно захохотали. Не поняв, над чем смеются, относя этот смех на свой счет, Крючков вслыхнул:

- Коршунов, ты гляди ! . . . Приедем - полсотни пряжек варю !

Митька повел плечами, решил. - Черногуз !

- Ну, то-то и оно. - Крю-ю-уч-ков ! - окликнули сзади.

Господин старый казак дрогнул на седле и вытянулся в жилу.

- Ты чтэ ж это, мерззвэц, здесь выдумываешь? - заговорил есаул Попов, равняя свою лошадь с лошадью Крючкова. - Ты чему ж это учишь мэлодого кзэзка, а ?

Крючков моргал прижмуренными глазами. Щеки его заливала гуща бордового румянца. Сзади похохатывали.

- Я кзэго в прошлом гзду учил ? Об чью мэрду этот нзготь слэмал ? . . . - Есаул поднес к носу Крючкова длинный заостренный ноготь мизинца и пошевелил усами. - Чтэб я бэльше этого не слэшал ! Пэнимаешь, брэтец ты мой ?

- Так точно, ваше благородие, понимаю !

Есаул, помедлив, отъехал, придержал коня, пропуская сотню. Четвертая и пятая сотни двинулись рысью. - Сэтня, рысь возьми ! . .

Крючков, поправляя погонный ремень, оглянулся на отставшего есаула и, выравнивая пику, взбалмошно махнул головой.

- Вот, с этим Черногузом ! Откель он взялся ?

Весь потный от смеха, Иванков рассказывал:

- Он давешь едет позади нас. Он все слышал, учуял, про что речь идет. - Ты б хоть мигнул, дура. - А мне-то нужно.

- Не нужно ? Ага, четырнэдцать пряжек по голой !

Сотня разбилась по окрестным помещичьим усадьбам. Днем косили помещикам клевер и луговую траву, ночью на отведенных участках пасли стреноженных лошадей, при дымке костров поигрывали в карты, рассказывали сказки, дурили.

Шестая сотня батрачила у крупного польского помещика Шнейдера. Офицеры жили во флигеле, играли в карты, пьянствовали . . .

. . .

Лежали на животах. Курили. До красноты жгли оголенные спины. В стороне человек пять старых казаков допытывались у одного из молодых.

- Ты какой станицы ? - Еланской. - Из козлов, значитс ?
 - Так точно. - А на чем у вас там соль возют ?

Неподалеку на попонке лежал Крючков Козьма, скучал, наматывал на палец жидкую поросьль усов.

- На конях. - А ишо на чем ?
 - На быках.

- Ну а тарань с Крыму везут на чем ? Знаешь, такие быки есть, с кочками на спине, колючки жрут: как их звать-то ?

- Верблюды. - Огхо-хо-ха-ха !

Крючков лениво поднимался, шел к проштрафившемуся, по-верблюжьи сутулясь, вытягивая кадыкастую шафранно-смуглую шею, на ходу снимал пояс.

- Ложись !

...

Через неделю, после того как полк пришел на лунке, есаул Попов позвал сотенного коваля и вахмистра.

- Как кони ? - к вахмистру.

- Ничего, ваше благородие, очень приятно даже. Желобки на спинах посправнялись. Поправляются.

Есаул в стрелку ссучил черный ус (отсюда и прозвищу - Черногуз), сказал:

- Прикз от комэндцра пэлка пзлудить стремена и удила. Будит высзчэйший смэтр пэлку. Чтэбы все было с блэскэм: чтэ седлецо, чтэ все эстэльное. Чтэбы на кззков было любо, милподэрэго глянуть. Кэгда, братец ты мой, будет гзтово ?

Вахмистр глянул на коваля. Коваль глянул на вахмистра. Оба глянули на есаула. Вахмистр сказал:

- Либо, что к воскресенью, ваше благородие ? - И почтительно тронул пальцем залпесневелый в табачной зелени ус.

- Смэтри у меня ! - грозно предупредил есаул.

...

Иванков прыснул. Он хотел что-то сказать, но, оглянувшись, увидел бежавшего по пашне Крючкова. Тот бежал, приподняв рукою шапку, выхляя ногами по кочковатой пахоте.

- Бросайте !

- Чего ишо ? - спросил Щегольков, втыкая косу острием в землю.

- Немцы !

...

Астахов не успел сложить кисет, сунул его мимо кармана.

Крючков, увидев за спиной Иванкова немцев, поскакал первый. Правофланговые немцы шли Иванкову наперерез. Настигали его с диковинной быстротой. Он хлестал коня плетью, оглядывался. Кривые судороги сводили ему посеревшее лицо, выдавливали из орбит глаза. Впереди, припав к луке, скакал Астахов. За Крючковым и Щегольковым вихлялась бурая пыль.

« Вот ! Вот ! Догонит ! » - стыла мысль, и Иванков не думал об обороне; сжимая в комок свое большое полное тело, головой касался холки коня.

Его догнал рослый рыжеватый немец. Пикой пырнул его в спину. Острие, пронзав ременный пояс, наискось на полвершка вошло в тело.

- Братцы, вертайтесь . . . ! - обезумев, крикнул Иванков и выдернул из ножен шапку. Он отвел второй удар, направленный ему в бок и, привстав, рубнул по спине скакавшего с левой стороны немца. Его окружили. Рослый немецкий конь грудью ударился о бок его коня, чуть не сшиб с ног, и близко, в упор, увидел Иванков страшную муть чужого лица.

Первый подскакал Астахов. Его оттерли в сторону. Он отмахивался шапкой, вьюном вертелся в седле, оскаленный, изменившийся в лице, как мертвец.

Иванкова концом палаша полоснули по шее. С левой стороны над ним вырос драгун, и блекло в глазах метнулся на взлете разящий палаш. Иванков подставил шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой поддели ему погонный ремень, настойчиво срывали его с плеча. За вскинутой головой коня маячило потное, разгоряченное лицо веснушчатого немолодого немца. Дрожая отвисшей челюстью, немец бесполово ширял палашом, норовя попасть Иванкову в грудь. Палаш не доставал, и немец, кинув его, рвал из пристроченного к седлу желтого чехла карабин, не спуская с Иванкова часто мигающих, напуганный коричневыми глаз. Он не успел вытащить карабин, через лошадь его достал пикой Крючков, и немец, разрывая на груди темно-синий мундир, запрокидываясь назад, испуганно удивленно ахнул: - Майн готт !

В стороне человек восемь драгун окружили Крюčkова. Его хотели взять живьем, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближнего немца пику, он развернул ее, как на ученье.

Отхлынувшие немцы щепили ее палашами. Возле небольшого клена суглинистой невеселой пахоты грудились, перекипали, колыхаясь в схватке, как под ветром. Озерев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружием . . . Обеспамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бесполово сшибались. Овладев собой, Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего на него длиннотелого белесого драгуна в голову, но шашка падала на стальные боковые пластинки каски, соскальзывала.

Астахов прорвал кольцо и выскочил, истекая кровью. За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, потеряв офицера, рассыпались, отошли. Их не преследовали. По ним не стреляли вслед. Казаки посаkali напрямки к местечку Пеликалие, к сотне; немцы, подняв упавшего с седла раненого товарища, уходили к границе.

Отскакав с полверсты, Иванков зашатался.

- Я все Я падаю ! - Он остановил коня, но Астахов дернул поводья. - Ходу !

Крючков размазывал по лицу кровь, щупал грудь. На гимнастерке рдяно мокрело пятно.

...

Спустя час почти вся сотня выехала на место, где был убит германский офицер. Казаки сняли с него обувь, одежду и оружие, толпились, рассматривая молодое, нахмуренное, уже пожелтевшее лицо убитого. Усть-хоперец Тарасов успел снять с убитого часы с серебряной решеткой и тут же продал их взводному уряднику. В бумажнике нашли немного денег, письмо, локон белокурых волос в конверте и фотографию девушки с надменным улыбающимся ртом.

Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, по его реляции получил Георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он сполнялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петрограда и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа офицеры. Дамы ахали, дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале порол их тысячным матом, а после, под благотворным влиянием штабных подхалимов в офицерских погонах, сделал из этого доходную профессию: рассказывал о «подвиге», сгущая краски до черноты, врал без зазрения совести, и дамы восторгались, с восхищением смотрели на рябоватое разбойничье лицо казака - героя. Всем было хорошо и приятно.

Приезжал в ставку царь, и Крюčkова возили ему на показ. Рыжеватый сонный император осматрел Крюčkова, как лошадь; поморгал вислыми сумчатými веками, потрепал его по плечу.

- Молодец казак! – и, повернувшись к свите: - Дайте мне сельтерской воды. Чубатая голова Крючкова не сходила со страниц газет и журналов. Были папиросы с портретом Крючкова. Нижегородское купечество поднесло ему золотое оружие. . .

А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натывались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившем человека, разъехались, нравственно искалеченные. Это называли подвигом. "

* * *

Представленная выдержка из романа, несомненно, очень интересна. Особенно, в сравнении с тем, что было на самом деле. В таких случаях принято говорить – «комментарии излишни». Герой, подвиг которого описан во всех газетах, «опущен», да еще как! Вместо отчаянного боя с победой над 11 противниками и получением 16 ран, непонятная и бессмысленная стычка. Уничтожение офицера отнесено на счет другого. «Товарищи его остались в тени», а на самом деле были награждены. Неплохо выглядит оборот «порол их (дам высшего света) тысячным матом». А еще, для полноты картины, - офицерский прихвостень, издевающийся над простыми казаками. Вот как пламенные революционеры и стойкие марксисты-ленинцы принципиально и бескомпромиссно расправляются с участниками и Белого движения.

В дальнейшем 1-й Георгиевский кавалер упоминается только раз:

«Кавалером пришел? – пьяно улыбаясь спрашивал Пантелей Прокофьевич - Кто теперь из казаков крестов не имеет? – нахмурился Митька (Коршунов, С.К.). – Крючкову вон три креста навесили за то, что при штабе огинается.» [кн. 2, ч. 4, гл. VI].

На основании одного только этого факта (описания подвига Крючкова) становятся забавными многочисленные комментарии к роману с рассуждениями о большой достоверности и правдивом описании жизни.

Помимо описания первого Георгиевского кавалера, приведенный текст позволяет обсудить еще два очень интересных аспекта.

Издательства

Основным отличие Царской армии от Советской и современной Российской (я рассматриваю, разумеется, Донские полки) было отсутствие, выражаясь современным языком, дедовщины, а также, кстати, дезертирства. Обуславливалось это условиями комплектования – казаки из одной станицы служили, как правило, в одном полку. Автор «Тихого Дона» обнаруживает, кстати, знание этого:

«Обычно из верховых станиц Донецкого округа – Еланской, Вешенской, Мугулинской и Казанской – брали казаков в 11-й и 12-й армейские казачьи полки и в лейб-гвардии Атаманский». [т. 1, ч. 3, гл. VII].

Т.е. личные отношения на службе были, как бы, продолжением отношений, сложившихся в станице, что само по себе исключало издевательское отношение к подчиненному. Рассмотрим варианты.

1. Молодой казак в подчинении у приказного (урядника, вахмистра) из своей же станицы и последний ведет себя непотребным образом. Последствия:

1) Казак жалуется в письме папе. Тот поговорит с папой приказного.

2) Через какое-то время на службу пойдут младшие родственники приказного и они уже будут в подчинении у теперешнего молодого казака, который на них отыгрывается за причиненные обиды.

3) Через три года оба вместе отправляются на льготу и молодой казак дома (вместе с родственниками) разберется с приказным.

II. Молодой казак в подчинении приказного (урядника, вахмистра) из другой (кстати, близлежащей) станицы. В случае притеснений молодой казак найдет, если не в сотне, то уж наверняка в полку урядника или вахмистра (а можно, кстати, и офицера) из своей станицы и пожалуется ему.

Поэтому такого рода взаимоотношения не могли иметь место исходя просто из здравого смысла. Что же касается оборотов типа: «*провинившемуся казаку призыва 1913 года – тринадцать пряжек, 1914 г. – четырнадцать*», - то их можно отнести на счет большого воображения и нездоровой фантазии.

Принятые обращения

Теперь перейдем к рассмотрению аспектов армейской жизни, наиболее ярко иллюстрирующих уровень знаний автора романа.

До реформы 1884 г. офицерские чины делились на обер-офицерские: хорунжий (еще первым чином был и квартирмейстер), сотник, и есаул; и штаб-офицерские: войсковой старшина, подполковник и полковник. См. таблицу.

Обращение к обер-офицерам – *Ваше Благородие*. Обращение к штаб-офицерам – *Ваше Высокоблагородие*. В 1884 г. добавилась еще один обер-офицерский чин (подъесаул) и всего их стало 4 и был исключен один штаб-офицерский чин (подполковник) и всего их стало 2. При этом есаул был переведен из IX-го класса Табели о Рангах в VIII-й и стал именоваться *Вашим Высокоблагородием*.

В приведенном выше отрывке текста из романа трижды нижние чины обращаются к есаулу – *Ваше Благородие* (!?).

Проведем параллели. Ну что будет, если в наше время обратиться к майору – *Товарищ капитан* ? Если это сделает гражданский человек и офицер будет в благодушном расположении духа, то последний его поправит, но про себя, вероятно, подумает, что имеет дело с ну уж очень малограмотным субъектом. А если это сделает солдат Советской или нынешней Российской армии – что с ним будет ? А если он будет это делать регулярно ? То есть, в единичном случае – это полная безграмотность, а при повторениях к этому добавляется еще очень серьезное оскорбление, которое не прощается ни в одной армии.

В романе подобного рода "ляпы" встречаются регулярно:

Обращение хорунжего Бунчука к есаулу Калмыкову и вахмистра к есаулу Листницкому – *Ваше Благородие*. [т. 2, ч. 4, гл. I, II]. В эпизоде со спасением полковника, за которое Григорий получил свой первый Георгиевский крест, и к нему применяется обращение - *Ваше Благородие*. [т. 1, ч. 3, гл. XX]. Обращение – *Ваше Превосходительство* к командиру полка (полковнику). [т. 2, ч. 4, гл. II].

В вышеприведенном тексте, полагаю, одним из наиболее интересных и невероятных эпизодов, иллюстрирующих данное положение, является следующий:

– *Черногуз !*

- *Ну, то-то и оно. - Крю-ю-уч-ков ! – окликнули сзади.*

Господин старый казак дрогнул на седле и вытянулся в жилу.

-*Ты чтэ ж это, мерззвэц, здэсь выдумываэш?–заговорил есаул Попов, равняя свою лошадь с лошадью Крючкова. – Ты чему ж это учишь мэлодого кзэзка, а ?*

Крючков морзал прижмуренными глазами. Щэки его заливала гуца бордового румянца. Сзади похохатывали.

- Я кэго в прошлом гэдэ учил ? об чью мэрдэ этот нэготь слэмал ? . . . – Есаул поднес к носу Крючкова длинный заостренный ноготь мизинца и пошевелил усами. – Чтэб я бэльше этого не слэшал ! Пэнимаешь, брэтец ты мой ?

- Так точно, ваше благородие, понимаю !

Есаул, помедлив, отъехал, придержал коня, пропуская сотню. Четвертая и пятая сотни двинулись рысью."

класс	обращение	до 1884 г.	после 1884 г.	Гв.: до 1884 г.	до 1891 г.	после 1891 г.
II	Ваше Высокопрев.	ген-от- кавалерии	ген-от кавалерии			
III	Ваше Превосх.	генерал- лейтенант	генерал- лейтенант			
IV	Ваше Превосх.	генерал- майор	генерал- майор			
VI	Ваше Высокобл.	полковник	полковник	полковник	полковник	полковник
VII	Ваше Высокобл.	подпол- ковник	войсковой старшина	ротмистр	ротмистр	есаул
VIII	Ваше Высокобл.	войсковой старшина	есаул	штабс- ротмистр	штабс- ротмистр	подъесаул
IX	Ваше Благородие	есаул	подъесаул	поручик	поручик	сотник
X	Ваше Благородие		сотник		корнет	хорунжий
XII	Ваше Благородие	сотник	хорунжий	корнет		
XIV	Ваше Благородие	хорунжий				

Итак, Крючков уличен в очень серьезном проступке – оскорблении офицера.

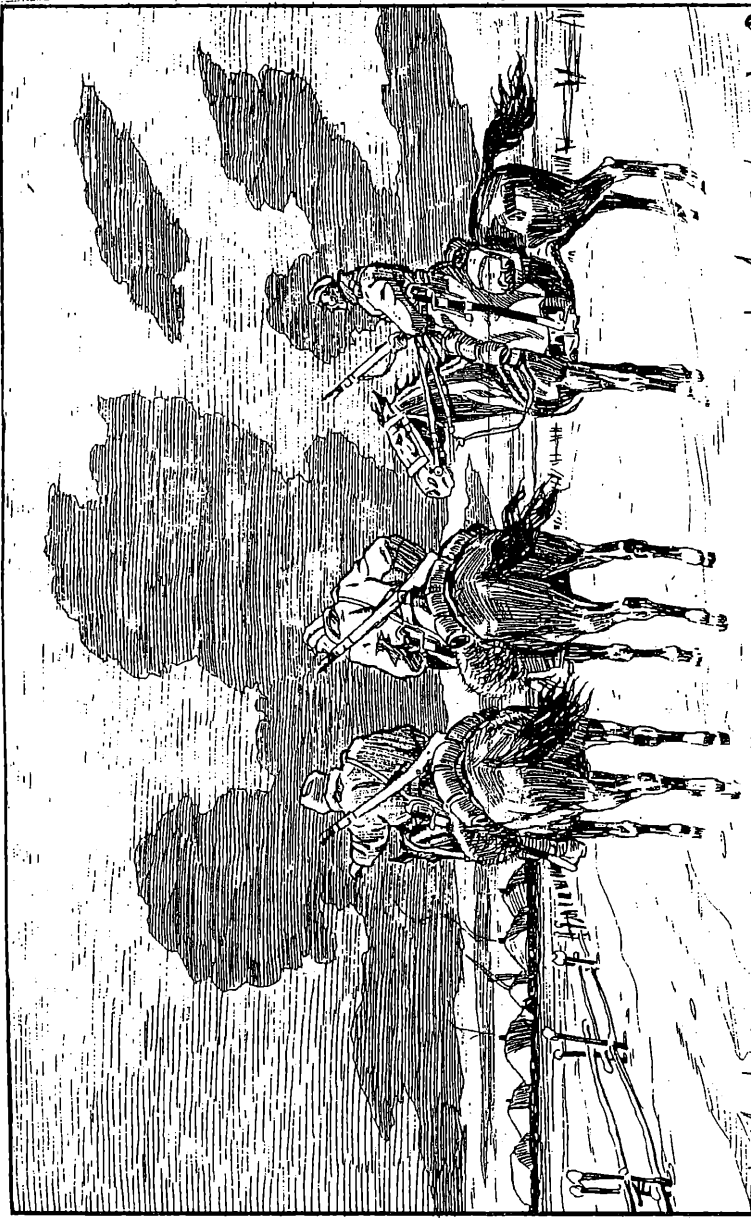
Во-первых, об этом оскорблении. Мало того, что офицеру дана кличка и об этом говорится при нем, рассмотрим ее суть. По мнению автора: *Черногуз* – от черны усов. Я являюсь потомком казаков Вислогузовых, кстати, из Вешенской ст. Предки вынуждены были менять фамилию ввиду ее "непристойности" (!?): *гуз* – отнюдь не ус, а гузка, что означает (по Далю) *низ и зад чего либо*. И Вислогузовы в современной трактовке означали бы – Вислозадовы либо Висложоловы. [см. на эту тему "непристойных" фамилий вып. № 11 "Мельниковы и другие" данной серии]. Таким образом, Крючков провоцирует называть офицера не *Черноусом*, что само по себе паскудно и маловероятно, а *Черножопым* (!?!). Ничего себе ?

Далее Крючков страшно пугается и, оправдываясь, . . . наносит еще большее оскорбление (!?!), называя их Высокоблагородие просто Благородием.

Но ведь и это еще не все. В дополнение к тому, что есаул Попов бил ему морду, а тот его публично называл черногузом и вашим благородием, в начале IX главы еще и оказывается, что Крючков *«любимец командира сотни»*, и именно на этом основании получает Георгия. Полный набор нелепостей !

Донское войско было, несомненно, уважаемо властью, но в фаворе оно никогда не было. 1-й Георгиевский кавалер – своего рода символ и стать им без веских оснований не то что – трудно, а – невозможно. При прочих равных предпочтение было бы отдано, скажем, гвардии. И только впечатляющий подвиг (всеми именно таким признанный) позволил простому у казаку стать известным на всю страну.

How man!... Chou nui Spain!

Кстати о чинах. После начала войны юнкерские училища перешли с обычного режима производства в офицеры (после 2-х-летнего обучения) на сокращенную программу – 6 месяцев. При этом офицеры выходили из училища только лишь прапорщиками (одна звездочка на погоне), а не как прежде – хорунжими (две звездочки). Так вот, в первых двух томах «Тихого Дона» не встречается ни одного казачьего офицера с таким чином (кстати, самым распространенным). Ниже приведенные примеры подтверждают то, что М.А. Шолохов не подозревал о его наличии.

1) *“- Господа! – твердым обветрившим голосом заговорил Долгов, недавний вахмистр, получивший за боевые отличия хорунжего”* [т. 2, ч. 4, гл. XI].

2) На октябрь 1916 г. (начало повествования т. 2), Григорий – нижний чин. В дальнейшем упоминается хорунжим.

3) Бунчук, упоминается вольноопределяющимся в т.1 и хорунжим в начале т.2

Еще о героях:

“Ефим Изварин (как показано выше по тексту – сотник, С.К.) был сыном зажиточного казака Гундоровской станицы, образование получил в Новочеркасском юнкерском училище, по окончании его отправил на фронт в 10-й Донской казачий полк, прослужил в нем около года, получил, как он говорил, «офицерский Георгий на грудь и четырнадцать осколков ручной гранаты во все подобающие и неподобающие места» . . .” [т. 2, ч. 5, гл. II].

Награждение орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия – высшая военная награда Российской Империи. Все подвиги получивших эту награду описаны, например, в Высочайших приказах, а в случае Донских казаков и, по меньшей мере, в «Донских областных ведомостях». Фамилия *Изварины* описана в вып. № 22 данной серии [с. 5 – 9], награждения Г-4 не было, да и вообще такого офицера не было.

Описание гвардии

Первая же фраза, описывающая гвардейцев, просто ошеломляет:

“ . . . Правил здоровенный и дурковатый, как большинство атаманцев, Христоня.” (выделено мною, С.К.) [т. 1, ч. 1, гл. 5].

В дальнейшем все в том же духе:

“Служил Авдееч когда-то в лейб-гвардии Атаманском полку. На службу пошел Синилиным, а вернулся . . . Брехом.

Он первый из хутора попал в Атаманский полк, и диковинное поделалось с казакком: рос парнем, как и все; водилась за ним с малых лет малая придуры, а со службы пришел – и пошло колесом под гору. С первого же дня, как только вернулся, начал рассказывать диковинные истории про службу свою при царском дворце и про свои необыкновеннейшие в Петербурге приключения. Ошалелые слушатели сначала верили, разинуя рты, принимали на совесть, а потом и открылось, что – враль Авдееч, каких хутор с основания своего не выдывал; над ним смеялись в открытую, но он не краснел, уличенный в чудовищных своих измышлениях (а может и краснел, да за всегдашним румянцем не разобрать), и врать не переставал. Под старость вовсе свихнулся. Припрут к стене – обидится, в драку лезет, а молчат, посмеиваются – гори в небывальщине, насмешек не замечает. Был в хозяйстве – дельный и работающий казак, делал все с рассудком, кое-где и с хитринкой, а когда касался разговор атаманской его службы . . . тут уж всякий просто руками разводил, приседая на землю от хохота, выворачивавшего нутро.

- Оно, видишь, как случилось, - Авдеич откашлялся. . . - Из крепости убежал заарестованный злодей . . . Приезжаю в полночь, весь в грязи, и прямо иду к самому. Меня это разные-подобные князья и графья не пускают, а я и иду. Да... Стучусь. «Дозвольте, ваше императорское величество, взойти». - «А это кто таков?» - спрашивает. «Это я, говорю, Иван Авдеевич Синилин». Поднялась там смятенная, - слышу, сам кричит: «Мария Федоровна, Мария Федоровна! Вставай скорей, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!» [т. 1, ч. 2, гл. VII].

“- А я в Атаманском полку не служил, ехидничал Иван Алексеевич, - это в Атаманском что ни дядя, то дурак ...

- И в армейских попадают такие, что невпроворот.

- Молчи уж, мужик!

- А мужики аль не люди?

- Так оно и есть мужики, из лыка деланные, хворостом скляченные.

- Я, брат, как в Петербурге служил – разных видал. Был стал быть, такой случай, - говорил Христоня, в последнем слове деля ударения на «а»: - несли мы охрану царского дворца, в покоях часы отбивали и снаружи. Снаружи над стеной верхи ездили: двое туда – двое сюда. Встренутся, спрашивают: «Все спокойно? Нету никаких бунтов?» – «Нету, ничего», - и разъезжаются, а чтоб пристать поговорить – и не могли. Тоже и личности подбирали: становют, стал быть, в дверях двоих, так подгоняют, чтоб похожи один на одного были. Черные так черные стоят, а белые так белые. Не то что волосы, а чтоб и обличьем были схожи. Мне, стал быть, раз цырульник бороду красил из-за этих самых глупостей. Припало в паре стоять с Никифором Мещеряковым, - был такой казачек в нашей сотне Тепи-кинской станицы, - а он, дьявол, какой-то гнедой масти. Чума его знает, что за виски, кубыть, аж полымем схваченные. Искать-поискать, стал-быть, нету такой масти в сотнях; мне сонник Баркин, стал быть, и говорит: «Иди в цырульню, чтоб эмг подрисовали бороду и усы». Прихожу, ну и выкрасили... А как глянул в зеркалу, ажник сердце захолонулось: горю! Чисто горю, и все! Возьму бороду в жменя, кубыть, аж пальцам горячо. Во!» [т. 1, ч. 2, гл. IX].

“Гапа, я хлопотал о переводе меня из Атаманского полка в армию. Сегодня я получил назначение и уезжаю в распоряжение командира 2-го корпуса. Вас, по всей вероятности, удивит принятое мною решение, и я объясню его следующим образом: меня тяготила та обстановка, в которой приходилось вращаться. Парады, встречи, караулы – вся эта дворцовая служба набила мне оскомину. Приелось все это до тошноты, хочется живого дела и... если хотите – подвига. Надо полагать, что во мне сказывается славная кровь Листницких, тех, которые, начиная с Отечественной войны, влетали лавры в венок русского оружия. Еду на фронт. Прошу вашего благословения. На той неделе я видел императора перед отъездом в ставку. Я обожествляю этого человека. Я стоял во внутреннем карауле во дворце. Он шел с Родзянко и, проходя мимо меня, улыбнулся, указывая на меня глазами, сказал по-английски: «Вот моя славная гвардия. Ею в свое время я побью карту Вильгельма». Я обожаю его, как институтка. Мне не стыдно признаться вам в этом, даже несмотря на то, что мне перевалило за 28. Меня глубоко волнуют те дворцовые сплетни, которые паутиной кутают светлое имя монарха. Я им не верю и не могу верить. На днях я едва не застрелил есаула Громова за то, что он в моем присутствии осмелился непочтительно отозваться об ее императорском величестве. Это гнусно, и я ему сказал, что только люди, в жилах которых течет холопская кровь, могут унизиться до грязной сплетни. Этот инцидент произошел в присутствии нескольких офицеров. Меня охватил пароксизм бешенства, я вытащил револьвер и хотел потратить одну пулю на хама, но меня обезоружили това-

рищи. С каждым днем мне все тяжелее было пребывать в этой клоаке. В гвардейских полках – в офицерстве, в частности, – нет того подлинного патриотизма, страшно сказать – нет даже любви к династии. Это не дворянство, а сброд. Этим, в сущности, объясняется мой разрыв с полком. Я не могу общаться с людьми, которых не уважаю. Ну, кажется, все. Простите за некоторую несвязность, спешу, надо увязать чемодан и ехать к коменданту. Будьте здоровы, папа. Из армии пришло подробное письмо.

Ваш Евгений” [т. 1, ч. 3, гл. XIV].

Разумеется, ничего хорошего о гвардии сказать нельзя. Рассмотрим ряд деталей, на основании письма Листницкого к отцу.

Во-первых, почему “перевалив за 28” Листницкий остается сотником? Чин сотника присваивался через 4 года после хорунжего, еще через 4 года присваивался чин подьесаула. Была, правда, небольшая разница в производстве в армии – с одной стороны и в гвардии – с другой. После окончания училища по 1 разряду (а только таких брали в гвардию) старшинство в чине выглядело, например, так:

Абрамов, из портупей-юнкеров НКУ произведен в хорунжие 15 июня 1908 г. со старш. с 14 июня 1907 г. с зачислением в полк № 8.

Альбаков, из юнкеров НКУ произведен в хорунжие 24 марта 1906 г. со старш. с 22 апреля 1905 г. с зачислением в полк № 10.

Афонин, из портупей-юнкеров НКУ произведен в хорунжие 10 августа 1902 г. со старш. с 13 августа 1901 г. с зачислением в полк № 8. [Выс. приказы].

Если бы эти же люди зачислялись в гвардию, то старшинство у них было бы с момента производства, то есть на год позже: с 15 июня 1908 г., с 24 марта 1906 г. и с 10 августа 1902 г., соответственно. Приведем примеры зачисления в гвардию:

Андрянов, из портупей-юнкеров НКУ был произведен в хорунжие 6 августа 1911 г. с зачислением в Л.-Гв. Атаманский полк.

Балабин, из портупей-юнкеров НКУ произведен в хорунжие 9 августа 1900 г. с зачислением в Л.-Гв. Казачий полк.

Балабин, из юнкеров НКУ произведен в хорунжие 22 апреля 1905 г. с зачислением в Л.-Гв. Казачий полк. [Выс. приказы].

Таким образом, последующие чины (сотника, подьесаула) в гвардии давались на год позже. Это было одной из причин, почему гвардейские чины имели больший вес, чем армейские (см. таблицу) и в дальнейшем, при службе в гвардии, один из чинов пропускнулся (после есаула следовал полковник). Но даже и для гвардии чин сотника для 28-ми-летнего неестественен. Рассмотрим примеры:

Греков Андрей Святославович, р. 31 января 1883 г., окончил ДИАЗКК и НКУ по 1 разряду; юнкером с 31 августа 1901 г.; произведен в хорунжие 10 августа 1903 г. с зачислением в Л.-Гв. Атаманский полк; сотником с 6 декабря 1907 г. со старш. с 10 августа 1907 г.; подьесаулом с 6 декабря 1911 г. со старш. с 10 августа 1911 г. [РГВИА, ф. 3611, оп. 1, д. 880, из ПС за 1912 г.].

За отличие в делах награжден: С-2 М – 21 июля 1915 г. [Выс. приказы].

Греков Григорий Святославович, р. 21 сентября 1886 г., окончил ДИАЗКК и НКУ по 1 разряду. Юнкером с 30 августа 1905 г.; произведен в хорунжие 14 июня 1907 г. с зачислением в Л.-Гв. Атаманский полк; сотником с 6 декабря 1911 г. со старш. с 14 июня 1911 г. [РГВИА, ф. 3611, оп. 1, д. 880, из ПС за 1912 г.].

За отличие в делах награжден: С-2 М – 22 мая 1915 г., А-4 – 20 июня 1915 г., А-3 МБ – 28 июля 1915 г.; подьесаулом с 30 июля 1915 г. со старш. с 14 июня 1915 г. [Выс. приказы].

Оба брата (Андрей и Григорий) Грековы получают чин подьесаула в 28 лет. И если бы после этого они перешли в армейские полки, то, естественно, есаулами, поскольку подьесаул в гвардии – VIII класс и, кстати, Ваше Высокоблагородие (см. таблицу). Если же не дожидаться чина подьесаула (может быть Листницкому не хватало несколько месяцев), что, кстати, очень глупо, то все-равно перевод в армию осуществляется с повышением в чине (из сотников гвардии – в подьесаулы армии). Перевод же 28-ми-летнего сотника гвардии в сотники армии – полная ахинея.

Теперь о причине перевода – нежелание находиться в тлетворной обстановке парадов, благородное желание воевать. А чем занимался Л.-Гв. Атаманский полк (и, кстати, Л.-Гв. Казачий) ? Оба полка на фронте, практически с первых дней войны. Те же Андрей и Григорий Грековы награждаются боевыми наградами, начиная с июля и мая 1915 г., соответственно.

Следует заметить, что обычно награждения следовали спустя полгода после отличий. В связи с этим стоит обратить внимание на даты награждения Виссариона Андриянова - 15 марта и, тем более, Петра Грекова – 28 января.

Андриянов Виссарион, хорунжий Л.-Гв. Атаманского полка, за отличие в делах награжден только в 1915 г. – 4 раза; первая награда С-3 МБ вручена 15 марта.

Греков Петр, есаул Л.-Гв. Атаманского полка; за отличие в делах награжден А-2 М – 28 января 1915 г. [Выс. приказы].

Попутно нужно отметить, что, опять же, судя по награждениям, Л.-Гв. Казачий полк стал воевать никак не позже, а, возможно, и раньше:

Андриянов Валентин, сотник Л.-Гв. Казачьего полка; за отличие в делах награжден А-4 – 16 февраля 1915 г.

Балабин Евгений, есаул Л.-Гв. Казачьего полка; за отличие в делах награжден В-4 МБ – 7 марта 1915 г. [Выс. приказы].

Еще о “неуставных” отношениях

“На Григория, да и на всех молодых казаков, тяжкое впечатление произвел случай, происшедший на третий день после приезда в имение. Учились в конном строю; лошадь Прохора Зыкова, парня с телячье-ласковыми глазами, которому часто снились сны о далекой, манчившей его станице, норовистая и взгальная, при поездке лягнула вахмистерского коня. Удар был не силен и слегка лишь просек кожу на стегне левой ноги. Вахмистр наотмашь хлестнул Прохора плетью по лицу, наезжая на него конем, крикнул: «Ты чего глядишь ?.. Чего глядишь ? Я тебе, с-с-сукиному сыну ! Ты у меня продневалишь суток трое...»

Сотенный командир, что-то приказывавший взводному офицеру, видел эту сценку и отвернулся, теребя темляк шашки сучающе и длинно зевая. Прохор рукавом шинели вытер со вздувшейся щеки полосу проступившей крови, задрожал губами.

Выравнивая в строю лошадь, Григорий глядел на офицеров, но те разговаривали, словно ничего не случилось. Суток пять спустя Григорий на водопое уронил в колодец цибарку, вахмистр налетел на него коршуном, занес руку.

- Не трожь !.. – глухо кинул Григорий, глядя в рябившую под срубом воду.
- Что ? Лезь, гад, вынимай ! Морду искровеню !..
- Выну, а ты не трожь ! – не поднимая головы, медленно растягивал слова Григорий.

Если б у колодца были казаки – по-иному обошлось бы дело: вахмистр, несомненно, избил бы Григория, но коноводы были у ограды и не могли слышать разговора. Вахмистр, подступая к Григорию, оглядывался на них, хрипел, выкатывая хищные, обесмысленные гневом глаза.

- Ты мне что ? Ты как гутаришь с начальством ?
- Ты, Семен Егоров, не насыпайся ! - Грозишь ? ... Да я тебя в мокрое !..
- Вот что, - Григорий оторвал от сруба голову, - ежели когда ты вдарить меня – все одно убью ! Понял ?

Вахмистр изумленно зевал квадратным сазаньим ртом, не находил ответа. Момент для расправы был упущен. Посеревшее, известкового цвета лицо Григория не сулило ничего доброго, и вахмистр растерялся. Он пошел от колодца, оскользаясь по грязи, взмешанной у желоба, по которому сливали воду в долбленные корыта, и, уже отойдя, сказал, обернувшись, размахивая кулаком, как кувалдой:

- Сотенному доложу ! Вот я сотенному отралпортую !

Но сотенному почему-то так и не сказал, а на Григория недели две гнал гонку, придирался к каждой пустяковине, вне очереди посылал в караулы и избегал встречаться глазами." [т. 1, ч. 3, гл. II].

Обычная картина Русской армии, многократно тиражируемая в Советское время. Вахмистры, заискивающие перед офицерами и устраивающие расправы над подчиненными. Но в душе они, разумеется, трусливы и стоит лишь проявить выдержку и мужество, как на такую мразь это незамедлительно подает.

Все интересно, множество забавных деталей, рассмотрим одну: казак говорит вахмистру – ежели когда ты вдарить меня – все равно убью !».

Дисциплина в Советской и нынешней Российской армиях, разумеется, не идет ни в какое сравнение с тем, что было в царской армии (примеч, следует иметь в виду, что описывается служба до начала 1-й Мировой войны). Но тем не менее, возможно ли, чтобы что-либо подобное современный молодой солдат, только что пришедший на службу, сказал старшине ? Он был бы наказан, да еще как (!!), чтобы другим неповадно было.

Наиболее “захватывающие” эпизоды романа

“На все имение, кроме старой жены управляющего, была одна женщина, на которую засматривалась вся сотня, не исключая и офицеров, - молоденькая, смазливая горничная управляющего – полька Франя. Она часто бегала из дома в кухню, где властвовал старый безбровый повар.

Сотня, разбитая на маршрутирующие взводы, со вздохами и подмигиваниями следила за шельстом серой Франиной юбки. Чувствуя на себе постоянные взгляды казаков и офицеров, Франя словно обмаслилась в потоках похоти, излучаемых тремястами глаз, и, вызывая подрагивая бедрами, рысила из дома в кухню, из кухни в дом, улыбаясь взводам поочередно, господам офицерам в отдельности. Ее внимания добивались все, но, по слухам, преуспевая лишь курчавый и густо волосатый сотник.

Уже перед войной случилось это. . . .” [т. 1, ч. 3, гл. II].

Далее следует живописная сцена изнасилования. Данная форма “взаимоотношений” во все времена котируется в качестве одного из наиболее серьезных

преступлений. Групповое изнасилование – это уже совсем другая статья Уголовного Кодекса, по которой преступники наказываются еще более сурово. Все это относится к случаям, когда женщину насилюют два – три человека. В данном же случае этим “мероприятием” занимается целый взвод (!!). Насилуют представителя другого вероисповедания (католичку).

Скрыть подобное происшествие просто невозможно: 1) ввиду такого большого числа участников; 2) Франя осталась жива; 3) к тому же, она является (по слухам) любовницей сотника.

Как бы на это прореагировала Польская общественность (с которой у Российской Империи всегда были проблемы) и католическая церковь?

Стоит напомнить, что достаточно регулярно в Польше происходили восстания (1792 г., 1794 г., 1831 г., 1863 – 1864 гг.), которые подавлялись со значительными трудностями.

Мало того, что все участники были бы наказаны, причем, очень жестоко, несомненно был бы поднят вопрос о невозможности в дальнейшем расквартирования Донских казачьих полков в Польше; и очень может быть, что Российской Империи (во избежании худшего) пришлось бы это требование выполнить.

* * *

“Григорий рвал вожжами губы рысаку и довел бег его до предельной резвости. Они за четверть часа перевалили через бугор. В первой же ложбинке Григорий соскочил с козел и выдернул из под сиденья кнут.

- Ты что?.. – Сотник нахмурился.

- А вот... что!

Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он бил кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом, обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, ударом в кисть парализовал его правую руку.

- За Аксинью ! За меня ! За Аксинью ! Ишо тебе за Аксинью ! За меня !

Кнут свистал. Мягко шлепали удары. Потом кулаками свалил на жесткий кочкарник дороги и катал по земле, бил зверски, окованными каблуками солдатских сапог. Обессилев, сел в пролетку, гикнул и, губя рысячи силы, перевел коня в намет. Пролетку бросил около ворот, комкая кнут, путаясь в полах распахнутой шинели, бежал в людскую." [т. 1, ч. 3, гл. XXIV].

Итак, знаменитая сцена порки Листницкого.

Перво-наперво, - а за что ? Григорий, помнится, увел жену у Степана. И когда она пробовала высказать претензии, достаточно аргументированно ставил ее на место:

"- Не знаешь чего ?.. Бьет каждый день !.. Кровь высасывает !.. И ты тоже хорош... Напаскудил, как кобель, и в сторону... Все вы... - Дрожащими пальцами застегивала кнопки и испуганно – не обиделся ли – глядела на отвернувшегося Григория.

- Виноватого ищешь ? – перекусывая травяную былку, протянул он.

Спокойный голос его обжег Аксинью.

- Аль ты не виноват ? – крикнула запальчиво.

- Сучка не захочет – кобель не вскочит.

Аксинья закрыла лицо ладонями. Крепким, рассчитанным ударом упала обида." [т. 1, ч. 1, гл. XVI].

Листницкий, в свою очередь, по добром у согласию, увел Аксинью:

"- Ктой-то ? – спросила Аксинья, натягивая на себя одеяло.

- Это я. - Я сейчас оденусь. - Ничего. Я на минутку.

Евгений, сбросив шинель, сел на край кровати.

- У тебя умерла дочушка...

- Умерла, - эхом откликнулась Аксинья.

- Ты очень изменилась. Еще бы, я понимаю, что значит потерять ребенка.

Но мне думается, что ты напрасно изводишь себя, к жизни ее не вернешь, а ты еще в достаточной степени молода, чтобы иметь детей. Не надо так ! Бери себя в руки, смирись... В конце концов, не все потеряно со смертью ребенка, у тебя еще – подумай ! – вся жизнь впереди.

Евгений, жвав руку Аксиньи, гладил ее с ласковой властностью, говорил, играя низкими нотками голоса. Он перешел на шепот и, слыша, как Аксинья вся сотрясается в заглушенном плаче и плач переходит в рыдание, стал целовать ее мокрые от слез щеки, глаза...

Ладко бабье сердце на жалость, на ласку. Отягощенная отчаянием Аксинья, не помня себя, отдалась ему со всей бурной, давно забытой страстностью.

...

На следующий день утром, оставшись в столовой наедине с Аксиньей, он подошел к ней, виновато улыбаясь, но она, прижавшись к стене, вытягивая руки, опалила его яростным шепотом: - Не подходи, проклятый !..

Свои неписанные законы диктует людям жизнь. Через три дня ночью Евгений вновь пришел в половину Аксиньи, и Аксинья его не оттолкнула." [ч. 3, гл. XXII].

Ну, никакого насилия не наблюдается. И даже никакого сопротивления Аксины, фактически, нет. Так почему сцена порки так смакуется и подается в качестве справедливого возмездия? Офицер – сволочь, по определению!

Теперь рассмотрим сам факт произошедшего. Ни в одной армии нижний чин поднять руку на офицера не может.

В XIX веке, если офицер Русской армии, подвергался избиению, то, помимо всего прочего, он был вынужден подавать в отставку.

Описывались случаи, вроде такого. Офицер выходил из присутственного места и подвергался нападению случайного человека (кто-то по ошибке пару раз огрел его). В результате другого выхода из сложившейся ситуации, кроме отставки, не предусматривалось, ибо офицера не может касаться ничья рука.

Вспоминаю, как, будучи студентом в 70-х годах, спрашивал об неуставных взаимоотношениях в Советской армии одного полковника. Помню, как он рассказывал о проблемах, возникавших в офицерской среде. Если два лейтенанта набили друг другу морду, то это еще ничего, можно дать обоим по гауптвахте и на том считать инцидент исчерпанным. Совсем другое дело, если подерутся два офицера с разными чинами (например: лейтенант со старшим лейтенантом). Выходить из этого положения начальству крайне сложно. Побьет старший лейтенант лейтенанта – превышение власти, наоборот – неподчинение начальству. И то и другое должно за собой влечь серьезные последствия.

Если же нижний чин поднимает руку на офицера, то во все времена это – подсудное дело, а во время войны – трибунал. Кстати, в фильме «Сибирский цирюльник», показано, как юнкер попадает на каторгу в результате того, что он поднял руку на офицера.

В газете «Станица» [№ 2 (40), август 2003 г., с. 24] опубликована статья Ю. Курелина (г. Екатеринбург) о Георгиевских кавалерах. Там, в частности, говорится об одном из Донских казаков:

“Дерзкими разведками прославился и младший урядник Василий Курносос. С началом войны на передовой он принимал участие во многих боях и “поисках”. За мужество, проявленное при “обнаружении скрытых неприятельских батарей, наносивших существенный вред нашим войскам”, он по праву получил все четыре Георгиевских креста. Но 30 сентября 1915 г. в местечке Новочелицы казак в пьяном виде был задержан корпусным комендантом, вступил с ним в спор, а затем нанес удар шашкой. Военно-полевой суд приговорил Курнососа к расстрелу и лишению наград...”

Итак, после такого деяния Григорию следовало скрыться, скажем, за Уральский хребет, да и то – это только, как говорится, для начала.

Автор же отправляет его в ближайший хутор (к родителям) (!), а в дальнейшем он спокойно следует в свой полк (!!!).

* * *

Полагаю, что все вышесказанное даже и нет особой необходимости комментировать. Автор не имеет ни малейшего представления о Русской армии и все те люди, которые его консультировали по вопросам данной темы, кстати, тоже.

Букет совершенно диких событий, которые нелепы каждое в отдельности, а в сочетаниях это представляет из себя откровенный гротеск.

Но главное, перед нами описание, имеющее откровенную цель опорочить казачество и, в первую очередь, офицеров войска Донского.

Предложенная схема описания Русской армии в дальнейшем многократно используется другими Советскими писателями. Вероятно, именно в этом и состояла одна из заслуг М.А. Шолохова перед Советской властью.

Удивительно, что многочисленные критики и недоброжелатели М.А. Шолохова эту часть его деятельности никоим образом не замечают.

Карьера Григория

Служба начиналась 1 января, если к тому времени казаку исполнилось полные 19 лет. Григорий начал службу в январе 1914 г., т.е. только за полгода до начала войны.

К концу 1917 г. (началу 1918 г.) ему всего 23 года. За 4 года службы: 7 раз (!!!) повышен в чине – из казаков в: приказные, младшие урядники, старшие урядники, вахмистры, подхорунжие, прапорщики, хорунжие (проходя нижние чины, что-то, правда, можно пропустить). Да еще 8 раз поощрен наградами: 4 креста и 4 медали. Разве это реально ?

Разумеется, производство в военное время существенно быстрее, чем в мирное. Приведем несколько примеров наиболее впечатляющих карьер. Все данные взяты из Высочайших приказов.

Максимов Федор, из юнкеров НКЮ произведен в хорунжие 6 августа 1912 г. со старш. с 6 августа 1911 г. с зачислением в полк № 16. Хорунжий полка № 16; за отличие в делах награжден: А-4 и С-3 МБ – оба 2 января 1915 г., А-3 МБ – 25 февраля 1915 г. Произведен в сотники 11 сентября 1915 г. со старш. с 6 августа 1915 г. За отличие в делах награжден: В-4 МБ – 6 ноября 1915 г., С-2 М – 27 декабря 1915 г. Сотник полка № 16; награжден Георгиевским оружием *“за то, что, будучи в чине хорунжего, при ночной атаке 11 сентября 1915 г. укрепленной деревни Железница, скрытно подвел два пулемета, которыми командовал, на расстояние 50 шагов от неприятельских окопов и открыл губительный огонь во фланг противника, чем оказал громадную помощь казачьему полку, атаковавшему эту деревню”* – 3 января 1917 г. Произведен в подьесаулы 29 сентября 1917 г. со старш. с 6 августа 1916 г.

Мангатов Борис, сотник; произведен в подьесаулы 15 апреля 1901 г. и есаулы 15 апреля 1908 г. со старш. с 9 декабря 1904 г. Есаул расформированного полка №34; награжден С-3 –13 июля 1908 г. Есаул полка № 8; награжден А-3 –6 мая 1912 г. Есаул полка № 25; за отличие в делах награжден: В-4 МБ и С-2 М – оба 3 февраля 1915 г., чином войскового старшины 20 мая 1915 г. со старш.с 16 февраля 1915 г. Награжден Георгиевским оружием *“за то, что в бою 4 июля 1915 г. у ф. Мосабе и ф. Шархали, командуя частями лавы 2-й и 4-й сотен во главе своей 2-й сотни, пренебрегая личной опасностью, под сильным ружейным огнем, одним из первых ворвался на фольварк, увлек примером личной храбрости за собой всю свою сотню, чем способствовал дальнейшему продвижению конных частей. Подвиг этот дал возможность завершить атаку полным истреблением противника, захватить трофеи и пленных. После этой атаки соседний стрелковый полк перешел в наступление без единого выстрела”* – 4 июля 1916 г. Произведен в полковники 7 июля 1916 г. со старш. с 26 ноября 1915 г. Назначен командиром полка № 25 – 12 июля 1917 г.

Матвеев Борис, из портупей-юнкеров НКУ произведен в хорунжие 22 апреля 1905 г. с зачислением в Л.-Гв. Атаманский полк. Произведен в сотники 6 декабря 1909 г. со старш. с 22 апреля 1909 г. и подьесаулы 14 апреля 1913 г. Подьесаул Л.-Гв. Атаманского полка, за отличие в делах награжден: В-4 МБ – 18 мая 1915 г., А-3 МБ – 23 июня 1915 г., Георгиевским оружием *“за то, что в ночь с 14 на 15 ноября*

1914 г., будучи выслан на разведку противника с полусотней казаков и получив на рассвете от высланного вперед своего развезда донесение о том, что к д. Сапа двигается немецкий эскадрон, устроил ему в лесу засаду и, подпустив неприятеля на 300 шагов, стремительно бросился на него в атаку, доведя свою полусотню до удара холодным оружием, и стремительным ударом обратил противника в беспорядочное бегство; преследуя его, затем, на расстоянии 1½ версты, очистил, т.о., дорожку до Белявы для наступления нашей пехоты” – 7 ноября 1915 г., МБ к С-3 – 9 августа 1916 г. Подъесаул Л.-Гв. Атаманского полка; произведен в есаулы 13 января 1917 г. со старш. с 17 августа 1916 г. и полковники – 7 октября 1917 г.

Миненков Борис, из портупей-юнкеров НКУ произведен в хорунжие 14 июня 1907 г. со старш. с 24 марта 1906 г. с зачислением в полк № 8. Хорунжий; сотником с 5 октября 1910 г. со старш. с 24 марта 1910 г. Сотник полка № 8; подъесаулом с 5 октября 1914 г. со старш. с 24 марта 1914 г. Подъесаул полка № 8; за отличие в делах награжден: А-3 МБ –25 августа 1915 г., С-3 МБ –23 марта 1916 г., А-4 –19 мая 1916 г, Г-4 – “за то, что 12 октября 1915 г., во главе спешенной сотни в составе 44-х казаков, несмотря на действительный ружейных, пулеметный и артиллерийский огонь противника, атаковал в рукопашную немецкие окопы у д. Цыбульки, захватил два действовавших пулемета и обратил в бегство не менее одной роты немцев” – 18 сентября 1916 г., С-2 М – 16 января 1917 г. Произведен в есаулы 23 февраля 1917 г. со старш. с 20 ноября 1916 г.

Мионов Филипп, хорунжий; произведен в сотники 15 апреля 1904 г. со старш. с 7 августа 1903 г. Участник Русско – Японской войны 1804 – 1805 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах награжден: В-4 МБ – 21 января 1906 г., А-4 и С-3 МБ – оба 27 марта 1906 г., А-3 МБ – 28 апреля 1906 г., чином подъесаула – 29 апреля 1906 г. со старш. с 13 января 1905 г. Состоял в полку № 13 по 30 марта 1908 г.

Подъесаул полка № 30; за отличие в делах произведен в: есаулы 28 февраля 1915 г. со старш. с 22 ноября 1914 г. и войсковые старшины 22 января 1916 г. со старш. с 13 сентября 1915 г. Переведен в полк № 32 – 18 августа 1916 г. За отличие в делах награжден: С-2 М – 26 сентября 1916 г., Георгиевским оружием “за то, что, будучи в чине подъесаула и состоя в рядах полка № 30, с 6 по 12 ноября 1915 г. командуя разведывательной сотней в районе Бортфельд – Змигрод, с боя добыл важные сведения о расположении и движении противника, чем оказал незаменимое содействие успеху наших войск” – 24 января 1917 г., А-2 М – 17 марта 1917 г. Ему 19 сентября 1917 г. установлено старшинство в чине с 13 сентября 1913 г.

* * *

Итак, выбраны 5 наиболее впечатляющих карьер офицеров на букву «М». Все Георгиевские кавалеры, т. е., по любимым меркам, герои, прославившие Дон. И каждый сумел сменить за время войны только по два офицерских чина.

Вероятно, если уж очень тщательно покопаться, то можно будет найти сменившего чин трижды, но этот вариант должен рассматриваться не как редкий, а – редчайший.

Вероятно, нижние чины могли повышаться несколько скорее (но не на много). В первом офицерском чине (прапорщика) служивый пребывал также недолго, поскольку, по традиции, он считался чем-то промежуточным и неестественным для казачьих частей. И даже не смотря на это, повышение в чине 6 раз – это уж слишком. К этому следует добавить два факта.

Первый. Это молодой человек, практически, не имеющий опыта службы (призван в начале 1914 г.).

Второе. Это откровенный хам, находящийся в постоянной конфронтации с начальством. А) В начале службы [т. 1, ч. 3, гл. II] пообещал важмистру, что убьет его в том случае, если тот хоть пальцем его тронет. Б) Пошел против всего взвода, не приняв участие в "групповых развлеченьях" с Франей [т. 1, ч. 3, гл. II]. В) В госпитале нахамил особе императорской фамилии [т. 1, ч. 3, гл. XXII]. Г) Заработал "вышку", зверски избив (в военное время) офицера [т. 1, ч. 3, гл. XXIV].

Как бы не была привлекательна, с точки зрения получения чинов, 1 Мировая война, период Гражданской войны (2 с половиной года), в этом плане, выглядит еще лучше. Офицерам удавалось проходить и 3 и 4 чина. Григорий кончил воевать в Белой армии на полгода раньше других (в Новороссийске). Т.е., вместо 2,5 лет служил только 2.

За этот период был повышен только один раз (получил чин сотника). Это при том, что в период Верхне-Донского восстания командовал дивизией. После объединения восставших с Донской армией логичнее и правдоподобнее выглядело бы более существенное повышение. Тем более, что Войсковой Штаб ВВД издавал приказы, включавшие в себя несколько повышений:

Мордвицев Григорий Андреевич; хорунжий 18 Донского Георгиевского КП; произведен в сотники с 18 июля 1917 г., подьесаулы с 20 августа 1918 г., есаулы с 1 февраля 1920 г. приказами Войскового Штаба ВВД (соответственно) № 161 от 7 октября 1921 г., № 162 от 8 октября 1921 г., № 163 от 9 октября 1921 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 43 об.].

Т.е., такой документ следует трактовать так: сотником с 7 октября 1921 г. со старш.с 18 июля 1917 г.; подьесаулом с 8 октября 1921 г. со старш.с 20 августа 1918г; есаулом с 9 октября 1921 г. со старш. с 1 февраля 1920 г.

Это еще раз говорит в важности старшинства. Рассматривать одну дату производства нет никакого смысла. Только две в сочетании. А уж если выбирать одну дату, то важнее старшинство.

Григорий Андреевич ходил с погонами хорунжего(долго и нудно). Потом только по одному дню носил погоны сотника и подьесаула (если, конечно успевал их менять). И затем уже надел погоны есаула, через два дня после того, как снял погоны хорунжего.

Ситуацию, сложившуюся после взятия Новороссийска красными, любезно прояснил С.В. Волков.

Большинство штаб-офицеров, захваченных в плен красными, оказалась в лагерях. Ober-офицеры (их участь интересна прежде всего), опять же, в основе своей, прошла через фильтрационный лагерь в Ростове-на-Дону. Часть была расстреляна, часть – поставлена на учет. Для Григория, как бывшего командира дивизии, наиболее вероятным был бы первый вариант.

Т.о., несмотря на то, что в Польшу были брошены значительные казачьи соединения, захваченные в Новороссийске, отправка туда Григория маловероятна.

Если даже и допустить такой вариант развития событий, то следует учесть, что на Польском фронте многие части (взятые в плен в Новороссийске) целиком переходили на сторону поляков, в результате чего была создана, так называемая, 3-я Русская армия.

Общие положения

«1-я Мировая война». Именно под таким названием она известна советскому читателю. Было еще одно название – «2-я Отечественная война», но по понятным

причинам в советское время оно не использовалось. И, наконец, третье – «Неизвестная война». Действительно, что мы о ней знаем?

Учили нас только одному – это предтеча революции. Никакого желания изучать военные операции, стратегию и тактику, а также подвиги царской армии у правящей партии не наблюдалось. Полностью соответствует данной "генеральной линии" и описание войны в романе. Собственно, описание 1-й Мировой войны, как таковой, нет. Сделана попытка представить первые месяцы войны, причем, достаточно своеобразная (см. выше). Затем вместе с раненым Григорием автор покидает театр военных действий. Следующее появление на фронте (начало книги № 2) – октябрь 1916 г. Всего – ничего остается до февральской революции. Практически выброшено два года напряженных боев, отмеченных многочисленными примерами героизма.

Полагаю, что М.А. Шолохов – один из первых писателей, выполнивших "партийную установку" о том, как надо описывать 1 Мировую войну, в целом. И в этом плане он также служил "образцом для подражания" другим советским писателям.

Практически ничего не говорится о героизме донских казаков. Сделан небольшой экскурс по событиям, за которые Григорий получил свои кресты. И только.

Поведение офицеров, в этом плане вообще не рассматривается. Офицеры, издеваются над казаками, играют в карты, ведут бессмысленные разговоры, в некоторых случаях, очевидно, трусоваты:

"... Мимо него вдоль цепи прошли двое офицеров; они, сдерживая голоса, разговаривали. Сочный, спелый баритон командира роты жаловался:

- У меня открылась давнишняя рана. Черт бы брал этот пенек! Понимаете, Иван Иванович, в этой темноте я набрел на пень и ударился ногой. В результате – рана открылась, и я не могу идти, придется вернуться. – Баритон ротного на минуту умолк и, отдаляясь, зазвучал еще тише: – Вы возьмите на себя командование первой полуротой. Богданов возьмет вторую, а я того... честное слово, не могу. Я вынужден вернуться.

В ответ хрипло залаял тенорок прапорщика Беликова:

- Удивительно! Как только в бой, так у вас открываются старые раны." [кн. 2, ч. 4, гл. III].

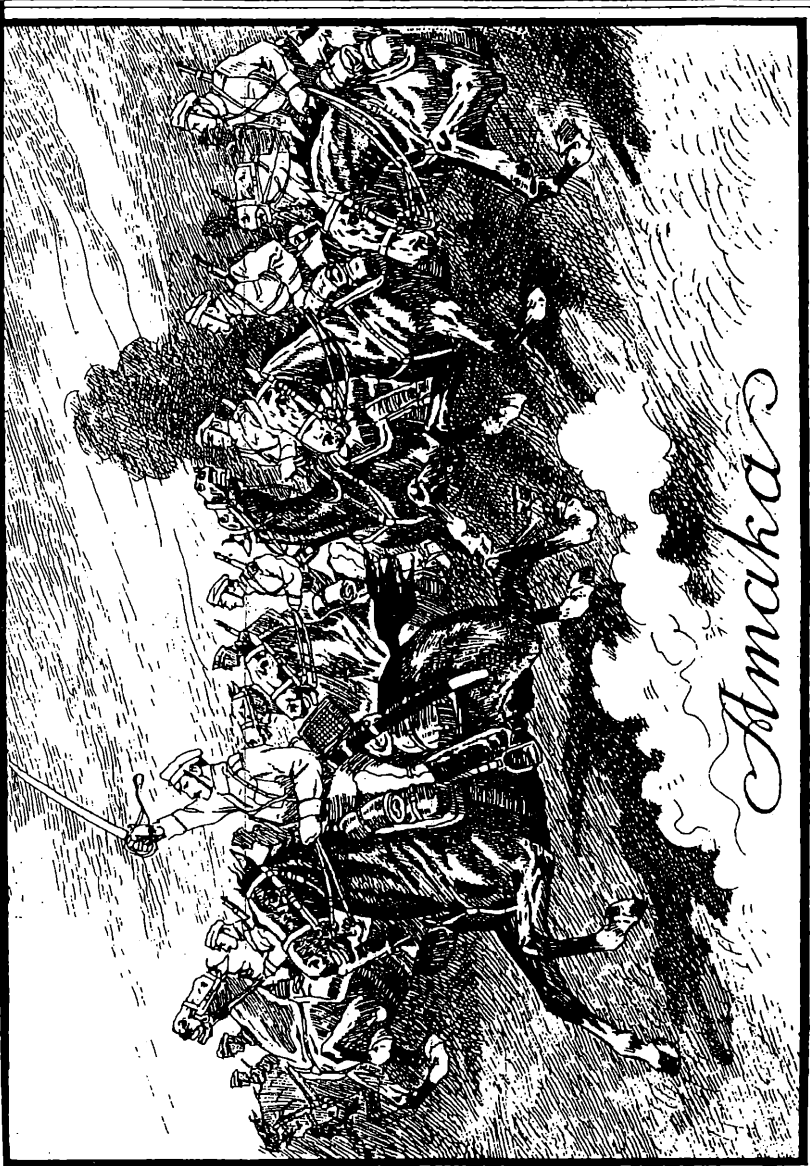
В начале войны офицерский корпус Русской армии понес очень большие потери. В первую очередь это было связано с чрезмерной (по мнению властей) бравадой.

Донские офицеры были многократно отмечены за проявленный героизм – более двухсот только Георгиевских наград.

Достаточно часто подвиг совершался ценой собственной жизни:

Антонов Михаил, есаул полка № 32, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. "за то что в бою 22 августа 1914 г. в районе д. Бялки, когда во время упорного пехотного боя раздался крики «кавалерия, вперед», со своей сотней бросился впереди наступавших частей нашей пехоты, стремительно атаковал австрийские окопы и заставил не менее роты положить оружие. Затем, не взирая на сильнейший ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, атаковал батарею и ее прикрытие, где и погиб смертью героя" – 26 августа 1916 г. [Выс. приказы].

Апанасов Матвей, подъесаул полка № 13, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. "за то что в бою 29 апреля 1915 г. у д. Онут, командуя 1-ю сотней, атаковал в конном строю под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем 2 спешенных эскадрона венгерских гусар с пулеметами, выбил их из окопов, взял в плен 50 человек, а остальных обратил в бегство; при преследова-

Amaka

нии бежавших был смертельно ранен и смертью своей запечатлел содеянный им подвиг? – 30 декабря 1915 г. [Выс. приказы].

Болдырев Александр, сотник батареи № 8, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. *“за то что в боях у д. Мецины с 4 по 7 марта 1915 г., командуя батареями и находясь на передовом наблюдательном пункте под убойственным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, с непоколебимым мужеством, отбивал с громадными потерями неоднократные яростные атаки противника на наши слабо занятые позиции. Своим искусным ведением огня привлек на себя огонь трех неприятельских батарей, не позволяя им действовать против нашей пехоты и казаков. В бою 7 марта доблестно исполняя свой долг, запечатлел свой подвиг смертью храбрых”* – 26 августа 1916 г. [Выс. приказы].

Боткин Дмитрий, хорунжий Л.-Гв. Казачьего полка, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. *“за то что 3 декабря 1914 г., находясь в разъезде близ фольварка Ясинец, попал под сильный перекрестный огонь, прикавав казакам рассыпаться и уйти назад, и оставшись затем один был ранен и упал с лошади, после чего он был окружен германской пехотой и, отказавшись сдаться, отстреливался из револьвера и, убив германского офицера, пал геройской смертью”* – 29 декабря 1914 г. [Выс. приказы].

Дадешкелиани (князь) Александр, хорунжий полка № 25, награжден Георгиевским оружием *“за то что 1 октября 1915 г. в бою под с. Янулишками западнее озера Деммен, во главе смешенной сотни, наступая под сильным действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем германцев, взял два ряда передовых окопов, выбыл из них немцев и, увлекая личным примером храбрости своих нижних чинов, повел свою цепь к третьей линии окопов, где пал, смертельно раненый двумя ружейными пулями, и при выносе из окопа был убит вместе с выносившими его казаками”* – 4 июля 1916 г. [Выс. приказы].

Захаров Григорий, есаул полка № 10, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. *“за храбрость и мужество, проявленные им в бою с австрийцами 27 апреля 1915 г. у д. Ржавенцы, где во главе своей сотни в пешем строю выбыл противника из окопов и, преследуя бегущего противника, с 7-ю казаками своей сотни атаковал неприятельскую действующую батарею (3 орудия и 6 зарядных ящиков), порубил прислугу и взял в плен 13 человек, причем сам был убит”* – 30 декабря 1915 г. [Выс. приказы].

Иванков Иван, есаул полка № 53, награжден Георгиевским оружием *“за то, что в бою с австрийцами 8 июля 1915 г., командуя тремя сотнями, в пешем строю, несмотря на сильнейший ружейный и артиллерийский огонь и полученную рану, атаковал противника и проявил необыкновенное мужество, увлек за собой нижних чинов сотен и выбыл противника из леса Звержинце. Наступая по собственной инициативе дальше на высоту, занятую неприятелем, был убит вблизи окопов противника; сотни удержались на занятой позиции”* – 10 декабря 1915 г. [Выс. приказы].

Кожанов Александр, войсковой старшина полка № 30, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. *“за то что будучи в чине есаула, действуя в составе конного дивизиона у высоты Пьетра-Роши севернее дер. Сатул-Нюу, 6 декабря 1916 г. командуя сотней, вынесся вперед, атаковал во главе ее в конном строю нерасстроенную болгарскую пехоту. Когда под ним был убит конь, взял винтовку и с криком «ура, станичники, за мной» вскочил первым в окоп противника, где пал, сраженный двумя пулями, запечатлев геройский подвиг своей смертью”* – 7 июля 1917 г. [Выс. приказы].

Лаврухин Степан, прапорщик полка № 9, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. *“за то что в бою 6 октября 1916 г. у д. Лакарти-Пари, командуя полусотней 6-й сотни названного полка, после атаки брониро-*

ванных автомобилей, под сильным неприятельским обстрелом, первым, увлекая за собой казаков, бросился в атаку, достигнув проволочных заграждений, лично разрубая шашкою, после прорыва их первым вскочил в неприятельские окопы, где и был убит, смертью своей запечатлев содеянный подвиг” – 25 марта 1917 г. [Выс. приказы].

Номиковос Павел, сотник полка № 35, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что при атаке 6 ноября 1914 г. полковой лавой немецких окопов и колонн у д. Новосольна, бросившись вперед со взводом с пикой в руке, первым врезался в неприятельскую колонну, произвел панику и расстроил колонну, обратил врага в бегство, но налетев на окопы, был ранен несколькими пулями и умер на поле брани” – 11 марта 1915 г. [Выс. приказы].

Попов Михаил, хорунжий полка № 15, награжден Георгиевским оружием “за то, что в бою 28 ноября 1916 г. у д. Фальга в Румынии, временно командуя 6-й сотнею названного полка, когда немцы в превосходных силах прорвали фронт румын и пытались зайти в тыл, получив приказание, в конном строю, лавою, бросился во главе сотни в атаку; встреченный сильнейшим ружейным и пулеметным огнем противника, когда сотня, понеся большие потери, пришла в замешательство и отошла, подавая пример неустрашимости, приведя сотню в порядок, вновь бросился во главе ее в атаку, прорвал фронт немцев, вследствие чего немцы смешались и обратились в бегство, сам же, сраженный пулей в упор, пал смертью героя” – 23 июня 1917 г. [Выс. приказы].

Попов Сергей, сотник полка № 30, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что будучи в чине хорунжего, в ночь с 25 на 26 августа 1916 г., вызвавшись охотником выяснить, занят ли по-прежнему неприятельский берег Дуны против участка полка на протяжении мыза Фельзенштейн – мыза Краунштейн немцами, а не австрийцами, переправился на лодке, во главе партии разведчиков, на неприятельский берег и атаковал заставу противника. Результатом разведки, с боя, было выяснено, что левый берег по-прежнему сильно занят немцами, что особенно важно было выяснить для высшего командования. Во время этой атаки сотник Попов был убит ручной гранатой, запечатлев свой героический подвиг смертью” – 11 апреля 1917 г. [Выс. приказы].

Пушкарев Иван, сотник полка № 16, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что в бою 11 декабря 1914 г. при д. Ветржино во главе 1-й сотни атаковал в конном строю неприятельские окопы, ворвался в них и увлекая за собой сотню вдоль окопа пал сраженный пулей” – 24 апреля 1915 г. [Выс. приказы].

Пушкарев Константин, подъесаул полка № 40, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что в бою у д.д. Скриптели и Даргужи, 20 июля 1915 г., командуя сотней, упорным боем задержал наступление значительных сил противника и тем дал возможность устроиться сотням полка, расположенным перед этим в большом районе, и выручил их от грозившей опасности, и при этом сам был убит” – 19 февраля 1917 г. [Выс. приказы].

Туроверов Николай, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что в бою 21 апреля 1915 г. у д.д. Жабно-Недолице, получив приказание атаковать противника, в пешем строю повел свою сотню в атаку, идя впереди ее под ураганным огнем, подавая пример мужества; раненый в руку, превозмогая боль, с 200 шагов, крикнув «ура», бросился вперед и, увлекая сотню, первым вскочил на неприятельский окоп, где и был убит ручной бомбой. Окоп остался за нами и геройская смерть есаула Туроверова увенчала его подвиг” – 26 августа 1916 г. [Выс. приказы].

Фолимонов Александр, хорунжий полка № 31, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что 22 июня 1916 г. у д. Бертники со

взводом сотни заметил сильную заставу противника в лесу, угрожающую продвижению сотни. Увлекая личным примером свой взвод, атаковал засаду, часть ее изрубил. А остальных рассеял, но сраженный пулей пал смертью храбрых” – 26 января 1917 г. [Выс. приказы].

Фролов Александр, есаул полка № 54, награжден Георгиевским оружием “за то, что в бою 31 июля 1915 г. у д. Жеймы и 10 августа у д. Леди, командуя 3-мя спешенными сотнями, несмотря на сильный перекрестный огонь противника, удерживал позицию, отбив все атаки немцев, при этом сам был смертельно ранен” – 17 ноября 1916 г. [Выс. приказы].

Хохлачев Михаил, хорунжий полка № 31, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что 22 июня 1916 г. во время боя в районе д. Бертники (Галиция) с веренным ему взводом казаков, оценив критическую минуту боя, по личному почину и во главе взвода, бросился в атаку в конном строю на роту австрийцев, часть ее изрубил, часть взял в плен, обратив остальных в паническое бегство. Лихой атакой этой оказал решительное влияние на успех боя 22 июня. Во время атаки хорунжий Хохлачев пал смертью героя” – 26 января 1917 г. [Выс. приказы].

Шамшев Николай, сотник Л.-Гв Атаманского полка, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то, что 8 сентября 1915 г. в бою у д. Лопец, бросился во главе своей спешенной сотни в атаку, под убийственным огнем противника, личным примером увлекая за собой казаков, ворвался первым в неприятельский окоп и стрельбой из револьвера поражал немцев. Будучи ранен двумя пулями в правую руку, передав револьвер в левую, продолжал стрелять и тут был убит, смертью запечатлев свой подвиг” – 18 июля 1916 г. [Выс. приказы].

Щучкин Павел, хорунжий полка № 51, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что в бою в ночь с 16-го на 17-е января 1915 г. у д. Тулкенинкен, по приказанию начальника, со взводом казаков, дабы выручить отряд, коему пехотные цепи противника угрожали во фланг, смелою атакой в конном строю бросился вперед и, обратив в бегство противника, сам пал смертью героя” – 10 июня 1915 г. [Выс. приказы].

Юдин Яков, хорунжий полка № 17, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. “за то что в бою 6 августа 1916 г. у д. Рудка-Червице во время конной атаки первым вскочил в неприятельский окоп. Будучи ранен в грудь, не оставил строя, продолжая наступление, когда вторично был ранен в ногу. Невзирая на двойное ранение, не оставил свою часть, пока не пал смертельно раненый со словами «казаки, вперед», и тут же скончался, смертью своей запечатлев содеянный подвиг” – 15 марта 1917 г. [Выс. приказы].

Якушев Степан, подъесаул полка № 14, награжден Георгиевским оружием “за то, что 3 июля 1915 г. в бою у дер. Калачково, командуя сотней под убийственным огнем противника в конном строю атаковал неприятельскую пехоту, врुбился в неприятельские цепи, пройдя три ряда немецких полевых окопов, чем во многом способствовал общему успеху конной атаки дивизии. Во время этой атаки подъесаул Якушев был убит” – 12 января 1917 г. [Выс. приказы].

Помимо этого множество подвигов, когда офицеры, будучи ранеными, не покидали позиции и доводили поставленную задачу до конца.

Кстати, помимо Высочайших приказов (материалы, не всегда доступные писателю, хотя и не сказать, что уж совсем невозможные) формулировки подвигом печатались в еженедельной газете «Донские областные ведомости».

Поиски автора

Вскоре после выхода романа в свет начались разговоры об авторстве, которые не утихают до сих пор. Проводились многочисленные исследования на эту тему (в том числе и зарубежные), появились монографии, посвященные данному вопросу.

Начальными предпосылками, которых до сих пор все придерживаются, являются (в общих чертах) следующие: первые два тома «Тихого Дона» стоят особняком – гениальная работа; 3-й и 4-й тома, а также «Поднятая целина» – барахло, не идущее ни в какое сравнение в 1-м и 2-м томами.

Наиболее заметные работы, обсуждающие эту тему следующие:

1) Книга И.Н. Медведевой-Томашевской – «Стремя «Тихого Дона»». Увидела свет достаточно давно, печаталась в Париже в 1974 г.(YMCA-PRESS); издана в сборнике «Загадки и тайны «Тихого Дона»» [Самара, Р.С. пресс, 1996, с. 12 - 94].

2) Статьи А.И. Солженицина на эту тему [там же, с. 7 - 11, 96 - 118].

3) Книга Зеев Бар-Селлы – ««Тихий Дон» против Шолохова» [там же, с. 119 - 182]; впервые данная работа печаталась в Израиле в конце 80-х

4) Компьютерная проверка работ М.И. Шолохова шведскими ученым, описанная в работе Л.З. Аксенова и Е.В.Вертель «О скандинавской версии авторства «Тихого Дона» [там же, с. 183 - 194].

5) Книга А.Г. Макарова и С.Э. Макаровой «К истокам «Тихого Дона»» [там же, с. 195 - 502].

6) В дальнейшем работа А.Г. и С.Э. Макаровых была дополнена и вышла отдельной книгой «Цветок – татарник (В поисках автора «Тихого Дона» от Михаила Шолохова к Федору Крюкову) [М.: «АИРО-XX», 2001, 504 с.].

7) Книга М.Т. Мезенцева «Судьба романов» [Самара, Р.С.пресс, 1994, 112 с.].

Основные выводы исследований, которые велись десятилетиями, следующие:

1) автор Ф.Д. Крюков; 2) его рукопись попала в руки М.А. Шолохова; 3) первые два тома «Тихого Дона» (гениальная работа) – в основном на базе материалов Ф.Д. Крюкова с несущественными вставками М.А. Шолохова; 4) последующие два тома (значительно уступают по качеству первым), в основном, работа М.А. Шолохова с вкраплениями материалов Ф.Д. Крюкова. Также низко, как и 3 и 4 тома, оценивается «Поднятая целина».

Что касается авторства, то рассуждения логичны и достаточно убедительны. А вот что исследователи нашли гениального в 1-м и 2-м томах – не совсем понятно.

В одной из статей, посвященной «Поднятой целине», А.И. Солженицин очень убедительно показывает, что это – сплошные агитки, полностью отвечающие тому, как бы хотела видеть Советская власть описание процесса коллективизации. Ну, с этим я полностью согласен. Вопрос в другом. А первые два тома разве не являются сплошными агитками? Я бы даже высказался более определенно – «агитка на агитке и агиткой погоняет».

Предложенная схема описания царской армии – своего рода «классика», которую брали за основу последующие поколения Советских писателей: сволочи офицеры, холуи вахмистры и урядники, дедовщина и издевательства, преступления в мирное и военное время; часть общества, которая саморазлагается и предопределяет революцию. Исследователями проводится кропотливейшая работа по сравнению текстов, но вдуматься в смысл того, что написано, так и не появляется желание.

В работе А.Г. и С.Э. Макаровых целая глава озаглавлена: «На Германской войне». В основе своей, определяется – где именно (на каком фронте) были Григорий Мелехов, Петр Мелехов, Листинский; и могли ли они встретиться друг с другом. Полная же несуразица, примеры которой рассматриваются в данной работе, в исследовании Макаровых даже не обсуждается.

В работе М.Т. Мезенцева упоминаются эпизоды, посвященные 1 Мировой войне: *“В романе описываются эпизоды первой мировой войны на территории Польши. Все они точны, говорящи. Только тот, кто видел их, мог так достоверно их описать. Крючков с казаками отправляется в разведку, у колодца они встречают босую девку с «розовыми ногами». «-Ты чего скалишься, поведем со мной. – Крючков посунулся на седле».*

А вот «чудо богатыри . . . весело скалят зубы» из очерка Ф. Д. Крюкова: «-Пойдем ! – подмигивает мой сосед краснощечкой дивчине» [с. 29].

Ну, с точки зрения сравнения текстов, - убедительно. Но при чем тут достоверное описание 1 Мировой войны ? Забавно, что в качестве примера «достоверного» материала берется текст именно о Кузьме Крючкове. Просто, Ф.Д. Крюков (если автор он) также далек от истины.

Еще из той же работы:

“Привлекают своей искренностью и достоверностью письма есаула Леонида Ивановича Степанова. Образованный, самостоятельно мыслящий, он на многих произвел неотразимое впечатление. Оставив службу, долго жил в Ростове и Черкасске. Однако весной 1906 года в юрте Нижне-Чирской станицы приобрел великолепную, хотя запущенную усадьбу. Фруктовые деревья, заповедная левада...

Немолодой есаул прожил в усадьбе одиноко всего три месяца, и женился на серьезной девушке, 21 года от роду, закончившей 8 классов гимназии. Молодые были счастливы. Скрипя сердцем Л.И. Степанов согласился на должность атамана станицы Усть-Медведицкой. Он много успел сделать за два года службы на посту атамана. 11 января 1907 года у атамана родился сын Владимир. А 16 февраля 1909 года Л.И. Степанов вновь был зачислен в комплект полков и ушел на военную службу. Остались его письма к Ф.Д. Крюкову.

Обратимся к описанию сотника Е.И. Изварина в «Тихом Доне» . . . “ [с. 95].

В дальнейшем показывается, что образ Е.И. Изварина списан с Л.И. Степанова. Допустим. Но Степанов точно также не был Георгиевским кавалером. Приведенный отрывок в который раз говорит о “достоверности” предлагаемой читателям информации: в отставку Л.И. Степанов не выходил; сын родился 11 января, но не 1907, а 1909 г. Помимо этого о нем следует добавить: в 1-й Мировой войне состоял в полку № 49; воевал, судя по всему вяло – ни одного чина и ни одной боевой награды не получил.

В работе Т.М. Мезенцева о «порке Листницкого»:

“Поразительны письма другого корреспондента Ф.Д. Крюкова – А.Ф. Фролова. Он описывает, как 12 августа 1890 года собирался домой в отпуск. Его товарищ говорит: « - . . . в добрый час, поезжай, да смотри, про мою лахудру-жену узнай, она, небось, по сие время с артиллеристом гуляет...» Далее следует рассказ со всеми подробностями, как он застал жену с любовником... Литературный дар А.Ф. Фролова несомненен. Но мы остановимся только на некоторых деталях его выразительного рассказа, имеющих отношение к «Тихому Дону».

Вначале отпускник наказал любовника. Так и таким способом поступил Григорий с Листницким. Зверская расправа полностью совпадает в романе и записках А.Ф. Фролова.” [с. 93].

Как обычно, «механическое» сравнение текстов. А суть ? Кстати, исходный вариант А.Ф. Фролова скорее всего о “разборке” двух нижних чинов. Исследователю даже в голову не приходит – насколько нереально их переносить на взаимоотношения нижнего чина с офицером.

О мирной жизни

Сцены жизни казаков в мирное время, их взаимоотношения, - считаются наиболее сильной частью романа и читаются с большим интересом. Попробуем определить – насколько достоверны рисуемые ситуации и в какой мере они отражают действительность.

В первой же главе читателя ждет первый "ужастик":

"В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо, редко показывала тоскующие одичалые глаза . . . Шеломом гутарили по хутору, что Прокофьева жена ведьмачит . . ."

В тот год случился небывалый падеж скота. На стойле возле Дона каждый день пятнилась песчаная коса трупами коров и молодняка. Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки, гулявшие на станичном отводе. И вот тут-то прополз по проулкам и улицам черный слушок . . ."

С хуторского схода пришли казаки к Прокофию.

Хозяин вышел на крыльцо, кланяясь.

- За чем добрым пожаловали, господа старики ?

Толпа, подступая к крыльцу, немо молчала.
Наконец один подвыпивший старик первый крикнул:

- Волоки нам свою ведьму! Суд наведем !.."

Далее расправа с женой Прокофия.

"Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке – дочери соседа.

С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному Турки".

В вып. № 16 данной серии опубликована статья В.Н. Королева «Брак и семья у донских казаков [с. 73 – 104]. Здесь и далее будут приводиться выдержки из данной работы. «Для казаков, родившихся от матерей – турчанок или татарок, на Дону существовали особые наименования– “тума”, и слой этих людей заметен в источниках. Метис от матери – неказачки по происхождению обозначался термином “болдырь”. Как отмечает Л.М. Щетинин, Болдыревы – “одна из самых распространенных на Дону фамилий”, существовавших и существующих во многих станциях, и это позволяет “с уверенностью утверждать, что здесь смешенные браки были обычным и частым явлением. О матерях – пленницах и о прежних смешенных браках напоминают донские казачьи фамилии: Тумины, Ясыркины, Татаркины, Мордовкины, Полячкины, Турчанкины, Калмычкины и др. [Щетинин Л.М. “Русские имена. (Очерки по донской антропонимии). 3-е испр. и доп. изд. Ростов н/Д, 1978, с.72– 74]” [Королев, с. 84].

В старой литературе отмечается, что у донских казаков вплоть до конца XVIII века, основным языком на женской половине был татарский. А «предпоследняя турецкая кампания» - это Восточная война 1853 – 1856 гг., т. е. спустя только лишь 50 лет после «конца XVIII века». Все это говорит о том, что расправа с женой-турчанкой маловероятна. В дальнейшем, кстати, эта тема неоднократно обыгрывается, например, при поступлении Григория на службу:

"Григория отпустили. Направляясь к двери, он услышал брезгливый шепот:

- Нель-ая-а. Вообразите, увидит государь такую рожу, что тогда ? У него одни глаза... - Переродок ! С Востока наверное." [т. 1, ч. 2, гл. XXI].

Помимо всего прочего здесь и элементы еще одного «советского штампа» – отношение офицеров к иноверцам, как к людям второго сорта.

Эротика или порнография ?

Рассмотрим разнообразные сексуальные «развлечения», которыми густо сдобрен роман. Первая крутая тема – изнасилование отцом дочери:

"Аксинью выдали за Степана семнадцати лет. Взял ее с хутора Дубровки с той стороны Дона, с песков.

За год до выдачи осенью пахала она в степи, верст за восемь от хутора. Ночью отец ее, пятидесятилетний старик, связал ее треногой и изнасиловал.

- Убью, ежели пикнешь слово, а будешь помалкивать – справлю плюшевую кофту и гетры с калошами. Так и помни: убью, ежели что... - пообещал он ей.

Ночью, в одной изорванной исподнице, прибежала Аксинья в хутор. Валяясь в ногах у матери, давясь рыданиями, рассказывала... Мать и старший брат, атаманец, только что вернувшийся со службы, запрягли в бричку лошадей, посадили с собой Аксинью и поехали туда, к отцу. За восемь верст брат чуть не запалил лошадей. Отца нашли возле стана. Пьяный, спал он на разосланном зипуне, около валялась порожняя бутылка из-под водки. На глазах у Аксиньи брат отцепил от брички барок, ногами поднял спящего отца, что-то коротко спросил у него и ударил окованным барком старика в переносицу. Вдвоём с матерью били его часа полто-

ра. Всегда смиренная, престарелая мать иступленно дергала на обеспамятовшем муже волосы, брат старался ногами. Аксинья лежала под брычкой, укутав голову, молча тряслась... Перед рассветом привезли старика домой. Он жалобно мычал, шарил по горнице глазами, отыскивая спрятавшуюся Аксинью. Из оторванного уха его стекала на подушку кровь. Вечеру он помер.» [т. 1, ч. 1, гл. VII].

Полагаю, что это не может быть типичным явлением. Уж очень простой семья Аксиньи не была – старший сын служил в гвардии. Последствия отец также должен был предвидеть. Пьян не был; напился уже позже. И, тем не менее, рассмотрим данный эпизод. Воспоминаю, как, в свое время, сидел за столом с моим отчимом и его другом – двумя профессорами, докторами юридических наук. Настойчиво просил их объяснить мне суть статьи № 107 Уголовного Кодекса РСФСР «Изнасилование», где предусматривалось наказание от 3 до 7 лет. Меня интересовал вопрос – как один мужчина может изнасиловать одну женщину, если она этого не хочет? Ну, если скажем, кирпичом по голове или что-либо подобное, столь же "конструктивное", то тогда понятно. Вообще же очень часто данная ситуация сильно искажается, с чем, кстати, юристы согласились.

По сравнению с нашим временем, в начале XX в. люди раньше выросли и, соответственно, раньше старели. Аксинье, о которой мы знаем, что это очень добротная женщина, уже 16 лет, т. е. взрослая девка, как говорится, кровь с молоком. Отец даже по тексту – *«пятидесятилетний старик»*.

В книге М.Т. Мезенцева «Судьба романов» [Самара, ПРЕСС, с. 92- 93] в качестве одного из доказательств, что роман написан Ф. Крюковым фигурирует и этот эпизод. Доказательства следующие:

«Один из жизненных эпизодов, записанных А. Быкадоровым, и посланных Ф. Д. Крюкову, называется «Рассказ прачки». Сорокалетняя женщина из Усть-Медведицы повествует о своей жизни: «Мы работали в поле: отец, мать и я. Мне было 15 лет. Ехать домой за провиантом было надо. Мать говорит: - Нехай Дунька едет. Лошадь у нас была хорошая, смиренная. – Нет, - отец говорит, - она надо у мне... - Езжай сама... А у самого на уме дурное было. Мать поехала, а мы остались с отцом вдвоем, легли спать вместе. Он мне на руку положил, чего раньше не было никогда... А в ту зиму он уже стал приставать ко мне настояще... а сказать боюсь, он говорит: - Убью если услышу чего скажешь... Я тебе платье куплю, какое хочешь... все равно убью...»

До трагической развязки у них не дошло: девушка вынуждена была уйти из семьи».

Как обычно сравниваются тексты на похожесть и нет никакого желания вникнуть в суть. Этой девочке 15 лет и разница в год в этом возрасте – очень много. К тому же до изнасилования дело не доходит. Т.о., еще один довод в пользу недостовренности описанного события.

Интересна фраза *«били его часа полтора»*. Имеется в виду ногами и иступленно, предвзвительно ударив кованым барком. Можно бить 5 минут, можно 10, после 20-ти скорее всего избиваемый будет убит. Полтора часа? Вероятно, в этом случае, может остаться только кусок мяса, а его привезли живым домой.

Еще одна мелочь, но все-таки наталкивает на размышления. Фраза *«Из оторванного уха его стекала на подушку кровь»*. После такого . . . под голову подкладывается подушка (!?).

* * *

Битье женщин описано разнообразно и «со вкусом». От совершенно зверских вариантов до бытовых (между прочим).

“Страшный удар в голову вырвал из-под ног землю, кинул Аксинью к порогу. Она стукнулась в дверную притолоку спиной, глухо ахнула. . .

Аксинья, залитая кровью, ветром неслась к плетню, отделявшему их двор от мелеховского. У плетня Степан наступил ей. . .

Остановился бы Шамиль поглядеть (на кого ни доведись, все ж таки любопытно ведь) – до смерти убит или нет, - но совесть не позволяет. Не баба, как – никак. Издали на Степана глядеть – казачка человек вытанцовывает. . .” [т. 1, ч. 1, гл. XIV].

“По ночам, когда в кухне над камельком засыпало мушиное стадо и Аксинья, дрожа губами, стлала постель, бил ее Степан, зажимая рот черной шершавой ладонью. Выспрашивал бесстыдно подробности о связи с Гришкой. Аксинья металась по твердой, с запахом овчины кровати, трудно дышала. Степан, приморившись устязать мягкое, как закрутившее тесто, тело, шарил по лицу рукой, слез искал.” [гл. XVI]. Кстати, а зачем “зажимать рот ладонью”? В доме ведь никого нет.

“На шум прибежала мать.

- Прокофьич, Прокофьич!.. Охолонь трошки!.. Погоди!..

Но старик разошелся не на шутку: поднес раз жене, опрокинул столик со швейной машинной и, навоевавшись, вылетел на баз.” [гл. X].

“Наталья вечера просиживала, вышивая жениху традиционный шарф. . . Митька приезжал. . . проходил к Наталье в горницу, подсаживался. . .

- Вяжешь? коротко спрашивал он и подмигивал на пушистые махры шарфа.

- Вяжу, а тебе чего?

- Вяжи-вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.” [гл. XIX]

“После того как услышал Петро про Степана, полегчало, словно ссадную болячку сурчиным жиром смазали, но все же решил: «Поеду в отпуск – кровь из Дашки выну! Я не Степан, так не спущу». . . - подумал было убить ее, но сейчас же отверг эту мысль: «Убью гадюку, а через нее вся жизнь спортится. В тюрьме сгниешь, все труды пропадут, всего лишишься. . .» Просто решил избить, но так, чтобы на всю жизнь отбило у бабы охоту хвост трепать: «Глаз выбью ей, змее, - черт на нее тогда позавидует». Так придумал Петро, отсиживаясь в окопах, неподалеку от кругоглинистого берега Западной Двины.” [т. 2, ч. 4, гл. V].

На эту тему читаем у В.Н. Королева:

“В повседневной семейной жизни рукоприкладство у казаков было редкостью, и С.Ф. Номикосов писал, что “побои. . . истязания и вообще жестокое с женами обращение есть явление исключительное” [С. Номикосов. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884, с. 320].

* * *

Измены женщин. Этой теме уделено значительное внимание. Аксинья изменяла Степану, потом Григорию. Дарья вообще пошла по рукам. Еще жалмерка – Аникушкина жена. “Неплохо выглядит” развратная Елизавета Мохова, живущая на содержании, сменяя партнеров.

“Фрося выплевывая в руку подсолнечную лузгу, улыбнулась:

- Я давно за ним примечала, а тут переказывают мне: мол, твой на мельнице с задонской жалмеркой мирошничает. . . Я – туда, они еозле просорушки.” [т. 1, ч. 2, гл. XVIII].

“Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветом поздняя бабья любовь.

С лугового покоса переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову.” [т. 1, ч. 1, гл. X]. Особенно хорош оборот «девки завидывали».

“Если б Григорий ходил к жалмерке Аксинье, делая вид, что скрывается от людей, если б жалмерка Аксинья жила с Григорием, блюдя это в относительной тайне, и в то же время не чуралась других, то в этом не было бы ничего необычного (!!!, С.К.), хлещущего по глазам” [гл. XII].

“... Аникушкина баба совсем не хозяйствовала, а по жалмерскому своему положению усиленно ухаживала за собой: румянилась, наводила красоту и за недостатком взрослых казаков принимала ребятишек лет по четырнадцати и больше, о чем красноречиво свидетельствовали дощатые ворота, в свое время обильно намазанные дегтем и досель хранившие бурые обличающие следы.” [т. 2, ч. 4, гл. V].

“ Будет тебе, бессовестная ! – Наталья обливалась густым румянцем.

- И не хочется тебе ?

- А тебе, видно, хочется ?

- Хочется, бабонька ! – хототала Дарья, розовея и дрожа крутыми дугами бровей. – Чего уж грех таить... Я б сейчас и старика какого-никакого раскачала, ей-богу ! Ты вздумай, ить два месяца, как Петра нету.

... ..

- Надьсы на игрищах подсел ко мне Тимошка Маныцков, атаманов сынок. Сидит потный весь. Вижу, боится начинать... Потом руку мне потихоньку под мышки провздел, а рука дрожит. Я притерпелась, молчу, а самую злость берет, хучь бы парень-то был, а то так... сопля ! Ему годков шешнацать, не больше, - видишь, каких забирает... Молчу, сижу, он лапал, лапал, и шепчет: «Пойдем к нам на гумно !..»” [т. 1, ч. 3, гл. XVIII].

Кстати, а почему 16 – мало, да и при том, что так неимется ? Ведь «Аникушкина баба» принимает и 14-ти-летич.

“А Дарья Мелехова в эту осень наверстывала за всю голодную безмужную жизнь. На первый день покровы Пантелей Прокофьевич проснулся, как и всегда, раньше всех; вышел на баз и за голову ухватился: ворота, снятые с петель, лежали поперек дороги. Это был позор. Ворота старик сейчас же водворил на место, а после завтрака позвал Дарью в летнюю стряпку. О чем он с ней говорит – неизвестно, но Дуняцка видела, как спустя несколько минут Дарья выскочила из стряпки со сбитым на плечи платком, растрепанная и в слезах.” [т. 2, ч. 4, гл. V].

После порки, которую устроил Дарье в связи с ее беспутной жизнью Пантелей Прокофьевич, та ему отплатила, подловив его в мякиннике:

“- Батя ! – низким, пришептывающим голосом окликнула его Дарья.

Он шагнул за вейлку; ничего не подозревая, спросил: - Чего тут ?

Дарья в распахнутой кофте стояла лицом к нему; закинув за голову руки, поправляла волосы. На нее из щели в стене мякинника падал кровавый закатный луч.

- Тут вот, батя что-то... Подойди-ка, глянь, - говорила она, перегибаясь набок и воровски, из-за плеча свекра, поглядывая на распахнутую дверь.

Старик подошел к ней вплотную. Дарья вдруг вскинула руки и, охватив шею свекра, скрестив пальцы, пятясь, увлекая его за собой, шепнула:

- Вот тут, батя... Тут... мягко...

- Ты чегой-то ? – испуганно спрашивал Пантелей Прокофьевич.

Вертя головой, он попытался освободить шею от Дарьиных рук, но она притягивала его голову к своему лицу все сильнее, дышала в бороду ему горячим ртом, смеясь, что-то шепча.

- Пусти, стерва ! – Старик рванулся и вплотную ощутил тугой живот снохи.

- Она, прижавшись к нему, упала на спину, повалила его на себя.

- Черт ! Сдурела !.. Пусти !

- Не хочешь ? – задыхаясь, спросила Дарья и, разжав руки, толкнула свекра в грудь. – Не хочешь ?.. Аль, может, не можешь ?.. Так ты меня не суди !.. Так-то !

Вскочив на ноги, она торопливо оправила юбку, обмела со спины мякинные ости и в упор выкрикнула ошалевшему Пантелею Прокофьевичу:

- Ты за что меня надьсь побил ? Что ж, аль я старуха ? Ты-то молодой не таковский был ? Мужа – его вон год нету !.. А мне, что ж, с кобелем что ли ? Шиш тебе, хромой ! Вот на, выкуси !

Дарья сделала непристойное движение и, играя бровями, отошла к дверям. У дверей она еще раз внимательно оглядела себя, стряхнула с кофты и платка пыль, сказала, не глядя на свекра: - Мне без этого нельзя... Мне казак нужен, а не хочешь – я найду себе, а ты помалкивай !

Она виляющей быстрой походкой дошла до гуманных ворот, скрылась, не оглянувшись, а Пантелей Прокофьевич все стоял у рыжего бока вейлки, жевал бороду и недоуменно и виновато оглядывал мякинник и концы своих латаных чириков. «Неужели на ее стороне правда ? Может, мне надо бы было с нею грех принять ?» - огуленный происшедшим, растерянно думал он в этот миг."

"В этот момент Петр не помнил, что собирался бить жену смертным боем, -ласкал ее на людях, гладил большим обкуренным пальцем писанные дуги ее бровей, радовался. Дарья тоже забыла, что только две ночи назад спала она в вагоне с драгунским ветеринарным фельдшером, вместе с ней ехавшим из Харькова в полк. У фельдшера были необычайно пушистые и черные усы, но ведь все это было две ночи назад, а сейчас она со слезами искренней радости обнимала мужа, смотрела на него правдивыми ясными глазами." [т. 2, ч. 4, гл. XIX].

Даже Дуняшка сталкивается с блудом, правда, косвенно. Сцена, в которой она рассказывает Наталье об ухаживаниях Мишки Кошевого:

"- Чего он ишо плел ? - Утирку, мол, дай на память. - Дала ?

- Нет, говорю, не дам. Поди у своей крали попроси. Он ить с Ерофеевой снохой... Она жалмерка, гуляет." [т. 1, ч. 3, гл. I].

В качестве эталона для еще одной штамповки, многократно тиражируемой в Советское время, можно рассматривать дневник неизвестного студента. [т. 1, ч. 3, гл. XI]. Образ, который в дальнейшем стал классическим: никчемная и развратная интеллигенция не находит себе места в преддверие революции.

Она ему: "- Что ж, давайте сойдемся. Поживем – увидим. Только дайте мне срок, чтобы я могла покончить с моей бывшей привязанностью".

"... Сегодня мы катались в лодке по Москве-реке. Вспоминали Донцину. Елизавета ведет себя недостойно: все время она злословит на мой счет, иногда очень грубо. Отвечать ей тем же – значит пойти на разрыв, а этого мне не хочется. Я, несмотря на все, привязываюсь к ней все больше. Она просто избалованная женщина. Боюсь, что моего воздействия будет недостаточно, чтобы в корне перетрясти ее характер. Милая, взбалмошная девочка. Притом девочка, выдавая такие виды, о которых я знал лишь понаслышке."

“... Ничего общего ! Мы говорим на разных языках. Связующее начало – кровать. Выхожденная жизнь.”

“...Я поражаюсь Елизавете. Ей 21 год. Когда она успела так разложиться ? Что у нее за семья, как она воспитывалась, кто приложил руку к ее развитию ? Вот вопросы, которые меня крайне интересуют. Она дьявольски хороша. Она гордится совершенством форм своего тела. Культ самопочитания – остального не существует.”

К Елизаветой Моховой связана еще одна запоминающаяся сцена – грехопадение с Митькой Коршуновым. [т. 1, ч. 2, гл. II].

В контексте с блудом не обйдена молчанием и тема венерических болезней.

При осмотре казаков, поступающих на службу:

“- Объем груди... - Да, да, явно выраженная наследственность.

- Сифилис, запиши.” [т. 1, ч. 2, гл. XXI].

“Плакала и Аникушкина жалмерка, вспоминая большое, горячее тело Митьки (Коршунова, С.К.) и мучаясь от триппера, которым наделил ее служивый.” [т. 2, ч. 4, гл. VI].

В конце романа Дарья Мелехова подхватывает сифилис, в результате чего и накладывает на себя руки.

По этому поводу читаем в статье В.Н. Королева:

“Нет оснований излишне преувеличивать размеры женского “волочайства”. Оно все же было исключением из правила, и, по выражению В.Д. Сухорукова, женский пол на Дону отличался “по большей части чистотой нравов” [Статистическое описание Земли донских казаков, оставленное в 1822–1832 годах, Новочеркасск, 1891, с. 110]. “Безнравственность в смысле половой распущенности, - в свою очередь отмечал С.Ф. Номикосов, - не в нравах донских женщин” [то же, 1884, с. 313]. В.А. Зубова уже в начале XX в. заявляла, что хотя, по ее мнению, казачки “часто изменяли мужьям”, ни одна из них не оказалась “в зарегистрированной проституции” [88].

Для столь основательного описания блуда пришлось всех героинь изобразить бездетными. Вернее, дети были, но почему-то уж очень во-время умирали. Смерть ребенка от Степана позволила Аксинье завести отношения с Григорием, после смерти Тани начались отношения с Листницким. Дарье же умерший ребенок совершенно развязал руки. “Интеллигентная” Мохова не столь “систематична и проста”, к тому же медичка; подразумевается, что она делает систематические аборты.

Детская смертность была очень высока и об этом еще будет сказано ниже, однако рождаемость значительно ее превышала и за тот промежуток времени, который описан в романе, детей должно было родиться значительно больше.

В качестве контраста к такого рода «собачьим» взаимоотношениям показана чистая и возвышенная любовь женщины, разделяющей большевистские убеждения.

Анна приводит к себе жить Бунчука. Но при этом чтобы думать о чем таком – ни-ни.

“Бунчук и Анна долго сидели в его строго опрятной комнатке. . . Бунчук рассказывал подробности взятия Новочеркасска, боев под Зверевом и Каменской. Анна делалась впечатлениями о работе в Луганске и Таганроге. В одиннадцатый, как только мать потушила у себя огонь, Анна ушла”. [т. 2, ч. 5, гл. XIX].

Только спустя продолжительное время, да и то ввиду угрозы потерять любимого человека революционерка решает на близость:

"Пужинали они вместе. Бунчук лег спать. Взволнованный, долго не мог уснуть, курил, ворочался на жестковатом тюфяке, радостно вздыхал. С большим удовлетворением уходил он из трибунала, так как чувствовал, что еще немного – и не выдержит, наломится. Он докуривал четвертую папиросу, когда ему послышался легкий скрип двери. Приподняв голову, увидел Анну. Босая, в одной рубашке, скользнула она через порог, тихонько подошла к его койке. Через щель в ставне на оголенный овал ее плеча падал сумеречный зеленый свет месяца. Она нагнулась, теплую ладонь положила Бунчуку на губы.

- Подвинься. Молчи...

Легла рядом, нетерпеливо отвела со лба тяжелую, как кисть винограда, прядь волос, блеснула задымленным синеватым огоньком глаз, грубовато, вымученно прошептала:

- Не сегодня – завтра я могу лишиться тебя... И хочу тебя любить со всей силой! – и содрогнувшись от собственной решимости: - Ну, Скорей!"

Какое же возмущение охватывает Анну при мысли, что Бунчук до нее поистаскался:

"Высвободившись, Анна гневно оттолкнула его, с отвращением и брезгливостью, спросила, задохнулась презирающим шепотом: - Ты... ты бессипен? Или ты... болен?.. О-о-о, как это мерзко!.. Оставь меня!"

Но, справедливость, как всегда, торжествует и очень скоро:

"А через неделю Анна, пряча под его рукой свое зажженное огненным румянцем лицо, призналась: - ...Думала, израсходовался раньше... Не знала, что до дна вычерпала тебя работа" [т. 2, ч. 5, гл. XX].

Кстати, о работе. Так возвышенно и с уважением говорится о Революционном Трибунале и каждодневных ночных расстрелах. Здесь же следует упомянуть, что это март 1918 г., а Гражданская война на Дону началась в апреле.

Если же и встречается проституция в рабочей среде, то только из-за безысходности и вследствие бесчеловечной политики царизма. Кстати, еще один шикарный (!) штамп.

"Бунчук засуетился; приподнявшись, сел, вслух сказал или только подумал: «До смерти буду носить вот эти воспоминания и не я один, а все, кто уцелеет. Исклечили, надругались над жизнью!.. Проклятые! Проклятые!.. Вы и смертью не покроете свою вину!..»

И еще вспомнил двенадцатилетнюю Лушу, дочь убитого на войне петроградского рабочего-металлиста, приятеля, с которым некогда вместе работали в Туле. Вечером шел по бульвару. Она – угловатый, щуплый подросток – сидела на крайней скамье, ухарски раскинув тоненькие ноги, покуривая. На увядшем лице ее – усталые глаза, горечь в углах накрашенных, удлинненных преждевременной зрелостью губ. «Не узнаете, дяденька?» - хрипло спросила она, улыбаясь с профессиональной заученностью, и встала, совсем по-детски беспомощно и горько заплакала, сгорбясь, прижимаясь головой к локтю Бунчука.

Он чуть не задохнулся от хлынувшей в него ядовитой, как газ, ненависти: бледнея, заскрипел зубами, застонал. После долго растирал волосатую грудь, дрожал губами; ему казалось, что ненависть скипелась в груди горячим комком шлака, - тлея, мешая дышать и причиняет ему боль в левой стороне под сердцем." [т. 2, ч. 4, гл. XVII].

Правда, при всех преимуществах «Тихого Дона» над «Поднятой целиной», следует признать, что данная тема в последнем романе описана значительно более душещипательно. До сих пор помню соответствующую сцену из кинофильма.

“Андрей (Разметнов, С.К.) посмотрел на них и, задрожав губами, глухо сказал:

- Больше не работаю.

- Как не работаешь ? Где ? – Нагульнов отложил счеты.

- Раскулачивать больше не пойду. Ну, чего глаза вылупил ? В припадок вдариться хочешь, что ли ?

...

- Я не обучен ! Я... Я... с детишками воевать !.. На фронте – другое дело ! Там любому шашкой, чем хочешь... Не пойду.

...

Давыдов поднимался со стула медленно. И так же медленно крылась тупой синевой одна незавязанная щека его, бледнело ухо. Он подошел к Андрею, взял за плечи, легко повернул. Заговорил, задыхаясь, не сводя тяжелого взгляда с андреева лица.

- Ты их жалеешь... Жалко тебе их. А они нас жалели ? Враги плакали от слез наших детей ? Над сиротами убитых плакали ? Ну ? Моего отца уволили после забастовки с завода, сослали с Сибирь... У матери нас четверо... мне, старшему, девять лет тогда... Нечего было кушать, и мать пошла... Ты смотри сюда ! Пошла на улицу мать, чтобы мы с голоду не подохли ! В комнатушку нашу – в подвале жили – ведет гостя... Одна кровать осталась... А мы за занавеской... на полу... И мне девять лет... Пьяные приходили с ней... А я зажимаю маленьким сестренкам рты, чтобы не ревели... Кто наши слезы вытер ? Слышишь ты ?... Утром беру этот проклятый рубль... - Давыдов поднес к лицу Андрея свою закрученную ладонь; мучительно заскрипел зубами, - мамой заработанный рубль и иду за хлебом ... - И вдруг, как свинчатку, с размаху кинул на стол черный кулак, крикнул: - Ты !.. Как ты можешь жалеть ?” [кн. 1, гл. 9].

А причина всех несчастий, оказывается, в том, что отца отправили в Сибирь за участие в забастовке (!?). Ни чего себе ? И из такой «клипы», переставив все с ног на голову, создается эпизод, от экранного изображения которого все, в буквальном смысле, рыдают. В общем-то, развратной казачьей среде противопоставлен сознательный рабочий класс. Заодно доходчиво объяснено – почему надо расстреливать и раскулачивать.

В повествовании о разврате, автор, как обычно, не может обойти стороной гвардию – «любимый им» Атаманский полк:

“Один подъяесаул, широкий в плечах и бедрах, в артиллерийской форме, громко говорил товарищу, высокому красавцу офицеру из лейб-гвардии Атаманского полка:

“...Что за черт ! Эстонская девушка, народ преимущественно белесый, и таким резким контрастом эта девушка, да ведь не одна ! Мы строим различные предположения и вот узнаем, что лет двадцать назад... - Офицеры шли мимо, удаляясь от места, где Григорий раскладывал на полоне свою казацкую справу, и он, за ветром, с трудом расслышал покрытые смехом офицеров последние слова артиллериста – подъяесаула: - ...оказывается, стояла в этой деревушке сотня вашего Атаманского полка.” [т. 1, ч. 2, гл. XXI].

“Петро вел в поводу заседланного коня. Около ограды здоровенный черный атаманец, застегивая необъятные синие шаровары, щерит рот в белозубой улыбке, возле него серенькой перепелкой чечекает низкорослая казачка – жена ли, любушка ли. - Я тебе за эту курицу чертей всыплю ! – обещает казачка.

Она пьяна, в расплаченных космах – подсолнуховая лузга, развязаны концы расписного полушалка. Атаманец, затягивая пояс, приседает, улыбается; под морщенным морем шаровар годовалый теленок пройдет – не цапнется.

- Не наскакивай, Машка. - Кобель проклятый! Бабник!
 - Ну так что ж? - Гляделки твои бесстыжие!" [т. 1, ч. 3, гл. IV].

* * *

Снохачество. Данной форме взаимоотношений, малознакомой широким массам в XX веке, посвящено также значительное внимание. Вероятно, эти фрагменты текста должны обучать чему-то "новому и полезному":

"Она вошла в ограду. Ей загородили дорогу парни. Обходя их Наталья услышала:
 - Чья это? Ты угадал? - Да это Наташка Корщунова.
 - У ней, гутарют, кила, от этого ее и муж бросил.
 - Бреешь! Она с свекром, с Пантелеем хрымым спуталась.
 - Вон что-о-о! Стал быть, Гришка через это и убег из дому?
 - А то через чего ж? Она и зараз..." [т. 1, ч. 2, гл. XVIII].

"- Жена телерича скажет: «Что-то мой Миколушка делает?
 - Ого-го-го! Она, брат, небось со свекром в голопузика играет.
 - Ну, уж ты...
 - Да ни в жисть не стерпит любая баба, чтоб без мужа на стороне не хлебнуть.

- Об чем вы горюете? Кубыть, корчажка с молоком, приедем со службы – и нам достанется.

На всю сотню весельчак и похабник, бессовестный и нагловатый Егорка Жарков встречал в разговор, подмигивая и грязно улыбаясь:

- Дело известное: твой батя снохе не спустит. Кобелина добрый. Также вот было раз... - Он играл глазами, оглядывая слушателей. – Повалился один такой-то к снохе, покою не дает, а муж мешается. Он там что придумал? Ночью вышел на баз и растворил нарошно ворота, скотина вся и ходит по базу. Он и говори сыну: «Ты, такой-сякой. чего ж так дверцы прикрывал? Гля: скотина вся вышла, поди загони!» Он-то думал, дескать, сын выйдег, а он тем часом к снохе прилабунится, а сын заленился. «Поди, - шепчет жене, - загони». Энта и пошла. Вот он лежит, слухает, а отец сполз с пригубка и на коленях к кровати гребется. Сын-то, не будь дурак, скалку взял с лавки и ждет. Вот это отец подполз к кровати и только рукой лапнул, а сын его скалом кы-ы-ык потянет через лысину. «Тпрусь, шумит, проклятый! Повалился дерюжку жевать!» А у них телок в куренях ночевал и все подойдет, да и жует одежду. Сын-то навроде как на телка, а сам батяню резанул и лежит, помалкивает... Старик-то дополз до пригубка, лежит, шишку обминает, а она взыграла с гусиное яйцо. Вот, лежал, лежал и говорит: «Иван, а Иван?» – «Чего ты, батя?» – «Ты кого ж это вдарил?» – «Да, телка»; - говорит. А старик ему со слезами: «Какой же, грит, из тебя, к чертовой матери, хозяин будет, ежели ты так скотину бьешь?»" [т. 1, ч. 3, гл. II].

В статье В.Н. Королева по этому поводу говорится:

"Снохачество – не только донское и далеко не повсеместное у казаков явление – провоцировалось в особенности длительным отсутствием служилых сыновей. С.Ф. Номикосов среди прочих причин этого явления называет деспотизм отцовской власти, ранний возраст жениха, грубость нравов и др. и замечает, что оно, разумеется, преследовалось законом, но «по самой сущности своей» редко могло быть открыто и наказано [Номикосов С. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884., с. 587]. Авторы "Казачьего Дона", почти дословно повторяя эти замечания, добавляют к причинам снохачества еще «культурные влияния других народов» [Казачий Дон. Ростов н/Д, 1995, ч. 2, с. 67].

В статье обращено внимание на это явление в связи с описанием первого десятилетия XIX в.: *«невеста по обычаю бывала старше жениха на 5 – 10 лет: женились в 15 лет, выходили замуж в 20 – 25 лет. [Пивоваров С. Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова // Казачий вестник, 1884, № 2; 45, с. 124]. Поскольку с тех пор прошло около 100 лет и таких возрастных отличий уже нет, то и проблема не может иметь сколько-нибудь серьезного значения. Приведенные примеры из романа, воспринимаются как похабные анекдоты, каковыми, по сути, они и являются.*

* * *

Из «экзотики» следует упомянуть еще угрозу кровосмесительной связи. После ухода из семьи Григория и возвращения Натальи в дом отца:

«... С первых дней по-иному стал поглядывать на нее Митька, а однажды, прихватив Наталью в сенцах, прямо спросил:

- Скучаешь по Гришке? - А что тебе? - Тоску твою хочу разогнать...

Наталья взглянула ему в глаза и ужаснулась, в душе своей догадке... На другой день после этого Митька подошел к ней на базу...

- Ты не мордуйся, Наташка...

- Я бате зашумлю! – крикнула Наталья, закрываясь от него руками.

- Тю, сдурела! - Уйди, проклятый!

...

- Зараз я и не лезу, а ночью приду. Ей-богу, приду.

Наталья ушла с база, содрогаясь. Вечером постелила себе на сундуке, положила с собой младшую сестренку...» [т. 1, ч. 2, гл. XV].

Митька Коршунов, никогда не считался дураком. Что же он не понимает, что если сестра пожалуется отцу, то расправа последует незамедлительно?

Также «неадекватно» реагирует на ситуацию Наталья. Единственный вариант – немедленная жалоба отцу. Ведь, действительно, случай очень серьезный.

* * *

Потрясают – широта и разнообразие. В каком еще «классическом» произведении встретишь такое? Вероятно, нет необходимости рассматривать все перечисленные автором «достоверные случаи из жизни». Будет правильнее рассмотреть вариант «от противного»: а чего в романе не описано? Пожалуй, не рассмотрены только гомосексуальные отношения и скотоположство. Спасибо, что хоть этим не наделили Донских казаков.

Григорий и Наталья

В данной главе рассмотрим сватовство и свадебный обряд.

О выборе супруга в работе В.Н. Королева говорится следующее:

«Случаи насильственных браков, вызывавшиеся обычно «экономическими» соображениями, у казаков нередко бывали (в крестьянской, мещанской и дворянской среде тоже). Но все-таки в большинстве казачьи браки были добровольными с обеих сторон, что и вызвало, может быть, излишне категоричное утверждение Г.В. Губарева: «Девушка была свободна в личной жизни, Родители не посягали на ее волю и не выдавали замуж помимо ее согласия» [казачий словарь – справочник, М., 1992, т. 2, с. 42]. Да и родительская власть в середине XIX в. была не так сильна, как раньше. [Сенюткин М. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. М., 1866, ч. 2, с. 127].

Здесь можно отметить довольно оригинальное мнение Н.И. Краснова, лишавшего всяких прав и влияния на будущий брак не только невесту, но и жениха. На взгляд автора, у донских крестьян сватовство происходило «по обоюдному согласию жениха и невесты», которые еще до того виделись друг с другом на «вечерницах», у донских калмыков выбор невесты зависел от воли жениха, а у остальных казаков «почти нигде» не было свадеб «по расположению» жениха и невесты, и «этим делом» заправляли «или особенные свахи, или сами родители» [Краснов Н. Земля Войска Донского. СПб., 1863, с. 242, 424 – 425, 427]. Рисуя такую нереальную картину, Н.И. Краснов почему-то не заметил «казацких вечерниц», где знакомилась юноши и девушки, обычного общения молодежи, подчиненную роль свах, как и забыл собственное утверждение об отсутствии патриархальности у низовых казаков. С.Ф. Номикосов, напротив, утверждал, что мать казака – жениха высматривала невесту сыну лично или узнавала у него, «какая ему полюбилась» [Номикосов С. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884, с.314]

Таким образом, сватовство разными авторами описано по-разному. Но во всех случаях права жениха и невесты примерно одинаковы.

В случае сватовства Григория к Наталье наблюдаются две особенности, бросающиеся в глаза своим неправдоподобием (если не невероятностью).

Первая. «Полярные» права жениха и невесты. С одной стороны, Григорий вообще ничего не решает, его просто ставят перед фактом.

“Батя вон меня женить собирается . . .

- Кого усватали ? – приглушенно спрашивает Аксинья.

- Только собирается ехать. Мать гутарила, кубыть, к Коршуновым, за ихнюю Наталью.” [т. 1, ч. 1, гл. XII].

«Мать говорила, вроде-бы к Коршуновым» (1?). «Вроде-бы», т. е. сам жених даже точно и не знает, до такой степени его мнением не интересуются. И такого рода действия родителей в отношении своенравного и очень самостоятельного человека. С другой стороны, мнение невесты – определяющее. Возможно ли такое ?

Вторая. Очень подробно и красочно описана торговля старшего Коршунова с Пантелеем Прокофьевичем в связи с возникшими денежными проблемами. Выпичивается второстепенный вопрос и лишь вскользь упоминается основной – моральные качества жениха. Также, на мой взгляд, совершенно неестественно и неправдоподобно.

Собственно свадьба.

В романе показано несколько этапов «брачной церемонии». Для того, чтобы продемонстрировать, насколько искажена реальность, ниже приведем полностью фрагмент текста из статьи В.Н. Королева, описывающий обычаи Донских казаков:

“Свадьба представляла собой весьма сложное действо, состоящее из многих частей и сцен, отправлялась, по выражению В.Д. Сухорукова, «с длинными и шумливыми веселостями» и «множеством обрядов, приятных для глаз, занимательных для любопытства» [Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822 – 1832 годах, Новочеркасск, 1891, с. 112]. В помещаемом ниже перечне представлены в кратком описании этапы донской свадьбы по А.М. Листопадову [Песни Донских казаков. М., 1951 – 1954, т. 5; 67], хотя есть и другие деления свадебного действа [напр.: Кирсанов Х.П. Старинные свадебные обряды донских казаков //Северная пчела. 1831, № 258 - 259; Головачев Г.В. Свадебная и хоревая обрядная поэзия на Дону // Народная устная поэзия Дона. (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18 – 23 декабря 1961 г.), Ростов н/Д, 1963, с. 185], а в разных округах и даже станциях существовали местные особенности течения свадьбы, не отмеченные или «усредненные» А.М.

Листопадовым (Н.И, Краснов в начале 1860 гг. отмечал, что свадебные обряды Хоперского и Усть-Медведицкого округов отличались от обрядов 1-го и 2-го Донских и Донецкого округов, а в Черкасском округе обряды задонских станиц имели отличия от таковых же в прочих поселениях [Краснов Н. Земля Войска Донского, СПб., 1863, с. 424]).

Смотрины (негласное сватовство). Родители жениха, в помощь им бывалый, находчивый и речистый казак и сам жених посещают дом возможной невесты. Обе родительские стороны ведут переговоры; если жених и невеста (которые здесь официально и знакомятся) заявляют, что нравятся друг другу, то стороны соглашаются на брак и обмениваются калачами. Сторона жениха ставит бутылку водки, а сторона невесты устраивает угощение.

Осмотр "арубы" (печки). Родители невесты знакомятся с семейством будущей родни, осматривают ее дом и хозяйство. Сторона жениха устраивает угощение. Оптныне в большинстве местностей родители жениха и невесты считаются сватами.

Рукобутье – своды (гласное сватовство). Жених с родителями и друзьями направляется в дом невесты. Жениха и невесту представляют присутствующим. Жених первый раз целует невесту. Оба объявляют согласие на брак, после чего родители "бьют по рукам". Жених и невеста подносят выпивку родственникам и присутствующим, которые "отдариваются". После поднесения подарков друг другу жених и невеста удаляются в комнату к молодежи. Будущий свекор подносит водку присутствующим. Как только отец невесты выпивает первую рюмку, сторона жениха запекает "пьяницу" ("запойную"), которая считается "как бы юридическим закреплением действительности сватовства". Отказ от свадьбы после этого считается бесчестьем и влечет за собой возмещение убытков. Родители жениха и невесты считаются теперь сватами и в тех местностях, где они не считались таковыми после осмотра "арубы". С пенцем "пьяницы" и других "запойных" песен идут в дом жениха, где дается большой обед с песнями и "карагодом".

Вечеринки. Во время упомянутого обеда и в последующем по праздникам в доме невесты проходят веселые сборища молодежи (жениха, невесты и их друзей и подруг). Девушки песнями "обыгрывают" – величают жениха и невесту, устраиваются пляски и игры.

Посиделки. За неделю до венца вечеринки сменяются посиделками: у невесты по вечерам собираются подруги. Невеста причитает – голосит; все поют протяжные "невестины" песни. За два – три дня до венца подруги приступают к изготвлению каравая.

На заре. После посиделок подруги ночуют у невесты, а поутру на заре невеста причитает.

Подушки. За несколько дней до венца в дом жениха доставляют "подушки" – приданое невесты, что сопровождается веселыми "подушенными" песнями. После вручения приданого следует обед, а за ним песни и пляски.

День перед венцом ("каравай"). Невеста с родственниками и подругами доставляет с дом жениха каравай. Жених и его сторона угощают прибывших выпивкой, чаем, конфетами и пряниками. Следуют "каравайные" песни и пляски.

Сговор и девичник. У невесты. Вечером у невесты собираются подруги. Она причитает, подруги поют печальные песни. В доме жениха и в пути. Жених, его родители и друзья – "охотники" – направляются "на зверя", в дом невесты. Ее сторона играет роль "осажденных", а сторона жениха "осаждающих", пока не сойдется на мирном "сговоре". В известной степени повторяется сцена, что была на рукобутье. Жених и невеста уходят в "комнатку", а "старые" после короткого обеда идут в дом женихова отца на предбрачную "вечеру".

Предбрачная вечера в доме жениха. Следует обильное угощение напитками и едой. Выбираются “должностные лица” свадьбы – “дружко” (шафер, главный распорядитель), его помощники “полудружья”, две свахи.

Девичник у невесты. По уходе “старых” на вечеру у невесты устраиваются вечеринки, в том числе и своя вечера. Поют величальные песни. Невеста с подругами, проводив жениха и вернувшись в дом, поют “сборы”, благодарит родителей за хлеб-соль и воспитание, прощается с ними, семьей, родным домом, подругами и девичьей волей.

День венца. У жениха. Убирают жениха. Для брачного поезда устраивается обед. Отец и мать благословляют сына. Поезд с песнями трогается в путь.

У невесты. Невеста обходит все хозяйство, прощаясь с ним. Невесту убирают. Родители благословляют ее. Перед прибытием поездом “за выкуп” растворяют ворота невестина двора. Совершается церемония “взятия” (“продажи”) невесты. Поездане обедают. Родители невесты благословляют теперь невесту с женихом. Молодые садятся в поезд, который направляется к церкви. По отъезде его родители “завивают овин” – устраивают обед.

Брачный поезд в пути. Лихо мчащийся шумный поезд останавливается на всех перекрестках и перед случайными прохожими, встречными подносят выпивку.

В церкви. К церкви поезд подкатывает с особым шумом и грохотом и джигитовкой сопровождающих; объехав несколько раз церковную ограду, останавливается. Церковное бракосочетание. Поезд с песнями отъезжает домой.

В доме жениха. В ожидании поезда присутствующих угощают; поют песни.

Поезд прибыл. Встречают его непререывными песнями. На крыльце родители жениха встречают молодых. Следует ряд церемоний вступления их в дом. В горнице свекор благословляет молодых иконой (жениховым благословением).

Повивание. Свахи расплетают девичью косу у молодой жены, заплетают ее волосы “по-женски” и надевают ей на голову “колпак” (головной убор замужней женщины).

После повивания. Родители и родственники поздравляют молодых, которые идут обедать. После обеда их ведут на “слокой” (на последующей брачной вечера молодые не присутствуют).

Идут за вечерними. Незадолго до ухода молодых полудружье посылаются за сватами.

Брачная вечера. Обедают обе стороны – женихова и невестина.

День после венца. Утро. Рано утром дружко со свашкой поднимают молодых, которые завтракают. Женихова сторона идет звать сватов к “караваяу”. У всех приколоты небольшие пучки красной калины или красные ленты (символ дефлорации и эмблема чести – невеста оказалась “без изьяна”). Объединенная компания весело трогается к дому жениха, где ее встречают молодые.

Каравай. Молодые подносят каравай родителям жениха, которые затем объявляют о своих подарках молодым (дарят коня, телушку и др.). Объявляют о своих подарках и другие родственники. Дружко и прочие выборные лица сдают молодых “со своих рук” свекру и свекрови.

Ходят “по сабе”. Компания идет к невестиной матери, где угощается. Затем каждое утро все сходятся к молодым, откуда, опохмелившись, направляются к дружко (на следующее утро к полудружку и т.д.), где “поштуются” (потчеваются). Хождение “по сабе” заканчивается “хоронением концов” (последний аккорд свадьбы).”

Как было сказано в начале приведенного фрагмента, свадебные традиции различных округов отличались друг от друга. Но, во всех вариантах, свадьба включала в себя значительно больше этапов, чем это изображено в романе, и, т.о., была существенно интереснее созданного художественного образа.

Григорий и Аксинья ("основной" вопрос).

В заключении рассмотрим самую интересную тему, больше всего волнующую читателей – взаимоотношения Григория с Аксиньей или, несколько в другом ракурсе, треугольник Григорий – Аксинья – Наталья.

Рассмотрим сначала законы Российской Империи, связанные с изменами. Насколько серьезным явлением был брак ? Какие варианты выхода из него существовали ? По этому поводу в статье В.Н. Королева:

"Но, вообще, после церковного освящения брака развод превратился в чрезвычайно тяжелое дело и не мог осуществиться без духовного суда. . . для рядовой массы казачества со второй половины XVIII в. и, тем более, в XIX в. браки стали почти нерасторжимыми, отчего и появилась поговорка "сведет поп – разведет гроб". Отдельные исключения лишь подтверждали правило".

Вообще-то, развод был и в ПС офицеров записи о разводах встречаются, но таких случаев очень мало.

Действительно, это была очень серьезная вещь, в результате которой с одним из участников осуществлялась форменная расправа. Запись гласила, что после развода один из бывших супругов мог снова вступить в брак, а второй обрекался на "вечное безбрачие". Расправлялись с виновным, а вина одна – измена (всем очевидная и доказанная). То есть, с кем-то жить (после развода) этот человек мог, но официальных детей у него уже не могло быть ни под каким видом. В качестве примера можно привести Грекова Агафона (Агафонгела) Петровича (см. вып. № 42, с. 9).

Можно ли было как-нибудь избежать этих драконовских мер ? С определенными оговорками, да, но только в том случае, если оба супруга желали развестись, т.е., как говорится, «по добром согласию». В качестве иллюстрации данной ситуации можно привести очень известных лиц.

Баталист Митрофан Борисович Греков. Его мать Мартыщенко сошлась с представителем известного дворянского рода Грековым Борисом Ивановичем. Но сам будущий художник должен был более 30 лет носить фамилию и отчество официального мужа своей матери и именоваться Мартыщенко Митрофаном Павловичем. Только после смерти Павла Мартыщенко Греков Б.И. смог усыновить своего родного сына и передать ему фамилию и отчество.

Вторым известным человеком, попавшим в данную ситуацию, был М.А. Шолохов. В работе М.Т. Мезенцева [«Судьба романов», Самара, ПРЕСС, 1994 г.] показано: Александр Михайлович Шолохов в 44-летнем возрасте сошелся с женой урядника Кузнецовой Анастасией Даниловной. Сын Михаил родился в 1904 г. *"До 1913 года, когда родители официально оформили брак в церкви, он носил фамилию Кузнецов"* [с. 103].

Таким образом, оба примера аналогичны. Разойтись «по-тихому» можно, но дети бывшей супруги будут иметь фамилию и отчество официального мужа. Очевидно, что, при этом, без его согласия обойтись никак нельзя.

Теперь рассмотрим предлагаемую в романе ситуацию, имея в виду существовавшие до революции законы. Итак, Григорий и Аксинья сбегают в открытую, причем, и не очень-то далеко - в один из хуторов, находящийся в юрту той же самой станицы (Вешенской).

То есть налицо двойная измена (Аксиньи Степану и Григория Наталье), официально доказать которую не составляет никакого труда. В связи с этим возникает множество вопросов, ответы на которые, по моему мнению, найти не представляется никакой возможности.

Вопрос № 1. Пантелею Прокофьевичу все это не нравится. Он пытается всеми силами отговорить сына от подобного рода поступка. Почему не используется такой убийственный аргумент – “сынок, ведь у тебя никогда детей не будет” ? Тем более, что для Григория хозяйство и все, связанное с семьей, имеет очень большую ценность.

Вопрос № 2. Почему Степан не оформляет развод ? Во-первых, он при этом получает право на повторный брак. Во-вторых, Аксинья наказывается: выйти замуж не может и официально завести детей, кстати, тоже. При этом, если Степан захочет потом жить с Аксиньей, то к этому не будет никаких препятствий. Это было бы плохо только в одном случае, если бы они (Степан с Аксиньей) потом завели детей. Но у них ведь это не получалось. Так, что развод был выгоден Степану со всех сторон: одни преимущества и никаких недостатков.

Вопрос № 3. Почему процедуру развода не начинает отец Натальи, очень влиятельный и уважаемый человек ? Во-первых, это нужно для дочери, он ее любит. Во-вторых, нужно расплатиться с Гришкой. В-третьих, надо ликвидировать свою же промашку (исходно не запретил брак, который не мог привести ни к чему хорошему).

После произошедших событий Наталья вернулась в отчий дом. Из ее разговора с матерью:

- Ох, Наташка, примечаю я...

- И чего вы, маманя, примечаете ? – с неожиданной злобой крикнула Наталья, комкая в пальцах зеленую юбку.

- Не одобруешь ты, гляжу... замуж надо.” [т. 1, ч. 2, гл. XVIII].

Вопрос № 4. Частное мнение (будь то Степан или МIRON Григорьевич Коршунов), - это одно. Но ведь есть еще такое понятие, как «общество». А этому самому обществу совсем не нужно, чтобы такого рода поступки остались безнаказанными. Даже если бы Степан и старший Коршунов и не сообразили – что им надо делать, то им бы живо напомнили (а, точнее, регулярно бы напоминали) как в станичном Правлении, так и в церкви.

Вопрос № 5. Рождение Тани, после которого должно было состояться крещение. Во-первых, запись в метрической книге – это очень важный документ, вполне сравнимый с современным «Свидетельством о рождении». Без этой записи в гражданской жизни существовать очень сложно. Во-вторых, это очень важный церковный обряд. В те времена смертность была очень высока и если ребенок умирал некрещеным, то это считалось одним из самых страшных грехов. Поэтому метрические книги XIX – начала XX вв. поражают людей, впервые их взявших в руки, прежде всего тем – когда именно (после собственно рождения) ребенок крестился. Обычно это делалось через два (!!!) дня после рождения (скажем, родился 3-го, крестился 5-го). Особенно поражают записи, а таковые тоже встречаются, когда ребенок рождался и крестился в один и тот же день (!).

Итак, у Аксиньи родилась дочь. Ей надо идти в церковь и, интересно, что она там скажет об отце ребенка ?

По моему разумению возможны только два варианта. Первый – нужно срочно бежать к Степану и как-то с ним договариваться. В том плане, что они расстанутся полюбовно. В этом случае ребенок может быть крещен и именоваться он будет Татьяной Степановной Астаховой (по аналогии с баталистом и писателем). Второй – развод: сама ситуация (рождение ребенка) подталкивает к этому. Кстати, совершенно непонятно – кому после развода будет принадлежать дочь ? Шансы Степана, как невиновной стороны, вроде выглядят предпочтительнее.

Пантелей Прокофьевич, приезжает проведать сына:

“Встав из-за стола и отправляясь к двери курить, будто невзначай раза два качнул люльку; просунув под положок бороду, осведомился:

- Казак ? - Девка, . . .

Пантелей Прокофьевич деловито оглядел чернявую головку, торчавшую из вороха тряпья, и не без гордости удостоверил:

- *Наших кровей... Эх-гм... Ишь ты !..* [т. 1, ч. 2, гл. XXI].

Разве такое возможно ? Далее, отец сопровождает Григория в станицу:

“- Значит не думаешь с женой жить ?

. . . .

- *У меня вон дите; об чем гутарить ? Теперича уж не прилепишься.* [там же]

Так какие права у Григория на ребенка ?

Вопрос № 6. Отправление Григория на службу. Показано, как конь с изъяном может сделать эту службу крайне непривлекательной и нежелательной для уважающего себя казака. Автор повествует, что если бы не удалось быстро решить эту задачу (привести коня Петра), то Григория зачислили бы в какое-то пешее подразделение, что, в свою очередь, очень обидно и недостойно для казака.

Итак, значение лошади, в частности, и обмундирования, в целом, при зачислении на службу очень велико. А как насчет отношения к конкретному казаку местной власти, скажем, станичного Правления ? Оно разве не имело право определять кому – где служить ? После такого «номера», который всем стал известен, разве не могла местная власть загнать провинившегося, выражаясь современным языком, в какую-нибудь «команду ассенизаторов» ?

В очередной раз рассмотрен второстепенный фактор и совершенно игнорируется один из основных.

Вопрос № 7. Совсем уж «дикая» сцена встречи Петра и Григория в начале войны: *“- Наталья у нас. . .*

- *Ты в письмах хучь поклоны ей посылай. Тобой баба и дышит.*

- *Что же она... разорванное хочет связать ?*

- *Да ить как сказать... Человек своей надеждой живет. Славная бабочка.*

Строгая. Себя дюже блюдет. Чтоб баловство какое аль ишо чего – нету за ней этого.

- *Замуж бы выходила.*

- *Чудное ты гутаришь !*

- *Ничего не чудное. Так оно должно быть.*

- *Дело ваше. Я в него не вступаюсь.”* [т. 1, ч. 3, гл. X].

Итак, что имеет ввиду Григорий, говоря «замуж бы выходила» ? Или, вернее, что подразумевает автор, наделяющий своего героя подобными высказываниями ? Ведь Наталья могла выйти замуж, только предварительно разведясь.

Вопрос № 8. Наталья приходит к Аксинье и просит (?) вернуть мужа ! А почему не потребовать и не поставить ей условия ? Кстати, да и самой можно не ходить, а послать кого-либо с «ультиматумом».

Вопрос № 9. А каким, собственно, образом Григорий с Аксиньей могли поселиться у Листницкого ? Хугора Татарский и Ягодный в юрту одной и той же Вешенской станицы. Всем все хорошо известно. Генерал, один из самых уважаемых жителей станицы, а также, разумеется, блюститель традиций и нравственности. Разве он мог позволить им поселиться у себя ? К тому же, наемных рабочих он мог найти в любом количестве.

Вопрос № 10. Сцена смерти Тани.

“- Николай Алексеевич ! Девочка у меня хворает. Вы ослобоните меня пока... От нее отойти нельзя. - Что с ней ? - Глотошная ее душит...

- Скарлатина ? Почему не сказала, дура ? Эка, черт тебя задеи шалаву ! Беги. Скажи Никитичу, чтоб запрягал, в станицу, за фельдшером. Живо !

Аксинья выбежала рысью, вслед бомбардировал ее старик гулками басовыми раскатами: - Дура баба ! Дура баба ! Дура !

Утром Никитич привез фельдшера. Тот осмотрел обеспамятешую, объявляющую жаром девочку, не отвечая на вопросы Аксиньи, пошел в дом к пану. Листницкий принял его в передней стоя, не подавая руки.

- Что с девочкой ? – спросил, отвечая на приветствие небрежным кивком.

- Скарлатина, ваше превосходительство.

- Выздоровеет ? Можно надеяться ? - Едва ли. Умрет девочка...

- Дурак ! – Пан побагровел. – Чему тебя учили ? Лечи !

Хлопнув дверью перед носом испуганного фельдшера, зашагал по залу.

Постучавшись, вошла Аксинья.

- Фельдшер просит лошадей ему до станицы.

Старик с живостью повернулся на каблуках.

- Скажи ему, что он болван ! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девочку ! . . .” [т. 1, ч. 3, гл. XXII].

Хорошая сцена, одна из немногих (если не единственная), где офицер показан доброжелательным и заботливым человеком. Только вот реальна ли она ? Детская смертность, как уже неоднократно отмечалось, была высокой. Генерал уделяет внимание ребенку, который по статусу даже ниже незаконнорожденного. Вероятно, в таком случае к «нормальным» детям он должен относиться еще лучше (по меньшей мере – не хуже). Осуществляет ли он такую заботу ? Ну, если даже ему и наплевать на мнение своих крестьян, то ведь остается еще и фельдшер. Не логично, если он в дальнейшем ославит генерала, как выжившего из ума самодура ?

* * *

Кажется о 60-х годах прошлого (XX) столетия принято говорить, вспоминая так называемую “сексуальную революцию”, охватившую Запад. Еще тогда нам говорили – “все это будет и у вас, только несколько позже”.

Действительно, те правила в семейных отношениях, которые наступили сейчас, еще лет 30 назад выглядели, по меньшей мере, очень необычно.

Например, “пробный брак”, то есть совместное житье, в процессе которого и определяется – нужно ли создавать семью. Еще совсем недавно это считалось аморальным и старшее поколение было категорически против этого. Еще очень интересной вещью является “брачный контракт”. Впрочем, перечислять можно многое.

Изменения, происходящие в наши дни в отношении к браку и всему, что с ним связано, можно сравнить с изменениями, последовавшими вскоре после Октябрьского переворота. Если то, что происходит сейчас именуется “сексуальной революцией”, то как тогда назвать то, что началось с 20-х годов прошлого века ? Церковь отделяется от государства и больше никакой роли в семейных отношениях не играет. Процесс заключения и расторжения брака упрощен неимоверно. Количество браков ничем не лимитировано.

Автор романа проецирует семейные взаимоотношения, сложившиеся после революции (и, тем более, после Гражданской войны), т. е. полный «беспредел», на дореволюционное время, когда существовали давно сложившиеся и, кстати, очень жесткие правила, регламентирующие брак и семью.

Ну как серьезно все это можно воспринимать и, тем более характеризовать в качестве очень точного описания жизненных ситуаций ?

О революции

В данной главе рассматривается не Октябрьский переворот, как таковой, а период времени, после которого началась Гражданская война. Декабрь 1917 г., январь, февраль и март 1918 г., после этого, очень небольшого, периода началось Всеобщее восстание. Почему это произошло и как это описано в романе ?

Четыре месяца Советской власти.

“При занятии большевиками Дона после смерти Каледина и ухода Добровольческой армии на Кубань было убито до 500 офицеров (Деникин А.И. Очерки русской смуты. с. 204), в Новочеркасске с 13 февраля по 14 апреля 1918 г. расстреляно более 500, в т.ч. 14 генерала, 23 полковника, 292 кадровых офицера. Немало погибло и тех, кто, не вступив в Добровольческую армию, надеялся отсидеться в Ростове. Расстрелы происходили и в других населенных пунктах. В частности, партия около 60 чел. арестованных, преимущественно офицеров была расстреляна у Луганска (Оприц И.Н. Лейб-казаки, с. 89), 74 офицера зарублено в ст. Ладыженской (Мельгунов С.П. Красный террор. с. 89), более 60 арестованных, преимущественно офицеров, расстреляно в феврале – марте в Батайске. около 20 – в конце февраля в

Персияновке. В Ейске 4 мая было расстреляно 7 офицеров, и еще трое 12 июля, не считая одиночных расправ. Другая группа офицеров расстреляна около ст. Новоцербиновской Ейского отдела (Красный террор в годы гражданской войны. с. 123, 215 – 216, 219). О судьбах арестованных тогда можно судить по тому, что, например, на ст. Степной – одном из множества пунктов сбора арестованных, из приведенных туда за три дня (середина февраля 1918 г.) 22 чел. расстреляно было 18 (Лукомский А.С. Воспоминания // Белое дело, кн.1, с. 258) (в начале года там же помимо военно-революционного комитета отрядом приезжих красноармейцев было расстреляно 17 чел.)” [С.В. Волков Трагедия русского офицерства. М., 1999, с. 60 – 61].

12 января 1918 г. в слободе Михайловке красными зверски убито 36 офицеров. [Голубинцев. Русская Вандея. Мюнхен, 1959, с. 52, 56].

“В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погубло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение . . .” [А.И. Деникин «Борьба генерала Корнилова», в серии «Белое дело», М., Голос, т. 7, с. 102].

В статье Р.М. «Смертная жатва» [Донская волна, № 6(34), л.10, 3 февраля 1919 г.] подводятся итоги за первые полгода Советской власти:

“По газетным сведениям только в Москве и Петрограде за полгода (от декабря 1917 г. до июля 1918 г.) расстреляно 40300 человек. Эти цифры нельзя взять под сомнение хотя бы уже по одному тому, что официальные московские “Известия” сообщают, что по приговорам одних чрезвычайных комиссий с июля 1918 г. расстреляно 14868 человек.

Сведения “Известий” приводят цифры с июля 1918 г., а ведь какую жатву пожала красная смерть, если вспомнить казни военных судов в Поволжье, на Дону и на Украине. В Новочеркаске погубило не менее 1500 человек, столько же в Екатерининдаре, а Варфоломеевская ночь в Севастополе, а казни без суда по усмотрению пьяных красногвардейцев ?

Цифра в 40300 человек покажется после всего вспомнутого скорее неточной в сторону преуменьшения. Сорок тысяч жизней во славу торжества “святых идей”, о которых так заманчиво говорят красные. Перед их террором бледнеет все, что было кровавого в истории.

Испанская инквизиция за период с 1481 г. и до 1808 г., то есть за 327 лет сожгла на кострах на 8 тысяч меньше.

Нерон – “зверь из бездны” за 14 лет (52 – 66 гг. по Р.Х.) казнил 119 человек.

Гонения Диоклетиана и Галерия на Христиан унесло 14 тысяч жертв, гонения Деция – 25 тысяч, при чем возможно, что эти цифры преувеличены христианскими историками и апологетами.

Террор Великой французской революции стоил жизни 2500 человек.

Инквизитор Лотарингии Шпренгер, прославившийся жестокими гонениями на ведьм, присудил к кострам за всю свою жизнь 17 тысяч человек

Парижская коммуна расстреляла 5000 человек.

Во время польского восстания 1863 г. было казнено только до 2000 повстанцев. Военно-полевые суды Столыпина вынесли 1100 смертных приговоров.

Все эти цифры ужасны, но они – в сумраке прошлого. Цифры же из “Известий” растут и каждый день их множит и множит”.

«Мефистофель из Кремля.»

Рис. А.Н. Воронцового

Лев Троцкий – «Французские коммунары погибли потому, что оставили Версаль. Мы наш Версаль – Новочеркасск сотрем с лица земли».

[«Донская волна», № 7, л. 1, 22 июля 1918 г.]

В брошюре «Бабичевы и другие» [вып. №12 данной серии] приведен список Донских офицеров, погибших в 1914 г. Их там – 41. Сейчас для этой же серии готовится аналогичный материал по 1915 г. В списке 124 офицера и дополнение по 1914 году – 7 офицеров. На основании этого можно предположить, что общие потери офицеров за всю 1-ю Мировую войну не превышают 250-ти человек.

Сравним эту цифру с уничтоженными полутора тысячами офицеров только в первые 4 месяца Советской власти. Помимо командного состава несли потери, да еще какие, и другие слои населения. Как же все это отражено в романе ?

“Подле станции Калмыков круто повернулся, плюнул в лицо Бунчуку.

- Под-лец !.. Бунчук, уклонившись от плевка, взмахом поднял брови, долго сжимал левой рукой кисть правой, порывавшейся скользнуть в карман.

- Иди !.. – насилу выговорил он.

Калмыков пошел безобразно ругаясь, выплевывая грязные сгустки слов.

- Ты предатель ! Изменник ! ты заплатишься за это ! – выкрикивал он, часто останавливаясь, наступая на Бунчука.

- Иди ! Прошу... – всякий раз уговаривал тот.

И Калмыков, сжимая кулаки, снова срывался с места, шел толчками, как запаленная лошадь. Они подошли к водокачке. Скрипя зубами, Калмыков кричал:

- Вы не партия. А банда гнусных подонков общества ! Кто вами руководит !

– немецкий главный штаб ! Больше-ви-ки... х-х-ха ! Хамы ! Продали Родину !.. Я бы всех вас на одной перекладине... О-о-о-о ! Время придет !.. Ваш этот Ленин не за 30 немецких марок продал Россию ?! Халнул миллиончик –и скрылся...каторжанин !

-Становись к стенке ! – протяжно, заикаясь, крикнул Бунчук”. [кн. 2, ч. 4, гл. XVII].

"На предложение арестовать офицеров казаки ответили отказом. За всю дорогу потеряли лишь одного офицера – полкового адъютанта Чирковского, которого приговорили к смерти сами казаки, а привели в исполнение приговор Чубатый и какой-то красногвардеец-матрос.

Перед вечером 17 декабря на станции Синельниково казаки вытащили адъютанта из вагона.

- Этот самый продавал казаков ? – весело спросил вооруженный маузером и японской винтовкой шербатый матрос-черноморец.

- Ты думал – мы обознались ? Нет, мы не промахнулись, его вытянули ! – задыхаясь, говорил Чубатый.

Адъютант, молодой подьесаул, затравленно озирался, гладил волосы потной ладонью и не чувствовал ни холода, жегшего лицо, ни боли от удара прикладом. Чубатый и матрос немного отвели его от вагона.

- Через таких вот чертей и бунтуются люди, и революция взыграла через таких... У-у-у, ты, коханий мой, не трясись, а то осыпешься, - пришептывал Чубатый и, сняв фуражку, перекрестился. – Держись, господин подьесаул !

- Приготовился ? – играя маузером и шалой белозубой улыбкой, спросил Чубатого матрос.

- Готов !

Чубатый еще раз перекрестился, искоса глянул, как матрос, оставив ногу, поднимает маузер и сосредоточенно жмурит глаз, - и, сурово улыбаясь, выстрелил первым". [кн. 2, ч. 4, гл. XXI].

Всего-ничего, два расстрела.

1-й – явная сволочь. Причем, сколько выдержки и терпения проявил Бунчук ("Иди ! Прошу ..."). И только, когда оскорбили самое святое – вождя, наступило возмездие (разумеется, справедливое).

Со 2-м также все в порядке. Приговорен своими же однополчанами. Предваряет это событие фраза (*"На предложение арестовать офицеров казаки ответили отказом"*).

В дальнейшем встречаем описание Революционных трибуналов, где автор проявляет максимальное уважение к этой "трудной, но столь необходимой" работе:

"В марте Бунчук послан на работу в Революционный трибунал при Донском ревкоме. Высокий, тусклоглазый, испитой от работы и бессонных ночей председатель отвел его к окну своей комнаты, сказал поглаживая ручные часы (он спешил на заседание):

С какого года в партии ? Ага, дельно. Так вот, ты будешь у нас комендантом. Прошлой ночью мы отправили в «штаб Духонина» своего коменданта... за взятку. Был форменный садист, безобразник, сволочь, - таких нам не надо. Это работа грязная, но нужно и в ней сохранить целеньким сознание своей ответственности перед партией, и ты только пойми меня, как надо... - нажал он на эту фразу, - человечность сохранить. Мы по необходимости физически уничтожаем контрреволюционеров, но делать из этого цирк нельзя. Ты понимаешь меня ? Ну, и хорошо, Иди, принимай дела.

И в ту же ночь Бунчук с командой красногвардейцев в шестнадцать человек расстрелял в полночь за городом, на третьей версте, пятерых приговоренных к расстрелу. Из них было двое казаков Гниловской станицы, остальные – жители Ростова.

Почти ежедневно в полночь вывозили за город на грузовом автомобиле приговоренных, наспех рыли им ямы, причем в работе участвовали и смертники, и

часть красногвардейцев. Бунчук строил красногвардейцев, ронял чугунно-глухие слова:

- По врагам революции... - и взмахивал наганом, - пли !
За неделю он высох и почернел, словно землей подернулся".

...

"Устало рассматривая свои ладони, сказал:

- Истреблять человеческую пакость – грязное дело. Расстреливать, видишь ли, вредно для здоровья и души... Ишь ты... - в первый раз в присутствии Анны он безобразно выругался. – На грязную работу идут либо дураки и звери, либо фанатики. Так, что ли ? Всем хочется ходить в цветущем саду, но ведь – черт их побори ! – прежде, чем садить цветики и деревца, надо грязь очистить ! Удобрить надо ! Руки надо измазать ! – повышал он голос, несмотря на то, что Анна, отвернувшись. Молчала. – Грязь надо уничтожить, а этим делом брезгают !.. – уже кричал Бунчук, грохая кулаком по столу, часто мигая налитыми кровью глазами.

В комнату заглянула мать Анны, и он, опомнившись, заговорил тише:

- Я не уйду с этой работы ! Тут я вижу, ощутимо чувствую, что приношу пользу ! Серебра нечисть ! Удобраю землю, чтоб тучней была ! Плодовитей ! Когда-нибудь по ней будут ходить счастливые люди... Может, сын мой будет ходить, какого нет... - Он засмеялся скрипуче и невесело. – Сколько я расстрелял этих гадов... клещей... Клещ – это насекомое такое, в тело въедается... С десятков вот этими руками убил... Бунчук вытянул вперед сжатые, черноволосые, как у коршуна когтистые, руки: роняя их на колени, шепотом сказал: - И вообще к черту ! Гореть так, чтобы искры летели, а чадить нечего... Только я, правда, устал...Еще немного, и уйду на фронт... ты права...

Анна, молча слушавшая его, тихо сказала:

- Уходи на фронт или на какую иную работу...Уходи, Илья, иначе ты... свихнешься.

Бунчук повернулся к ней спиной, побарабанил в окно.

- Нет, я крепкий... Ты не думай, что есть люди из железа. Все мы из одного материала литы... В жизни нет таких, которые не бояться на войне, и таких, кто бы, убивая людей, не носил... не был нравственно исцарапанным. Но не о тех, с погончиками, болит сердце... Те – сознательные люди, как и мы с тобой. А вот вчера пришлось в числе девяти расстреливать трех казаков... тружеников... - Одного начал развязывать... - Голос Бунчука становился глуше, невнятней, словно отходил он все дальше и дальше. – Тронул его руку, а она, как подошва... черствая... Проросла сплошными мозолями... Черная ладонь, порепалась... вся в ссадинах... в буграх... Ну я пойду, - резко оборвал он рассказ и незаметно для Анны потер горло, затянутое, как волосным арканом, жесткой спазмой.

Он обулся, выпил стакан молока, пошел. В коридоре его догнала Анна. Долго держала его тяжелую руку в своих руках, потом прижала ее к пылающей щеке и выбежала во двор". [кн. 2, ч. 5, гл. XX].

Кстати, все это неплохо смотрится в сравнении с описанием расстрела подтепковцев:

"Отвратительная картина уничтожения, крики и хрипы умирающих, рев тех, кто дождался очереди, - все это безмерно жуткое, потрясающее зрелище разогнало людей. Остались лишь фронтовики, едваволь видевшие смерть, да старики из наиболее остервенелых" [кн. 2, ч. 5, гл. XXX].

* * *

Описания этих расстрелов сохранились, предлагается статья Виктора Севского «Семь расстрелянных» [Донская волна, № 1, с. 8 – 10, 10 июня 1918 г.]:

“12 февраля в Новочеркасск вошел войсковой старшина Голубов с мятежными казаками. В зале судебной палаты его ожидал войсковой круг с атаманом Назаровым. С шумом открыл Голубов дверь, вошел в зал, лохматый, в полушубке без погон. “В России творится великая социальная революция, а вы разговоры разговариваете”, - закричал он на носителей высшей власти на Дону.

Круг встал и остался сидеть один атаман Назаров. Не встал бы еще и председатель круга Е.А. Волошинов, но ему хотелось из-за сотен голов разглядеть виновника шума:

“Не кричите”, - спокойно сказал Назаров Голубову. “Кто вы ?”

“Я –товарищ Голубов. А вы кто ?” –закричал Голубов, приближаясь к атаману.

“А я – войсковой атаман Войска Донского”.

“Самозванец, кто вас выбрал ?”

“Пять раз выбирало меня Войско Донское, пять раз я отказывался, но принял власть, как тяжелое бремя”.

“Арестовать, арестовать”, - кричал в исступлении Голубов.

К атаману бросились молодые безусые казаки, сторонники Голубова. Они сорвали с атамана генеральские погоны и схватили его за локти. “Волошинов, Волошинова держите”, - закричали они, увидя председателя круга.

Арестованных повели через зал, дали им их пальто и повели на гауптвахту. На улице грянул оркестр и проводил избранных вольного Дона браваурным маршем на гауптвахту. Здесь сам Голубов нашел темную сырую камеру для председателя круга и запер ее громадным замком. Назарова втолкнули в пустую, но светлую камеру. Они были первыми пленниками советской революции в Новочеркасске. Атаман Назаров заснул на столе, положив под голову подножку табурета, а Волошинов долго ходил по темной сырой камере, сжимая голову от невыносимой боли в висках

Прошла первая ночь. . . Утром и поздним вечером на следующий день уже не казаки Голубова, а красная гвардия и матросы ввели на гауптвахту десятки арестованных. Привели архиеерея Митрофания и бросили его в одну камеру с атаманом Назаровым. Привели боевых генералов Усачева, Груднева, Исаева, полковника Грузинова, десятки войсковых старшин, есаулов, хорунжих. Ввели китаЙцев-партизан из отряда китаЙца-сотника Хоперского.

В камеру Назарова толпой ворвалась красная гвардия и издевалась над пленным атаманом. Тянулись к нему жадными к крови руками, плевали, ругались. “Сегодня мы поьем твой крови, сегодня мы из тебя вытянем жилы”.

Терпел, молчал пленный атаман. Ночью снова спал атаман на столе с головой на табурете. Спал вместе с архиеером дряхлым и немощным. Никто не заботился о пище для пленников. Ее приносили родные пленников, но из пищи лучшие куски доставались страже, которую также не кормили. На третий день пришел Голубов и распорядился перевести атамана Назарова в комнату Волошинова. “В камере Назарова слишком много света”.

Сидели вместе избранники вольного Дона. Назаров шутил, смеялся и у стражи спрашивал: “Ермака и Платова еще не снесли с пьедесталов ? Напрасно, напрасно. Вам-бы Емельяна Пугачева на площади поставить”.

Казаки конфузливо улыбались. Волошинов, рожденный быть композитором, музыкант, был невесел и читал Мусоргского. В темную камеру заглядывала красная гвардия, нацупывала во мраке свечей атамана и глумилась над ним. Волошинову говорили: “А ты – хороший человек”. Назаров твердо сносил пытки и только потом, когда оставался вдвоем с Волошиновым, говорил: “Лучше смерть, чем хамство”.

Его водили на допрос к Подтелкову, к совету пяти:

“Зачем вы проливали кровь ?” - “Я крови не проливал”.

“Зачем затевали гражданскую войну ?”

- “Я не затевал гражданскую войну”.

Допрашивали вяло, нехотя, соблюдая формальность. 17-го февраля Назаров гулял по двору гауптвахты, был хороший зимний вечер. Назаров вернулся в камеру, бодрый, веселый. Поздоровался с родными Волошинова и бросил им: "Заслужил доверие, гуляю без конвоя". Смеялся и Волошинов: "Завтра меня будут допрашивать. Очередь доходит до войсковых старшин. Генералов и полковников уже допросили".

Поздно вечером попрощались родные с Волошиновым. А около полночи на гауптвахту принесли приказ о переводе семи арестованных в тюрьму. Приказ был написан поперек листа. "Ведь нас поведут на расстрел. Ведь здесь обычной установился: если поперек листа – смерть, вдоль листа – тюрьма".

Арестованные успокаивали Волошинова, как казаки–стража его родных: "Атаману Назарову – вечная каторга, а Волошинову – три года тюрьмы".

В полночь 22 красногвардейца и 3 казака вывели из гауптвахты семерых атамана Назарова, Волошинова, генералов Усачева, Груднева, Исаева, полковника Рота и войскового старшину Тарарина. Повели длинной дорогой к тюрьме. Был туман, ноги скользили по грязи, чужь покрытой снегом. Прошли последний домик на окраине и повернули с тропинки, что ведет к тюрьме. Повели на ростовский тракт.

"Куда вы ведете?" – крикнули арестованные.

- "Вестимо куда . . ."

И щелкнули затворами ружей. Готовились к страшному делу и суетились без толку. Атаман Назаров крикнул: "Я сам буду командовать, вы и убить то не умеете".

Спокойствие обреченных на смерть испугало начальника конвоя. Он в испуге прилег под кустом, а потом, когда свершилось, почти без памяти убежал в город.

"Раз, два, три", - скомандовал атаман, выстроив в ряд своих спутников по тернистому пути. "Сволочи, при!" – крикнул он в темноту.

Рис. Е.П.
Рытченкова
«Донская
волна»
№ 7, с. 15
22 июля
1918 г.

Грянул залп и все упали, Убийцы бросились к трупам и сняли с них все, кроме белья. А один из убитых – генерал Усачев был раздет даже донага. Свернувши узелками одежду убитых, убийцы ушли.

Прошло полтора часа. На месте казни зашевелился Волошинов. Он был жив, у него было прострелено бедро, исколото штиком левая рука. Томила жажда, окликнул трупы. Молчат его спутники, заснули мертвым сном. Раненый пополз наугад в город. Полз, стелая от боли, томимый жаждой. Прополз 40 шагов и нащупал калитку. Открыл ее, дополз, ощупывая землю до ступенек и по ним взобрался на крыльцо. Постучал в дверь. Дверь не скоро открыла женщина. Пусть будет презренно ее имя – Парапонова.

“Кто там ?” - “Я Волошинов. У меня рана в боку, дайте мне воды”.

“Нет у меня воды”. - “Прикройте меня, мне холодно, я в одном белье”.

“Нечем мне тебя прикрывать”. - “Позовите моих родных, я прощусь с ними”.

“Не буду я звать никого”. И захлопнула дверь.

“Хоть карандаш и бумагу дайте. Я напишу последнее прости семье. Детей моих пожалейте”.

Молчала Парапонова, кричала ее невестка. Волошинов изнемогал от жажды. Женщины ушли куда-то . . . Собрался народ, глазели бабы на мученика, ругались мужики.

“Идут”, - сказано, наконец, воротившаяся Парапонова.

Волошинов закрыл руками глаза, быть может почувствовал близость убийц, быть может не хотел испугать родных, которых ждал, бледной краской своего лица, мукой в глазах. А по околице около дома скакали на лошадях три казака – палача. Их звали на каждый расстрел. Были они мастера своего дела. Пусть казаки сохраняют их имена: Никулин Петр, Абрамов Василий, Пшеничнов. Никулин размахивал шашкой, давил народ лошадьё. “Где он ?” - “На крыльце”.

Палачи соскочили с коней. Никулин взбежал на ступеньки. Сбросил с плеча винтовку и стал ее заряжать. “Прими руки” – крикнул он Волошинову.

Волошинов беспомощно бросил руки на грудь. Никулин почти в упор выстрелил в правую грудь. Волошинов вздрогнул. Никулин схватил его за ноги и потащил его по ступенькам. Голова билась о ступеньки, на лицо налипала грязь. Мученика тащили на место казни семи. За ним шла толпа любопытных. Бросили около трупов седьмого и ушли палачи. Праздные остались, глазели на трупы. Волошинов снова шевельнулся. Он был еще жив. Кто-то побежал сообщить в милицию. Через час пришли трое рабочих завода Фаслера. Рабочий Карсавин в упор выстрелил Волошинову в глаз. Расползся затылок, упал в глазную впадину глаз. Мученик умер.

Нескоро сказали жене мученика об участии ее мужа, а когда сказали, она бросилась к месту казни, стала хлопотать о погребении. “Разве это сволочь еще не погребена ?” – удивились комиссары, когда увидели его вдову, хлопотавшую о погребении. Драгиль отвез трупы казенных в больницу. Голова Волошинова билась о задох дрог. Судьба добивала мученика.

Скорбная вдова приходила к женщине, русской женщине Парапоновой. Ту, верно, сперва терзала совесть. У нее отнимался язык, она была у исповеди. Но потом оправилась и бог покинул ее душу. Волошиновой она сказала: “Ваш муж мне кровью провонял крыльцо”.

История бережет только факты. Слезы вдов, матерей и детей текут мимо нее. Волошинова, автора нежных романсов, музыканта минорных тонов, судьба заставила быть донским атаманом на заре революции, заставила умереть председателем донского парламента на закате революции, огненном и кровавом”.

Неплохо описана в романе жизнь Ростова в данный период:

"А Ростов жил стремительной полнокровной жизнью, вечерами по Большой Садовой расхаживали толпы солдат, матросов и рабочих. Митинговали, пущили семечки, поплевывали в стекавшие вдоль тротуаров ручейки, забавлялись с бабами. Так же, как и раньше, работали, ели, пили, спали, умирали, рожали, любили, ненавидели, дышали солоноватым с моря ветерком, жили, одолеваемые большими страстями и малыми страстишками". [кн. 2, ч. 5, гл. XX].

В книге Локермана А.С. (социал-демократа, одного из лидеров ростовских меньшевиков) «74 дня советской власти. (Из истории диктатуры большевиков в г. Ростове н/Д)». Ростов н/Д, 1918, с. 11), о смерти полковника Жеребкова написано следующее:

"Переодетый в штатское платье, Жеребков шел по улице (Ростова–С.К.), когда кто-то узнал его. Подоспевший солдат ударом сабли перебил ему руку и вторым ударом ранил в лицо. Неистовавшая толпа сперва отдавала Жеребкову честь и иронически величала его "вашим превосходительством", а затем плевала ему в лицо, производила бесстыдные телодвижения и всяческие издевательства. Подоспевший увечный воин злобно и упорно начал бить несчастного костылем по свежераненному лицу. Пытаясь защититься от ударов, Жеребков взмахивал перебитой рукой, из которой фонтаном била кровь и отрубленная часть которой повисла и болталась на жонках покрывах. Постепенно Жеребкова забили до смерти.

Это если не единственный, то во всяком случае крайне редкий случай участия толпы в истязаниях. Обычно роль толпы сводилась к тому, что она кричала "ура" после расстрела, ликовала и даже танцевала вокруг трупов, глумилась над ними, не давала их убирать и т.д. . . .

Выступать на защиту убиваемых нельзя было. Толпа ревниво следила за теми, кто не выражал сочувствия избиению. Бабы чуть не подвергли самосуду интеллигентную девушку, с плачем убежавшую от картины издевательства над Жеребковым. Вслед ей кричали: "Эту тоже убить надо. Ишь, плачет. Жалко ей буржуй".

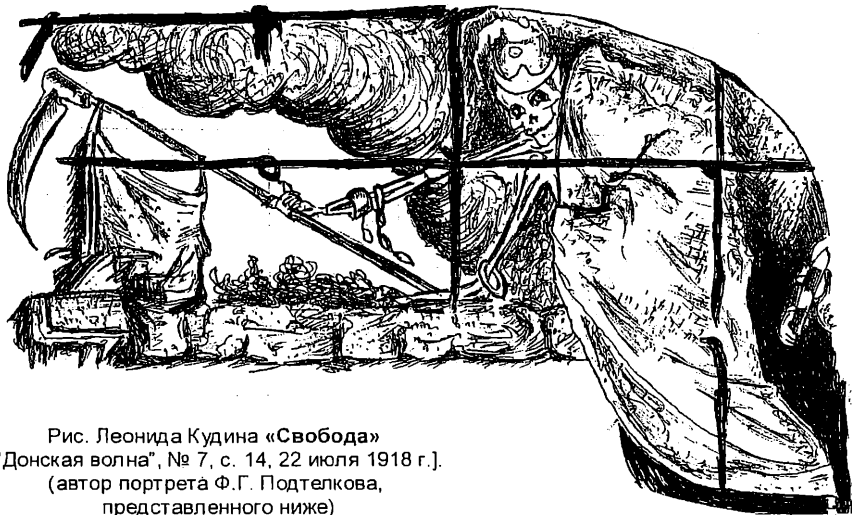

Рис. Леонида Кудина «Свобода»
[«Донская волна», № 7, с. 14, 22 июля 1918 г.]
(автор портрета Ф.Г. Подтелкова,
представленного ниже)

Таким своеобразным образом (ставя все с ног на голову) автор обходит все острые углы. Но ведь еще надо дать объяснение начавшемуся Всеобщему восстанию. И оно дается:

“Тираспольский отряд 201 Социалистической армии, потрепанный в боях с гайдамаками и шагавшими через Украину немцами, с боем прорвался на Дон, выгрузился из вагонов на станции Шептуновка, а так как впереди уже были немцы, то, с целью пробраться на север, в Воронежскую губернию, походным порядком пошел через юрт Мигулинской станицы. Разложившиеся под влиянием уголовных элементов, обильно наводнивших собою отряд, красногвардейцы бесчинствовали по дороге. В ночь на 17 апреля, расположившись на ночевке под хутором Сетраковым, они, несмотря на угрозы и запрещения командного состава, толпами пошли в хутор, начали резать овец, на краю хутора изнасиловали двух казачек, открыли беспорядочную стрельбу на площади, ранили одного из своих. Ночью заставы перепились (спирт везли на каждой повозке обоза). А в это время трое верховых казаков, высланных из хутора, уже поднимали в окрестных хуторах слух.

Ночью в потемках седлали коней, снаряжались, наскоро сколачивали отряды из фронтовиков и стариков и под руководством живших на хуторах офицеров, а то и вахмистров, стягивались к Сетракову, окружали красногвардейский отряд, копилась в балках и за буграми. Из Мигулинской, с Колодезного, с Богомолова двигались в ночи полусотни. Поднялись верхнечирцы, наполовцы, калиновцы, ейцы, колодезянцы. . . . Через час завершено было дело: отряд разгромлен дотла, более двухсот человек порублено и постреляно, около пятисот взято в плен. Две четырехорудийных батареи, двадцать шесть пулеметов, тысяча винтовок, большой запас боевого снаряжения попала в руки казаков.

День спустя уже цвели по всему округу красные флажки скакавших по шляхам и проселкам нарочных. Станицы и хутора гудели. Свергали Советы и наспех выбирали атаманов” [кн. 2, ч. 5, гл. XXI].

Вот оно, как было на самом деле (!). Просто-напросто, изнасиловали двух казачек (!!).

Отдельные образы

В романе дается объяснение – кому не нравилась Советская власть, и кто вознамерился оказывать сопротивление:

“Новочеркасск стал центром притяжения для всех бежавших от большевистской революции. . . 2 ноября в Новочеркасск прибыл в сопровождении ротмистра Шапрона генерал Алексеев. Переговорив с Калединым, он принялся за организацию добровольческих отрядов. Бежавшие с севера офицеры, юнкера, ударники, учащиеся, деклассированные элементы из солдатских частей, наиболее активные контрреволюционеры из казаков и просто люди, искавшие острых приключений и повышенных окладов, хотя бы и «керенками», - составили костяк будущей Добровольческой армии”. [кн. 2, ч. 4, гл. III].

Интересные перечень, особенно неплохо выглядят “деклассированные элементы”.

Достаточно характерно описание большевиков, с одной стороны и офицеров, с другой.

Из сцены появления Бунчука в комитете партии Ростова:

«Сколько же тебе пришлось голодать, браток, что ты с одного взгляда отличаешь сытого от голодного, и сколько пережил ты горя либо ужаса, прежде чем у тебя появился вот этот седой клок?» – с растроганной ласковостью подумал Бунчук, глядя на жуковую голову Абрамсона, белевскую справа ослепительно ярким пятном седины. И уже шагая с провожатым на квартиру Абрамсона, Бунчук все думал о нем: «Вот это парень, вот это большевик ! Есть злой упор, и в то же время сохранилось хорошее, человеческое. Он не задумывается подмахнуть смертный приговор какому-нибудь саботажнику Верховцову и в то же время умеет беречь товарища и заботиться о нем» [кн. 2, ч. 5, гл. IV].

Из сцены встречи Подтелкова, приехавшего на переговоры в Новочеркасск:

“Вот они мерзавцы, предатели казачества ! – крикнул с облитого толпой перрона какой-то длинноусый офицер.

Подтелков побледнел, глянул на Кривошлыкова чуть растерянным, косящим взглядом. Тот выходил следом за Подтелковым; улыбаясь шепнул:

- «Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья...» Слышишь, Федор ?

Их сопровождал сильный офицерский наряд. До самого областного правления бесновалась провожавшая их, жаждавшая самосудной расправы, толпа. Бесчинствовали, оскорбляя делегатов, не только офицеры и юнкера, но и какие-то казаки, и прилично одетые женщины, и учащиеся.

- Какое вы допускаете безобразие ! – обратился к одному из сопровождавших офицеров возмущенный Лагутин.

Тот смерил его ненавидящими глазами, прошептал:

- Благодарю бога, что живой останешься... Моя бы власть – я бы тебя, хамлюга... у-у, падаль ! [кн. 2, ч. 5, гл. X].

Из сцены переговоров Подтелкова с Калединым:

“С разрешения Каледина из публики выступил подъесаул Шеин, георгиевский кавалер всех четырех степеней, из рядовых казаков дослужившийся до чина подъесаула. Он оправил складки гимнастерки, будто перед смотром, - сразу взял в намет.

“Чего нам, станишники, слушать их ! – Кричал он высоким командным образом, рубя рукой, как палашом. – Нам с большевиками не по пути ! Только изменники Дону и казачеству могут говорить о сдаче власти Советам и звать казаков идти с большевиками ! И уже прямо указывая на Подтелкова, обращаясь непосредственно к нему, он изгибался, кричал: - Неужели вы думаете, Подтелков, что за вами, за недоучкой и безграмотным казаком, пойдет Дон ? Если пойдут – так кучка оголтелых казаков, какие от дома отбились ! Но они, брат, очнуться – и тебя же повесют !

В зале задвигались головы, как шляпки подсолнухов, расталкиваемые ветром; набряк стон одобряющих голосов. Шеин сел. Его прочувственно хлопал сзади по плечу какой-то высокий, в сборчатом полушубке, офицер, с погонами войскового старшины. Возле столпились офицеры. Истерический женский голос растроганно чечекал:

- Спасибо, Шеин ! Спасибо !

- Bravo, есаул Шеин ! Брависсимо ! – гимназическим петушиным баском кукарекал кто-то из завсегдатаев галерки, сразу даря подъесаула Шеина лишним чином” [кн. 2, ч. 5, гл. X].

Кстати, несуразность чина подьесаула для простого казака (получение всех 4-х Георгиевских крестов, а затем еще и 4-й офицерских чинов) обсуждается в следующей главе.

* * *

Не сказать, чтобы вождь мирового пролетариата часто упоминался. Скорее, вскользь: *“Съезд фронтового казачества в станице Каменской объявил о переходе власти в руки Военно-революционного комитета. Узнав об этом, Ленин сказал по радио: на Дону сорок шесть казачьих полков объявили себя правительством и воюют с Калединым. Казаки – фронтовики послали в Петроград, на Всероссийский съезд Советов своих делегатов. В Смольном их принял Ленин.*

- Смотрите с лица земного врагов народа, выгоните Каледина из Новочеркасска... - призывал казаков Всероссийский съезд Советов” [кн. 2, ч. 5, гл. IX].

Ниже предлагается статья П.И. Ковалева «Ленин о Каледине и Богаевском» [Донская волна, № 11, л. 7, 19 августа 1918 г.], описывающая эту встречу:

“В бешенных нападках комиссаров на «контрреволюцию» больше всех доставалось Каледину и Богаевскому. Лейб-орган большевиков «Правда» не жалела красок для изображения донских вождей. Нельзя сказать, чтобы «Правда» не имела успеха. Я в то время жил в Петрограде и с грустью наблюдал, как рабоче-красногвардейские органы большими массами направлялись к Николаевскому вокзалу, чтобы идти «завоевывать» Дон. Совет союза казачьих войск, членом которого я состоял, отдавал себе ясный отчет в том, что угрожает Дону. До того времени он не входил ни в какие деловые сношения с советской властью, но теперь, чтобы предотвратить прозу, нависшую над Донским казачеством, он вынужден был сделать визит Смольному. Туда была направлена делегация, в которую вошел и пишущий эти строки. Я несколько раз бывал в большевистской штаб-квартире, и тем не менее, отправляясь в

этот раз, я испытывал какое-то особое волнение. Решалась судьба Дона. Самый Смольный показался мне особенно отвратительным. Впрочем, он таковым был и на самом деле. На каждом шагу можно было наткнуться на кучи мусора и грязи. Если бы не вооруженная стража, то можно было подумать, что вы вошли в трактир низшего пошиба. Невеселые мысли навевала на нас эта обстановка.

Нам сообщили, что нашу делегацию примет сам Ленин. Нас ввели в средней величины комнату и сказали: - Подождите здесь, сейчас о вас доложат.

Не успели мы как следует оглядеться, как к нам приблизилась довольно невзрачная фигура и стала здороваться. - С кем имею честь? - начал было я. - Ленин - Ульянов, моя фамилия Ленин! - скороговоркой ответил подошедший.

Низенький, плугавенький, с небольшим брюшком, в черной паре довольно подозрительной чистоты он своей наружностью напоминал приказчика из захолустного местечка. Еще непригляднее было его лицо: синий цвет кожи, плоский нос, маловыразительные черты лица. Но всего неприятнее были его глаза: маленькие, глубоко сидящие и беспокойно бегающие они не смотрели прямо на человека и были подернуты какой-то дымкой, точно думал он все время одну затаенную думу, а все эти разговоры с многочисленными посетителями являлись для него лишь неизбежным злом, не могушим, впрочем, изменить его взглядов на давно вырешенные им вопросы. - Правда ли, что вы по происхождению - донской казак? - спросил кто-то из нас Ленина. - Что вы, что вы. - поспешил отказаться глава России, - ничуть не бывало, я - симбирский дворянин.

Ленин был предупрежден о цели нашего посещения и потому, вопреки нашему ожиданию, сразу же заявил, что карательные отряды на Дон действительно посылаются. В дальнейшем у нашей делегации произошел с Лениным такой диалог.

- Чем вызвана посылка на Дон карательной экспедиции?

- Тем, что Каледин и Богаевский ведут контрреволюционную политику, не отвечающую интересам "трудового казачества".

- Это не совсем так, Каледин и Богаевский пользуются абсолютным доверием Войскового Круга, много раз последним переизбирались, а потому не может быть и речи о том, что они ведут личную политику, не отвечающую интересам широких масс. Каледин и Богаевский и вообще все войсковое правительство лишь исполняют волю Войскового круга, хозяина Донской области.

- Но ваш Войсковой Круг представлен лишь офицерством и буржуазными элементами и в нем не слышно голоса "трудового казачества".

- Это неверно, выборы в Войск. Круг производились по 4-х-членной формуле, по самому, как видите, демократическому принципу и представлен он в подавляющем большинстве казаками-хлеборобами и казаками-фронтниками, и раз он так дружно стоит за Каледина и Богаевского, очевидно, он одобряет политику последних.

- Но ведь вы не станете отрицать того, что у вас в Новочеркасске собираются все контрреволюционные элементы. Зачем, например, вы даете приют у себя таким г.г., как генерал Алексеев и Родзянко?

- Мы не видим оснований отказывать названным лицам в возможности жить у нас, раз они не совершили никакого преступления. В этом отношении мы хотели подражать англичанам, дающим право жить у них всякому политическому эмигранту, раз он не нарушает местных законов, и вы, вероятно, слышали уже о восстановлении у нас старого доброго обычая, что «с Дона выдачи нет».

Помню, что при этом покойный ныне член совета Худяков, полушутя, полу-серьезно добавил: - Если бы вам, Владимир Ильич, грозил здесь самосуд и вы бы искали спасения у нас на Дону, то, наверное, вас бы откуда не выдали и во всяком случае защитили бы от несправедливой расправы.

... Уж будто бы? - улыбаясь, спросил Ленин. - Конечно, - тоже смеясь ответили мы. - Но что вы скажете о бесправном положении у вас ингородного населения?

Сьятель.

Шель сьтгель сьтъ и . . . сьтъ.

[«Донская волна», № 7, л. 2, 22 июля 1918 г.]

- Это тоже неверно. Постановлениями Круга предположено наделить крестьян землей по нормам, имеющим быть установленными Учредительным Собранием, а во всех прочих отношениях по возможности уравнивать с казаками. Вам, вероятно, уже известно, что и правительство Донское на половину состоит из представителей иногороднего сословия, так что говорить о бесправном положении неказачьего населения на Дону, по нашему, не приходится. Вообще же делегации совета союза казачьих войск представляется непонятным, почему совет народных комиссаров, ставящий в основу управления Россией принцип самоопределения народностей и уже признавший за некоторыми ее областями, например, за Финляндией право даже на полное отделение, в то же время за Донской областью не хочет признать право только на самоуправление, хотя она населена самым лояльным и притом чисто русским населением. Делегация готова считать все происходящее плодом недоразумения, что уже было при Керенском, когда Верховный мобилизовал против Дона два военных округа, в то время, когда там и не думали помышлять о каких бы то ни было агрессивных действиях против Временного Правительства.

Боязнь, что родной Дон может сделаться ареной междоусобной кровавой бойни, избежать которую вероятно не прочь и совет народных комиссаров, понуждает и совет союза казачьих войск обратиться к народным комиссарам с предложением направить на Дон уполномоченных советской власти, чтобы убедиться, что там налицо нет никаких поводов для обвинения Войскового Правительства и Каледина в какой бы то ни было контрреволюции.

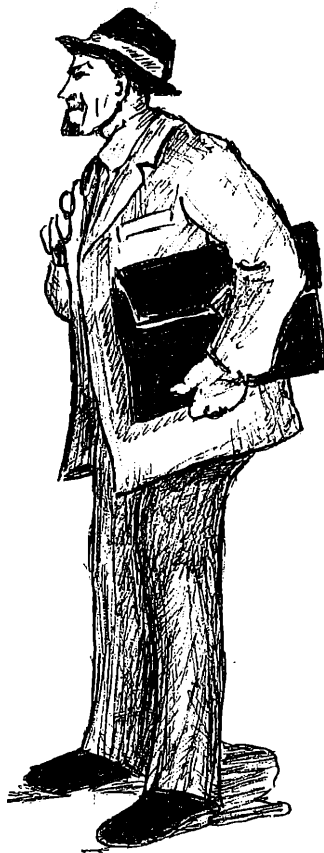
В заключении делегация предлагала себя в заложники Смольному, если у последнего возникнут сомнения в неприкосновенности советской делегации на Дону.

Из беседы с Лениным я вынес убеждение, что дело не в Каледине и Богаевском. Мне даже показалось, что и сам Ленин не верил в их реакционность.

В заключении мы заявили Ленину, что на наш визит он не может смотреть, как на факт признания советской власти: это бы не отвечало убеждениям самого совета и, кроме того, он на это не уполномочен Войсковым Правительством.

Ленин обещал нам дать окончательный ответ на следующий день после того, как посоветуется с Троцким. Но на следующий день нам сообщили, что у народных комиссаров не встречается надобности в беседе с нами, а еще дня через три ленинцы разгромили наш Совет, а нас самих заключили в подвалы Смольного".

Кстати, изображение вождя еще не сочтается с привычным канонизированным образом. В подтверждение этого можно привести еще один рисунок, напечатанный в «Донской волне», № 20. «Ленин ждет трамвая» (зарисован Пертогр. художником для ж. Лукоморье в 1917 г.).

Исторические личности

В романе фигурируют люди, роль которых в истории Донского казачества переоценить невозможно. Я имею в виду: А.М. Каледина, В.М. Чернецова и Н.М. Голубова.

Деяния их настолько важны, что память о них должна сохранять вечно. Что же они из себя представляли и как они отражены в романе.

* * *

Каледин Алексей Максимович. Генерал-от-кавалерии, один из стратегов в эпоху 1-й Мировой войны, государственный деятель, 1-й выборный Донской атаман, человек высочайших моральных качеств. Его значение для Дона правомерно сравнивать со значением атамана М.И. Платова.

Приведу почти все, что можно о нем прочесть в романе:

Из сцены переговоров с Подтелковым:

“Твердым, во всю ступню, волчьим шагом прошел чуть сутулый Каледин, сопутствуемый Богаевским. Он отодвинул свой стул, уселся. Спокойным движением положил на стол защитную фуражку, белевшую офицерской кокардой, пригладил волосы и, застегивая пальцами левой руки пуговицу на боковом большом кармане френча. Немного перегнулся в сторону Богаевского, что-то говорившего ему. Каждое движение его было налито твердой медлительной уверенностью, зрелой силой; обычно так держат себя люди, побывшие у власти, выработавшие на протяжении ряда лет особую, отличную от других осанку, манеру носить голову, походку. У него с Подтелковым было много тождественного”.

“После короткого перерыва заговорил Каледин. В зале утих шум, в установившейся тишине четко зазвучал низкий, осенне-тусклый тембр атаманского голоса:

- Правительство не может сложить своих полномочий по требованию областного Военно-революционного комитета. Настоящее правительство было избрано всем населением Дона, и только оно, а не отдельные части: может требовать от нас сложения полномочий. Под воздействием преступной агитации большевиков, стремящихся навязать области свои порядки, вы требуете передачи вам власти. Вы слепое орудие в руках большевиков. Вы исполняете волю немецких наемников, не осознавая той колоссальной ответственности, которую берете на себя перед всем казачеством. Советую одуматься, ибо неслыханные бедствия несете вы родному краю, вступив на путь распри с правительством, отражающим волю всего населения. Я не держусь за власть. Соберется Большой войсковой круг – и он будет вершить судьбами края, но до его созыва я должен оставаться на своем посту. В последний раз советую одуматься”.

“. . . внимание всех вновь прихлынуло к Каледину. Так же уверенно вел он политическую игру, как и вначале, и так же натыкался на простую, зипунную броню подтелковских ответов.

- Вы говорите, что если мы передадим вам власть, то большевики прекратят свое наступление на Дон. Но так думаете вы. А как поступят большевики, пришедшие на Дон, нам неизвестно.

- Комитет уверен, что большевики подтвердят сказанное мною. Спробуйте: передайте нам власть, выживите с Дона «добровольцев» – и вот увидите: кончат большевики войну!

Спустя немного Каледин привстал. Ответ его был заготовлен заранее: Чернецов уже получил приказание сосредоточить отряд для наступления на ст. Лихая. Но, выигрывая время, Каледин закончил совещание ходом на оттяжку:

- *Донское правительство обсудит предложение ревкома и в письменной форме даст ответ к десяти часам утра завтра*. [кн. 2, ч.5, гл. X].

Так что же мы видим ?

1) Изображен человек, привыкший к власти.

2) На переговорах с красными он имеет, явно, второстепенное значение. Большевицкая правда, пусть она и высказывается несколько коряво и не совсем в правильных и стройных выражениях, подается автором, как значительно более аргументированная, нежели доводы белых. Применяя терминологию шоу-бизнеса, можно сказать, что Каледин используется "на подтанцевочке" у Подтелкова.

3) Показано коварство атамана, который, участвуя в переговорах, втайне ведет военные действия.

Однако, поступить с Калединым так, как с Кузьмой Крючковым (обосрать с головы до ног) автор не решился. Уж очень это значительная фигура. Поэтому, только лишь слегка плюнув в его сторону, в основе своей, решил обойти его молчанием. Тот же метод: мол – фигура, имеющая мало значения и говорить о нем особо много нет смысла.

Второе событие, которое автор никак не мог обойти вниманием – самоубийство атамана. В [т. 2, ч. 5, гл. XV] описана смерть А.М. Каледина. Отрывок, посвященный данной теме, достаточно интересно сравнить со статьей М. Богаевского «29 января 1918 года» (статья приведена в приложении «О Каледине»), которая послужила исходным текстом. Ниже приводится этот отрывок из романа полностью. Написано, как-бы, изложение на данную тему - какие-то части исходного текста переставлены местами. Мною подчеркнуты вставки (достаточно характерные), которые М.А. Шолохов добавил от себя.

"29-го, в девять часов утра, в атаманском дворце было создано экстренное совещание членов донского правительства. Каледин пришел из своей квартиры позже всех. Он тяжело присел к столу, подвинул к себе бумаги. Верхушки щек его пожелтели от бессонницы, под выцветшими угрюмыми глазами лежали синие тени; словно тлен тронул и изжелтил его потухшее лицо. Медленно прочитал он телеграмму Корнилова, сводки от командиров частей, противостоявших на севере от Новочеркасска натиску красновардейцев. Тщательно утюжа кипу телеграмм широкой белой ладонью, не поднимая опухших, затененных синью век, глухо сказал:

- *Добровольческая армия уходит. Для защиты области и Новочеркасска осталось сто сорок семь штыков...*

Живчик подергал у него веко левого глаза, судорога наплыла от угла сжатых губ; повысив голос, он продолжал:

- *Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю*

Митрофан Богаевский, глядевший в широкий пролет окна, поправил пенсне, - не поворачивая головы, сказал:

- *Я тоже слагаю с себя свои полномочия.*

- *Правительство в целом, разумеется, тоже слагает полномочия. Встает вопрос – кому же мы передадим власть ?*

- *Городской думе, - сухо ответил Каледин.*

- Надо это оформить, - нерешительно заметил член правительства Карев. Минуту тяжело и неловко молчали. Матовый свет январского пасмурного утра томился за вспотевшими окнами. Город, завуалированный туманом и инеем, дремно молчал. Слух не прощупывал обычного пульса жизни. Орудийный гул (отголоски боя, шедших где-то под станицей Сулин) мертвил движение, висел над городом глухой невысказанной угрозой.

За окнами сухо и четко кричали перелетавшие вороны. Они кружились над белой колокольней, как над падалью. На Соборной площади лиловый и свежий лежал снег. По нему редкий проходил пешеход да изредка проезжали извозчичьи сани, оставляя за собой темные нити проследка.

Наломав стылую тишину, Богаевский предложил составить акт о передаче власти городской думе. - Надо бы совместно с ними собраться для передачи.

- В какое время удобнее всего ?

- Позднее, часа в четыре.

Члены правительства, словно обрадовавшись, что склепанная молчанием тишина распалась, начали обсуждать вопрос о передаче власти, о времени собрания. Каледин молчал, тихо и размеренно постукивал по столу выпуклыми ногтями. Под обвисшими бровями тускло, слюдяным блеском туманились глаза. Безмерная усталость, отвержение, надрыв делали его лицо отпалкивающим и тяжелым.

Один из членов правительства, возражая кому-то, говорил нудно и долго. Каледин прервал его с тихим озлоблением:

- Господа, короче говорит ! Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла. Объявляю перерыв на полчаса. Обсудите и... потом поскорее надо кончить это.

Он ушел в свою квартиру. Члены правительства, разбившись на кучки, тихо разговаривали. Кто-то сказал о том, что Каледин плохо выглядит. Богаевский стоял у окна, до слуха его дошла фраза, произнесенная полушепотом:

- Для такого человека, как Алексей Максимович, самоубийство – единственный приемлемый выход.

Богаевский вздрогнул, быстрыми шагами направился в квартиру Каледина. Вскоре он вернулся в сопровождении атамана.

Решено было собраться в четыре часа совместно с городской думой для передачи ей власти и акта. Каледин встал, за ним поднялись остальные. Прощаясь с одним из матерых членов правительства, Каледин следил глазами за Яновым, о чем-то шептавшимся с Каревым. - В чем дело? – спросил он.

Янов подошел немного смущенный. - Члены правительства – неказачья часть – просят о выдаче им денег на проезд.

Каледин сморщился, кинул жестко: - Денег у меня нет... Надоело !

Стали расходиться. Богаевский, слышавший этот разговор, отозвал Янова в сторону. - Пойдемте ко мне. Скажите Светозарову, чтобы он подождал в вестибюле.

Они вышли следом за быстро шагавшим ссутулившимся Калединым. У себя в комнате Богаевский вручил Янову пачку денег.

- Здесь четырнадцать тысяч. Передайте им.

Светозаров, ожидавший Янова в вестибюле, принял деньги, поблагодарил и, распрощавшись, направился к выходу. Янов, принимая из рук швейцара шинель, услышал шум на лестнице, оглянулся. По лестнице прыжками спускался адъютант Каледина – Молдавский.

- Доктора ! Скорее !!

Швырнув шинель, Янов кинулся к нему. Дежурный адъютант и ординарцы, толпившиеся в вестибюле, окружили сбежавшего вниз Молдавского.

- В чем дело ?! – крикнул, бледнея, Янов.

- Алексей Максимович застрелился! – Молдавский зарыдал, грудь упал на перила лестницы.

Выбежал Богаевский; губы его дрожали, как от страшного холода, - он заикался: - Что? Что?

По лестнице, толпой, опережая друг друга, бросились вверх. Гулко и дробно звучали шаги бежавших. Богаевский, хлебая раскрытым ртом воздух, хрипло дышал. Он первым с громом откинул дверь, через переднюю пробежал в кабинет. Дверь из кабинета в маленькую комнату была широко распахнута. Оттуда полз и курился прогорклый сизый дымок, запах сожженного пороха.

- Ох! ох! А-а-а-ха-ха!.. Але-о-оша!.. Родно-о-о-ой... - слышался неузнаваемо-страшный, раздавленный голос жены Каледина.

Богаевский, как при удушье, разрывая на себе ворот сорочки, вбежал туда. У окна, вцепившись в тусклую золоченую ручку, горбился Карев. На спине его под сюртуком судорожно сходились и расходились лопатки, он крупно, редко дрожал. Глухое, воюющезвериное рыдание взрослого чуть не выбило из-под ног Богаевского почву.

На походной офицерской койке, сложив на груди руки, вытянувшись, лежал на спине Каледин. Голова его была слегка повернута набок, к стене; белая наволочка подушки оттеняла синеватый влажный лоб и прижатую к ней щеку. Глаза сонно полузакрыты, углы сурового рта страдальчески искривлены. У ног его билась упавшая на колени жена. Низкий одичавший голос ее был режуще остр. На койке лежал кольт. Мимо него извилисто стекала по сорочке тонкая и веселая чернорудная струйка.

Возле койки на спине стула аккуратно повешен френч, на столике – часы-браслет. . .”

Интересно также то, что было исключено из начального текста М. Богаевского:

“Во время заседания А.М. был вызван по делу. Пользуясь его отсутствием В.В.Брыкин (Бывший эмиссар от неказачьего населения в Правительстве, доктор. Погиб от руки неизвестных убийц вскоре после смерти А.М. Каледина) сказал небольшую речь, в которой характеризовал А.М., как большую государственную величину и настаивал на необходимости спасения А.М. от самосуда большевиков. Члены правительства отнеслись к этой мысли весьма сочувственно. В это же время группа офицеров независимо от правительства принимала меры к осуществлению этой-же мысли”.

“. . . Лицо было совершенно спокойно, смерть наступила быстро и не терзала его так, как 6 месяцев делали это с ним русские люди, а особенно донские братья – казаки. . .”

На кровати рядом лежал большой револьвер: он помог Атаману не дожидаться зверской расправы большевиков над собой. Уже не верил Атаман своему великому войску Донскому, не верил что донские казаки не выдадут его на расправу лютым палачам, не захотел допустить позора выдачи и поругания, ибо «с чистым именем он пришел, а с проклятиями должен был уйти»”.

Можно, конечно, отметить, что Каледин выписан крайне некрасиво, но все – относительно. Пример Крючкова доказывает, что могло быть все и гораздо хуже.

Столь значительному военачальнику и политическому деятелю должна быть посвящена монография (да еще и не одна). Поэтому предлагаемые в приложении «О Каледине» документы и статьи могут служить, по моему мнению, только для первичного ознакомления с жизнью и деятельностью столь выдающегося человека.

* * *

Чернецов Василий Михайлович. Герой и, я полагаю, правомерно сказать – символ Гражданской войны. Один из очень немногих, кто во время всеобщей апатии, собрав отряд из юнкеров и кадетов, стал оказывать сопротивление надвигавшемуся на Дон кошмару. Человек калибра, скажем, Я.П. Бакланова. Принял мученическую смерть. За свои деяния, по моему мнению достоин канонизации.

Опять приведу почти все, что можно о нем прочесть в романе:

“Для усмирения шахтеров были кинуты свеженавербованные отряды. В Макеевском районе подвизался есаул Чернецов, там находились и части регулярного 58-го казачьего полка”. [кн. 2, гл. 5, гл. III].

“В составе делегации, отправленной донским правительством к Таганрогу для переговоров с представителями Советской власти, поехали и члены Каменского ревкома – Лагутин и Скачков. Подтелков и остальные были задержаны на время в Новочеркасске, а тем часом отряд Чернецова в несколько сот штыков, при тяжелой батарее на площадках и двух легких орудиях, отчаянным набегом занял станцию Звереву и Лихая и, оставив там заслон из одной роты при двух орудиях, основными силами повел наступление на Каменскую. Сломив сопротивление революционных казачьих частей под полустанком Северный Донец, Чернецов 17 января занял Каменскую. Но уже через несколько часов было получено известие, что красногвардейские отряды Саблина выбили из Зверева, а затем и из Лихой оставшийся там заслон чернецовцев. Чернецов устремился туда. Коротким побовым ударом он опрокинул 3-й Московский отряд, изрядно потрепал в бою Харьковский отряд и отбросил панически отступавших красногвардейцев в исходное положение.

После того, как положение в направлении Лихой было восстановлено, Чернецов, перехвативший инициативу, вернулся в Каменскую. Из Новочеркасска к нему 19 января подошло подкрепление. На следующий день Чернецов решил наступать на Глубокую. . . .

Ночью началось глубокое обходное движение. Колонну вел сам Чернецов.

Уже перед рассветом подошли к Глубокой. Четко сделали перестроения, рассыпались цепью. Отдавая последние распоряжения, Чернецов, слез с коня и, размятая затекшие ноги, сипло приказал командиру одной из рот:

- Без церемоний, есаул. Вы меня поняли ?

Он поскрипел сапогами по твердому насту, сдвинул набок седую каракулевую папаху, растирая перчаткой розовое ухо. Под светлыми отчаянными глазами его синели круги от бессонницы. Губы зябко морщились. На коротко постриженных усах теплился пушок инея.

Согревшись, он вскопчил на коня, оправил складки защитного офицерского полушубка и, снимая с луки поводья, тронул лысого рыжеватою донца, уверенно и твердо улыбнулся: - Начнем !” [кн. 2, гл. 5, гл. XI].

Интересно читать о “нескольких сотнях штыков” и “тяжелой батарее”, зная – какими силами на самом деле располагал Чернецов.

“Чернецовские цепи, оттесняя заставы, входили в Глубокую”. . . .

“- Сорок человек взяли, Голубов !.. – крикнул он издали. – Сорок офицеров и самого Чернецова”.

“Густую толпу взятых в плен офицеров сопровождал, кольцом охвативший их, конвой с тридцатью казаков – 44-го полка и одной из сотен 27-го. Впереди всех шел Чернецов. Убегая ст преследования, он сбросил полушубок и теперь шел в одной легонькой кожаной куртке. Погон на левом плече его был оторван. На лице возле левого глаза кровянилась свежая ссадина. Он шел быстро, но сбиваясь с но-

ги. Папаха, надетая набекрень, придавала ему вид беспечный и молодецкий. И тени испуга не было на его розовом лице: он, видимо, не брился несколько дней – русая поросль золотилась на щеках и подбородке. Чернецов сурово и быстро оглядывал подбегавших к нему казаков; горькая, ненавидящая складка тенилась между бровей. Он на ходу зажег спичку, закурил, стиснул папиросу углом розовых твердых губ.

В большинстве офицеры были молодые, лишь у нескольких инеем белела седина. Один, раненный в ногу, приотставал, его толкал прикладом в спину маленький большеголовый и рябой казачок. Почти рядом с Чернецовым шел высокий бравый есаул. Двое под руку (один – хорунжий, другой – сотник) шли, улыбаясь: за ними, без шапки, курчавый и широкоплечий, шел юнкер. На одном была внапашку накинута солдатская шинель с погонами,вшитыми насмерть. Еще один шел без шапки, надвинув на черные женски красивые глаза красный офицерский башлык; ветер заносил концы башлыка ему на плечи”.

“Подтелков с силой махнул плетью; уронив низко опустившиеся зрачки, набрякая кровью, крикнул:

- Плевать мне на Голубова !.. Мало ли ему чего захочется ! На поруки ему Чернецова, этого разбойника и контрреволюционера ?.. Не дам !.. Расстрелять их всех – и баста !

- Голубов сказал, что берет его на поруки.

- Не дам !.. Сказано: не дам ! Ну, и все ! Революционным судом его судить и без промедления наказать. Чтоб и другим неповадно было !.. Ты знаешь, - уже спокойней проговорил он, остро взглядываясь в приближавшуюся толпу пленных, - знаешь, сколько он крови на белый свет выпустил ? Море !.. Сколько он шахтеров перевел ?.. – И опять, закипая бешенством, свирепо выкатил глаза: - Не дам !..”

“Подтелков, тяжело ступая по провалившемуся снегу, подошел к пленным. Стоявший впереди всех Чернецов глядел на него, презрительно щуря светлые отчаянные глаза; волюю отставив левую ногу, покачивая ею, давил белой подковкой верхних зубов прихваченную изнутри розовую губу. Подтелков подошел к нему в упор. Он весь дрожал, немигающие глаза его ползали по взрывленному свету, поднявшись, скрестились с бесстрашным, презирающим взглядом Чернецова и обломали его тяжестью ненависти.

- Попался... гад ! – клочкуще низким голосом сказал Подтелков и ступил шаг назад; щеки его сабельным ударом располосовала кривая улыбка.

- Изменник казачества ! Под-лец ! Предатель ! – сквозь стиснутые зубы зазвенел Чернецов.

Подтелков мотал головой, словно уклоняясь от пощечин, - чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух.

Последующее разыгралось с изумительной быстротой. Оскаленный, побледневший Чернецов, прижимая к груди кулаки, весь наклонясь вперед, шел на Подтелкова. С губ его, сведенных судорогой, соскакивали невнятные, перемешанные с матерной руганью слова. Что он говорил – слышал один пятившийся Подтелков.

- Придется тебе... ты знаешь ? – резко поднял Чернецов голос.

Слова эти были услышаны и пленными офицерами, и конвоем, и штабным.

- Но-о-о... - как задушенный, захрипел Подтелков, кидая руку на эфес шашки

Сразу стало тихо. Отчетливо заскрипел снег под сапогами Минаева, Кривошлыкова и еще нескольких человек, кинувшихся к Подтелкову. Но он опередил их; всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая, вырвал и ножен шашку и, выпадом рванувшись вперед, со страшной силой рубнул Чернецова по голове.

Григорий видел, как Чернецов, дрогнув, поднял над головой левую руку, успел заслониться от удара; видел, как углом сломалась перерубленная кисть и шашка беззвучно обрушилась на откинутую голову Чернецова. Сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чернецов, со странно перекосившемся ртом и мучительно зажмуренными, сморщенными, как от молнии, глазами.

Подтелков рубнул его еще раз, отошел постаревшей грузной походкой, на ходу вытирая покатые доли шашки, червоневшие кровью.

Ткнувшись в тачанку, он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся, звенящим голосом:

- Руби-и и их... такую мать !! Всех ! Нету пленных... в кровину, в сердце !!

Лихорадочно застучали выстрелы. Офицеры, сталкиваясь, кинулись врассыпную. Поручик с красивейшими женскими глазами, в красном офицерском башлыке, побежал, ухватясь руками за голову. Пуля заставила его высоко, словно через барьер, прыгнуть. Он упал – и уже не поднялся. Высокого бравого есаула рубили двое. Он хватался за лезвие шашек, с разрезанных ладоней его на рукава лилась кровь; он кричал, как ребенок, – упал на колени, на спину, перекатывал по снегу голову; на лице виднелись одни залитые кровью глаза да черный рот, просверленный сплошным криком. По лицу полосовали его взлетающие шашки, по черному рту, а он все еще кричал тонким от ужаса и боли голосом. Раскорячившись над ним, как-то, в шинели с оторванным хлястиком, прикончил его выстрелом. Курчавый юнкер чуть не прорвался через цепь – его настиг и ударом в затылок убил какой-то атаманец. Этот же атаманец вогнал пулю промеж лопаток сотнику, бежавшему в раскрытавшейся от ветра шинели. Сотник присел и до тех пор скреб пальцами грудь, пока не умер. Седоватого подьесаула убили на месте; расставаясь с жизнью, выбил он ногами в снегу глубокую яму и еще бы бил, как добрый конь на привязи, если бы не докончили его сжалившиеся казаки". [кн. 2, гл. 5, гл. XII].

"После получения этой декларации на помощь войскам ревкома двинулись красогвардейские отряды, при помощи которых и был разгромлен карательный отряд Чернецова и восстановлено положение". [кн. 2, гл. 5, гл. XV].

Итак, какие выводы можно сделать из этих упоминаний и описаний ?

Руководитель одного из отрядов, боровшегося против красных, гибнущий в результате междоусобицы. Ни слова не говорится, что это первый отряд на Дону, вступивший в неравную схватку с большевиками. Тем более, ничего нет о том – каким авторитетом пользовался Чернецов.

Проведена легкая "корректировка" в изображении событий по сравнению с действительностью (очевидно, в какую сторону): 1) отряд, мол, карательный; 2) состоит отряд из офицеров.

Второй пункт особенно важен, То, что чернецовцы были порублены, будучи пленными, всем было хорошо известно (на период времени выхода в свет 2-го тома). Поэтому первым шагом в попытке скрыть данное преступление была замена юнкеров и кадетов на офицеров.

Второй шаг был предпринят спустя более чем 30 лет во время съемки одноименного фильма режиссером С.А. Герасимовым. Трехсерийный фильм «Тихий Дон» до сих пор считается одной из вершин Советского кинематографа. При его обсуждении следует учитывать ряд факторов: 1) Он создавался при непосредственном участии М.А. Шолохова. В частности, как говорят, он утверждал исполнителей всех главных ролей. 2) Никакого варианта "по мотивам" (предполагающего значительный отход от литературного произведения) в данном случае не используется. Фильм в максимальной степени повторяет перипетию романа.

В связи с этим, небольшие изменения, внесенные в фильм (по сравнению с романом) можно трактовать, как очень важные уточнения (в данном случае) либо как исправление допущенных в романе и всем очевидных ошибок (см. п. "Григорий – враг, почему?" в следующей главе).

В целом же, фильм следует рассматривать, как уточненный и главный вариант романа. Именно главный (!). Поскольку воздействие художественного фильма значительно выше по той простой причине, что книгу читает значительно меньшее число людей в сравнении с теми, кто смотрит фильм. Аудитория, посмотревшая фильм, в сотни и тысячи раз превосходит число тех, кто прочел роман

Вариант смерти Чернецова, предложенный в фильме, принципиально отличается от того, что в книге. Подойдя к Подтелкову, он выхватывает пистолет. Таким образом, Подтелков не просто убивает безоружного пленного, а осуществляет законный акт обороны, претензии к которому предъявить невозможно. Удар наносится всего только один раз. К тому же совсем по-другому воспринимается и выкрик: «Руби их!» Как бы, вполне объяснимая и по-человечески понятная реакция на бесчестную выходку коварного врага. Никакого натурализма в изображении уничтожения чернецов нет. Все происходит за кадром.

На с. 76 – 77 (см. выше) даются кадры, описывающие всю сцену. После последнего кадра перемещается на возмущенного Григория Мелехова.

Истории никто не знает, книгу читали немногие (по сравнению с посмотревшими фильм), если и читали, то могли на этот нюанс и не обратить внимание; вдумываться в то, что пленных в первую очередь обыскивают и у Чернецова просто не могло быть пистолета, особенно также не будут.

Вот так, если невозможно сразу, то поэтапно видоизменяется история, в результате чего получается картина, ничего общего не имеющая с действительностью.

Кстати, а откуда взят этот сюжет – спрятанное оружие? Приведу часть текста из статьи «Смерть Подтелкова» в журнале "Донская волна", где описано пленение отряда Подтелкова:

"Подтелков сдал оружие и стал пленником. Арестовавшие его были настроены миролюбиво, но как рассказывал "Донской Край", когда Подтелкова и его свиту доставили на ночлег на хутор Пономарев, выяснилось, что подтелковцы сдали далеко не все оружие. У них остались тридцать семь револьверов и две ручные гранаты.

Один из арестованных, очевидно, не сдержавшись, вздумал бежать и выхватил револьвер. Трудно описать, что произошло. Казаками, еще недавно настроенными миролюбиво, овладело бешенство. Слишком ясен был план пленников: в степи воспользоваться малочисленностью конвоя, разбежаться, отстреливаясь.

Казака, у которого нашли револьвер, растерзали на месте. С остальными хотели расправиться так же, но удалось успокоить толпу. . ."

Полный текст статьи смотри в приложении «О Подтелкове».

Таким образом, коварство и бессовестность при сдаче оружия демонстрировали красные, причем, в массовом порядке. Создатели же фильма этими качествами наделяют белых и убедительно показывают, что и одного случая достаточно для того, чтобы в порыве "справедливого гнева" уничтожить весь отряд.

В приложении «О Чернецове» предлагаются документы и статьи об истинном герое, память о котором должна сохраняться до тех пор, пока существует Донское казачество.

Голубов Николай Матвеевич. Человек, нанесший невосполнимый вред Донскому казачеству.

О нем читаем в романе (так же как о Каледине и Чернецове, здесь дается, практически все, что написано о данной исторической фигуре):

"Из числа выборных командиров выделился вынырнувший откуда-то за последние дни войсковой старшина Голубов. Он принял командование наиболее боевым 27-м казачьим полком и сразу, с жестоковинкой, поставил дело. Казаки подчинились ему беспрекословно, видя в нем то, чего не хватало полку: умение сколотить состав, распределить обязанности, вести. Это он, Голубов, толстый, пухлощекий, наглоглазый офицер, размахивая шашкой, кричал на станции на казаков, медливших с погрузкой:

- Вы, что ? В постукалочку играете ?! Распротак вашу мать !.. Грузи !.. Именем революции приказываю немедленно подчиниться !.. Что-о-о ?.. Кто это демагог ? Застрелю, подлец !.. Молчать !.. Саботажникам и скрытым контрреволюционерам я не товарищ !

И казаки подчинялись. По старинке многим даже нравилось это – не успели отвыкнуть от старого. А в прежние времена, что ни дер – то лучший в глазах казаков командир. Про таких, как Голубов, говаривали: «Этот по вину шкуру спустит, а по милости другую нашьет».

Часть Донревкома отхлынула и наводнила Глубокою. Командование всеми силами, по существу, перешло к Голубову. Он в течение неполных двух дней скопановал раздерганные части, принял надлежащие меры к закреплению за собой Глубокой. Мелехов Григорий командовал, по настоянию его, дивизионом из двух сотен 2-го запасного полка и одной сотни атаманского". [кн. 2, гл. 5, гл. XII].

О бое, в котором Чернецов был взят в плен:

"Багровый, вспотевший Голубов, в распахнутом полушубке, перебежал вдоль двинувшихся цепей своего 27-го полка, металлическим накаленным голосом кричал: - Шагу дай !.. Не ложись !.. Марш, марш !.."

"Голубов вел свой полк в центре".

"В полдень к Григорию прискакал от Голубова ординарец с запиской, на нервно оторванном листке полевой книжки корячились размашистые буквы.

«Приказываю вам именем Донского ревкома с двумя вверенными вашему командованию сотнями сняться с позиций и спешным аллюром идти в обхват правого фланга противника, имея направление на участок, что виден отсюда, немного левее ветряка, по балке... Маскируйте движение (несколько неразборчивых слов)... Ударить с фланга, как только мы перейдем в решительный натиск».

Голубов"

"Голубов смелым стратегическим ходом почти отрезал чернецовцам путь к отступлению".

"Григорий видел, как основное ядро чернецовцев, потрепанное и поредевшее, выравшись из боя, сворачиваясь, отходит в Глубокою. Он пустил своего Гнедого наметом. Вдали виднелась разрозненная кучка казаков, Подскакав к первой из них, Григорий увидел Голубова. Голубов сидел, отвалившись в седле. Полушубок, опущенный в бортах пожелтевшим каракулем, был на нем растезанут, папаха сдвинута набок, лоб увлажнен потом. Покручивая вахмистрские, торчмя поднятые усы. Голубов хрипато крикнул :

- Мелехов, молодец ! Да ты ранен, никак ? Черт возьми ! Кость цела ? – и, не дожидаясь ответа, заулыбался: - Наголоу ! Наголоу разнесли !.. Офицерский отряд так распылили, что не собрать. Набилось им под хвост !

Григорий попросил покурить. По всему полю стекались казаки и красногвардейцы. От далеко черневшей впереди толпы рысали верховой казак.

- Сорок человек взяли, Голубов !.. – крикнул он издали.

- Сорок офицеров и самого Чернецова.

- Врешь ?! – Голубов испуганно крутнулся в седле и поскакал, нещадно рубя плетью высокого белого коня".

"Голубов ехал позади (взятого с плен отряда Чернецова, С.К.). Приотставая. Он закричал казакам:

- Слушай сюда !.. За сохранность пленных вы отвечаете по всем строгостям военно-революционного времени ! Чтобы доставили в штаб в целости !"

"Голубов поравнялся с Григорием, сказал:

- Скажи Подтелкову, что Чернецова я беру на поруки ! Понял ?.. Ну, так и передай. Езжай". [кн. 2, гл. 5, гл. XII].

Нижеследующий эпизод, описанный в романе, интересно сравнивать с описанием тех же событий в статье «Семь расстрелянных» (см. выше). Точно также, как и описании смерти Каледина, интересно, какие именно добавления в описание данного эпизода внес М.А. Шолохов:

"В этот день Малый войсковой круг собрался эвакуироваться в станцию Константиновскую. Новых походный атаман Войска Донского, генерал Попов, уже вывел из Новочеркасска вооруженные силы, перевез войсковые ценности. Утром получены были сведения, что Голубов из Мелеховской идет по направлению на Берсеневскую. Круг послал для переговоров с Голубовым об условиях сдачи Новочеркасска есаула Сиволобова. Следом за ним, не встретив сопротивления, в Новочеркасск ворвались конники Голубова. Сам Голубов, на взмыленном мокром коне, в сопровождении густой кучи казаков, галопом проскакал к зданию Круга. Около подъезда толпилось несколько зевак, стоял вестовой, ожидая с оседланной лошадей Назарова.

Бунчук прыгнул с коня, схватил ручной пулемет. Вместе с Голубовым и с толпой остальных казаков вбежал в здание Круга. На хляск распахнутой двери из просторного зала повернулись головы делегатов, густо забелели лица.

- Вста-а-ать ! – напряженно, будто на смотре, скомандовал Голубов и, окруженный казаками, спотыкаясь от спешки, пошел к столу президиума.

Члены Круга, громыхая стульями, встали на властный окрик, один Назаров остался сидеть.

- Как вы смеете прерывать заседание Круга ? – зазвенел его гневный голос.

- Вы арестованы ! Молчать ! – Голубов, багровея, подбежал к Назарову, рванул с плеча его генеральской тужурки погон, прорвался на хриплый визг:

- Встать, тебе говорят ! Бери его !.. Ты !.. Я кому говорю ? ! Золотопогонник !..

Бунчук в дверях устанавливал пулемет. Члены Круга толпились овечьей отарой. Мимо Бунчука казаки потащили Назарова, позеленевшего от страха председателя Круга Волошинова и еще несколько человек.

Гремя шашкой, следом шел бурый, в пятнах румянца, Голубов. Его за рукав схватил какой-то член Круга.

- Господин полковник, ваша милость, куда же нам ?

- Мы свободны ? – из-за плеча высунулась скользкая, юркая голова дружного.

- Идите к черту ! – крикнул, отмахиваясь, Голубов и, уже поравнявшись с Бунчуком, повернулся к членам Круга, топнул ногой: - Ступайте к... мне не до вас ! Ну !..” [кн. 2, гл. 5, гл. XIX].

Как обычно, ничего общего с действительностью. Выписана фигура красного командира (бывшего офицера), к которому автор относится с явной симпатией.

По данным фрагментам нет никакой возможности составить картину, позволяющую хотя бы в минимальной степени понять значение Голубова в истории Дона.

А уж то, что этот человек внушал непередаваемое отвращение у большинства участников Гражданской войны, никогда не пройдет в голову человеку, читавшему роман. В приложении «О Голубове» приводятся документы и статьи об этой личности.

Подтелков и К

Образы великих советских революционеров, априори, не имеют ничего общего с действительностью. В энциклопедическом словаре «Деятели СССР и революционного движения России», выпущенном не так уж и давно, [М., Советская энциклопедия, 1989], например, фигурируют:

Землячка и Бела Кун, разумеется, ни слова не говорится об их деятельности в Крыму в 1920 г. В справке о последнем об этом периоде говорится: *“Прибыв в Советскую Россию, Б. К. отправился на южный (Врангелевский) фронт, где он работал членом Реввоенсовета южфронта. По ликвидации фронта он работал в Исполкоме и президиуме Коминтерна”*. Вот и все.

Впрочем, уж если говорить на эту тему, то надо начинать с В.И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского.

Так почему столь много внимания уделяется Подтелкову и его отряду ?

По моему, в основном это связано с тем, что Донское казачество как-то уж очень вяло поучаствовало в воспитании красных героев и пламенных революционеров. Кроме Подтелкова и его помощника Кривошлыкова, кто еще известен в такой мере ?

Можно провести параллель с Донским генералитетом. Утверждают, что одной из основных причин победы красных в Гражданской войне было то, что генералитет царской армии (прежде всего Генеральный Штаб) принял революцию и перешел на сторону красных.

Возможно, что, в целом, это и так. Но на Донское казачество это “правило” не распространяется. И.М. Алабин, автор книги «Донский генералитет в изгнании» [М., 2001], готовящий новую работу о Донских генералах XX века, как-то говорил, что только четверо Донских генералов сотрудничали с красными (недавно мне удалось обнаружить пятого). Да и то это были казаки по происхождению, но, практически, всю жизнь проведенные вдали от Дона.

В романе подробнейшим образом показана “короткая, но славная” биография красного героя: выборы председателем ревкома; переговоры с Калединым; “героическая” смерть. Все события уложились в период - чуть более трех месяцев.

Еще добавлена сцена огромного влияния Подтелкова на главного героя (еще до выборов в ревком):

“Разговор этот происходил в последних числах октября. А в ноябре Григорий случайно столкнулся с другим казаком, сыгравшем в истории революции на Дону немалую роль, - столкнулся Григорий с Федором Подтелковым, и после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда”. [кн. 2, ч. 5, гл. II].

Как уже было сказано выше, на переговорах с Калединым Подтелков играет первую скрипку: рассматривается не просто как сравнимая по значимости с атаманом фигура, а значительно и во многом его превосходящая.

Неприятные моменты в уничтожении Чернецова и его отряда, по возможности, сглажены. Полагаю, что уделение такого внимания этому человеку объясняется одной простой причиной: **"на безрыбьи"**. В виду того, что на Дону знаменитых революционеров, в общем то, не было (в этом плане наблюдается откровенная "напряженка"), пришлось взять мало-мальски заметную фигуру.

Можно, конечно, выдвинуть и вторую причину - уничтожение Чернецова, столь значительного врага большевизма, своего рода символа сопротивления красному беспределу. Но это только на первый взгляд. Чернецов попал в плен (кстати, в этом заслуга Голубова) и в любом случае его должны были расстрелять. Уничтожение же его было проделано в столь гнусной форме, что лучше (даже по мнению красных) это не вспоминать.

* * *

"Заслуги" Подтелкова не следует принимать, на нем висит не только ответственность за Чернецова.

После захвата Новочеркасска красными начались расстрелы. Именно Подтелков отдал приказ о расстреле атамана Назарова, генералов Груднева, Усачева, Исаева, председателя круга Волошинова, подполковника Готта, войскового старшины Тарарина, которым, кстати, обещали сохранить жизнь (см. выше статью «Семь расстрелянных» и в приложении "О Голубове" статью «Николай Голубов»). Все как обычно, - без суда и следствия.

После экспедиции в Сальские степи Голубов захватил в плен и привез в Новочеркасск бывшего товарища атамана М.П. Богавского. В дальнейшем он был казнен (разумеется, без суда) на опушке Балабановской рощи в Ростове. Прodelали это местные комиссары, не без участия Подтелкова (см. статью «Николай Голубов»).

А.М. Назаров, Е.А. Волошин, М.П. Богаевский – видные политические деятели, оказавшиеся в тени только лишь на фоне такой ослепительной звезды, каковой являлась фигура А.М. Каледина.

Что известно сейчас об этих людях? Практически, о них никто ничего не знает. О том, что Подтелков деятельно поспособствовал им отойти в мир иной, естественно, тоже.

Анатолий Михайлович Назаров был войсковым атаманом в течении только двух недель (после смерти А.М. Каледина), до этого – походный атаман. О нем в № 4 "Донской волны" статья Виктора Севского «Атаман post scriptum».

Евгений Андреевич Волошинов – председатель ВВД войскового старшина, композитор. Ему посвящен ряд статей в "Донской волне". Все они представлены в вып. № 39 данной серии «Волошиновы и другие».

Митрофан Петрович Богаевский – товарищ (помощник) войскового атамана, "Баян земли Донской", "донской Златоуст", "казачий патриот", "неистовый Митрофан". Любое выступление М.П. расценивалось, как большое событие. Его речи неоднократно печатались в "Донской волне", и котировались в качестве наиболее сильных политических воззваний, например: лекция о судьбе России (№ 9), речь на 4-м круге (№ 12), речь о казачестве на съезде учителей (№ 14), речь *"на историческом гарнизонном собрании, созванном большевиками в здании кадетского корпуса"*. В статье Небезсмертного «М.П. Богаевский в ростовской думе» читаем: *"... толпа могла понять, что перед нею не фразер, не фанфарон, не авантюрист и даже не холодный резонер, а несомненно и бесспорно честный сын своей родины, самоотверженный и талантливый ее рыцарь, без страха и упрека, ее бескорыстный раб, один из тех «обреченных», жизнями которых создается благополучие народов"*.

В какой энциклопедии (за исключением «Казачьего Словаря-справочника» Г. В. Губарева, изданного, кстати, в США в 1966 – 1970 гг.) можно что-либо прочесть об этих людях ?

В 2003 г. вышла в свет энциклопедия «Казачество» [М., ИНФРА-М, 400 с., илл.; гл. редактор А.П. Федотов], сильно повеселившая читателей.

В.Д. Батырев, скромно именуемый в титульном листе генеральным директором Объединения «Казачья энциклопедия», а, на самом деле, вдохновитель и движущий мотор этого "монументального труда", своего все-таки добился, несмотря на то, что в предшествующее этому событию десятилетие у всех мало-мальски знакомых с его деятельностью волосы вставали дыбом (причем, как говорится, не только на голове, но и по всему телу) от его безграмотности, поверхностности и бессовестности. Впрочем, этот деятель достоин отдельного описания и со временем, я уверен, займет причитающееся ему место в истории казачества, наряду с Голубовым, Подтелковым, Кривошлыковым и, кстати, многими другими.

Так вот, даже в этом "труде" нет статей о М.Б. Богаевском и Е.А. Волошинове. Материал о А.М. Назарове есть. Приведу последнее предложение из статьи о нем: *"На заседании войскового круга единственный встретил командовавшего большевистским отрядом бывшего войскового старшину Н.М. Голубова, по приказу к-рого был арестован, а через 5 дней расстрелян"*. Одного этого предложения достаточно, чтобы понять уровень всей энциклопедии. Как понять "единственный встретил" и "бывший войсковой старшина" ? Фамилия арестованного изменена (насколько запала в душу реклама о Лене Голубове !). По его приказу "арестован", а затем "расстрелян" (!!).

Помимо деятельного участия в уничтожении видных политических деятелей – несомненного цвета нации, у Подтелкова есть и другие заслуги.

Например, организация систематического уничтожения врагов "при попытке к бегству" (в приложении "О Подтелкове" см. статью «Подтелков»).

Стоит также вспомнить попытку, описанную в статье «Николай Голубов»:

"Подтелков собрал всех офицеров для регистрации и, в кругу друзей, одобрил проект вампира февральских дней – военного комиссара Медведева: просеять офицеров и некоторых расстрелять немедленно. Голубов напомнил о гарантиях, данных добровольно явившимся офицерам. Подтелков и Медведев только рассмеялись: какой наивный человек !" Правда, этого ему не позволили сделать.

* * *

В романе сделана попытка "канонизировать" не только Подтелкова и Кривошлыкова, но и всех членов отряда. Дается исчерпывающий список с указанием места жительства (станции) каждого с тем, чтобы в дальнейшем станичники могли чествовать своих героев. Как говорится - сохранение памяти на века.

В связи с этим можно вспомнить работу, проведенную М.Ю. Абрамовым и С. А. Марченко, по описанию Новочеркасского некрополя [см. вып. № 37 «Луковины и другие» данной серии]. Характерно, что старое кладбище, практически, полностью разгромлено. От дореволюционных захоронений осталась, дай Бог, одна двадцатая часть. Помимо этого:

- 1) Все кресты с каменных монументов сбиты.
- 2) Захоронения времен Гражданской войны уничтожены полностью.
- 3) Советской властью поощрялось брать чужие памятники, сбивать надписи и наносить новые (Советского времени), а также использовать старые памятники и их части в качестве столиков и лавочек в других (более поздних) захоронениях.

И сейчас все остается там в том же виде. А ведь страсти давно улеглись. Да и минуло более 10 лет с установления "демократической" власти. Желающие могут сходить на Новочеркасское кладбище и убедиться в этом сами.

Очевидно, что казнь подтелковцев – основная историческая сцена романа. Особенно неплохо это выглядит в сравнении с тем, что расстрел атамана Назарова и других Донских генералов, казнь председателя Войскового Круга ВВД Е.А. Волошинова с последующим добиванием (см. выше – статью «Семь расстрелянных») не то, чтобы не обсуждена, но даже и не упоминается.

Помимо "героев" в романе приведен столь же подробный список людей, судивших подтелковцев, кстати "выборных от хуторов Каргинской, Боковской и Краснокутской станиц" Заметим, выборных (!). Нисколько не сомневаюсь, что не только все они были уничтожены, но и другие члены их семей были жестоко наказаны.

* * *

Собственно описание казни представляет собой букет душераздирающих сцен, которые должны отразить героизм, жертвенность и мученичество подтелковцев, с одной стороны, на фоне жестокости и цинизма их палачей, с другой.

"Население Пономарева, оповещенное о назначенной на шесть часов казни, шло охотно, как на редкое веселое зрелище. Казачки вырядились, будто на праздник, многие везли с собой детей".

"После второго залпа в голос заревели бабы и побежали, выбиваясь из толпы, таща за руки детишек" [т. 2, ч. 5, гл. XXX].

Что этим хочет сказать автор? Казаки не знают – что такое казнь!? Вероятность присутствия женщин невелика. Во-первых, отцы, мужья и свекры скорее всего запретили бы им туда идти. Во-вторых, да и сами бы не пошли (это не в православных традициях). Ну а уж упоминание о малых детях явно показывает, что автору в очередной раз чувство меры отказывает.

Картина прощания с соратниками, поддержка их перед смертью, объятия, кстати, с разрешения палачей (стариков). Было ли это, во-первых. Во-вторых, какое-либо подобное проявление чувств позволялось красными в процессе проводимых ими многочисленных казней?

В романе дана прочувственная предсмертная речь Подтелкова:

"- Темные вы... слепые! Слепцы вы! Заманули вас офицера, заставили кровных братьев убивать! Вы думаете, ежели нас побьете, так этим кончится? Нет! Нынче ваш верх, а завтра уж вас будут расстреливать! Советская власть установится по всей России. Вот попомните мои слова! Зря кровь вы чужую льете! Глупые вы люди!"

"- Смотрите, сколь мало осталось, кто желал бы глядеть на нашу смерть. Совесть убивает! Мы за трудовой народ, за его интересы дрались с генеральской псарней, не щадя живота своего, и теперь вот гибнет от вашей руки! Но мы вас не клянем!.. Вы – только обманутые! Заступит революционная власть, и вы поймете, на чьей стороне была правда. Лучших сынов тихого Дона поклали вы вот в эту яму..." [кн. 2, ч. 5, гл. XXX].

Неплохо о "лучших сыновьях тихого Дона".

Вероятно, подобная речь была бы очень уместна в отношении всех тех, кто был уничтожен большевиками в первые четыре месяца Советской власти, да и позд-

нее, но никак не применительно к людям, которые в абсолютном своем большинстве являлись отбросами общества.

Забавно выписана сцена повешения. Оказывается этим занимались офицеры (!), да еще в масках (!!).

“Двое офицеров, в черных масках, взяли Подтелкова и Кривошлыкова, подвели к виселице. . . Кривошлыкова подвели, один из офицеров помог ему подняться на табурет, он же накинул петлю. . . Один из офицеров ловким ударом выбил из-под ног Подтелкова табурет”. С первого раза повесить не удалось. “Офицеры в масках и ближние казаки затамашились, с трудом подняли на табурет обессиленное тяжелое тело”. [кн. 2, ч. 5, гл. XXX].

Во-первых, зачем надевать маску, если тебя и так все знают? Вероятно, автор начался про палачей средневековья. А, во-вторых, чтобы офицер собственноручно занимался этим?

“...один из офицеров ловким ударом выбил из-под ног Подтелкова табурет. Все большое грузное тело Подтелкова, вихнувшись, рванулось вниз, и ноги достали земли. Петля, захлестнувшая горло, душила, заставляла тянуться вверх. Он приподнялся на цыпочки – упираясь в сырую притолоченную землю большими пальцами босых ног, хлебнул воздуха и, обводя вылезшими из орбит глазами притихшую толпу, негромко сказал:

- Ишо не научились вешать... Кабы мне пришлось, уж ты бы, Спиоридонов, не достал земли...”

Каким образом можно что-либо сказать с уже затянувшейся на шее петлей?

“Сухой, мускулистый Кривошлыков долго раскачивался, то сжимаясь в комок так, что согнутые колени касались подбородка, то вновь вытягиваясь в судороге...”

В конвульсии, разумеется, возможны самые непредсказуемые движения. Но, будучи повешенным (заметим, за шею), со связанными за спиной руками, доставать до подбородка коленками (!!), да еще и несколько раз (!!!). Может такой “акробатический этюд” в состоянии изобразить несколько ведущих гимнастов из сборной страны, да и то – вряд ли.

С большой долей вероятности можно утверждать, что ни одной из перечисленных сцен не было. В лучшем (для автора) варианте могли быть “намеки” на подобного рода ситуации. Скажем, в паре случаев могло произойти 15 % от того, что описано в романе. В предлагаемом в приложении материале «О Подтелкове и Кривошлыкове», кстати, есть статья о казни. Ни о чем подобном (патетическая речь, картинное прощание, повторное повешение) там не говорится.

“Веревка едва выдерживала шестипудовую тяжесть; потрескивая у перекладины, она тихо качалась, и, повинаясь ее ритмичному ходу, раскачивался Подтелков, поворачиваясь во все стороны, словно показывая убийцам свое багрово-черное лицо и грудь, залитую горячими потоками слюны и слез”.

Итак, убийцы !! В случаях казни белых это – праведный суд, тяжелая работа, уваживание почвы и пр.

* * *

Попробуем подвести итоги данной главе, а, заодно, и итоги по первым двум томам романа, которые, сами по себе, являются цельным и, несомненно, законченным произведением.

Общепризнанно (как недоброжелателями М.А. Шолохова, так и его защитниками), что продолжение (кн. 3 и 4), значительно слабее и несоизмеримо менее интересно.

Полная, кстати, аналогия с современными продолжениями коммерчески успешных фильмов (“Челюсти” II, “Терминатор” II и др.). Ни одно из продолжений до шедевра, каким являлся первый фильм (если он таковым, кстати, признавался), разумеется, не дотягивает. Либо оно (это продолжение) просто хуже (но работа, все-таки, неплохая), что само по себе уже рассматривается, как большой успех, либо – значительно хуже, что встречается во много раз чаще.

Если в процессе описания 1 Мировой войны и мирной жизни офицерство систематически наделяется рядом непривлекательных, а подчас и отталкивающих черт, то в части, посвященной установлению Советской власти на Дону, автор методично объясняет – почему этот слой общества необходимо уничтожить.

Неплохо, в этом плане, выглядят рассуждения Бунчука об уваживании почвы, на которой затем вырастет цветущий сад.

Итак, речь идет о красе и гордости Донского казачества – офицерском корпусе, а заодно (не будем забывать и об этом) о чиновниках и, как говорится, “разной прочей интеллигенции”.

В сравнительно короткий период – три с половиной года (с середины 1914 г. по начало 1918 г.) на Донском небосклоне засияли три звезды:

1) К.Ф. Крючков, 1-й Георгиевский кавалер, символ казачьей доблести, образец для подражания нижним чинам всей Русской армии (каковым и был).

2) А.М. Каледин, полководец и государственный деятель, которого, несомненно, можно ставить в один ряд с М.И. Платовым.

3) В.М. Чернецов, герой, символ Гражданской войны, с которым можно сравнить также героя и символа Кавказской войны – Я.П. Бакланова.

В отличие от долгой и благополучной жизни Платова и Бакланова, обласканных славой и вниманием, эти герои закончили жизнь трагически. Двое погибли в начале 1918 г., третий – спустя полтора года.

Несомненно, что в честь этих людей должны быть названы города и районы. А уж в каждом Донском городе улицы «Каледина», «Чернецова» и «К.Крючкова» должны присутствовать в обязательном порядке.

После физического уничтожения не замедлило начаться и искоренение памяти об этих людях. Вернее, поскольку, вычеркнуть их из истории совсем – не представляется возможным, были направлены значительные усилия на создание их образов в столь искаженном виде, чтобы последующим поколениям не повядно было испытывать к ним уважение и симпатию и уж, тем более, чтить память этих людей.

Полагаю, что одна из основных (если не основная) целей романа и заключается именно в этом.

Притянутая за уши четвертая политическая фигура (Подтелков) “рекламируется” неимоверным образом. Изображается человек более сильный и цельный в сравнении не только с каждым героем Дона в отдельности (Калединым и Чернецовым; уж о Крючкове и говорить не приходится), но и на фоне их всех – вместе взятых.

На пьедестал поставлена “мощная, цельная и героическая” фигура, которая должна служить образцом для подражания. Память о его деяниях должна сохраняться в веках. Более того, рядовые бойцы его отряда ни в коем случае не должны быть забыты.

Во времена существования пионерской организации каждый отряд носил чье-то имя. Можно себе представить, сколько отрядов носило имена Подтелкова и Кривошлыкова. Нисколько не сомневаюсь, что и рядовые бойцы отряда отмечались подобным образом.

К этому следует добавить, что во всех (или почти всех) Донских городах есть улицы «Подтелкова» и «Кривошлыкова».

Стоит, вероятно, обратить внимание на то, как Советская власть официально относилась к перечисленным личностям. В связи с этим интересно, например, кто и каким образом представлен в Малой Советской Энциклопедии (третье издание, закончившееся в 1958 г.).

Обойти молчание Каледина, в таком издании все-таки сложно:

КАЛЕДИН, Алексей Максимович (1861 – 29.I. (11.II.) 1918) – царский генерал, один из руководителей казачьей контрреволюции на Дону в 1917. В июне 1917 был избран атаманом войска Донского. После Октябрьской революции возглавил казачий мятеж и начал активные воен. действия против Сов. власти. 2 (15) дек. Занял Ростов-на-Дону, пытался захватить Донбасс. В связи с наступлением красногвардейских отрядов и революционно настроенных казачьих частей (январь – февраль 1918) К., признав свое положение безнадежным и бесполезность сопротивления, застрелился”. [т. 4, с. 382].

В энциклопедии есть два Чернецовых, но оба – живописца. К. Крючков, разумеется, тоже отсутствует.

Сравнивать же материал о Каледине нужно с тем, что дается о Подтелкове:

“ПОДТЕЛКОВ, Федор Григорьевич (1886 – 1918) – донской казак, активный участник борьбы за установление Сов. власти на Дону. В январе 1918 г. в станице Каменской был избран председателем Донского казачьего воен.-революц. к-та, взявшего в свои руки всю власть в Донской обл. В апр. 1918 П. был избран председателем Совнаркома Донской сов. социалистич. республики. 1 мая 1918 П. отправился во главе отряда революц. казаков в сев. округа области собирать новые силы для борьбы с контрреволюцией. 11 мая отряд П. был предательски захвачен в плен белоказаками. 78 чел. из отряда были расстреляны, а П. и М.В. Кривошлыков повешены на хуторе Пономарево близ Краснокутской станицы”. [т. 7, с. 280].

К этому еще следует добавить и заметку о Кривошлыкове:

КРИВОШЛЫКОВ, Михаил Васильевич (1894 – 1918) – активный участник борьбы за установление Сов. власти на Дону. В январе 1918 на съезде председателей фронтовых революц. казаков (в станице Каменской) К. был избран секретарем воен.-революц. комитета. 11 мая К. предательски взят в плен вместе с Ф.Г. Подтелковым. Повешены белоказаками на хуторе Пономарево”. [т. 5, с. 117].

Фигура, как-бы, вторая по значимости после Подтелкова и еще нагляднее показывающая, что никаких заслуг то и нет вовсе. Это видно даже из вышеприведенной справки. Весь “героизм” Кривошлыкова в том, что он . . . был повешен вместе с Подтелковым.

Простой вопрос. А если бы белые соорудили только одну виселицу, а Кривошлыкова просто расстреляли ? Был бы он в этот случае так выделен ?

В виду такого “неприличного” отсутствия революционеров на Дону, помимо того, что пришлось непомерно раздувать значимость фигур, исходно, в общем то, малозаметных, наблюдалась также попытка компенсировать отсутствие “героев” за счет “пришлых варягов”.

Например:

“КИКВИДЗЕ, Василий Исидорович (1894 – 11.I.1919) – герой гражд. войны. Во время 1-й мировой войны был на фронте рядовым. За революц. агитацию неоднократно репрессировался царскими властями. Летом 1917 – пред. дивизионного комитета 6-й кав. дивизии, а в декабре – товарищ председателя Воен.-революц. комитета Юго-Зап. фронта. К. формировал отряды Красной гвардии. На Украине вел борьбу с гайдамаками, красноказаками, герм. интервентами. С весны 1918 командовал дивизией в боях севернее Царицына и на Юж. Фронте у Елани (с окт. – 16-я стрелковая дивизия). К. погиб в бою. В октябре 1958 К. открыт памятник в Тбилиси. *Лит.: Осипов К., Начдив Киквидзе, в кн.: Осипов К., Избранное, М., 1957; Костромин В., Василий Киквидзе, «Военно-исторический журнал», 1940, № 2”* [фото, т. № 4, с. 728].

В его честь была переименована станица Преображенская. Сейчас прежнее название станица возвращено, но, вроде бы, остался Киквидзенский район. Полная аналогия с забавным сочетанием: С.-Петербург – Ленинградская область.

Характерно, что М.А. Шолохов выставляет значительно больший контраст в пользу большевиков, нежели это делает официальная Советская пропаганда.

О Гражданской войне

Предыдущую главу завершили на том, что первые два тома являются цельным и законченным произведением (издан в 1928 г.). 3-й том вышел в свет в 1929 г., а 4-й – спустя 8 лет (в 1937 г.).

Самостоятельной ценности эти книги не имеют. Всего лишь – дополнение к предыдущим. Причем, это дополнение уступает первым двум томам до такой степени, что это, в свою очередь, и является основной причиной оспаривания авторства.

Выигрывает ли произведение, в целом, от появления дополнения ?

Вряд ли. Автор, явно, не справляется с поставленной задачей – описать Гражданскую войну. А как, кстати, ее опишешь, имея те установки, которые предъявляла к изображению этих событий Советская власть ?

Полагаю, что и с позиции “соцреализма” картина была бы более цельной, если бы не было столь нелепого дополнения. Смерть подтелковцев – более эффектное и логичное завершение романа.

Описание Гражданской войны неинтересно. Помимо этого рисуются картины повального пьянства у белоказаков. Кстати, ежедневное “принятие на грудь” столь велико, что чесались руки скрупулезно подсчитать – какие именно “нормативы” каза-

кам навешивает автор. Как обычно, неплохо выглядит выставленный контраст – безалкогольная свадьба Кошевого и Дуняшки.

По всем основным и уже разобранным в трех предыдущих главах темам автор вновь пробежался:

- Блуд: половая распущенность Григория [кн. 3, ч. 6, гл. II], похоть Листницкого [гл. V], развратность Аксиньи [там же], циничность Дуняшки [гл. XVI];

- офицерство: разлагающееся общество [т. 3, ч. 6, гл. IV]; “*лодонки офицерства – кокаионисты, насильники, грабители и прочие интеллигентные мерзавцы*” [т. 4, ч. 7, гл. XII]; сволочи [гл. XVIII]; а также: “карательный” отряд Романа Лазарева [т. 3, ч. 6, гл. XIV], оговор Красновым большевиков [там же];

- исторические личности: “*вислоусый, пропойского вида генерал Мамонтов*” [т. 3, ч. 6, гл. X];

- исторические события: введение Красновым в качестве герба “голого казака на бочке” вместо двуглавого орла (на самом деле вместо “голого казака” был восстановлен “олень, пронзенный стрелой”);

- и пр.

Полагаю, что наиболее интересной темой, которую имеет смысл рассмотреть, - взаимоотношения Мишки Кошевого и Мелеховых, а точнее, Кошевого и его однохуторян. Эти отношения представлены в столь диком и неестественном свете, что это многократно перекрывает несуразности первых двух томов.

Основной смысл этих взаимоотношений и, соответственно, морали, навязываемой автором, примерно такой:

1) Какие бы преступления не совершала Советская власть, она имеет на это право.

2) Любые ответные действия (меньшие по значимости и, явно, неадекватные) трактуются как гнусные и коварные преступления, за которые может следовать только одно наказание – смертная казнь.

3) Мораль, изложенная в предыдущих двух пунктах, с пониманием и, в общем-то, одобрением воспринимается казаками.

Начало противостояния

3-й том романа продолжает описание Всеобщего восстания, начатого весной 1918 г. Затем сдача фронта красным, возвращение казаков в хутор и начало Советской власти. Началом противостояния можно считать арест и расстрел 7-х хуторян.

“Ольшанов, сопровождавший арестованных в Вешенскую, вернулся с попутной подводой в полночь. Он долго стучал в окно горенки, где спал Иван Алексеевич (Котляров, С.К.). Разбудил.

- Ты чего? – Вышел опухший от сна Иван Алексеевич. – Чего пришел? Пакет, что ли? Ольшанов поиграл плеткой. – Казаков-то расстреляли.

- Брешешь, гад!” [т. 3, ч. 6, гл. XXII].

Затем показано, как Котляров немного повозмущался, но Штожман очень быстро объяснил ему всю правомерность и необходимость произошедшего.

“В Татарском собрал Иван Алексеевич 4 марта сход. Народу сошлось на редкость много. . .

На собрание пошел он (Штожман, С.К.) вместе с Кошевым и Иваном Алексеевичем. Майдан был битком. У Ивана Алексеевича даже сердце не по-хорошему

екнуло: «Чтой-то они неспроста собрались... Весь хутор на майдане». Но опасения его рассеялись, когда он, сняв шапку, вошел в круг. Казаки охотно расступились. Лица были сдержанные, у некоторых даже с веселинкой в глазах. Штокман оглядел казаков. Ему хотелось разрядить атмосферу, вызвать толпу на разговор. Он, по примеру Ивана Алексеевича, тоже снял свой красноверхий малахай, громко сказал:

- Товарищи казаки ! Прошло полтора месяца, как у вас стала Советская власть. Но до сих пор с вашей стороны мы, ревком, наблюдаем какое-то недоверие к нам, какую-то даже враждебность. Вы не посещаете собраний, среди вас ходят всякие слухи, нелепые слухи о поголовных расстрелах, о притеснениях, которые будто бы чинит вам Советская власть. Пора нам поговорить, что называется, по душам, пора поближе подойти друг к другу ! Вы сами выбирали свой ревком, Котляров и Кошевой – ваши хуторские казаки, и между вами не может быть недоговоренности. Прежде всего, я решительно заявляю, что распространяемые нашими врагами слухи о массовых расстрелах казаков – не что иное, как клевета. Цель у сеющих эту клевету – ясная: поссорить казаков с Советской властью, толкнуть вас опять к белым.

- Скажешь, расстрелов нет ? А семерых куда дели ? – крикнули из задних рядов.

- Я не скажу, товарищи, что расстрелов нет. Мы расстреливали и будем расстреливать врагов Советской власти, всех, кто вздумает навязывать нам помещицкую власть . . .

Штокман малахаем осушил пот на лысеющем лбу, напрягая голос, кричал:

- Всех, кто поднимет на рабоче-крестьянскую власть вооруженную руку, мы истребим! Ваши хуторские казаки, расстрелянные по приговору Ревтрибунала, были нашими врагами. Вы все это знаете. Но с вами, тружениками, с теми, кто сочувствует нам, мы будем идти вместе, как быки на пахоте, плечом к плечу. Дружно будем пахать землю для новой жизни и бороться ее, землю, будем, чтобы весь старый сорняк, врагов наших, выкинуть с пахоты ! Чтобы не пустили они вновь корней ! Чтобы не заглушили роста новой жизни.

Штокман понял по сдержанному шуму, по ожившимся лицам, что ворохнул речью казацки сердца. Он не ошибся: начался разговор по душам. . .

Штокман ожесточенно нахлобучил малахай и, выхватив из кармана список, некогда написанный Кошевым, крикнул:

- Нет, неправда ! Не за что обижаться тем, кто за революцию ! Вот за что расстреляли ваших хуторян, врагов Советской власти. Слушайте ! – И он внятно, с паузами, стал читать:

Список

арестованный врагов Советской власти, препровождающихся
в распоряжение следственной комиссии при Ревтрибунале
15-й Инзенской дивизии

№	Фамилия, имя, отчество	За что арестован	Примечание
1	Коршунов Мирон Григорьевич	Б. атаман, богатей,	
		нажитый от чужого труда.	
2	Синилин Иван Авдеевич	Пуцал пропаганды, чтобы	
		свергнули Советскую власть.	
3	Кашулин Матвей Иванович	То же самое.	
4	Майданников Семен Гаврилович	Надевал погонь, орал по улицам	
		против власти.	
5	Мелехов Пантелей Прокофьевич	Член Войскового круга.	

6 Мелехов Григорий Пантелеевич	Подъесаул, настроенный против. Опасный.
7 Кашулин Авдей Матвеевич	Участвовал в расстреле красных казаков Подтелкова.
8 Бодовский Федот Никифорович	То же самое.
9 Богатырев Архип Матвеевич	Церковный титор. Против власти выступал в караулке. Возмутитель народа и контра революции.
10 Королев Захар Леонтьевич	Отказался сдать оружие. Ненадежный.

Против обоих Мелеховых и Бодовского в примечании, не прочтенном Штокманом вслух, было указано:

«Данные враги Советской власти не доставляются, ибо двое из них в отсутствие, мобилизованы в объявительские подводы, повезли до станции Боковской патроны. А Мелехов Пантелей лежит в тифу. С приездом двое будут немедленно арестованы и доставлены в округ. А третий – как только поднимется на ноги».

Собрание несколько мгновений помолчало, а потом взорвалось криками:

- Неверно ! - Бреешь ! Говорили они против власти !

- За такие подобные следовало ! - В зубы им заглядывать, что ли ?

- Наговоры на них !

И Штокман заговорил вновь. Его слушали будто и внимательно и даже покрикивали с одобрением, но когда в конце он поставил вопрос о распределении имущества бежавших с белыми, - ответили молчанием». [т. 3, ч. 6, гл. XXIV].

* * *

Итак, только-только наступила Советская власть. Люди пока еще все нормальные и к "социалистической справедливости" еще не причучены. Трое большевиков появляются перед сходом и объясняют – за что были расстреляны хуторяне. Рассмотрим – за что именно.

Четверо (Синилин, Кашулин, Майданников, Богатырев) – за "пропаганду". Это в том плане, что выходили на улицу в своем хуторе и делились мнением со знакомыми. Вот это – да ! Собственно пропагандой (в ходе событий, описанных в романе) занимался только один человек. Сам Штокман (!), который ради этой самой пропаганды против существующего строя приехал из какой-то дальней губернии, очень долго деятельно ее занимался, в результате был арестован и выслан. Всю несправедливость "бесчеловечной царской власти" при этом автор подробно обрисовал в (кн. 1, ч. 2, гл. XXI). В результате только арест, как акт вопиющего беззакония, ни о каких расстрелах речи не шло.

Еще двое (Кашулин и Бодовский) – за то, что участвовали в расстреле подтелковцев. Отряд Подтелкова был осужден и приговорен к расстрелу. Эти двое, в числе прочих, приводили приговор в исполнение. Ни один режим не предусматривает за это смертную казнь. К этому еще следует добавить шикарный контраст с Бунчуком, который, работая в Ревтрибунале, каждую ночь занимался расстрелами. С каким уважением повествуется об этой "трудной, но очень нужной" работе, см. (т. 2, ч. 5, гл. XX).

П.П. Мелехов – "Член Войскового Круга". Тоже неплохо. На Круг был избран этим самым сходом.

М.Г. Коршунов – хуторской атаман (опять же, выборная должность).

Обвинения последнего (З.Л. Королев) просто смехотворны.

О претензиях в Григорию Мелехову подробно в следующей главе.

Итак, со всей этой "туфтой" три большевика появляются перед сходом, еще раз подчеркнем, нормальных людей, еще не перевоспитанных Советской властью.

И автор показывает. Что подобного рода объяснения удовлетворили сход. Никто не возмущался таким, с позволения сказать, доводам. Было только несколько фраз (повторим их еще раз):

- *Неверно!* - *Брзешешь!* *Говорили они против власти!*
- *За такие подобные следовает!* - В зубы им заглядывать, что ли?
- *Наговоры на них!*

Как видим, по поводу расстрела наблюдается некоторый разброс мнений. Первое (*Неверно!*) и пятое (*Наговоры на них!*), - как-бы, возражения. Но какие? Оспаривается то, в чем их обвиняют. И только.

Т.е. нарисована совершенно немислимая картина, когда казаки (нормальные люди) принимают изуверскую мораль как должное и даже не возражают, когда близким им людей уничтожают без какого-либо обоснования.

Разумеется, подобной сцены ни могло быть ни под каким видом и даже большевики никогда не решились бы появиться перед сходом казаков с подобного рода аргументацией.

Григорий – враг, почему?

Теперь рассмотрим вопрос: а на каком, собственно основании в список врагов Советской власти попал Григорий?

После революции сначала он примкнул к Советам. После – откололся, вернулся в хутор и ничем особенным себя не проявлял.

Тем не менее, Штокман поучал Ивана Алексеевича:

"Если по округу не взять наиболее активных врагов, - будет восстание. Если своевременно сейчас изолировать их, - восстания может не быть. Для этого не обязательно всех расстреливать. Уничтожить нужно только матерых, а остальных – ну хотя бы отправить в глубь России. Но вообще с врагами нечего церемониться! «Революцию в перчатках не делают», говорил Ленин. Была ли необходимость расстреливать в данном случае этих людей (это о семи расстрелянных, С.К.)? Я думаю – да! Может быть, не всех, но Коршунова, например, незачем исправлять! Это ясно! А вот Мелехов хоть и временно, а ускользнул. Именно его надо бы взять в дело! Он опаснее остальных, вместе взятых. Ты это учти. Тот разговор, который он вел с тобой в исполкоме, - разговор завтрашнего врага."

[т. 3, ч. 6, гл. XXII].

Так какие основания для этого? Начало Всеобщего Донского восстания; сдача фронта красным; возвращение в хутор; при красных; начало Верхне-Донского восстания. Отметим, прежде всего, что все это время, вплоть до смерти Петра, Григорий находился в подчинении у брата (!!).

"Отряд татарских казаков под командой хорунжего Петра Мелехова прибыл на хутор Пономарев 11 мая на рассвете.

По хутору сневали казаки-чирцы, ввели на водопой коней, толпами шли на край хутора. Петро остановил отряд в центре хутора, приказал спешиться. К ним подошло несколько человек. - Откуда, станишники? – спросил один.

- С Татарского. - Приподздали вы трошки... Поймали без вас Подтелкова.

- Где же они? Не угнали отсюда?

- А вон... - Казак махнул рукой на покатую крышу лавчушки, рассмеялся. - Сидят, как куры в курятнике.

Христоня, Григорий Мелехов и еще несколько человек подошли поближе.

[т. 2, ч. 5, гл. XXX].

В апреле 1918 г.:

“Уже четверо суток сотня татарских казаков под командой Петра Мелехова шла через хутора и станицы на север Усть-Медведицкого округа.”

“Отряд насчитывал неполную сотню. У Петра помощником был вахмистр Латышев, вышедший на хутор Татарский в зятя. Григорий командовал взводом. . . Вторым взводом командовал Николай Кошевой. . . ” [т. 3, ч. 6, гл. I].

“Неподалеку от станицы Дурновской Вешенский полк в первый раз ввязался в бой с отступавшими частями красноармейцев.

Сотня под командой Григория Мелехова к полудню заняла небольшой, одичало заросший левадами хутор.” [т. 3, ч. 6, гл. VIII].

“Меньше стали брать в плен. Участились случаи расправ над пленными. Широкой волной разлились по фронту грабежи; брали у заподозренных в сочувствии большевикам, у семьи красноармейцев, раздевали донага пленных...”

“Но к Григорию как-то не привилось это, - он брал лишь съестное да корм коню, смутно опасаясь трогать чужое и с омерзением относиться к грабежам. Особенно отвратительным казался в его глазах грабеж своих же казаков. Сотню он держал жестко. Его казаки если и брали, то, таясь и в редких случаях. Он не призывал уничтожать и раздвевать пленных. Чрезмерной мягкостью вызвал недовольство среди казаков и полкового начальства. Его потребовали для объяснения в штаб дивизии. Один из чинов обрушился на него, грубо повышая голос:

- Ты что мне, хорунжий, сотню портишь ? Что ты либеральничаеть ? Мягко стелешь на всякий случай ? По старой памяти играешь на две руки ?.. Как это на тебя не кричать ?.. А ну без разговоров ! Дисциплины не знаешь ? Что - сменить ? И сменим ! Приказываю сегодня же сдать сотню ! И того, брат... не шурши !” [т. 3, ч. 6, гл. IX].

В начале Верхне-Донского восстания:

“Командиром конной сотни в Татарском еще до приезда Григория выбрали, как и в восемнадцатом году, Петра Мелехова. Командование пешей сотней принял на себя Латышев. Батарейцы во главе с Иваном Томилиным уехали на Базки.”

[т. 3, ч. 6, гл. XXX].

Непосредственно перед смертью Петра Мелехова:

“5 марта в Татарский прискакал с донесением казак. . . В такой обстановке некогда было дожидаться распоряжений из округа. И Петро Мелехов решил выступить со своими двумя сотнями.

Он принял командование и над остальными четырьмя сотнями соседних хуторов. Наутро вывел казаков на бугор. Сначала, как водится, цокнулись разведки. Бой развернулся позже.”

“На своем съютом, слегка запаренном коне от еланских уже рассыпавшихся сотен подскакал к Григорию Петро. Он был весел, оживлен.

- Братухи ! Патроны поберегайте ! Бить, когда отдам команду... Григорий, отведи свою полусотню сажан на полтораста влево. Поторалливайся ! Коноводы пушай в кучу не съезжаются ! - Он отдал еще несколько распоряжений, достал бинокль. - Никак, батарею устанавливают на Матвеевом кургане ?”

[т. 3, ч. 6, гл. XXXII].

“Проныра” Петр съездил к своему односуму Фомину (большому красному начальнику), угостил его, поговорил по душам и добился своего:

“... Но ты не бойся, тебя не тронут. Слово – слово !

Дарья закусывала холодцом из вежливости почти не ела хлеба. Ее усердно угощала хозяйка.

Уехал Петр уже перед вечером, обнадеженный и веселый” [т. 3, ч. 6, гл. XIX]

По поводу Петра следующий разговор Штокмана с Иваном Алексеевичем:

“- Ты у нас председатель ревкома... Смотри.

Штокман улыбнулся, уклончиво пожал плечами. Умел он с такой издевкой улыбнуться, что улыбка жгла не хуже удара арапником. Вспотел у Ивана Алексеевича подбородок. Не разжимая зубов, резко сказал:

- Я – председатель, так я их обоих, и Гришку и брата, арестую –и в Вешки !

- Брата Григория Мелехова арестовывать вряд ли есть смысл. За него горой стоит Фомин. Тебе же известно, как он о нем прекрасно отзывается... А Григория взять сегодня, сейчас же ! Завтра мы его отправим в Вешенскую, а материал на него сегодня же пошли с конным милиционером на имя председателя Ревтрибунала”.
[т. 3, ч. 6, гл. XXIII].

Обоснования выставления Григория принципиальным врагом Советской власти не производят впечатление. Основным врагом (из Мелеховых) на тот момент времени может быть только Петр. И если уж не трогают его, то других, и подавно, нет смысла упоминать.

К этому следует добавить еще одну несуразность. Обеспечив собственную безопасность, Петр спокойно смотрит на то, какой опасности подвергаются брат и отец. Разве так бывает ?

* * *

После установления Советской власти в хуторе первая встреча Григория с Кошевым и Котляровым вполне мирная и, даже, сердечная:

“Рев провожал отходившего с достоинством Авдеича. На майдане кучками стояли казаки. Григорий, давным-давно не видавший Мишки Кошевого, подошел к нему.

- Здорово, полчок ! - Слава богу.

- Где пропал ? Под каким знаменем службу ломал ? – Григорий улыбнулся, сжимая руку Мишки, засматривая в голубые его глаза.

... ..

Вместе с Иваном Алексеевичем подошел и Давыдка – вальцовщик. У Давыдки – полон рот кипенных зубов, Давыдка смеется, будто железку нашел... А Иван Алексеевич помял руку Григория в своих масляковатых пальцах, навывлет провавшихся машинным маслом, поцокал языком.

- Как же ты, Гриша, остался ? - А ты как ? . . .” [т. 3, ч. 6, гл. XVIII].

Все меняется уже в следующей главе. Григорий приходит к Кошевому и Котлярову.

“- Ну, повидал я председателя, - Иван Алексеевич, сияющий, блестя глазами, подошел к столу. Одолевала его нетерпичка рассказать. – Вошел к нему в кабинет. Он поручался со мной и говорит: «Садись, товарищ». Это окружной ! А раньше как было ? Генерал-майор ! Перед ним как стоять надо было ? Вон она, наша власть-любюшка ! Все равные !

Его оживленное, счастливое лицо, суетня возле стола и эта восторженная речь были непонятны Григорию. Спросил: - Чему ты возрадовался. Алексеев ?

- Как – чему ? – У Ивана Алексеевича дрогнул продавленный дыркой подбородок. – Человека во мне увидели, как же мне не радоваться ? Мне руку, как равне, дал, посадил...

- Генералы тоже в рубашках из мешков стали последнее время ходить. – Григорий ребром ладони выпрямил ус, сощурился. – Я на одном видал и погоны, чернильным карандашом сделанные. Ручку тоже казакам давали...

- Генералы от нужды, а эти от природы. Разница ?

- Нету разницы ! – Григорий покачал головой.

- По-твоему, и власть одинаковая ? За что же тогда воевали ? Ты вот – за что воевал ? За генералов ? А говоришь – «одинаковая».

- Я за себя воевал, а не за генералов. Мне, если направдок гутарить, ни те ни эти не по совести.

- А кто же ? - Да никто !

Ольшанов плюнул через всю комнату, сочувственно засмеялся. Ему, видно, тоже никто по совести не пришелся.

- Ты раньше будто не так думал.

Мишка сказал с целью уязвить Григория, но тот и виду не подал, что замечание его задело.

- И я и ты – все мы по-разному думали...

Иван Алексеевич хотел, выпроводив Григория, передать Мишке поподробней о своей поездке и беседе с председателем, но разговор начал его волновать. Очертя голову, под свежим впечатлением виденного и слышанного в округе, он кинулся в спор:

- Ты нам голову пришел морочить, Григорий ! Сам ты не знаешь, чего ты хочешь.

- Не знаю, - охотно согласился Григорий.

- Чем ты эту власть корить будешь ?

- А чего ты за нее распинаешься ? С каких это ты пор так покраснел ?

- Об этом мы не будем касаться. Какой есть теперь, с таким и гутарь. По-нял ? Власти тоже дюже не касайся, потому – я председатель, и мне тут с тобой негоже спорить.

- Давай бросим. Да мне и пора уж. Это я в счет обывательских зашел. А власть твоя, - уж как хочешь, - а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам ?

- Каким казакам ? Казаки тоже разные. - Всем, какие есть.

- Свободу, права... Да ты погоди !.. Постой, ты чего-то...

- Так в семнадцатом году говорили, а теперь надо новое придумывать ! – перебил Григорий. – Земли дает ? Воли ? Сравняет ?.. Земли у нас – хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать. Атаманов сами выбирали, а теперь сажают. Кто его выбирал, какой тебя ручкой обрадовал ? Казакам эта власть окромя разору, ничего не дает ! Мужичья власть, им она и нужна. Но нам и генералы не нужны. Что коммунисты, что генералы – одно ярмо.

- Богатым казакам не нужна, а другим ? Дурья голова ! Богатых-то в хуторе трое, а эти бедные. А рабочих куда денешь ? Нет, мы так судить с тобой не можем ! Нехай богатые казаки от сытого рта оторвут кусок и отдадут голодному. А не дадут – с мясом вырвем ! Будя пановать ! Заграбили землю...

- Не заграбили, а завоевали ! Прадеды наши кровью ее полили, оттого, может, и родит наш чернозем.

- Все равно, а делиться с нуждой надо. Ровнять – так ровнять ! А ты на холостом ходу работаешь. Куда ветер, туда и ты, как флюгерок на крыше. Такие люди, как ты, жизнь мутят !

- Постой, ты не ругайся ! Я по старой дружбе пришел погутарить, сказать, что у меня в груди накопело. Ты говоришь – равнять... Этим темный народ большевики и приманули. Посыпало хороших слов, и попер человек, как рыба на приваду ! А куда это равнение делось ? Красную Армию возьми: вот шли через хутор. Взвод-

ный в хромовых сапогах, а «Ванек» в обмоточках. Комиссара видал, весь в кожу залез, и штаны и тужурка, а другому и на ботинки кожи не хватает. Да ить это год ихней власти прошел, а укоренятся они, - куда равенство денется ?.. Говорили на фронте: «Все ровные будем. Жалование и командирам и солдатам одинаковое !..» Нет ! Привала одна ! Уже ежли пан плох, то из хама пан во сто раз хуже ! Какие бы поганые офицеры ни были, а как из казуни выйдет какой в офицеры – ложись и помирай, хуже его не найдешь ! Он такого же образования, как и казак: быкам хвосты учились крутить, а глядишь – вылез в люди и делается от власти пьяный, и готов шкуру с другого спустить, лишь бы усидеть на этой полочке.

- Твои слова – контра ! – холодно сказал Иван Алексеевич, но глаз на Григория не поднял. – Ты меня на свою борозду не своротишь, а я тебя и не хочу заламывать. Давно я тебя не видал и не потаю – чужой ты стал. Ты Советской власти враг !”

Вот такой, в общем-то, нейтральный разговор (обмен мнениями с близкими друзьями) повлек за собой убежденное мнение большевиков, что перед ними заклятый враг (!?).

“Иван Алексеевич на прощание сказал:

Ты такие думки при себе держи, а то хоть и знакомец ты мне и Петро ваш кумом доводится, а найду и против тебя средства ! Казаков нечего шатать, они и так шатаются. И ты поперек дороги нам не становись. Стопчем !.. Прощай !”

“Прошли квартал, и Кошевой повернулся к Ивану Алексеевичу, на полных, девичьих губах его блуждала потерявшаяся улыбка:

- Вот, Алексеевич, какая она, политика, злая, черт ! Гутарь о чем хошь, а не будешь так кровя портить. А вот начался с Гришкой разговор... ить мы с ним – корешки, в школе вместе учились, по девкам бежали, он мне – как брат... а вот начал говорить, и до того я озлеп, ажник сердце распухло, как арбуз в груди сделалось. Трусится все во мне ! Кубыть, грабит он меня ! Так под разговор и зарезать можно. В ней, в этой войне, сватов, братьев нету. Начертился – и иди ! – Голос Мишки задрожал непереносимой обидой. – Я на него ни за одну отбитую девку так не серчал, как за эти речи. Вот до чего забрало !”

И этот враг (Григорий) должен быть, ни мало – ни много, уничтожен.

Вероятно, неубедительность выставления главного героя в качестве злейшего врага Советской власти была очевидна и для автора.

Поэтому, во-первых, в списке арестованных Григорий повышен аж на два чина – подьесаул. Кстати, далее по тексту он опять фигурирует в качестве хорунжего.

Во-вторых, некоторая коррекция наблюдается в экранизации «Тихого Дона».

Полагаю, что именно в связи с тем, что Григорий, как заклятый враг Советской власти, выглядит неубедительно, в фильме изменен его чин с хорунжего на подьесаула. Именно с такими погонями он: приходит домой, присутствует на казни Подтелкова, да и пребывает во время всей Гражданской войны. Акцента на подчинении Петру не делается. Этого в фильме удается легко избежать.

При этом становится обоснованным желание Штокмана нейтрализовать офицера со столь серьезным (тем более, по хуторским меркам) чином.

Данную “прореху” тем самым удается заделать. Но при этом образуется еще большая “дыра” в другом месте. Получается, что в период 1 Мировой войны Григорий

повышен не 7, а 9 раз: сменил 5 нижних чина и еще 4 (!!!) офицерских. Исходный и, по всем меркам, несуразный материал преобразуется в сказку про Илью Муромца с еще большим и несуразностями.

Период Гражданской войны, при этом, выглядит еще несуразнее. Григорий не был повышен в чине ни разу.

Выше кадр из фильма Григория с погонями подьесаула, сразу после прихода с фронта.

Кстати, столь же несуразно выглядит подьесаул Шеин (*“георгиевский кавалер всех четырех степеней, из рядовых казаков дослужившийся до чина подьесаула”*), упоминаемый в предыдущей главе.

М. Кошевой против хутора

Рассмотрим взаимоотношения Кошевого с однохуторянами в хронологическом порядке. Имеет смысл выделить 6 основных событий: 4 (четыре) действия Советской власти и 2 (два) противодействия ее противников.

Предварительно же рассмотрим характер взаимоотношений людей, живущих в одном хуторе.

* * *

Несколько лет назад у одного из знакомых случилось несчастье. Служа в милиции, подчас хранил табельное оружие дома. Однажды его нашел сын – подросток, позвал приятеля, стали баловаться, раздался выстрел, приятель погиб. После расследования инциденту была дана трактовка – “несчастный случай”. Тем не менее, знакомый посчитал целесообразным сменить место жительства.

Живя в большом городе, можно годами не встречать знакомых из своего собственного дома, тем более - из близлежащих. Подчас встречаешь школьных

друзей, которых не видел по несколько лет. И оба удивляемся – как же это, живя рядом и никуда не уезжая, ум удраемся не видеть друг друга.

Так вот, вышеупомнутый знакомый посчитал, что даже столь малая вероятность встреч его и его сына с родственниками погибшего мальчика ему ни к чему.

Совсем другого рода жизнь в Подмосковном поселке, где жила моя бабушка (ныне живет дядя). На улице почти все друг друга знают, видятся постоянно и, отсюда, взаимозависимость соседей значительно выше, нежели в городе.

Рассмотрим форму взаимоотношений в русской деревне в конце XIX – начале XX вв. Люди живут, работают и отдыхают вместе. Каждая семья – большая по составу. С другими семьями повязаны многочисленными родственными связями.

Если какой-нибудь член общества оказывается повинен в гибели, скажем, двух односельчан, то тем самым он наживает такое количество врагов, что никакой возможности в дальнейшем проживать в данной деревне (ни ему, ни его семье) уже нет. Казачий хутор отличается от русской деревни только одним – разрешение подобного рода конфликтных ситуаций происходит значительно быстрее. Все – люди военные, умеют обращаться с оружием, имеют его и крови, в общем-то, не боятся.

Сколько бы не говорили о принципиальных политических разногласиях, определяющего значения во взаимоотношениях они, как правило, не имеют. Первичны родственные взаимоотношения. После них, по значимости, идут отношения с соседями. К тому же война рано или поздно заканчивается и нужно жить в окружении родни и соседей. Поэтому, если и появляется желание “позверовать” или, что одно – и то же, поисполнять “революционный долг”, то ни один нормальный человек не будет этого делать там, где он живет. Даже Советская власть, с большим пониманием относившаяся к подобию рода желаниям и всячески их поощрявшая, отправляла для этого пламенных революционеров в области, где их никто не знает, чтобы, во-первых, дать им возможность вернуться домой, когда война закончится, а, во-вторых, не подвергать опасности их близких.

Действие № 1.

Очевидно, что вина за расстрел семерых хуторян должна быть возложена на Кошевого и Котлярова. Семья “непоследних” членов общества, у которых большие семьи, а также родственные связи со всем хутором.

После данного события повествование могло развиваться только в одном направлении.

1) Кошевой и Котляров становятся изгоями. Никакой возможности в дальнейшем жить в хуторе у них нет. Все время, пока они еще там остаются, им нужно ходить и оглядываться. Такое состояние наблюдалось бы даже в том случае, если бы был год 1925 – 1927, т.е. установившаяся Советская власть и полностью сданное оружие. Либо получаешь пулю из-за угла, либо тебя встречают где-нибудь по дороге в соседний хутор или станицу.

2) Все последующие взаимоотношения Кошевого с Дуняшкой невысказаны уже после этого 1-го действия. Во-первых, ни одна девица с хутора (и из близлежащих, кстати, тоже) за Кошевого не пойдет. И это по одной простой причине: он – не жилец. Какой смысл выходить замуж со стопроцентной гарантией в лучшем случае – просто стать вдовой, а в худшем – пострадать при этом еще и самой. Вторая причина – см. ниже п. 4.

3) Родня Кошевого и Котлярова должна покинуть хутор в спешном порядке. Причем, имеется в виду не переезд куда-нибудь поблизости. По уму, надо покидать территорию Войска Донского и уезжать куда-нибудь в Россию, желательно, подальше.

4) Никаких взаимоотношений с Мелеховыми уже не предвидится. Убийство М.Г. Коршунова – отца Натальи, тестя Григория и свата для остальных, – не прощается никогда. Кстати, никаких возмущений в кн. 3 и 4 по поводу Мирона Григорьевича нет. Раз был хutorским атаманом и имел наемных рабочих, то кроме смерти других вариантов и не было. Автор показывает, что подобного рода доводы убедительны для казаков (в целом) и Мелеховых (в частности).

Действие № 2.

После того, как Пантелей Прокофьевич оправился от тифа, его арестовывают и отправляют в Вешки. Григория везде ищут.

Когда сообщили о расстреле семерых хutorян, показана некоторая растерянность Котлярова. Но Штокман очень быстро приводит его в чувство, а затем и на сходе объясняет всем правильность содеянного.

На этот раз уже никакой неопределенности нет и в помине. Пантелей Прокофьевич посылается не в тюрьму, а на расстрел и только лишь за то, что был послан хutorянами на Войсковой Круг. Спасло его лишь то, что началось Верхне-Донское восстание.

После этого (2-го) действия братья Мелеховы должны начать планомерную охоту на Кошевого с единственной целью – уничтожить этого гада.

Действие № 3.

Обстоятельства смерти Петра можно трактовать как одну из вершин несуразности, порожденную воспаленным воображением автора.

Итак, Петр и еще 10 хutorян попадают в плен. Ясно, что их отведут в расположение красных и после небольшого разговора “на отвлеченную тему” расстреляют. Что еще нужно Кошевому? Самое правильное для него при этом – максимально дистанцироваться от этого события. Мол, я находился на другом фланге; да, их взяли в плен; я к этому отношение не имею.

Автор показывает другое:

“ Эй, вы! Вылезайте! Все равно побьем! – закричали сверху.

Снег падал в яр гуще, белой молочной струей. Кто-то, видимо, близко подошел к яру.

Другой голос там же уверенно проговорил:

- Сюда они прыгали, вот следы. Да я ведь сам видел!

- Петро Мелехов! Вылезать!

На секунду слепая радость полымем обняла Петра. «Кто меня из красных знает? Это же свои! Отбили!» Но тот же голос заставил его задрожать мелкой дрожью:

- Говорит Кошевой Михаил. Предлагаем сдаться добром. Все равно не уйдете!

Петро вытер мокрый лоб, на ладони остались полосы розового кровавого пота.

Какое-то странное чувство равнодушия, граничащего с забытьем, подкралось к нему.

И диким показался крик Бодовского:

- Вылезем, коли посулитесь отпустить нас. А нет – будем отстреливаться! Берите!

- Отпустим... - помолчав, ответили сверху.

Петро страшным усилием стянул с себя сонную одурь. В слове «отпустим» оказалась ему невидимая ухмылка. Глухо крикнул:

- Назад! – но его уже никто не слушался.

Мишка подошел к Петру в упор, тихо, не поднимая с земли глаз спросил:

- Навоевался ? – Подождав ответа и все так же глядя Петру под ноги, спросил: - Ты командовал ими ?

- Раздевайся !

Петро проворно скинул полушубок, бережно свернул и положил его на снег; снял папаху, пояс, защитную рубашку и, присев на полу полушубка, стал стаскивать сапоги, с каждой секундой все больше и больше бледнея. Иван Алексеевич спешился, подошел с боку и, глядя на Петра, стиснул зубы, боясь разрыдаться.

- Белье не сымай, - прошептал Мишка и, вздрогнув, вдруг пронзительно крикнул: -Живей, ты !..

Петро засуетился, сомкал снятые с ног шерстяные чулки, сунул их в голенища, выпрямившись. Ступил с полушубка на снег босыми, на снегу шафранно-желтыми ногами.

- Кум ! – чуть шевеля губами, назвал он Ивана Алексеевича. Тот молча смотрел, как под босыми ступнями Петра подтаивает снег. – Кум Иван, ты моего дитя крестил... Кум, не казните меня ! – попросил Петро и, увидев, что Мишка уже поднял на уровень его груди наган, расширил глаза, будто готовясь увидеть нечто ослепительное, как перед прыжком вобрал голову в плечи. Он не слышал выстрела, палая навзничь, как от сильного толчка. [кн. 3, ч. 6, гл. XXXVIII].

“В конце улицы показалась головная подводка. . . Рядом с передней подводой шагал без шапки Алешка Шамиль. Обручком руки он прижимал к груди папаху, в правой держал волосные вожжи. Григорий, не задержавшись взглядом на лице Алешки, глянул на сани. На соломенной подстилке, лицом вверх, лежал Мартин Шамиль. Лицо, зеленая гимнастерка на груди и втянутом животе залиты смерзшейся кровью. На второй подводке везли Маныцкова. Изрубленным лицом уткнул

он в солому. У него зябка втянута в плечи голова, а затылок срезан начисто умелым ударом: серные сосульки волос бахромой окаймляли обнаженные черепные кости. Григорий глянул на третью подводу. . . . [кн. 3, ч. 6, гл. XXXIV].

Ну, предположим, хочется тебе собственными руками убить своих хуторян. Так хоть сделай это – по уму. Петр с подчиненными барахтается в снегу. Можно спокойно сверху их всех перестрелять. При этом в дальнейшем в хуторе можно было бы сказать: это был бой, у них было оружие, мы стреляли в них, они стреляли в нас. Ведь: убил в бою и расстрелял пленного, - разные вещи.

Хуторяны берут в плен (!) с обещание даже не помиловать, а – отпустить (!!). После этого осуществляется уничтожение пленных без суда и следствия.

Петр – родной брат невесты расстреливается собственноручно, причем, с элементами мародерства (*Раздевайся!*), а остальные 10 хуторян даже не расстреливаются, а рубятся шашками (!!!).

Полагаю, что после подобного номера (случись такое) Кошевой снискал бы славу одного из основных Донских извергов. О нем бы говорили не только как о палаче и подонке, но и как о человеке, ненавидящем собственную семью. Хутор на тот момент был в руках белых и первым же последствием этой расправы должно было быть немедленное уничтожение его семьи. Отсрочка если и была бы, то очень короткою, только чтобы мать Кошевого успела проклясть своего подонка – сына (понятно, что на это не требуется много времени).

В фильме сделано "забавное" добавление к этой сцене. Когда по хутору везут убитого Петра, две бабки вцепляются в волосы младшей сестры Кошевого. Та затем

бросается к матери, слезы на глазах: “За что они меня, мама ?” Действительно, даже “подергать за косички” – очевидное зверство враждебно настроенных к Советской власти.

Противодействие № 1.

Дарья убивает Ивана Алексеевича.

Котляров также, как и Кошевой, вне закона. Мнение хутора может быть только одно – если ты встретил кого-либо из них и не убил, то должен очень убедительно доказать, что у тебя не было к этому возможностей.

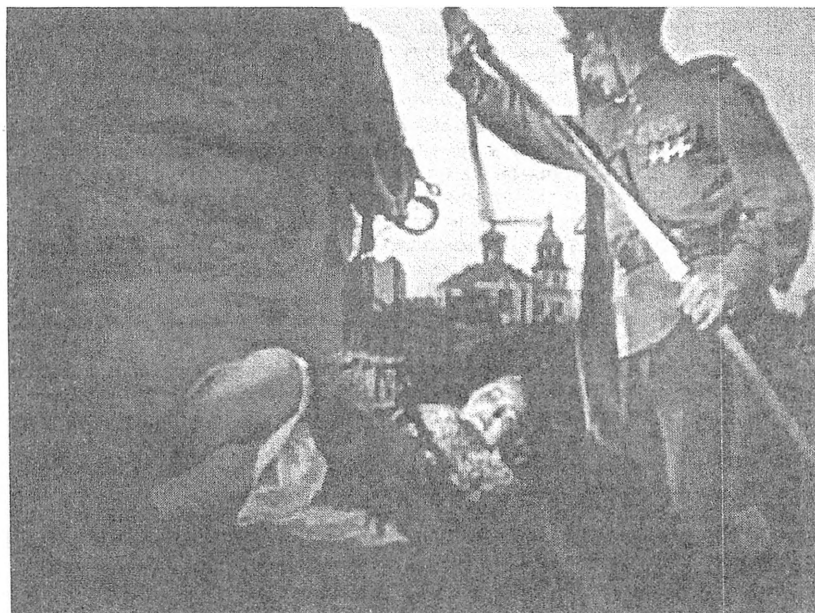
Во-первых, удивительно, что Котляров дошел до дома Мелеховых, его должны были прибить значительно раньше.

Во-вторых, Дарья поступила достаточно гуманно. Не стала предлагать раздеваться, не организовала рубку шашкой, просто выстрелила. Для Ивана Алексеевича дилемма “сразу или помучиться” должна была закончиться выбором второго варианта.

На этом фоне порыв Григория, желающего спасти Кошевого и Котлярова, можно рассматривать в качестве дурного анекдота:

“Захватить бы живым Мишку, Ивана Алексеева... Дознаться, кто Петра убил... и выручить Ивана, Мишку от смерти ! Выручить... Кровь легла промеж нас, но ить не чужие ж мы ?! – думал Григорий, бешено охаживая коня плетью, наметом спускаясь с буера”. [кн. 3, ч. 6, гл. LI].

Последующие события еще несуразней:

“- Казаки побили... Ох, Гриша ! Наша Дашка, стерва проклята-я... - в голосе Дуняшки послышались негодующие слезы, - ... она сама убила Ивана Алексеевича... стрельнула в него...”

- Чего ты мелешь ? – испуганно хватая сестру за ворот расшитой рубахи, вскричал Григорий.

Белки Дуняшкиных глаз сверкнули слезами, и под страху застывшему в ее глазах, Григорий понял, что он не ослышался.

- А Мишка Кошевой ? А Штокман ?

- Их не было с пленными.

Григорий вошел в амбар, настежь открыл дверь. Дарья, бесстыже заголив подол, спала на полу. Тонкие руки ее были раскинуты, правая щека блестела, обильно смоченная слюной, из раскрытого рта резко разило самогонным перегаром. Она лежала, неловко повернув голову; левой щекой прижавшись к полу, бурно и тяжело дыша.

Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей, стояя и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшее полудужьями высоких бровей, прохрипел:

- Гга-дю-ка !” . [кн. 3, ч. 6, гл. LVI].

В фильме показано: гнев Григория столь велик, что он ели сдерживает сильное желание зарубить Дарью.

Действие № 4.

“Праведный гнев” Кошевого после смерти Ивана Алексеевича и Штокмана показан во всей красе. Наиболее впечатляющие обороты мною выделены:

“После убийства Штокмана, после того, как до Мишки дошел слух о гибели Ивана Алексеевича и еланских коммунистов, жгучей ненавистью к казакам оделось Мишкино сердце. Он уже на раздумывал, не прислушивался к невнятному голосу жалости, когда ему в руки попался пленный казак-повстанец. Ни к одному из них с той поры он не относился со снисхождением. Голубыми и холодными как лед глазами смотрел на станичника, спрашивал: «Поборолся с Советской властью !» – и, не дожидаясь ответа, не глядя на мертвеющее лицо пленного, рубил. Рубил беспощадно ! И не только рубил, но и «красного кочета» пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах. А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с ревом выбежали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки.

...

Смертью Штокмана и Ивана Алексеевича вскормилась ненависть, а слова приказа только с предельной яркостью выразили немые Мишкины чувства... В этот же день он с тремя товарищами выжег дворов полтораста станицы Каргинской”. [кн. 3, ч. 6, гл. LXV].

Убил деда Гришаку, сжег дом Коршунова, затем:

“Мишка зажег подряд семь домов, принадлежавших отступившим за Донец купцам Мохову и Атепину-Цаце, попу Виссариону, благочинному отцу Панкратию и еще трем зажиточным казакам, и только тогда тронулся из хутора” [там же].

Если после действия № 3 чего-то и не хватало в образе Кошевого, то уж после действия № 4 он, явно, стал бы на Дону легендарной фигурой и им бы до сих пор

пугали детей. Интересно, что описанием именно этих событий заканчивается книга № 3. То есть, в течение 8-ми лет (до выхода в свет книги № 4) роман, в целом, имел такое "веселенькое" окончание.

Противодействие № 2.

Живописную сцену с участием очень нехорошего карателя Митьки Коршунова можно сравнить разве уж только с "ужасами" индийских фильмов.

Помнится, как один довольно-таки образованный молодой человек как-то признался мне, что очень любит индийские фильмы.

- Как ? - спросил я. – Андрюша, ты ? С твоим интеллектов ?

В ответ услышал следующее: "Ну это как смотреть ! Предварительно надо принять 150. Тогда все воспринимаешь правильно. Дочь отнимают у матери - смеешься. Появляется кровожадный раджа – смеешься еще сильнее".

В следующий раз, вероятно, читать «Тихий Дон» нужно будет, применив такой же метод.

Никакого смысла сцена уничтожения семьи Кошевого не имеет потому, что они либо сбежали задолго до этого, либо были бы уничтожены, опять же, задолго до этого. Также несуразно выглядит возмущение Пангилия Прокофьевича действиями Митьки Коршунова.

* * *

Все последующие сцены, в которых описываются Кошевой с Дуняшкой об-суждать нет никакого смысла. А из наиболее бредовых ситуаций, демонстрирующих приятие казаками советской морали, можно выделить две:

Первая. Кошевой приходит к Мелеховым. Ильинична, только лишь погундев немного, сажает Мишку за стол, а потом и благословляет дочь. Мало этого, первичная отповедь Ильиничны характеризуется автором, как "оскорбительные выходки взбесившейся старухи".

Вторая. Возвращается Григорий и, при первой встрече, хочет обнять (! ! !) Мишку:

"Он вошел в кухню, твердо сжав губы. Под скулами его поигрывали желваки. На коленях у Григория примостилась Полюшка, заботливо принаряженная теткой в чистое платьице. Григорий бережно опустил ребенка на пол, пошел на встречу зятю, улыбаясь, протягивая большую смуглую руку. Он хотел обнять Михаила, но увидел в безулыбчатых глазах его холодок, неприязнь и сдержался." [кн. 4, ч. 8, гл. VI].

Разве не правомерно на основании всего этого сделать вывод, что автор по полной программе "опустил" казачество ?

Кстати, о пионерских отрядах (см. предыдущую главу). Полагаю, что помимо отрядов, носивших имена Подтелкова и Кривошлыкова, на Дону в большом числе были и отряды имени Михаила Кошевого. Если проецироваться на общероссийский масштаб, то это можно сравнивать с отрядами имени Павлика Морозова.

Это просто подтвердить. В «Детской энциклопедии» [М., 1961, т. 10, с. 313] в статье, посвященной М.А. Шолохову, в частности, читаем:

"От трупного яда, источаемого поверженным старым миром, гибнет Григорий. Но писатель обращает наши взоры в будущее. Ради победы этого будущего отдали свою жизнь такие герои «Тихого Дона», как коммунисты Штокман, Анна Погудко, Котляров, ради этого будущего живет и трудится устанавливающий Советскую власть в хуторе Татарском Михаил Кошевой".

Значение романа

Рассмотрены четыре основных темы романа. Две темы (1 Мировая война и частная жизнь), которые, как-бы, "нейтральны". К ним не предъявляются настолько серьезные требования по соответствию основным положениям Советского описания исторических событий, как это необходимо в случае описания тем: революция и Гражданская война. В этих двух (еще раз подчеркнем) "нейтральных" темах не наблюдается ничего общего с действительностью. Большинство мало-мальски интересных сцен можно разделить на две группы. Либо (в лучшем случае) они маловероятны и нетипичны, либо, вообще, абсолютно неправдоподобны.

В двух других темах, которые подвержены значительно большей «партийной цензуре», эти же самые недостатки возрастают в несколько раз: описание действительного героя Гражданской войны Чернецова; описание Подтелкова; оправдание расстрелов, и пр..

Так что останется от романа (имеются в виду 1-й и 2-й «гениальные» тома), если выкинуть маловероятные сцены и сцены, которых в реальной жизни не могло быть ни под каким видом? Вероятно, останутся только описания природы.

Помимо вышесказанного хотелось бы обратить внимание еще на один аспект – развеять два основных мифа, связанных с именем М.А. Шолохова.

Первый. Некоторое фрондирование перед Советской властью. Отстаивание своего независимого мнения, нейтральная и объективная позиция в отношении противоборствующих сторон. Сейчас, в преддверие 100-летнего юбилея М.А. Шолохова на это делается большой упор.

Никакого фрондирования, разумеется, нет. С точки зрения "советской морали" – автор чист и непорочен. Более того, был более последовательным большевиком, чем, скажем М. Горький. В отличие от "буревестника революции" взял на себя самую тяжелую и грязную работу: отмывать коммунистов в Гражданской войне и коллективизации. Подчас занимал более крайнюю позицию, нежели официальная Советская власть (см. выводы к гл. № 3). Поэтому выставление М.А. Шолохова в качестве несогласного с Советской властью и, даже, притесняемого, просто смешно.

Второй. Любовь М.А. Шолохова к Донскому казачеству. Право, это – еще смешнее. Если и любил, то, как говорится, "уж очень странную любовь".

Мораль

При этом интересно слушать о «художественной ценности» произведения. Попробуем провести параллель. Предположим, что создается роман об офицерском городке, в котором расквартированы части «СС», обслуживающие близлежащий концентрационный лагерь. В романе будет описано несколько захватывающих личных линий – будет показано, как люди: любили, страдали, переживали. Все это – в свободное от основной работы время. Кстати, вполне можно в это произведение перенести возвышенные взаимоотношения Бунчука и Анны, которые у них складывались в те немногие свободные минуты, когда пламенный революционер не был занят в Революционном трибунале. Еще раз хочу повторить – на тот период Гражданская война еще не началась. Просто были массовые расстрелы, как говорится, «в рабочем порядке». Так вот, если данный роман о «СС» увидит свет, дойдет ли до того, что будут обсуждаться его художественные достоинства? Вероятно, оценка последует сразу – «это - кощунство». Понятно, что все определено и правильно, когда дело касается «СС». Если же речь идет о России, в целом, и о Донском казачестве, в частности, то, почему-то подход совсем другой.

Все творчество М.А. Шолохова – это «художественное приложение» к официальной «Истории КПСС». И рассматриваться оно должно, в первую очередь, именно с этих позиций. Оценка только одна – это аморально. А после этого все остальные критерии оценки, как бы, никакого смысла уже не имеют.

Можно привести в качестве примера еще одно, уже ставшее классическим, произведение, созданное в Советское время. Знаменитый фильм «Ленин в Октябре». Авантюрный и, в общем то, увлекательный фильм, но, к сожалению, ничего общего не имеющий с действительностью. В этой работе был создан потрясающий образ очень привлекательного человека. И в результате, с годами, этот образ заменил реального человека. Когда во времена перестройки старых большевиков спрашивали: *«Так кем на самом деле был Ленин?»* – в качестве ответа звучало: *«Посмотрите «Ленин в Октябре», это и есть – точное изображение вождя.* Так в чем, собственно, недостатки данного фильма? Прежде всего они – в его достоинствах, в том, что это очень талантливое произведение. Чем лучше, красочней и привлекательней описана «кривда», тем хуже и безнравственней данное художественное произведение.

Опять же, можно себе представить, чтобы что-либо подобное было создано в отношении, скажем, А. Гитлера? А ведь он во всем уступал И.В. Сталину, который, в свою очередь, по «крутизне» не идет ни в какое сравнение с В.И. Лениным.

Интересным событием является присуждение Нобелевской премии творчеству М.А. Шолохова. Попробуем все-таки определить первопричину данного решения

(как принято говорить) «мирового сообщества». Для этого рассмотрим образы и стереотипы «абсолютного зла», принятые в наше время и, более того, насаждаемые: средствами массовой информации, художественными произведениями. Следует также помнить, что под это подводятся и, так называемые, «научные» исследования.

Образы абсолютного зла

За абсолютное зло в наше время принято все, что связано с Освенцимом, Холостом и другими событиями, имеющими отношение к данной теме. В качестве носителей зла чаще всего фигурирует «СС». В качестве «главного зла» в масштабах страны рассматриваются события 1937 года. Все это уже обсуждалось в статье «Бутыво, 1937 г.» [см. вып. № 25], повторим еще раз.

Во времена перестройки мы, опять же, неожиданно узнали, что и у нас были «принципиальные» ребята, звали их комиссарами. На их фоне образ зсековцев существенно померк: ни таких масштабов, ни такой фантазии в области уничтожения людей у них явно не наблюдалось.

Логично сохранение памяти об Освенциме в Израиле и, скажем, в Польше. Но почему это насаждается в России? Сколько нам показывают фильмов об этом концлагере. Почему нет фильмов о комиссарах? Почему за последние 15 лет (когда стало уже можно об этом говорить) эта тема не поднимается? Вернее, я вспоминаю только один фильм на эту тему, где фамилия главного героя – *Стадов*. Разве такие фамилии носили комиссары? Кстати, евреи хорошо помнят всех тех, кто уничтожал их народ. Эти деятели всегда фигурируют в исследованиях на эту тему. При этом никто не обвиняет евреев в ненависти, скажем, к немцам. Почему бы и в нашей стране не вспомнить поименно, например, всех начальников губернских ЧК и не дать персональную оценку деятельности каждого? Это замалчивается и, сейчас можно уже определенно сказать, это делается умышленно. На этом фоне всякого рода выпячивание фактора уничтожения евреев все сильнее бросается в глаза.

К аналогичным проблемам можно отнести и насаждаемый интерес к 1937 году. После Октябрьского переворота большевики, засучив рукава, принялись целенаправленно уничтожать население страны. За 20 лет были уничтожены: дворянство, офицерство (несколько чисток в армии, получивших название «офицерских призывов»), купечество, казачество, а также кулаки и, в основе своей, середняки. Когда, таким образом, практически все дееспособное население было уничтожено, пламенные революционеры решили устроить «небольшой междусобойчик» и провели внутреннюю разборку, вошедшую в историю, как «1937 год», и запомнившуюся рядом громких процессов. Кстати, эти события были с большой теплотой встречены в эмигрантских кругах, что вполне отражает зарубежная периодическая печать того времени.

В результате же созданного у нас огромного внимания к «репрессиям 1937 г.» очень многие кровавожадные чудовища оказались в образе невинно пострадавших. Очень многим, в особенности их потомкам, это нравится.

Началось это еще с 60-х годов. Сначала выражали большое огорчение, что погибло все первое «ленинское» Политбюро. Мол, при этих людях все было бы по-другому. Скорбели о Кирове, Бухарине, Тухаческом и др. А разве они не заслужили казни? Помимо этого считалось большим несчастьем, что были уничтожены практически все участники XVII съезда. Опять же никакой скорби не испытываешь, прекрасно зная – в каких именно событиях они принимали самое деятельное участие.

Еще одна тема: в качестве жертв рассматривались (и до сих пор рассматриваются) жители «Дома на набережной» – самого известного дома напротив Кремля, в котором жили «лучшие представители» ВКП(б). На эту тему даже написаны романы.

Очередным шагом в концентрации внимания на событиях 1937 года или (что, одно и то же) очередной попыткой отвлечь общественность от рассмотрения событий, которые любая цивилизованная нация должна рассмотреть в первую очередь, является издание книги «Расстрельные списки. Москва, 1937 – 1941. Коммунарка, Бутово» [М., Общество «Мемориал» – Издательство «Звенья», 2000, 502 с.]. В книге опубликовано 4527 кратких биографических справок расстрелянных в Москве. Абсолютное большинство – евреи; неплохо представлены, скажем, латыши и китайцы. К тому же, как правило, это – члены ВКП(б) с 1917 либо с 1918 г.. Книга большого формата (84x108) в твердом переплете и, в общем то, большим (для подобного рода книг) тиражом – 2000 экземпляров. Во вступлении, в частности, говорится:

“На сломе тысячелетий мы, кажется, начинаем понимать нравственный смысл юридического термина «преступление против человечности», впервые примененные на практике Нюрнбергским трибуналом, у нас его иногда переводят как «преступление против человечества». И дело здесь не только в двойном смысле слова «humanity». Дело еще и в том, что преступление против человечности – это всегда преступление против всего человечества. Хотя бы потому, что подобные преступления ставят под вопрос право любого из нас именовать себя человеком. И если мы забудем о них, мы рискуем утратить это право навсегда

Книга, которую вы держите в руках, - это попытка сохранить память. И тем самым – остаться людьми”.

Приведем в качестве примера ряд событий, которые почему-то не пользуются пристальным вниманием общественности.

После убийства председателя петроградского ЧК Моисея Урицкого и покушения на В.И. Ленина “Дзержинский ответил морем крови. В Москве, в Питере, по всей России по приказам Дзержинского началась кровавая баня. . . В ответ на выстрел Канегиссера (в Урицкого, - С.К.) Зиновьев в Петербурге приказал расстрелять в одну ночь 500 человек заключенных, **взяты по алфавиту**. Глеб Бокий (приемник Урицкого, - С.К.) не заставил себя упрашивать, он в несколько дней расстрелял 1300 человек заключенных в Петербурге. . .” [Р. Гуль «Дзержинский» М., Мол. Гвардия, 1992, с. 87]. После взрыва в Леонтьевком переулке Дзержинский “отдал приказание расстреливать по спискам «всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях»” [там же, с. 88 – 89].

Вероятно, уместно упомянуть еще нескольких пламенных революционеров: Петерс, Лацис, Эйдук, Ягода, Арганов, Атарбеков, Бела Кун, Саенко, Фельдман, Вихман, Бокий. “. . . всего через два года, после многих кровавых бань, данных Петерсом русскому пролетариату, этот проходимец, кривавший в Тамбовскую губернию усмирять крестьян, взволнованных коммунистическими поборами, отдал краткий приказ: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор, арестовывать в семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если будут продолжаться волнения, - расстреливать их, как заложников, а села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых конфисковывать земли и все имущество». . . Вторым членом коллегии ВЧК был Мартин Судрабс, латыш, прогремевший по России под псевдонимом Лацис. . . : «ЧК – это не следственная комиссия, не суд и не трибунал. Это боевой орган, действующий по внутреннему фронту. Он не судит врага, а разит. Не милует, а испепеляет всякого. . . не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, - к какому классу он принадлежит, какого образования, воспитания, происхождения или профессии. Эти вопросы должны определить судьбу обви-

няемого. В этом смысл и сущность красного террора». . . Третьим членом коллегии ВЧК при Дзержинском был латыш Александр Эйдук, о палаческой деятельности которого даже коммунисты отзываются с отвращением. . . От Петерса, Лациса, Эйдука, этих трех примитивных латышей, начальник Особого отдела ВЧК доктор М.С. Кедров отличался не по своему зверству, а по интеллигентности и утонченности. . . Вблизи Холмогор он сажает на баржу более 1000 человек обвиненных в контрреволюции и приказывает открыть по ним пулеметный огонь. . . В то время как на севере России действовал М. Кедров, на Кавказе также действовал славящийся потрясающими массовыми расстрелами . . . Г. Атарбеков . . . В Армавире, при отступлении красной армии, только чтобы «хлопнуть дверью», Атарбеков расстрелял несколько тысяч заложников, находившихся в подвалах армавирской чеки. И в том же Армавире, задержав на вокзале эшелон с ехавшими грузинами-офицерами, врачами, сестрами милосердия, возвращавшимися после войны к себе на родину, Атарбеков, несмотря на то, что эшелон имел пропуск советского правительства, приказал вывести всех ехавших на площадь перед вокзалом и из пулеметов расстрелял поголовно всех. . . В Екатеринодаре . . . расстрелял до двух тысяч заложников. . . В садизме с ними (Кедровым и Атарбековым, - С.К.) соперничал действовавший на Украине . . . Саенко . . . Не совсем схож (с Саенко, - С.К.), но не менее звероподобен Шульман, комендант грузинской чеки, слывший в Тифлисе под прозвищем «коменданта смерти». . . При Дзержинском состоял, а теперь у Сталина дошел до высших чекистских постов кровавейший следователь ВЧК Яков Арганов, . . . выходец из Царства Польского, ставший палачом русской интеллигенции. . . Среди головки ВЧК знаменит и неудавшийся венгерский Ленин, коммувояжер Бела Кун. Ему вместе с чекистами Фельдманом и достойной особой монографией, фурией коммунистического террора Р.С. Залкинд, прославившейся под псевдонимом «Землячка», Дзержинским была поручена террористическая расправа в Крыму в 1920 г. . . Бойня шла месяцами. 28 ноября «Известия временного Севастопольского ревкома» опубликовали первый список расстрелянных в 1634 человека, 30 ноября второй список в 1202 человека, За неделю только в Севастополе Бела Кун расстрелял более 800 человек. . . По официальным коммунистическим данным Бела Кун с «Землячкой» расстреляли в Крыму до 50 000 человек. . . [с. 55 – 64].

Итак, масштабы уничтожаемых людей в первые годы революции не идут ни в какое сравнение с тем - сколько их было уничтожено во время репрессий 1837 года. В послесловии авторы обращают внимание на формальность судов, при которых на каждого человека выделялось всего несколько минут. Но ведь пламенные революционеры уничтожали без суда и следствия. Так какие события, произошедшие в стране, нужно рассматривать в первую очередь, чтобы, как выражаются авторы книги "оставаться людьми" ?

Вероятно, изданная книга могла бы иметь смысл, если помимо нее было бы издано 1,5 – 2 тысячи аналогичных работ, посвященных событиям, предшествовавшим 1937 году. Можно, конечно, идти и в обратном порядке. Ставить ли общественные организации перед собой подобную задачу ? Как то, уж очень это сомнительно.

* * *

Не так давно, вечером 26 ноября 2003 г. включил телевизор – 1-й канал. Показывали добротный сделанный документальный фильм о маршале Тухачевском. Подозрительность Сталина, зависть тупого Ворошилова, козни Ежова и заговор немецкой разведки. В результате – уничтожение одного из стратегов РККА. Вскользь, правда, упомянуто, что он подавлял Kronshadtское восстание – выгнал несколько тысяч матросов на лед и велел расстрелять, что в Тамбовской губернии применил газы против мирного населения. Но основной лейтмотив фильма – жертва. В частности, расска-

зывается, как было выбито из него признание в измене: привели малолетнюю дочь и пообещали расстрелять ее на глазах отца, предварительно изнасиловав.

Итак, жертва репрессий, а отнюдь не кровожадный убийца, заработавший казнь еще за 15 лет до описываемых событий. Традиционный «джентльменский набор», которым потчуют из года в год: Ежов, Ягода, Лаврентий Палыч, и, разумеется, Иосиф Виссарионович. Не пора ли расширить список ?

И уж совсем свежий пример. 19 мая 2004 г. в новостях по НТВ (в 19.00) показали открытие музея, в память жертвам ГУЛАГа. Открывал его Антонов-Овсенко, как я понял, - сын того самого В.А. Антонова-Овсенко, видного деятеля времен Гражданской войны. Даже в ж. «Донская волна» [№ 7, с. 5, 22 июля 1918 г.] был напечатан его портрет с подписью "Главкомандующий советских войск, действовавших против Украины и Дона, Овсенко-Антонов". Такой чести (быть изображенными в этом журнале) удостоены: Ленин, Троцкий и еще очень немногие большевики.

О нем в энциклопедическом словаре «Деятели СССР и революционного движения России» [М., Сов. энциклопедия, 1989, с. 349 – 341] читаем, в частности, следующее:

"Назначен главнокомандующим Петроградским военным округом, 6 декабря отбыл на Украину главнокомом по борьбе с Кадединым и "его пособниками". Руководил борьбой против каледиинцев, корниловцев, радюцев. С марта по май 1918 г. был главоверхом военсил Южных Советреспублик". То самое начало 1918 г., когда после захвата каждого города красными начинались массовые расстрелы.

Занимал целый ряд руководящих постов, в том числе: *"член коллегии Наркомвнудел и зампред. Малого Совнаркома".*

"С середины февраля по середину июля 1921 г. – предпомкома ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губернии". То самое крестьянское восстание, которое жестоко подавили с использованием газов.

В 1938 г. он был расстрелян и, судя по должности, занимаемой сыном, также рассматривается в качестве жертвы. В коротком сюжете (все-таки информационный выпуск) основной лейтмотив: помнить о палачах (!) и продемонстрировать высокие нравственные устремления (!).

Полагаю, что не хватает только одного -чтобы какую-либо подобного рода организацию возглавил один из потомков Ежова либо Ягоды, кстати, тоже расстрелянных в период так называемых "репрессий".

* * *

Итак, Гражданская война и коллективизация. Сравнимых по ужасу событий в отечественной истории не было и, очень бы хотелось верить, что не будет. Когда их историческая значимость будет в полной мере осознана, будут ли вспоминать о 1937 годе ? Вероятно, да, но только в тех случаях, когда это будет касаться отдельных лиц. Но, полагаю, что и в этом случае очень часто будут звучать такого рода формулировка: *«В 1937 г. его расстреляли. А ведь, если разобраться, - повезло парню. На самом то деле он заработал колесование».* Что же касается образа исторического явления, охватывающего всю страну, и, тем более, являющегося символом произвола и беззакония, события 1937 г. уже никогда упоминаться не будут.

Ясное дело, что многим и очень многим живущим с настоящее время членам общества (и, причем, очень влиятельным) совсем не хочется быть детьми и внуками палачей. Значительно приятнее выглядеть в качестве потомка жертвы репрессий.

Точно также, очень многим не хочется, чтобы говорили о комиссарах в большей мере, нежели, об эсэсовцах.

Посмотрим с этих позиций на творчество М.А. Шолохова. Романы писателя закрывают два наиболее «слабые» места Советской истории: Гражданскую войну и коллективизацию. Это, во-первых. Но это частный вопрос, и, кстати, Советской власти уже нет. Во-вторых, что значительно важнее, это полностью отвечает современному положению вещей, как с точки зрения определения «мирового зла», так и «главного Российского зла». Решение о присуждении Нобелевской премии (единственной по литературе за весь Советский период) перевело творчество М.А. Шолохова в разряд национальных достояний. Потрошить его после этого стало значительно труднее. Ход, на мой взгляд, был выверенным и, психологически, очень точным.

Магия кино

Основным инструментом ("важнейшим из искусств"), разумеется, является кинематограф. Именно с помощью этого инструмента осуществляется основная промывка мозгов.

Интересное положение наблюдается в целом.

МВТУ (ныне МГТУ) им. Н.Э. Баумана и ныне считается одним из оплотов КПРФ. В 70 – 80 гг. партийная и комсомольская работа была ключом. В частности, по правилам "хорошего тона" каждый член кафедры (на тот период я был аспирантом кафедры «Системы автоматического управления») должен был в свободное от работы время закончить Университет Марксизма – Ленинизма (УМЛ), а лучше даже, если это сделать дважды. Когда мне ласково предложили этим заняться, мои родители с пониманием отнеслись к моим проблемам и устроили меня в УМЛ при «Доме Кино» на факультет "Истории и теории киноискусства". Полный восторг! К тому же, как мне завидовали коллеги по работе! До сих пор храню два диплома.

Одним из лекторов УМЛ был кинокритик К.Э. Разлогов. Вспоминаю, как он рассказывал, что среди ведущих кинокритиков всего мира проводился опрос на тему "100 лучших фильмов" и, что в этот список входили ниши "Броненосец Потемкин" и "Мать".

Ныне Кирилл Эмильевич часто мелькает на экране, ведет передачу «Культ кино». Удалось до него дозвониться и освежить свои воспоминания. Кинокритик любезно ответил на вопросы: опросы проводятся достаточно часто; первый состоялся в 1958 г. в Брюсселе (тогда "Броненосец Потемкин" С.М. Эйзенштейна вообще был 1-м (!) в списке); последний - года три назад проводили англичане ("Броненосец" в первой десятке в любом случае); в списке всегда присутствовали фильмы "Мать" (режиссера В.И. Пудовкина по произведению М. Горького) и "Земля" (режиссера А. П. Довженко – о коллективизации); периодически в списках появляется Тарковский (обычно – "Андрей Рублев").

Таким образом, и в мировом сообществе довоенные фильмы о революции и коллективизации котируются в качестве шедевров. Кстати, в 30 – 40-х гг. у Германии была достаточно хорошо развитая киноиндустрия (уж никак не хуже Советской) и в ней, разумеется, были задействованы лучшие творческие силы. Поэтому вторым вопросом, который я задал К.Э. Разлогову был следующий: "Есть ли в сотне лучших фильмов, прославляющие фашизм?" Ответ был очевидным.

Итак, когда дело касается фашизма (подразумевается представление его в привлекательном виде) фильмы отменяются в виду их очевидной аморальности. Фильмы же о революции и даже коллективизации (!) под эти критерии не подпадают (!!!).

Можно рассмотреть и частные аспекты. А за что, собственно, Российские фильмы получали премию Оскар (которую вполне правомерно сравнить с Нобелевской премией)?

Фильмы С. Бондарчука «Война и мир» и В. Меньшова «Москва слезам не верит», - ну это, как бы, нейтральные темы. Последний же наш лауреат – фильм Н. Михалкова «Утомленные солнцем», о 1937 годе (!).

В качестве жертвы, разумеется, невинной, изображен комдив (или комбриг), герой Гражданской войны.

Формулировка "герой Гражданской войны" для высших чинов РККА должна приравняться к "герою массового уничтожения своих соотечественников", причем, как военных, так и гражданских.

Вплоть до 1937 г. командир служит в армии. А чем он там занимался? Поставим вопрос по другому: а чем он не мог не заниматься? Например, не мог не заниматься чистками в армии. Все (или почти все) кадровые офицеры Царской армии были уничтожены до 1937 г. в процессе нескольких, так называемых, "офицерских призывов".

Ну и каким образом можно изображать такого деятеля в качестве положительного героя?

Понять режиссера можно. Разве получишь Оскара за фильм, демонстрирующий зверства комиссаров?

* * *

В отношении казачества кинематографом не так давно было сказано еще одно "веское слово". Этот фильм, а также события, ему предшествовавшие, очень символичны.

В конце 80-х годов XX века проживавший в Англии Николай Дмитриевич Толстой поднял тему предательства в Лиенце (сдача англичанами казаков Советским частям в 1945 г.). Достаточно подробно описал всю неблаговидность этого события, которое проделала нация, столь любящая порассуждать о своих высоких моральных устоях (джентльменство и пр.). На эту тему была опубликована книга «Жертвы Ялты» [Н.Д. Толстой, М., Воениздат, 1996 г.].

Судя по всему автор "достал" англичан очень сильно. Они . . . стали оправдываться. Причем то, как это было сделано, показывает насколько большой ущерб имиджу англичан нанес Н.Д. Толстой.

На защиту привлекли . . . самого Джеймса Бонда (!!!). В одном из последующих фильмов бондианы «Золотой глаз» главным злодеем оказался казак (!).

В начале фильма в ходе выполнения задания в России гибнет агент 006 Алек Тревелиян; с криком "За Британию!" и на глазах своего друга 007. На кадре из фильма показано их совместное выполнение задания.

Спустя много лет Джеймс Бонд вновь проникает в Россию, чтобы выйти на опасного преступника Януса и отнять у него ядерное оружие. Для того чтобы найти его, 007 обращается за помощью к бывшему агенту КГБ:

007: Они не только преступники, но и предатели. Вертолет им понадобился, чтобы похитить ядерное оружие. Погибло много русских.

Агент: А чего еще ждать от казака?

007: От кого?

Агент: Я никогда не встречался с Янусом, но мне известно, что он реестровый казак.

007: Из тех, которые воевали на стороне Гитлера против русских?

Агент: А Вы знаете свою историю, мистер Бонд. В конце войны они сдались англичанам в Австрии, полагаю, присоединятся к армии Великобритании и начнут войну против коммунизма. Но англичане предали их, выдав Сталину, ко-

торый быстро с ними расправился. Были уничтожены женщины, дети, старики и целые семьи.

007: Не лучший эпизод истории.

Агент: Жесткие люди, они получили по заслугам.

007: Организуй мне встречу с Янусом . . .

*Дан легкий экскурс в историю. И хотя благородный Джеймс отмечает, что история не совсем красивая, основной вывод: **“они получили по заслугам”**.*

В дальнейшем встреча Бонда с нехорошим Янусом и . . . им оказывается его друг Алек (бывший агент 006), которому он всегда доверял:

Алек: Не думай, что я не предусмотрел каждый твой шаг.

007: Ты прав. Я доверял тебе, Алек.

Алек: Доверие ? Какая забавная идея !

007: Как-же МИ-6 не заметили при проверке, что твои родители были казаками ?

Алек: И снова твоё доверие было обмануто. Они все знали. Мы оба сироты, Джеймс. Но твои родители погибли при восхождении в горах, а мои пережили предательство англичан и сталинские карательные отряды. Мой отец не мог позволить себе и моей матери жить с этим позором. В МИ-6 посчитали, что я был слишком мал, чтобы помнить это. И вот, по иронии судьбы тот, чей отец застрелил мать и себя из-за предательства правительства Великобритании, стал слугой этого правительства.

007: Отсюда, Янус ! Деуликий бог римлян возродился.

В дальнейшем титаническая борьба Бонда со злом, олицетворением которого в фильме является бывший агент 006. В конце фильма Алек подготовил уничтоже-

ние всей финансовой системы Великобритании. И только в последний момент народный герой предотвращает катастрофу и уничтожает коварного и безжалостного врага

Воспоминания и ощущения

Вспоминаю, как я прочел «Тихий Дон». Это было после окончания 8-го класса. Я жил за городом (у бабушки) и, помнится, у меня была ангина, что несколько сковывало «свободу передвижения».

Роман мне, кстати, понравился. Я объясняю это сочетанием трех факторов: 1) я был правверным комсомольцем (только что, в 8-м классе, меня приняли в ВЛКСМ); 2) истории я, естественно, не знал (то есть знал только то, чему меня учили советские историки); 3) к этому времени стал живо интересоваться сексуальными вопросами (возраст, знаете ли).

В настоящее время фактора № 1 не существует; фактор № 3 закрывают и значительно более эффективно другие источники.

Остается фактор № 2. Истории как не знали, так и не знают. Но, полагаю, что такого рода явление носит временный характер. Основным положительным явлением в области истории является то, что появилась критика. Уже нет такого, что никакие публикации, кроме «идеологически верных», пройти не могут.

Еще о личных впечатлениях. Я Донской казак по матери. Бабушка, р. 1910 г. и умерла сравнительно недавно, около 10 лет назад. Правда, она из дворян и в данном случае показателем быть не может. Ну уж дедушка (р. 1899 г.) и умерший около 20 лет назад вполне может быть рассмотрен. Андрей Иванович Мельников из простых казаков Еланской станицы. Не могу припомнить ни одного случая, чтобы он позволил себе скабрезное и, тем более, нецензурное выражение. Даже в тех немногих случаях, когда он выходил из себя, ничего похожего на описываемую казачью брань (хотя бы отдаленно) я не слышал. Правда, дедушка имел два диплома и, возможно, они его в какой-то мере «испортили». В таком случае могу вспомнить родную сестру дедушки – тетю Катю. Она жила на Базках (напротив ст. Вешенской). Простая женщина, без образования, ничего примечательного в этом плане. Еще запомнилась тетя Маня – жена умершего брата дедушки. Очень добрая и приветливая женщина, кстати в молодости отличавшаяся известной лихостью (гоняла на мотоцикле). Опять же никаких соответствующих роману впечатлений.

Значительно ближе к этому поколению, естественно, моя мама. Она и общалась со значительно большим числом людей и времени с ними проводила несравненно больше чем я. Опять же, никаких отголосков «колорита», описываемого в «Тихом Дону», не замечала.

* * *

Не поленился сходить в школу, где учится мой сын, и поинтересовался – как изучается М.А. Шолохов ныне?

Его творчеству уделено не так уж и много времени – около 4-х часов. В процессе обучения школьникам может быть предложено написать сочинение: «Человек в Гражданской войне».

К выпускным экзаменам Министерством было подготовлено 600 тем, из которых потом жребием были выбраны те, которые были предложены выпускникам. В общем перечне фигурируют следующие темы, связанные с творчеством М.А. Шолохова:

- 1) Война в романе «Тихий Дон».
- 2) Любовь в романах М.А. Шолохова («Тихий Дон» либо «Поднятая целина»).
- 3) Тема поиска жизненной правды по одному из романов.

- 4) Проблема нравственного выбора человека по одному из романов.
- 5) Кошовой в доме Мелеховых (анализ 2-й гл., ч. 8, кн. 4).
- 6) Итоги жизненных исканий Григория Мелехова.
- 7) Пейзаж в прозе Шолохова (по одному из романов).
- 8) Какое место в жизни Григория Мелехова занимает любовь ?

Обсуждать тему № 7 я не компетентен. Может быть, природа у Шолохова описана достоверно. Но как можно раскрыть другие темы ? Какие критерии закладываются в основу педагогами, когда они определяют темы сочинений для школьников ?

* * *

Конечно, должно пройти некоторое время, от нынешних историков и, пожалуй, их учеников ничего особенного ждать не приходится. Но лет, скажем, через 20-ть вполне реально появление научных исследований и в этой области.

Как тогда будет рассматриваться творчество данного писателя ? Полагаю, он займет место аналогичное, скажем Трофиму Лысенко, только в своей области.

Интересно то, что в данном случае нельзя говорить об одном единственном авторе, с которым связаны все проблемы. Данное явление захватывает множество лиц.

В этом перечне М.А. Шолохов выглядит, кстати, наилучшим образом. Простой рабочий парень, «киногородний», практически без образования. С точки зрения Советской идеологии (а только в этот период он и жил) сделал все абсолютно правильно. Явился основателем или родоначальником целого ряда художественных штампов, которых в дальнейшем придерживались Советские писатели. Какие претензии к нему ? Мама, правда, была казачка. Но это не очень сильный довод.

Значительно хуже выглядит Ф.Д. Крюков. Потомственный Донской казак, образован – Петербургский историко-филологический институт. Многократно печатался в периодических изданиях, преподавал, был депутатом 1-й Государственной Думы. Дослужился до Статского Советника – пятый чин по Табели о Рангах (для ориентации: 6-й – полковник, а 4-й – генерал-майор). Как человек с таким образованием, жизненным и литературным опытом мог написать такое и, тем более, о своих ? Однако будем помнить, что он этого не издавал и, может быть, не собирался.

Значительно интересней выглядят исследователи, в течении многих десятилетий изучавшие и сравнивавшие тексты и, при этом, так и удосужившиеся вникнуть в смысл написанного. Забавно, что все они не забывают упомянуть об образовании М.А. Шолохова, а точнее, о его фактическом отсутствии. Можно себе представить, как над ним и в дальнейшем будут издеваться.

Не обойдут вниманием и «шолоховедов», посвятивших свою жизнь изучению его творчества. Правда, по сравнению с предыдущей группой, они выглядят не так «экзотично».

* * *

И в заключении, снова о помощи Запада. Очевидно, что он всегда нам помогал и будет помогать, особенно в тех случаях, когда у нас появляется желание укоротить самих себя. Вручение Нобелевской премии творчеству М.А. Шолохова конечно нельзя сравнивать по последствиям с присылкой Ильича в опломбированном вагоне. Как говорится в поговорке: в первом по времени случае жуткая трагедия, во втором только фарс. Но, тем не менее, следует признать, что нас форменным образом поимели, причём красиво и эстетично, а, кроме того, выставили в абсолютно неприглядном виде.

Приложение: О Каледине

Из «Казачьего Словаря-справочника» Г. В. Губарева [США, 1968]

«КАЛЕДИН Алексей Максимович (дон.) – род. 12 октября 1861 г., ст. Усть-Хоперской, хут. Каледина; генерал-от-кавалерии. Донской атаман. Военное образование получил в Воронежском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, из которого, после производства в чин хорунжего, вышел на службу в Забайкальскую каз. батарею. В 1889 г. закончил курс Военной Академии; служил в штабе Варшавского военного округа и в должности старшего адъютанта Донского Войскового штаба; три года провел в Управлении резервной пехотной бригады, после чего в 1903 г. назначен на пост начальника Новочеркасского юнкерского училища; от 1910 г. командовал бригадой 11 кавал. дивизии; на фронт Первой Мировой войны выступил во главе 12 кавал. дивизии.

Ген. Деникин писал: «В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников – и только двух, - графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудный, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили войска в бой». В рядах наступающих полков ген. К. был ранен ружейной пулей.

Таким же он оставался, будучи командиром 12 корпуса и даже став командующим 8-й армии. На этот пост он был назначен весной 1916 г., вместе с производством в чин генерала от кавалерии. 23 мая того же года его армия прорвала фронт под Луцком и оттеснила австрийцев далеко вглубь Галиции. За руководство боевыми операциями ген. К. получил высокие награды, ордена св. Георгия 4-й и 3-й степени.

Когда началась революция 1917 г. ген. К., по мнению своего начальника Брусилова, «потерял сердце и не понял духа времени». Новые порядки не пришлись по душе заслуженному и боевому генералу. Революция противоречила его политическим взглядам, нарушила все его жизненные планы. Он откомандировался в Военный Совет и вскоре уехал на юг. На Дон ген. К. прибыл во время заседаний Первого Донского Круга. Депутаты встретили его долгими овациями. Наблюдая парламентарную стройность работ Народного Собрания, веря в свой народ и уступая уговорам М.П. Богаевского и других казаков ген. К. согласился принять пост Донского атамана.

19-го июня Донской Круг вручил ему грамоту, где значилось: «По праву древней обыкновенности избрания Войсковых атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709-е, и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом».

Его личные потери и ущемленные амбиции несколько возмещались доверием и сердечностью народных представителей. Он не был гордым сановником и чувствовал себя среди них своим человеком, скромным казаком, первым среди равных исполнителем долга и народной воли. Очевидцы рассказывали: «На Круге атаман выслушал приветствие старообрядца-начетчика Кудинова и, благодаря за ласковое слово, подал ему руку. Тот ответил ему рукопожатием и, вдруг, наклонившись поцеловал руку атаману. Ген. К. наклонился тоже и в свою очередь поцеловал руку Кудинову. Круг разразился бурной овацией своему атаману».

Однако, оказалось, что атаман К., будучи безукоризненно честным человеком высокой культуры, будучи замечательным полководцем и большим русским патриотом, не мог сразу стать политическим светилом революционного времени, не мог найти отвечающие моменту идеалы и провозгласить лозунги, способные поднять, усталый от пережитой войны, народ на новую борьбу.

Соблюдая по привычке преданность России, атаман готов был и у казаков не считаясь с их частными насущными интересами. Выступая на Московском Совете в августе 1917 г. от имени всех казачьих Войск атаман К. «говорил об угрожаю-

щем положении России, о ее великом прошлом и великом будущем, о Казаках и их роли в общей борьбе за Россию, о предательстве большевиков, о борьбе с ними до конца и т.д.» (Бурцев). Но в декларации, прочитанной ген. К-ным, не указывалось ясно, о какой России шла речь и требовалась отмена многих «завоеваний революции». Это дало основание правительству Керенского обвинить Донского атамана изменником революционной родины, потребовать суда над ним, угрожать нашествием на Дон войск двух мобилизованных для этого военных округов.

В декларации на Московском Совещании обещалось жертвенное служение Казаков для «спасения России». Но казачьи массы после революции не ставили себе таких широких задач. Война надоела и им, а большевики провозглашали заманчивые лозунги и обещания. Они утверждали, что именно мир спасет утомленный народ от дальнейших бедствий, а коренные социальные реформы принесут ему счастливую жизнь. Казаки тоже были утомлены войной и тоже требовали ряда реформ, облегчающих их экономическое положение. А вместе с тем, ген. К., сторонник войны до победного конца, боясь нарушить целостность Русской армии, не соглашался отводить казачьи полки с фронта и сосредоточить их на Дону. Они возвращались с фронта позднее, сомневающиеся в своем атамане и правительстве. Разойдясь по домам, бойцы отдыхали в тепле родных куреней, 3 месяца выжидали и присматривались. Хотели оставаться в состоянии нейтралитета до выяснения действительного лица и намерений новой русской посктябрьской власти. Смотреть и ждать, прежде чем принять решение, народ имел право, но не этого требовала политическая обстановка, не этого ожидал атаман. Избирая его своим вождем казацы представители гордились им, верили в его политическую мудрость, в его казачий демократизм, в его способность вести и побеждать, но ничем не могли помочь ему в беспросветной обстановке того времени. Торжественно врученная власть оказалась миражем. Давалось право управлять и приказывать, а послушания можно было ожидать только от небольшой группы из числа зеленой молодежи, рядовых и офицеров. Невозможно было провести никакие реальные мероприятия. Со стороны Временного Правительства приходили оскорбительные обвинения и упреки. Эластичный политический деятель принял бы обиды, как необходимое зло, но атаман понимал их, как личные оскорбления. И вставало в душе ненарушимое правило кодекса офицерской чести: если не сможешь смыть оскорбление кровью обидчика, искупи его собственным расчетом с жизнью.

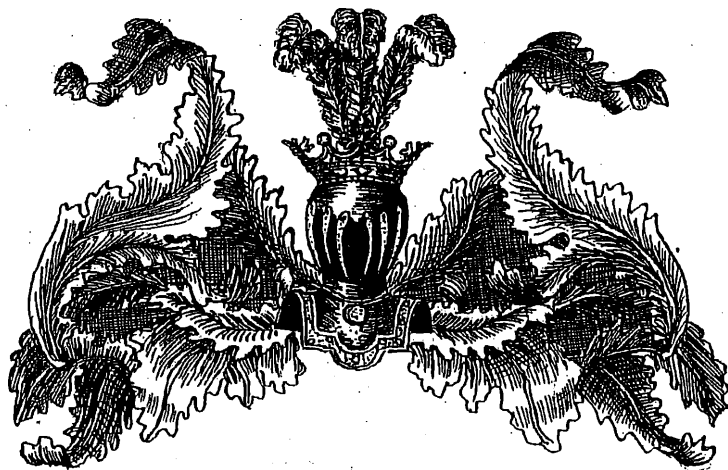
Пришли тяжелые дни борьбы малыми силами с потоками большевистских полков. Они были полны обильно драгоценной кровью казачьей молодежи. В январе 1918 г. создалась совсем безнадёжная обстановка. Партизанские отряды таяли и никто, кроме ген. П.Х. Попова, не хотел верить в возможность восстания рядовых казачьих масс. С выступлением Голубова исчезла последняя надежда на народную поддержку. 29 января по ст. атаман К. сложил свои полномочия и покончил с собой в тот же день выстрелом в сердце.

Казаки – современники вспоминают своего атамана с грустью и любовью". [т. 2, с. 46 – 49].

"КАЛЕДИНЫ – старый казачий род станицы Усть-Хоперской на Дону.

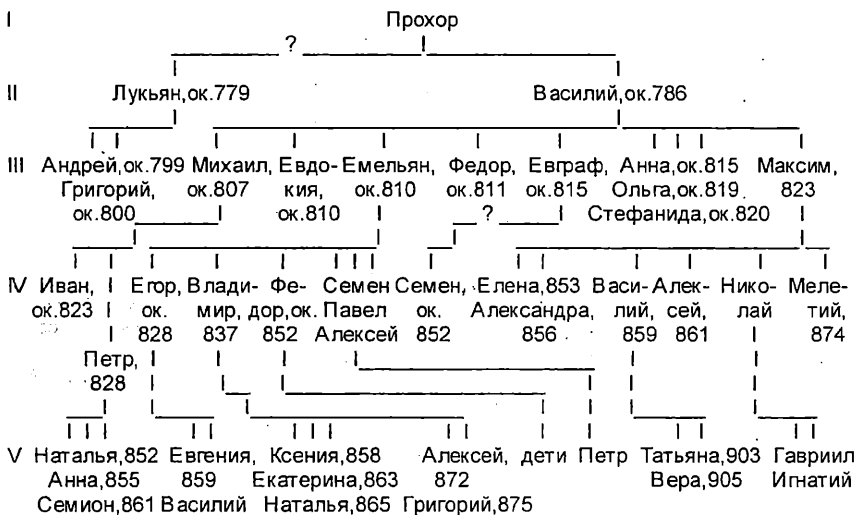
Известны Василий Максимович, майор и его дети Васильевичи: Максим (полковник), Прохор, Емельян, Евграф. Дети и внуки Максима: Алексей Максимович, генерал от кавалерии и Донской атаман, бездетный; Василий Максимович, артиллерист, командир 2-го Дон. каз. конно-артиллерийского дивизиона и 12 Дон. каз. полка, с сыном Константином; Александра Максимовна, по мужу Наследышева, имела сына; Анна Максимовна, по мужу Шарапова; Савва Максимович с сыном Семеном и дочерью Ольгой, проживающей в Израиле с мужем Евреем. Дети Прохора – один сын Семен. Дети Емельяна: Алексей, Федор, Владимир. Дети Евграфа: Иван, Николай Семен." [там же, т. 2, с. 49 – 50].

Каледины

Каледины ст. Усть-Хоперской:

II колено

Лукьян Прохорович, из казачьих детей, р. ок. 1779 г.

В службе казаком с 1 января 1797 г. В полку подполковника Мельникова 2-го с 9 декабря 1799 г.: в 1799 – 1800 гг. по берегам Балтийского моря; в 1800 – 1802 гг. в

Киевской губернии для соблюдения полицейского порядка. В полку полковника Грекова 9-го с 12 июля 1805 г. Урядником с 12 августа 1805 г. В 1805 – 1806 гг. на границе с Пруссией. Участник Прусской кампании 1806 – 1807 гг., в действительных сражениях с французами: Путтгуск, Веленберг, Гутштат. Произведен в хорунжие 29 ноября 1807 г. В полку войскового старшины Молчанова 2-го с 14 июля 1809 г.: в 1809–1811 гг. во Владикавказе; с 1811 г. на Кавказской линии. Сотником с 16 марта 1812 г.

Жена – дочь казака Федосья Прокофьевна, дети: Андрей 16 лет, Григорий 15 лет. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3553, ПС за 1815 г.].

Казац ст. Усть-Хоперской; чин – (войсковой старшина) - ? ; в полку № 29; умер 11 декабря 1831 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 1 об.].

Василий Прохорович, из казачьих детей, р. ок. 1786 г.

Урядником с 20 декабря 1806 г. В 1806 –1807 гг. служба "по внутренности" ВД. В полку войскового старшины Краснова 3-го с 16 февраля 1808 г.: в 1808 – 1809 гг. в Саратовской губернии – содержание кордонов против распространения заразы. В 1810–1811 гг. – препровождение рекрут. В полку Андриянова 1-го с 16 сентября 1812 г. Участник Французской кампании 1812 – 1814 гг., в действительных сражениях: Ельня, у с. Коноплянки, при Михайловском дворе, Польша, Модлин, Лейпциг, Магдебург. В полку войскового старшины Андриянова 3-го со 2 июля 1813 г.

Жена – дочь казака Елена Егоровна, дети: Михаил 6 лет, Емельян 3 года, Федор 2 года, Евдокия 3 года. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3247, ПС за 1813 г.].

За отличие в делах награжден: чином хорунжего 25 января 1814 г. и А-4. Сотником с 13 июня 1824 г. Дети: Михаил 19 лет, Емельян 18 лет, Федор 15 лет, Евграф 10 лет, Максим 3 года, Евдокия 16 лет, Анна 10 лет, Ольга 6 лет, Стефанида 5 лет. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 309, ПС за 1825 г.].

III колено

Емельян Васильевич, дети: Егор, Федор, Алексей, Владимир, Павел, Семен. [сообщил Жемайтис О.Ф. со ссылкой на Королева В.Н.].

Максим Васильевич, из дворян, р. 13 августа 1823 г.; награжден: С-3, СМ-849, СМ-ЧД, БМ-853, Крестом за службу на Кавказе.

В службе казаком с 1 января 1842 г. В полку № 32 с 5 июля 1844 г. по 30 января 1850 г. Урядником с 30 августа 1845 г. Участник Венгерской кампании 1849 г., в действительных сражениях. За отличие в делах против венгров произведен в хорунжие 17 декабря 1849 г. со старш. с 21 июля 1849 г. В полку № 31 с 20 мая 1851 г. по 26 января 1853 г. За отличие в делах против горцев произведен в сотники 6 января 1853 г. со старш. с 8 февраля 1852 г. В полку № 49 с 15 октября 1853 г. по 9 декабря 1857 г. За отличие против горцев награжден С-3. Есаулом с 30 июня 1859 г. В полку № 33 с 12 февраля 1861 г. по 14 июня 1865 г. Участник Польской кампании 1863 – 1864 гг., в боях. За отличие в делах произведен в войсковые старшины 10(или 20) апреля 1864 г. Жена – дочь сотника Мишарева Евпраксия Васильевна, дети: Елена р. 21 декабря 1853 г., Александра р. 18 декабря 1856 г., Алексей р. 30 октября 1861 г. Имущество у отца – 2 дома в Усть-Медведицком округе. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1661, ПС 1870 г.]

Казац ст. Усть-Хоперской. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

IV колено

Иван Михайлович, из дворян, р. ок. 1823 г.; награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1842 г. В полку № 35 Ремченкова с 20 августа 1846 г. Урядником с 6 августа 1848 г. Переведен в полк № 23 Хрещатицкого, в котором

состоял с 11 октября 1851 г. по 30 ноября 1855 г. В 1846 – 1855 гг. в Грузии, участник войны с турками, в действительных сражениях; за отличие в делах произведен в хорунжие 20 июля 1855 г. со старш. с 17 июля 1854 г. (33 лет от роду). В полку №75 Кушнарева с 9 марта 1857 г. по 3 января 1860 г.: на Кавказской линии, в боях. Сотником с 19 июля 1860 г.

Жена – дочь казака Латышева Анна Антоновна, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1122, ПС за 1862 г.].

Казац ст. Усть-Хоперской. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Петр Михайлович, из дворян, р. 29 июня 1828 г.; награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1848 г. В Учебном полку с 12 мая 1852 г. по 11 мая 1853 г. Урядником с 19 апреля 1853 г. В полку № 45 Кирпичева с 12 февраля 1854 г. по 28 декабря 1858 г.: в Эстляндии и Польше. Произведен в хорунжие 19 июля 1860 г. В полку № 6 Номикосова с 11 августа 1862 г.: кордонная служба на границе с Персией и Турцией.

Жена – дочь казака Маланья Потаповна, дети: Семион р. 3 января 1861 г., Наталья р. 20 августа 1852 г., Анна р. 8 декабря 1859 г. Имущество приобретенное – дом в ст. Усть-Хоперской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1190, ПС за 1863 г.].

Егор Емельянович, из дворян, р. ок. 1828 г.; награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1846 г. В полку № 7 Жирова с 12 июня по 25 сентября 1848 г. в Украинских военных поселениях. Урядником с 13 ноября 1848 г. В полку № 8 Платова (впоследствии Губкина) с 6 июня 1849 г. Переведен в батарею № 9 – 11 ноября 1851 г. Переведен в полк № 8, в котором состоял с 18 ноября 1852 г. по 3 ноября 1856 г. В 1849 – 1856 гг. в Западном краю. В полку № 32 Загряцкого с 7 августа 1859 г.: в 1859 г. на Кавказской линии; с 1860 г. на границе с Персией. Произведен в хорунжие 19 июля 1860 г. (32 лет от роду).

Жена – дочь казака Горбатова Елена Ивановна, дети: Евгения р. 1859 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1065, ПС за 1861 г.].

Казац ст. Усть-Хоперской. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Владимир Емельянович, из дворян, р. 15 июля 1837 г.; награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1856 г. В полку №13 в Финляндии с 10 мая 1858г по 8 ноября 1862 г. Урядником с 9 мая 1860 г. В полку № 59 в Бессарабии с 15 мая 1867 г. по 26 октября 1870 г. Произведен в хорунжие 29 апреля 1869 г. Сотником с 27 июня 1872 г.

Жена – дочь сотника Никонова Мария Никитична, дети: Ксения р. 1858 г., Екатерина р. 1863 г., Наталья р. 1865 г., Алексей р. 1872 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 183, ПС за 1874 г.; оп. 55, д. 1619, ПС 1870 г.].

Федор Емельянович, из дворян, р. ок. 1852 г., казак ст. Усть-Хоперской.

В службе казаком с 1 января 1872 г. В полку № 3 с 13 мая 1876 г. Урядником с 17 января 1879 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 186, ПС за 1879 г.].

Семен Евграфович, из дворян, казак Усть-Хоперской ст.; в службе казаком с 1871 г.; урядником с 30 августа 1875 г.; служил в полку № 4. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 298, док. 1876 г.].

Елена, дочь подполковника.

Муж – Титулярный Советник Пономарев Василий Иванович (из дворян, р. ок. 1853 г., казак Казанской ст.), дети: Александр р. 26 августа 1872 г., Евгений р. 12 марта 1878 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 398, ПС Пономарева В.И. за 1884 г.].

Александра Максимовна, дочь подполковника.

Муж – войсковой старшина Наследышев Хрисанф Васильевич (из дворян, р. 19 марта 1847 г., казак Усть-Хоперской ст.), сын Николай р. 6 июля 1885 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 326, ПС Наследышева Х.В. за 1899 г.].

Василий Максимович, из дворян, р. 5 октября 1859 г., казак Усть-Хоперской ст.; окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию и 2 военное Константиновское училище по 1 разряду, ОАШ; награжден: В-4, А-2, С-2, А-3, С-3, СМ-А3.

Юнкером с 1 сентября 1876 г. Портупей-юнкером с 12 сентября 1877 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг. Произведен в хорунжие 16 апреля 1878 г. В батарее № 8 с 16 апреля 1878 г. по 6 апреля 1879 г. В батарее № 2 с 23 сентября 1879 г. Сотником с 6 мая 1882 г. В батарее № 14 с 19 ноября 1883 г. Награжден С-3 – 6 мая 1886 г. В батарее № 21 с 11 июля по 1 ноября 1886 г. Участник Высочайшего смотра в Новочеркаске в 1887 г. В батарее №15 с 1 января 1888 г. В Управлении Артиллерии с 1 февраля 1888 г. За отличие по службе подьесаулом с 6 мая 1892 г. Награжден А-3 – 20 августа 1895 г. В батарее № 18 с 17 декабря 1896 г. Произведен в есаулы 15 апреля 1897 г. В Управлении Артиллерии с 21 июля 1898 г. Награжден С-2 – 3 марта 1899 г. В ОАШ с 16 марта по 1 сентября 1899 г. Командиром батареи № 14 с 18 декабря 1899 г. Награжден А-2 – 25 декабря 1899 г. Войсковым старшиной со 2 мая 1900 г. с утверждением в должности. Командиром батареи № 7 с 18 июня 1901 г. Награжден В-4 – 6 мая 1904 г. Командиром батареи № 4 с 25 августа 1904 г. Произведен в полковники 6 мая 1908 г.

Жена–дочь потомственного почетного гражданина Саратовской губ. Мордовцева Мелетина Ивановна, дети: Татьяна р. 31 октября 1903 г., Вера р. 26 ноября 1905 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 641, ПС за 1908 г.].

Полковник, командир батареи № 14; назначен командиром 2 Донского казачьего артиллерийского дивизиона 18 июля 1910 г. Командиром полка № 12 с 30 мая 1911 г.; награжден В-3–10 мая 1912 г.; произведен в генерал-майоры 14 ноября 1914 г. со старш. с 26 июля 1914 г.; за отличие в делах награжден М к В-3 – 15 февраля 1915 г. и С-1 М – 3 марта 1915 г. Назначен командиром бригады 3 Донской казачьей дивизии 27 апреля 1915 г. За отличие награжден А-1 М – 14 мая 1915 г. Генерал-майор, командир 2-й бригады 3 Донской казачьей дивизии; назначен командиром 4-й Донской казачьей дивизии 3 июня 1916 г.; отправлен в распоряжение войскового начальства 10 июля 1917 г. [Выс. приказы].

Генерал-лейтенант, бывший управляющий отделом Внутренних Дел ВД; умер от рака желудка 3 июня 1919 г. в Новочеркаске и погребен 4 июня на старом городском кладбище. [«Донские ведомости», № 127, с. 1 – 4; 4 июля 1919 г.].

Алексей Максимович, из дворян, р. 12 октября 1861 г., казак Усть-Хоперской ст.; обучался в МВВГ, 2 военном Константиновском училище и МАУ; окончил Николаевскую академию Генерального Штаба по 1 разряду; награжден: Г-3, Г-4, Георгиевским оружием, орденом Белого Орла с М, В-2 М. В-3, А-1 М, А-3, С-1, С-2, С-3, СМ-А3, СБМ в память 300-летия Дома Романовых.

Юнкером 2 военного Константиновского училища с 1 сентября 1879 г. Портупей-юнкером с 10 сентября 1880 г. Переведен в МАУ – 27 августа 1881 г. Произведен в сотники 7 августа 1882 г. с зачислением в конно-артиллерийскую батарею Забайкальского казачьего войска (ЗКВ). В батарее № 2 ЗКВ с 7 декабря 1882 г. В академии с 1 октября 1886 г. За отличие в учебе произведен в подьесаулы 10 апреля 1889 г. По окончании академии назначен в Генеральный Штаб Варшавского военного округа 13 апреля 1889 г. Переименован в штабс-капитаны с назначением старшим адъютантом Штаба 6 пехотной дивизии – 26 апреля 1889 г. Произведен в капитаны 21 апреля 1891 г. В 17 драгунском полку с 23 октября 1891 г. Обер-офицером для особых пору-

чений при Штабе 5 армейского корпуса с 27 апреля 1892 г. Помощником старшего адъютанта Штаба Варшавского военного округа с 12 октября 1892 г. Награжден С-3 – 30 августа 1893 г. Исполняющим должность старшего адъютанта Войскового Штаба ВД с 14 июля 1895 г. Подполковником с 6 декабря 1895 г. Награжден А-3 – 6 мая 1897 г. За отличие по службе произведен в полковники 6 декабря 1899 г. Штаб-офицером при управлении 64 пехотной резервной бригады с 5 апреля 1900 г. Награжден С-2 – 6 декабря 1902 г. Начальником НКЮУ с 25 июня 1903 г. Помощником начальника Войскового Штаба ВД с 26 августа 1906 г. Генерал-майором с 22 апреля 1907 г. Награжден В-3 – 6 мая 1910 г. Командиром 2 бригады 11 кавалерийской дивизии со 2 июня 1910 г. Командиром 12 кавалерийской дивизии с 12 декабря 1912 г. Произведен в генерал-лейтенанты 14 апреля 1913 г. Награжден С-1 – 6 декабря 1913 г.

За отличие в делах награжден: Г-4 – 11 сентября 1914 г., Георгиевским оружием 14 сентября 1914 г., А-1 М – 19 февраля 1915 г., орденом Белого Орла с М и В-2 М – 1 мая 1915 г. Командиром 41 армейского корпуса с 18 июня 1915 г. Командиром 12 армейского корпуса с 5 июля 1915 г. На отличие в делах награжден Г-3 – 3 ноября 1915 г. Ранен пулей в левое бедро у с. Бернхов(?) (Галиция) – 16 февраля 1915 г.

Жена – Оллендорф Мария – Елизавета Петровна (разведена по 1-му браку с сыном бывшего купца, кассиром отделения Польского банка; урожденная Ионер; вероисповедания евангел.-реформ.), детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 635, ПС за 1907 г.; ф. 409, оп. 1, д. 249-509, ПС за 1915 г.].

Генерал-лейтенант, начальник 12 кавалерийской дивизии; награжден Г-4 “за то, что в сражении при Гнилой Липе 26 августа 1914 г., получив сведения о движении противника по лесному пространству к переправам через реку Гнилую Липу у с. Руды и Клешевки, по своей инициативе спешив всю дивизию и заняв своей артиллерией позиции, выдержал очень упорный бой и, несмотря на большие потери, предотвратил прорыв значительного превосходящих его сил противника в промежутке между 19-й и 12-й дивизии и удержался до прихода к утру 17 августа 45-го пехотного Азовского полка” – 7 октября 1914 г.

Награжден Георгиевским оружием “за то, что во время сражения под Львовом 26 – 30 августа 1914 г. находился с вверенной ему дивизией на левом фланге армии, окружая(?) этот фланг. На 24-й армейский корпус, находившийся на этом же фланге, наступали превосходящие силы противника и этому корпусу приходилось переживать чрезвычайно трудные моменты, но благодаря искусным действиям 12 кавалерийской дивизии, храбро сражавшейся как в конном, так и в пешем строю, неся большие потери в офицерах, нижних чинах и лошадях, атаки противника успеха не имели и до конца сражения эта дивизия, с ее начальником во главе, доблестно выполнила свой долг. В конце сражения она настойчиво преследовала врага, но была остановлена перед непроходимой преградой реки Вершичей, все мосты которой, заранее минированные, при отступлении были противником взорваны” – 11 октября 1914 г.

Генерал-лейтенант, командир 12 армейского корпуса; награжден Г-3 “за то, что состоя начальником 12 кавалерийской дивизии в середине февраля 1915 г., будучи направлен во фланг противнику, теснившему наши войска от г. Станиславова к Галичу и угрожавшему последнему, лично командуя дивизией и находясь под действительным огнем противника, причем 16 февраля был ранен, энергичными действиями сломил упорное сопротивление бывшего против него противника в районе с. Беднаров. Вследствие этого, главная группа противника, наступавшая к г. Галичу, угрожавшая с фланга и тыла, начала отходить к г. Станиславову” – 3 ноября 1915 г. [Выс. приказы]. Произведен в генералы-от-кавалерии – 10 июня 1916 г. Командующим 8 армией с 20 марта 1916 г. [Сп. генералов по старш. 1916 г.].

В книге Черкасова-Георгиевского В. Г. «Вожди белых армий» [Смоленск, Русич, 2000, с. 42] приводится часть предсмертного письма А. М. к генералу Алексееву:

“Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага...”
[сообщил Ю.А. Табунщиков].

Жена – М.П. погребена 13 августа 1919 г. рядом с мужем на Новочеркасском кладбище. [Алабин: г. Приазовский Край, 1919, № 184, 14 августа 1919 г.]

Николай Максимович, офицер. [сообщил Жемайтис О.Ф. со ссылкой на Королева В.Н.]. Примечание. Поскольку в ПС Максима Васильевича почему-то нет сына Василия, то на основании этого можно предположить, что мог быть пропущен и еще один сын – Николай. К тому же один из его сыновей - Игнатий Николаевичем окончил НКУ, что в абсолютном большинстве случаев – удел дворянских детей.

Мелетий Максимович, из дворян, р. 1 февраля 1874 г.; окончил ДИАЗКК и НКУ по 1 разряду. Юнкером с 30 августа 1893 г. Произведен в хорунжие 12 августа 1895 г. с зачислением в батарею № 14. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 95, ПС за 1905 г.].

У колено

Василий Егорович, гимназистом был связан с революционным движением. [сообщил Жемайтис О.Ф. со ссылкой на Королева В.Н.].

Григорий Владимирович, из дворян, р. 19 января 1875 г.; окончил Усть-Медведицкое окружное училище; награжден: СМ-А3.

В службе с 1 июля 1894 г. В Ново-Николаевской почтово-телеграфной конторе с 22 ноября 1894 г. Коллежским Регистратором с 1 июля 1896 г. Начальником Остгейского почтового отделения с 18 мая 1898 г. Губернским Секретарем с 1 июля 1899 г. Коллежским Секретарем с 1 июля 1902 г. Заседателем 8-го участка Донецкого округа с 29 мая 1904 г. Титулярным Советником с 1 июля 1905 г. Заседателем 10 участка Донецкого округа с 28 марта 1907 г. Коллежским Ассессором с 10 августа 1908 г. Заседателем 1 участка Таганрогского округа. Жена–дочь священнослужителя Дьякова Александра Яковлевна (р.31 апреля 1869 г.; венчание – 27 октября 1897 г.), сын Иван р.19 января 1902 г. (предположительно, умер до 1908 г.). [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 503, ПС за 1904 г.; д. 559, ПС за 1908 г.; д. 587, ПС за 1909 г.]

Петр Алексеевич, из дворян, р.ок.1871 г.; окончил 1 класс Усть-Медведицкой гимназии и сдал экзамен на учителя сельского народного училища –2 октября 1891 г.

Учителем Усть-Медведицкого округа с 15 декабря 1893 г. Чиновником Мариупольской почтово-телеграфной конторы с 24 апреля 1900 г. В Сенновском приходском училище с 1 ноября 1901 г. В Калединском приходском училище с 1 сентября 1903 г. Произведен в Коллежские Регистраторы 12 июня 1904 г. со старш. с 24 октября 1902 г. Заседателем Донецкого округа с 16 декабря 1905 г.

Вдов, сын Петр р. 1 июня 1900 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 518, ПС за 1905 г.].

Титулярный Советник, участковый заседатель Донецкого округа; произведен в Коллежские Ассессоры 30 ноября 1914 г. со старш. с 24 октября 1914 г.[Выс. приказы]. Жена – Хрипунова Александра Георгиевна. [сообщил Жемайтис О.Ф.].

Гавриил, из португей-юнкеров НКЮУ произведен в хорунжие 6 августа 1911 г. со старш. с 6 августа 1910 г. с зачислением в полк №1. Хорунжий полка №1; сотником с 5 октября 1914 г. со старш. с 6 августа 1914 г.; за отличие в делах награжден: А-4 – 29 октября 1914 г, В-4 МБ –17 июля 1915 г, С-3 МБ и А-3 МБ –5 февраля 1916 г; подь-

есаулом с 3 апреля 1916 г. со старш. с 25 сентября 1915 г.; за отличие награжден: С-2 М – 21 октября 1916 г., А-2 М – 26 февраля 1917 г. Подъесаул полка № 1; ему 19 апреля 1917 г. устанавливается старш. в чине с 25 сентября 1914 г.; произведен в есаулы 11 сентября 1917 г. со старш. с 25 января 1917 г. [Выс. приказы].

Гавриил Николаевич, войсковой старшина, 30 лет. Отставка по болезни без наград приказом Войскового Штаба ВВД № 116 от 8 апреля 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 144, л. 27 об.].

Игнатий, из юнкеров НКУ произведен в прапорщики 1 февраля 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 24; хорунжим с 13 февраля 1916 г. со старш. с 1 октября 1914 г.; за отличие награжден: С-3 МБ – 28 апреля 1916 г.; сотником с 24 августа 1916 г. со старш. с 1 июля 1916 г.; за отличие награжден А-4 – 25 января 1917 г. [Выс. приказы].

Игнатий Николаевич, есаул, наблюдатель; командир 3-й нестроевой сотни в Донском авиационном парке. «Список г.г. офицеров, врачей и чиновников, состоящих на службе в Донской авиации», РГВА, ф. 39457, оп. 1, д. 408, л. 4 – 5 об.].

Другие Каледины:

XVIII век

Иван (Калдин), р. ок. 1738 г., казак Еланской ст.; в службе с 1767 по 1786 г.: во 2-й армии, Крым, Кавказская линия. 3 сына: служилый, 18 лет, 7 лет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 385а, док. 1786 г.].

Игнат Егорович, казак полка Карпова; умер 25 сентября 1794 г. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3448, л. 28 об.].

Конец XVIII – начало XIX веков

Матвей, казак полка Янова 2-го; умер в декабре 1914 г. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3714, л. 37].

Прохор, казак Усть-Хоперской ст.; умер в 1833 г.; кавалер ЗОВО. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 202, док. 1834 г.].

Примечание. Может быть это основатель рода, отец Лукьяна Прохоровича и Василия Прохоровича ?

XIX век

Алексей Павлович, из казачьих детей, р. ок. 1853 г., казак ст. Усть-Хоперской. В службе казаком с 1 января 1873 г. В полку №43 с 1 мая по 11 сентября 1878 г. В полку № 3 с 25 октября 1878 г. Урядником с 15 января 1880 г.

Женат, имеет детей. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 815, ПС за 1880 г.; д. 814, ПС за 1880 г.; д. 653, ПС 1879 г.].

В док. 1881 г. показано: *из дворян.* [д. 782].

Ефим Васильевич, из казачьих детей, р. ок. 1844 г., казак Усть-Хоперской ст. В службе казаком с 1 января 1863 г. В полку №52 с 8 июня 1866 г. по 28 августа 1869 г. Урядником с 30 сентября 1869 г. В полку № 27 с 16 мая 1873 г.

Жена – дочь урядника Арбузова Василиса Михеевна, дети: Софья 8 лет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 77, ПС за 1874 г.].

В док. 1877 г. показан, как Ефрем Васильевич. [д. 467].

Иван Иванович, в службе с 1 января 1831 г.; рядовой Л.-Гв. Казачьего полка; исключен из списков полка умершим 12 июля 1838 г. [РГВИА, ф. 3610, оп. 2, д. 108, док. за 1838 г.].

Трофим Архипович, из казачьих детей Усть-Хоперской ст.; в службе казаком с 1861 г.; урядником с 1 января 1872 г.; трубач. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.]

Федор Семенович, из казачьих детей Сиротинской ст.; в службе казаком с 1866 г.; урядником с 26 января 1874 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.].

? , дочь казака.

Муж – урядник Кузмичев Иван Наумович (из казачьих детей, р. ок. 1852 г., казак Баклановской ст.; дети – дочь 5 лет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 608, ПС Кузмичева И.Н. за 1879 г.].

Конец XIX – начало XX веков

Алексей Тимофеевич, р. 1894 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. 19 декабря 1920 г. подлежал эвакуации на корабле «Херсон». [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 57. Списки эмигрантов.].

Андрей, подхорунжий Л.-Гв. Атаманского полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 62. Списки эмигрантов.].

Дмитрий, казаком Усть-Хоперской пешей сотни с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 114 – 116].

Дмитрий Герасимович, казаком Усть-Хоперской пешей сотни с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 114 – 116].

Елена Николаевна, во ВСЮР. Эвакуирована в декабре 1919 г. –марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 177. Списки эмигрантов.].

И.Н. (урожденная Шедько) казачка ВД. Умерла 29 сентября 1971 г. в Фениксе (США). [Волков: ж. Родимый край].

Иван, казаком 1-й Усть-Хоперской сотни с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 59 – 63].

Иван – казак, **Иван** – приказный, **Михаил**, **Федор**, **Федор** – казаки, **Филипп** – приказный, - 4-й конной сотни Усть-Хоперского полка с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 79 – 83].

Иван, казаком 2-й пешей сотни Усть-Хоперского отряда с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 117 – 118].

Иван Алексеевич, казак Усть-Хоперской ст., год переписи – 1907; младшим урядником в 4-й сотне 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П на 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 12, л. 48 – 50].

Иван Поликарпович, казаком в конной сотне 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П на март 1919 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 12, л. 22 – 24].

Иван Филиппович, р. 1876 г., казак. Во ВСЮР. На 19 февраля–28 марта 1921 г. в беженских лагерях в Румынии. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 190, 192. Списки эмигрантов.].

Иосиф, казаком Усть-Медведицкой пешей сотни с 26 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 19 – 21, 24 – 25].

Казьма, казаком 2-й пешей сотни Усть-Хоперского отряда с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 117 – 118].

Казьма Поликарпович, казак Усть-Хоперской ст., год переписи – 1914; приказным в 4-й сотне 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П на 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 12, л. 48 – 50].

М.И., р. 1896 г., эвакуирована из Новороссийска на корабле «Св. Николай». [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 18, 51. Списки эмигрантов.].

Максим Тимофеевич, есаул Кубанского казачьего войска. Убит коммунистами осенью 1941 г. в Югославии. [Волков: ж. Наши вести].

Никандр Николаевич, на весну 1920 г. в 4-ом Донском казачьем полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 296].

Хорунжий 3 ДК Калединского П; произведен в сотники с 22 февраля 1919 г. и подъесаулы с 3 сентября 1920 г. приказами Войскового Штаба ВВД № 106 и 107 от 11 июня 1921 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 36 об.].

Никита, казаком в 3-й конной сотне Усть-Хоперского полка с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 107 – 110].

Пантелей, казаком в 3-й конной сотне Усть-Хоперского полка с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 107 – 110].

Степан, казаком в 1-й пешей сотне Усть-Хоперского полка с 27 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 1 – 2].

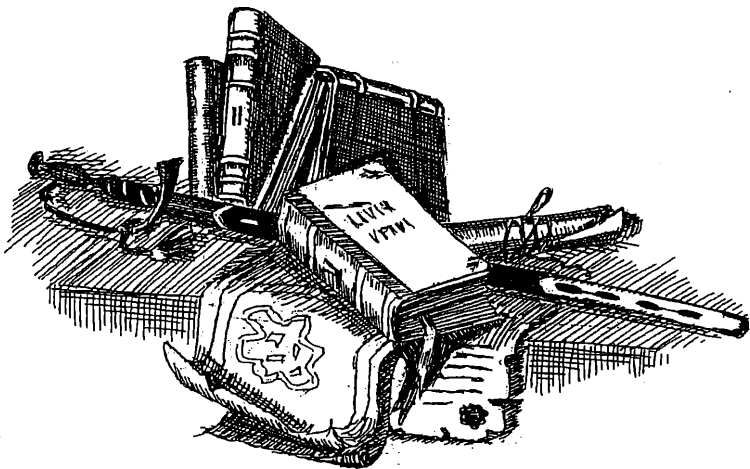
Терентий, казаком в 1-й пешей сотне Усть-Хоперского полка с 11 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 1 – 2].

Федор, казаком 6 Усть-Хоперской сотни с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 65 – 70].

Феофан Иванович, медицинский фельдшер, казак ст. Усть-Хоперской. Без вести пропал. [ДОВ, № 269, л. 6, 25 ноября 1914 г.].

Яков Тимофеевич, р. 1876 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. 18 декабря 1920 г. подлежал эвакуации на корабле «Херсон». [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 57. Списки эмигрантов.].

?, юнкер Атаманского ВУ; приехал в феврале 1918 г. в ст. Ольгинскую, зачислен в отряд полковника Краснянского Т.П. [«Донская волна», № 33 (61), «Юнкера в Кубанском походе», с. 14 – 15, 24 ноября 1919 г.].

«Донская волна». Памяти Каледина.

В Исторической библиотеки г. Москвы сохранился 61 номер журнала «Донская волна», выходявшие в 1918 – 1919 гг.: первый номер увидел свет 10 июня 1918 г.; 61-й – 24 ноября 1919 г.

Журнал имеет сравнительно большой формат: 34 x 26 см; довольно-таки плотную обложку и 16 страниц текста.

В предыдущих выпусках данной серии уже печатались материалы из журнала, например, в вып. № 30 статья «Ленин о Каледине и Богаевском», в вып № 33 – «Смертная жатва».

В выпуске № 39 «Волошиновы и другие» представлены 4 статьи из 1-го номера «Донской волны»: «Семь расстрелянных», «Последнее письмо Е.А. Волошинова», «Е.А. Волошинов – композитор», «Е.А. Волошинов (по личным воспоминаниям)», а также статья из 37-го номера – «Смерть старого генерала», статья из № 36 – «Генерал Сидорин». Этот материал дает некоторое представление о характере журнала.

С тем, чтобы мнение о нем у читателя было еще более определенным, ниже предлагается все(!) статьи из №2 журнала (как и в вып. № 44), вышедшего в свет 18 июня 1918 г. и посвященного памяти А.М. Каледина. Статьи даются в порядке, в котором они помещены в оригинале. Материалы печатаются полностью, без каких-либо изменений и сокращений. Единственное, что не удастся отразить, так это большого количества фотографий и рисунков, которыми иллюстрированы номера журнала.

«Памяти А.М. Каледина». [А. д'Акриль, с. 1].

Вы его ненавидели –
Вам, большого безумства большие сыны!
Он их знал, ваши замыслы, ваши планы преступные.
Неподкупного воина, демагоги подкупные,
Приведеньем победы, как жмелем пьяны –
Вы его ненавидели!

Картонажные чертики под рукой Сатаны,
 Розенфельды, Крыленки, Нахамкесы, Ленины,
 В лужах крови, что вами старательно вспенены,
 Он не видел бальзама для бедствий страны,
 Оскорбление ! Обида ! Простите обиде - ли
 Столь угодной вам ? Никогда ! Вы умны –
 Вы же даром его ненавидели.

Но зато –
 На его одинокой могиле,
 Яме, яме – которой унылей
 Не видал никогда и никто,
 Чтоб потомки прочли, услышали, увидели
 Мы напишем три слова всего:
 - Вы его ненавидели.

Для него
 Нет почетней тех слов ничего.

«Три момента (из встреч с А.М. Калединым)» [А. Гуцин, с. 2– 3].

Петроград. Революционная весна в разгаре – весна 1917 г. Сырые улицы, сырые шинели, сырые семечки. Бесцветно, бесталанно, безнадежно.

В загаженной, бывшей жандармской комнате Николаевского вокзала группа военных; здесь бывший военный министр генерал Шуваев и два брата – генерала Каледины. Будущий атаман Донского войска бледен и сильно нервничает; он только что покинул действующую армию и едет с большим братом в Москву.

Три генерала связаны долгими годами прежней совместной службы; но главный цемент их связи – это характерная для всех трех твердость, чистота убеждений и преданность долгу. Они тихо разговаривают. За окном, - на перроне, сутолока, шум и рев солдатской толпы, осаждающей вагоны.

“Известно ли вашему высокопревосходительству”, - обращается к Алексею Максимовичу присутствующий в этой комнате молодой полковник, - “что донские общественные деятели выдвигают вас на пост войскового атамана ?”

“Знаю, слышал, писали”.

И, нервно подергивая согнутой в локте рукой, генерал быстро начинает шагать по комнате. В полумраке двигаются два светлых пятна.

“Могут ли донцы надеяться, что вы согласитесь ?”

“Никогда !”

И еще быстрее в темной комнате мелькают георгиевские кресты.

“Но, ваше высокопревосходительство, не мне вам это говорить, вы должны отдать себя казакам, ибо кто как не вы, в такое трагическое время поведен донской народ ?”

“Народ ?! Вы говорите, народ ?!”

И генерал останавливается.

“Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ; будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда !”

Поезд, набитый серой солдатской массой, отходит. Мимо провожающих плавно проплывает туда, на юг, к своему трагическому концу стоящая у окна фигура будущего чистейшего донского атамана.

В Новочеркасске зима; конец декабря. Большой, синий, полутемный атаманский кабинет. В глубине направо за столом, у карты изможденное, усталое лицо «мятежного» атамана Каледина. Тут же у стола, одетый рабочим, полковник генерально-го штаба; это гонец на Кубань, отрезанную от Дона большевиками.

Генерал думает вслух и это – инструкция гонцу; записная книжка запечатлевает приказание атамана.

“Обстановка у Черткова (в то время отряд советских войск подошел к Чертково), известна; мало ружейных патронов, но это не так страшно, беда в том, что нет артиллерийских снарядов. Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами . . . Думаю, - старый генерал Гулыга по-прежнему авторитетен в кубанских массах; необходимо получить для Ростова хотя-бы два только пластунских батальона. Надеюсь на генерала Гулыгу; пусть кубанцы возьмут обязательно Тихорецкую – этим развяжем руки на Великокняжеском направлении”.

Тихо в кабинете; импровизированный рабочий спешно записывает слова атамана. Генерал поднимает глаза от карты и особым каким-то проникновенным голосом говорит:

“Судьба Кубани решается на Северном Дону. Пусть это знают. Взятие Новочеркасска ничего не даст. Если хотят существовать, пусть направляют все здоровое в Ростов; пусть не жалеют для Дона артиллерийских снарядов. Хорошо, если правительство Юго-Восточного Союза переедет в Ростов. Не нужно ему цепляться за Екатеринодар, не время этим заниматься теперь. Нужно смотреть за всех”.

И снова глаза генерала опускаются на карту. Отчетливо и резко доносится в кабинете звук ружейного выстрела. Стреляют где-то в ночном мраке недалеко от дворца. Еще ниже склоняется голова атамана.

“Желаю вам благополучно проскользнуть через Тихорецкую. Да . . . Судьба Кубани решается на Северном Дону. Ну, в добрый час!”

Атаман встает и останавливается глазами на раскрытой карте казачьих областей. И откланивающийся в дверях рабочий – полковник видит образ человека – орла, который размахом крыльев своих желает прикрыть все казачество от гибели и разложения. В эту декабрьскую ночь еще не верилось, что временно-ослепшие дети этого орла поднимутся на него в его же гнезде.

* * *

Яркий свет февральского солнечного дня. Над крыльцом Кавказских гор вздымается белоснежный Эльбрус. Но душно и тесно в обширном здании нового училища ст. Марьенской; - это заседает последний Войсковой Круг Терского войска. Атамана Караулова нет: он убит. Терское Правительство бежало уже из Владикавказа. В Моздоке заседает большевистский съезд советов.

Смутно, печально на Тереке. Мало на Круге депутатов – казаков; всего 60 стариков да временный войсковой атаман есаул Меденик. А кругом бушует море большевиков, - молодежи: и солдат и казаков. Гапдеж, ругня, улюлюканье. Смутно на Тереке. Спокойно, отдельной группой, сидят уздени и вожди Кабардинского народа. – Вот Трамоз, вот Забит-Гирей; там Инал Пшуков. Кажется, что волна страстей катится мимо, - она не задевает их. Дальше – 4 депутата от Дона; посланцы атамана Каледина; два уже седые, два помоложе. Сильно и твердо звучат слова Калединского привета Тереку.

Старики отвечают; многие плачут. Старик в рваной черкеске кричит:

“Смотрите, не забыл нас Каледин!”.

Но мрачно молчит толпа; она чем-то придавлена, но это что-то не здесь, не в станице.

Чинно встают уздени и словами восточного красноречия просят донцов сказать их атаману, в котором залог безопасности донского края, что кабардинский народ был бы счастлив. если бы у него путеводителем был тоже генерал Каледин.

Наступает ночь. Наутро назначаются выборы нового Войскового Правительства. Снова ярко блещет солнце; снова сверкают снеговые вершины; снова та-же ст. Марьинская, но Круг, - Круг уже не тот! Шум и рев бушующей толпы:

"Долой калединцев! Убить Меденика! Убить донских депутатов!"

Оказывается, всем стало известна телеграмма о безвременной кончине Донского Атамана. Нет больше обаяния имени. Ницета душевная и умственная обнагле-ла сразу. Тесным кольцом окружают кабардинцы Меденика и донских депутатов и увозят к себе в аулы. А снеговые вершины Эльбруса сверкают по-прежнему своей бесстрастной белизной.

«Из переписки А.М. Каледина» [с. 3 – 4].

М.П. Калединой, супругой покойного атамана, переданы нам письма Алексея Максимовича с фронта – от 1916 г. Занятый любимым делом, работающий на фронте своей армии, не покладая рук, генерал Каледин в письмах с фронта в коротких словах рассказывает о боевой жизни, мало говорит о себе, но некоторые фразы – штрихи для облика Каледина.

Вот он пишет о посещении его армии одним из штабных генералов:

Приехал он 24-го вечером, был у меня, а 25-го вечером я был у него (в вагоне), т.к. в эту ночь уезжал сам и больше уже не мог с ним встретиться. Уехал он 26-го вечером, не захвав обедать к нам в штаб, как я его приглашал, и не повидав начальника штаба, а также не поделившись своими впечатлениями о виденном. Сегодня от Б. (здесь Алексей Максимович называет имя тогдашнего главнокомандующего) получил телеграмму, что при посещении позиций одного из корпусов К. (генерал, посетивший армию А.М.) не был встречен и сопровождается командиром корпуса, хотя К. ездил по приказу Б. и пользуется правами командующего армией. Меня позабавила эта манья величия К. Ожидая дальнейших результатов этого визита, ибо без сомнения найдется много не по нем, что естественно.

Эти строки до некоторой степени приподнимают завесу над тем, при каких условиях приходилось воевать боевым генералам.

Как работал А.М. можно судить по тому же письму от 26 апреля 1916 г.:

Это письмо задержалось, ибо 25-го вечером выехал на правый фланг моего фронта и вернулся только ночью на 28-е. Весь целый день сплошь до 12 ночи был занят накопившимися делами, а сегодня рано утром выехал на автомобиле в район одного из корпусов. На наблюдательном пункте неожиданно столкнулся и т. д.

Для характеристики Каледина – воина строчки из другого письма:

В последние дни Сухомлинов меня меньше осаждают канцелярией. Чаще выезжае у позиции, еще много нужно посмотреть.

Любопытны строки Каледина о старом чиновном Новочеркасске.

Атаманом на Дону назначен Граббе, о чем узнал еще третьего дня. Новочеркасск теперь успокоится. Начнутся обычные волнения перед приездом атамана, так мне знакомые, а затем по приезде – сплетни в служебном мире. Во всяком случае у вас жизнь оживится и будет новый материал для болтовни.

Об этом мимоходом, а затем – воин опять о военном:

Австрийцы в разных местах фронта кричали в своих окопах «ура», давали залпы (конечно, в нашу сторону), местами была даже музыка. Через несколько дней вывесили плакат, что они одержали большую победу на итальянском фронте, взяв, будто бы в плен 236 офицеров, 16 т. ниж. чинов и 76 орудий. Может быть в цифре трофеев и прибrehали, что обычно у всех наций, но что у итальянцев произошло что-то неладное, - это несомненно, судя по сообщениям их штаба об очищении позиций.

Часто говорили о Каледине – атамане: - ему не суждено иметь успеха в политической жизни. Он страдает атрофией честолюбия. Подтверждением этому могут служить такие строки из письма от 10 мая 1916 г.:

Совсем забыл тебе сказать: получил, наконец, своего Белого Орла. Жалею, что тебя нет, т.к. твоя радость может быть и доставила мне удовольствия. Он был сейчас же водворен Собираевым в сундук.

"Белые Орлы" мало интересовали генерала - стратега, он держал таких "орлов" в сундуке, веря другим орлам, с которыми ему хотелось лететь хоть за тысячи верст за счастье родины.

О простоте Каледина говорят другие строки. Вот Каледин на народном обеде в офицерской семье, в кругу подчиненных

За обедом, как обычно, были речи. Пришлось отвечать и я чуть-чуть не разревелся. Офицеры пели песни про боевую жизнь полка, сочиненные Чекаловским. В конце он спел импровизированные тут же стихи: припев повторялся всеми присутствующими. Видя, что «дружеская беседа» слишком затягивается, я говорю Кусопскому, сидевшему от меня через несколько человек, что нам пора собираться. Кусопский, чувствовавший себя прекрасно и подвыпивший приподымается и громогласно объявляет: «рано Ваше Превосходительство, сами потом будете жалеть».

Редко улыбался в жизни Каледин, редко улыбается и в письмах. Вот одна улыбка:

Вчера приехал сюда капитан английской службы, фамилии которого не могу припомнить по ее неудобоваримости для русского слуха. За обедом была окрошка; я спросил, не дать – ли ему супа, ибо это блюдо чисто русское; он ответил, что напротив очень рад познакомиться с русским блюдом и утпел большую тарелку. Сегодня к завтраку он не явился, думаю, что он еще переваривает наше национальное блюдо.

В письме от 28 июля А.М. жалуется на небольшую неудачу и, между прочим, ропщет на то, что не все ему приходится делать так, как хотелось бы.

Настроение у меня прескверное и усугубилось еще неудачей в последней атаке в моих корпусах, бывшей 26 июля. В неудачах виноват всецело один пришлый с другого фронта корпус, части которого в бою показали себя очень скверно. Эта атака не имела значения в общем ходе дел нашего фронта, но меня огорчила. Кроме того мне все-таки приходится делать то, чего бы мне не хотелось по моим взглядам на дело. Все это создает тяжелое внутреннее чувство, которое приходится переваривать в себе и для которого единственное лекарство – хорошая победа, но ее близко не вижу. Впрочем, тебе известно, что я склонен смотреть несколько пессимистически вообще и слишком, может быть, многого требую. Дай Бог, чтобы я ошибался.

Каледин действительно многого требовал, сам работал и того же требовал от других. Постиг его обычный удел работников: ему пришлось покинуть армию.

“Из воспоминаний об А.М. Каледине” [А. Петровский, с 4 –6]

Человек он был . . . Гамлет

Он появился между нами спокойный, как-бы печальный, молчаливый среди безудержной болтовни вокруг.

С первого взгляда казался угрюмым, суровым (про М.П. Богаевский говорил: "наш атаман улыбается раз в две недели"); но глаза – и тогда уже усталые – изобличали доброту сердечную.

Я знал Алексей Максимовича раньше – в 90-х годах, когда он в Новочеркасске занимал должность начальника юнкерского училища, а потом – помощника начальника войскового штаба. Еще молодой тогда, он был также спокоен, так же сосредоточенно молчалив. И так же прост в обращении – тою простотою, которая свойственна крупному и искреннему человеку, никогда не играющему роли.

На другой день после избрания его на войсковом круге атаманом, А.М. сделал мне визит, как занимавшему тогда должность председателя Областного Исполнительного Комитета; не застал, а на следующий день 19 июня я, отвечая на визит, имел с ним продолжительную беседу. Легко было беседовать с А.М., легко при полном отсутствии улыбок с его стороны. И это потому, что собеседник сразу же чувствовал полную искренность А.М., верил каждому его слову. Беседа велась по душе. Я рассказал ему о трудных обстоятельствах, при которых приходилось работать Исполнительному Комитету с углубителями революции в его среде – Голубовыми, Арнаутowymi, Мамановыми, Швецовыми, Боссэ и проч. А.М. говорил мне о положении армии, которую он был вынужден оставить, о колеблющейся политике высшего командования по отношению к советам и комитетам, разлагавшим армию.

- Армия гибнет, Армия драться не станет, не хочет. Армии, как таковой уже нет, - упавшим голосом говорил А.М. и помолчав, прибавил: - дай Бог, чтобы я ошибался.

Это говорилось за час до получения в Новочеркасске телеграммы о «наступлении 18 июня». Вечером поздно я звонил А.М.: - Алексей Максимович! вы ошиблись: армия у нас есть, - она наступает и бьет немцев.

- Я рад своей ошибке, готов каяться в ней всенародно. Но ошибся ли я? Надолго ли хватит этого подъема от речей Керенского? Не судороги ли это трупа, который гальванизирует? Дай бог мне быть худым пророком, но, повторяю, нет у меня веры: слишком много я видел; слишком много знаю. – Не ошибся доблестный воин: армия-труп снова впала в трупное очоменение. Труп стал быстро, отвратительно разлагаться.

Во время июльской попытки большевиков свергнуть временное правительство А.М. вызвал меня к себе. Он был очень обеспокоен и находил необходимым немедленно же созвать объединенное заседание войскового правительства со всеми общественными организациями- Исполнительным Комитетом, советом рабочих депутатов, советом крестьянских депутатов – для выработки соответствующего воззвания к населению города и области; просил меня заготовить проект воззвания.

- Попытка восстания подавлена; иначе и быть не могло. Но дальше . . . надо смотреть дальше. Большевизм страшно опасен – раздумчиво и с особым ударением произнес А.М.
- Но на Дону то нам нечего бояться; здесь он не может привиться.
- Вы говорите – на Дону? Конечно, трудно ожидать этого: казак слишком общественно-развит, чтобы поверить в несбыточность обещаний Ленина; но, все же, против большевизма и на Дону следует немедленно принять меры: слишком он притягателен для масс, и кто знает, как пойдут события дальше и у нас на Дону.

Дальнейшее показало, как пошли события: как вода на мельницу большевизма.

Соединенное собрание приняло предложенный мною текст воззвания. Помню, с какою грустью устало слушал А.М., как представители совета рабочих депутатов изо всех сил старались по возможности смягчить резкие выражения; как они протестовали против резких выражений против инициаторов восстания; как они приходили в ужас при упоминании о войне «до победного конца»; как настаивали, чтобы в воззвании ни к селу ни к городу была вклеена пошлая бессмыслица: «без аннексий и контрибуций».

При редких и коротких встречах с А.М. летом и осенью 1917 г., я, Все-же, выносил впечатление из разговоров с ним, что он верит в Дон; в то, что его большевизм не победит.

В последний раз я виделся с А.М. 17 января, за 12 дней до его смерти. Я пришел к нему от лица союза общественных деятелей. Когда я всмотрелся в лицо атамана, по обыкновению любезно встретившего меня, - у меня упало сердце: в глазах выражалась страшная смертельная усталость. Но не только это. Тогда я не понял, что именно страшное светилось в этих полузакрытых опухшими от бессонных ночей веками глазах. Когда раздался выстрел, лишивший Дон и Россию Каледина, я понял: это было отчаяние.

(Печатаемая статья А.И. Петровского, редакция считает своим долгом заявить, что она не склонна рассматривать самоубийство А.М. Каледина, как акт отчаяния и считает это субъективным мнением А.И. Петровского).

«Страничка прошлого» [П. Ковалев, с. 5 – 6].

Эти беглые строки принадлежат перу члена совета казачьих войск П.И. Ковалева, бывшего свидетелем исторических событий на Дону, и, главным образом в Петрограде во все дни русской революции.

П.И. Ковалев разделил вместе с другими членами союза всю печальную участь союза. От эпохи Керенского, требовавшего от союза осуждения А.М. Каледина и Л.Г. Корнилова, до эпохи Ленина, заключившего членов союза в Пересыльную тюрьму, где один из членов союза молодой Худяков умер мучеником.

Беседа с А.М. Калединым, с которым говорит П.И. Ковалев в своих беглых строках, велась в сентябре прошлого года, после «мятежа» атамана.

Коротая долгие декабрьские вечера в Пересыльной тюрьме в Петрограде, я любил со своим сотрудником по Совету Андреем Филимоновичем Худяковым, ныне покойным, вспоминать свои родные поля, говорить о своих донских делах и в сотый раз делиться впечатлениями о глубоко нами любимых Митроше Богаевском и Алексее Максимовиче Каледине. Будто совсем недавно это было, а между тем сколько меж тем изменилось: не стало баяна казачества – Богаевского, сгнила в своих стенах суровая тюрьма Худякова, наконец, отошел в лучший мир атаман Каледин.

Печально стало кругом, осиротела наша родина. Лучших не стало, говорят старики: «Глас народа – глас Божий».

Действительно, угасшие наши герои, живой упрек нашей низости и малодушия, были лучшими людьми нашей печальной современности. И пора, по крайней мере, нам об этом громко заговорить. Настало время хоть после смерти отдать глубокую дань уважения тем, кого мы не умели ценить при жизни. Все, кто, например, близко знал нравственный облик покойного Каледина, кто близко мог наблюдать его могучий ум и непреклонную волю, в один голос повторяют:

«В Алексее Максимовиче мы потеряли, может быть, несравненную величину, который мог бы» . . . Я считаю себя счастливым, что имел великую честь не только наблюдать близко Алексея Максимовича, но и вести с ним беседы самого доверительного характера, где со всей полнотой раскрывалась душа великого донского патриота. В первый раз я встретился близко с покойным атаманом, в первых числах сентября минувшего года на Войсковом круге, когда я выступал от имени совета Союза Казачьих Войск с докладом о выступлении генерала Корнилова, которое было неразрывно связано с делом донского атамана. Видимо, мой доклад произвел на последнего благоприятное впечатление, ибо при первой же встрече Митрофан Петрович Богаевский заявил мне: «Алексей Максимович хотел побеседовать с Вами. Зайдите к нему».

В то время я собирался ехать в Петроград и побеседовать с атаманом по важнейшим вопросам текущего момента было крайне необходимо, чтобы можно было Петроградский Совет Союза казачьих войск точно и подробно ознакомить со взглядами Войскового Правительства Дона, выразителем которых был, конечно, его атаман. Как сейчас вижу перед собой Алексея Максимовича, скромно сидевшим рядом со мной у рабочего стола в своем кабинете во дворце. Так просто он себя держал, так внимательно, я бы сказал участливо со мной беседовал, что мне казалось, что я веду беседу с давно знакомым и преданным мне другом. Беседа касалась большею частью вопросов Общеполитического характера, и я лишь теперь могу сказать, с какой необыкновенной прозорливостью Алексей Максимович мог предвидеть все то, что потом должно было случиться.

Касаясь лиц, стоявших тогда у власти, он давал им весьма меткие характеристики. О Керенском, например, он говорил: «Этот флюгер привел Россию на край гибели, но все же его приходится терпеть, как гораздо меньшее зло, по сравнению с тем, что представляет собой Ленин и К. Впрочем», - добавил Алексей Максимович, - «мы все равно стремимся к определенному концу».

Тут я невольно заметил на лице у него какую-то затаенную грусть. Может быть, его душа чувствовала близость роковой развязки...

Весьма правильно давал характеристики своим ближайшим сотрудникам. Помню особенно хорошо, как он двумя-тремя штрихами удивительно метко охарактеризовал П.М. Агеева и М.П. Богаевского. Очевидно было, что к последнему он относился, как к любимому сыну. Беседа велась после выступления Л.Г. Корнилова и, естественно, что мне захотелось узнать взгляд атамана на Корнилова. Я рассказал А.М. Каледину о взгляде на Корнилова Владимира Бурцева, который не считал «мятежником» Корнилова, а наоборот - патриотом.

А.М. Каледин заметил, что «мятеж» Корнилова не больше, как плод фантазий Керенского и его друзей. «Корнилов – горячий патриот».

От Корнилова, главнокомандующего, перешли к положению на фронте. Боевой генерал Каледин смотрел на фронт пессимистически. Пессимизм у него, говорят, был в характере. «Если союзники нам не помогут во-время – наше дело проиграно».

Уже в сентябре 1917 г. А.М. Каледин не верил в успех русского оружия, обывотого прокламациями и воззваниями. Хотелось атаману увести вовремя казаков с фронта. Он не верил интендантам и боялся, что казаки будут голодать на фронте. «Лучше им отдохнуть в станицах. Россия безнадежно больна, пусть хоть казачества не коснется всероссийская зараза».

Очарованным я вышел от своего атамана. Много раз после того я встречался с А.М., и с каждым разом мои симпатии к нему увеличивались, перейдя потом в преклонение. И все это случилось, не смотря на внешнюю суровость и молчаливость атамана. Что же заставляло людей так сильно преклоняться перед ним? Ведь умных людей много и добрых немало. По-моему, в нем все находили одно редкое качество, которого, кажется, сейчас не найти и у очень больших людей: это кристальной честности и необыкновенного благородства. Теперь часто приходится слышать праздные вопросы: «Почему Каледин застрелился, почему он не бежал и т.д.»

Да потому, что чистый, благородный, цельный по натуре, он не мог жить с презренными людьми. Ведь все мы не более не менее, как предатели. Не мы ли ему курили фиимиам и бешено рукоплескали? А скажет ли по совести кто-нибудь, что поднялся он на защиту своего избранника? Кажется, ответ ясен. Прав сто раз был Митроша Богаевский, когда 6 февраля в зале областного правления бросал Войсковому кругу горькие упреки: «Донские казаки подло продали всех своих атаманов, начиная с Кондратия Булавина и кончая Калединым». Он тогда конечно не знал, что казаки предадут и преемника Каледина и его самого. Погиб Каледин, но его героический образ будет служить вечным памятником великого служения долгу.

«Ивашкино видение» [Юрий Зубовский, с. 6].

Цветут поля, пестреет в поле кашка,
 Весенний воздух сладок, словно мед.
 Мне хорошо. Блаженнейший Ивашка –
 - Я радуюсь. Веселая бужашка
 Так радуется солнцу и живет.
 Лежу и гляжу и вижу: издалека,
 Согбенная, припавши на костыль,
 Бредет хрома, темна и одинока
 Старушка Русь, а ветер кружит пыль.
 - Старушка мать, откуда ты. Родная?
 А я всю жизнь, всю жизнь тебя искал,
 Любил тебя, не видя и не зная,
 Я по тебе томился и алкал.
 Бегу и радуюсь: Я сын. Я – твой Ивашка!
 Да, ветер вдруг стеною поднял пыль
 И нет старушки . . . Тяжко мне. Ах, тяжело!
 - Не явь, не сон, не сказка и не быль.
 О, Господи, ответствуй мне, доколе
 Бродяжить мне, безропотно идти,
 Изнемогать от нестерпимой боли
 И мать свою, взыскаю, не найти ?

«Казачий Иван Царевич» [Виктор Севский, с. 7 – 10].

В головах мечтателей на тихом Дону давно жила надежда, что когда-нибудь на Дон, в степи ковыльные, перелески росистые придет свой, донской Иван Царевич и разбудит дремлющее казачество.

Жил этой мечтой и молодой учитель истории Митрофан Богаевский. На первом круге казачьем в прошлом мае он увидел в ложе театра, где шумел майдан казачий, тихого генерала и под белым крестом на груди его услышал биение казачьего сердца. Почуял в нем Митрофан Богаевский Ивана Царевича и радостно приветствовал Каледина.

Близкие спрашивали после у неистового Митрофана, почему он так восторженно приветствовал генерала Каледина. Богаевский пожимал плечами и говорил не раз: "Я сердцем его почуял. Это родилось у меня мгновенно, едва я взглянул в ложу, где тихо в тени сидел Алексей Максимович". Значительно позже Богаевский говорил: "Он мне отца заменил. С ним мне тепло". Всем было тепло около Каледина. Враги уезжали из Новочеркасска друзьями, калединцами уезжали даже ненавистники тишайшего атамана.

Алексей Максимович Каледин сошел в могилу с именем донского Алексея Тишайшего, а пришел на Дон с именем донского Гинденбурга. Казаки, любившие не только Каледина, но и его славу, находили в Каледине сходство с Гинденбургом даже во внешней замкнутости первого атамана войска Донского. "И, как Гинденбург – никогда не смеется".

Казачество знало Степана Разина. В нем отразились его душа, вольная, буйная. Это был темперамент казачий.

Казачество знало Якова Петровича Бакланова. Герой Кавказа слоноподобный Бакланов, в нем нашла отражение сила донская. Ведь Бакланов не мог завести

часов, чтобы не испортить механизм, пружину перекручивал и часы за него заводил денщик.

Знало казачество удальцов, силачей. Каледин показал казачество с иной стороны. Не было казаков-стратегов и Каледин первый из них. Вот почему казачество за Луцкий прорыв звало Каледина донским Гинденбургом. "И, как Гинденбург – никогда не смеется".

В самом деле, Алексей Максимович редко улыбался. Сухощавый и немного горбившийся, с головой, спрятанной в плечах, с уныло повисшими усами, со всегда прищуренными глазами под нависшими густо бровями – некрасивый, пожалуй, но в то же время привлекавший к себе с первой встречи, Алексей Максимович был из «Вишневого сада» русского барства, хотя и родился в бедной семье казачьего офицера в станице Усть-Хоперской.

Был некрасив, не блистал красноречием, говорил медленно, с паузами после каждого слова и в то же время – слушать его хотелось, чтобы подольше звучали в ушах эти спокойные, веские слова, какие всегда произносил Алексей Максимович.

Спокойствие – едва-ли не самая основная черта в характере Каледина. "Судите с холодной головой" – говорил он старикам круга не раз, когда вверял им даже свою голову. Боевые генералы, виды – выдавшие, говорили о Каледине: "Он не только был командующим армией, он сам у себя был начальником штаба".

Когда я смотрел на генерала Каледина в Новочеркасске на исторических заседаниях первого войскового круга, мне он казался японцем. Во время Русско-Японской войны мы привыкли видеть портреты японских генералов: Ойямы, Ноги. Маленькие, коренастые, будто бы в землю вросли. И мне вспомнилась беседа одного из зарубежных корреспондентов с Ойямой во время одного из ответственных и решающих кампанию сражений. Ойяму корреспондент нашел у реки с удочкой в руках. "Генерал, неужели вы можете удить рыбу, когда там такой бой?" Ойяма улыбнулся уголками губ: "А что же мне делать? Я дал план, они должны его выполнить. Когда зовут генерала, значит, дело плохо".

Каледин – не Суворов, не Скобелев и не Бакланов. В нем много от японского генерала.

Один из казачьих офицеров рассказывал мне о докладе Каледина Ставке по поводу операций под Луцком, знаменитого Луцкого прорыва, давшего Каледину боевое имя. Громадный доклад поражал знанием военного дела, деталями местности. Все было предусмотрено, все взвешено, все вычислено – и тогда только «с холодной головой» Каледин бросил свою 8-ю армию в бой. Но в то же время Каледин не был тем генералом, у которого «первая колонна марширует туда, вторая колонна – сюда», а сам генерал сидит за 100 верст от армии.

Команда у в начале войны 14-й кавалерийской дивизией, он был ранен и тяжело. Врачи опасались за его жизнь, но Каледин поправился и снова вернулся в армию. Быть может, только в бровях седины прибавилось, да около губ легли тяжелые складки.

Из армии Каледин ушел при генерале Брусилове, верховном главнокомандующем. Пришел в армию пресловутый приказ «№ 1», армии коснулось разложение. Появились генералы – «старые революционеры» и «социалисты от инфантерии и кавалерии». Каледин не захотел кланяться комитетам и тихо ушел из армии.

И только в августе во время «мятежа» обмолвился кругу, что ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур опустил поводья армии. Но и то сказал мимоходом, когда, как на духу, исповедовался кругу. Тогда же сказал, что даже для военного министра Гучкова, его отставка явилась неожиданной.

Из армии Каледин поехал на Дон, усложненный за судьбу своей 8-й армии, которую сдал Корнилову. В Новочеркасс Каледин приехал во дни 1-го войскового круга. И только появился на круге, как его обласкали овациями.

Только что разбудил Митрофан Богаевский дремавшее два века казачество и оно жадно потянулось к своему Ивану Царевичу. Каледин приветствовал круг, сказал несколько слов, но судьба его была уже решена. 17 июня 1917 года Алексея Максимова позвали на круг – в театр и здесь на подмостках летнего театра начался первый акт трагедии Каледина и, пожалуй, трагедии всего Дона.

Каледину вручили пернач атамана Войска Донского. И будущий «гроза революции», «генерал контрреволюции» и «враг народа» низко склонил голову и тихо сказал: «Слушая приказ войскового круга и низко кланяюсь ему. Только во внимание к выборному началу принял я этот почетный и тяжелый пост. В течение последнего месяца, беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно, а не только на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь. Не опускайте руки перед насильниками».

Итак, первое слово Каледина, «атамана контрреволюции», было о спокойной жизни, о свободе личности. Дон истосковался уже тогда по порядку. Случайные люди сидели в комитетах и ставили вверх дном весь быт, весь уклад жизни, такой своеобразный. И старики потянулись к Каледину. Слышал я первые слова Каледина в передаче старика-казака в далекой станице. «подходим это мы к Алексею Максимовичу и говорим ему: - Ты уж нас держи во! – и кулак зажатый показываем. А он, Гинденбург – то наш, никогда не смеется, а тут улыбнулся и говорит? – не беспокойтесь. И уехали мы спокойные. Он не распустит вожжей».

Товарищем атамана того же 17 июня круг избрал Митрофана Богаевского. Красноречивое дополнение к молчаливому Каледину. Сбылась мечта Богаевского. Он воскресил казачью сказку, нашел Ивана Царевича. Воевал Иван Царевич, отвык от казачьего быта, он, Митрофан Богаевский, укажет ему путь и тропочки, по которым ходило казачество два века назад. Жило по вольной волюшке.

Богаевский поклонился кругу и сказал немного, но что сразу создало ему имя «подозрительного по революции»: «Я всегда был верным сыном России, неотделимой частью которого является Тихий Дон. Я всегда придерживался прогрессивных взглядов, но был врагом партийных хомутов». Вся Россия в то время была в партийном хомуте, а Богаевский дерзнул сказать роковое – «без хомутов».

В Новочеркасске знойным днем 18 июня на Соборной площади, которую стережет громадный бронзовый Ермак, покоритель Сибири, воскресала седая старина, воскресали допетровские обычаи. Войско Донское на параде обратилось с приказом-грамотой к атаману Каледину.

«Грамота от 1-го войскового круга всею Великою Войска Донского избранному вольными голосами войсковому атаману нашему природному казаку генералу и георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Каледину. По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенного волею царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленного, избрали мы тебя нашим войсковым атаманом. Подтверждая сию грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление великим войском Донским в полном единении с членами войскового правительства, избранными также вольными голосами войскового круга. Руководством к законному управлению в войске нашем должны служить тебе, наш атаман, постановления, утвержденные войсковым кругом, в соответствии с общегосударственными законами».

После грамоты, которую читал самый голосистый депутат круга Дувакин, говорил Богаевский: «Войско Донское постановило считать тебя своим атаманом».

Грамота, написанная по обычаям древней обыкновенности, старое «ты» вместо «вы», старые казачьи знамена, бунчуки и пернач, вынесенные из музея для пер-

вого парада. Таков был реквизит воскресенья 18 июня в Новочеркасске. Наглядное обучение истории.

Это Митрофан Богаевский шелестом старых закопченных в боях знамен хотел заглушить шумный говор всероссийского митинга, шорохом пожелтевших страниц старой казачьей истории отпугнуть новые слова, витавшие и над Новочеркасском, новые и чужие слова: «Контрреволюция, декларация, федерация».

Под сенью старых, изорванных в боях знамен, на Соборной площади в городе Платова стоял сугуловатый угрюмый Каледин и грустно улыбался в знойный день июня. С перначом в руках обходил редкие ряды казачьих полков, а за ним шел Митрофан Богаевский. До вечера не затихало в Новочеркасске «ура» первым избранникам Дона.

Сказка воскресла. Город Платова стал городом Каледина, городом стройных тополей и нежных акаций.

А для Троцкого – русским Версалем, русской Вандеей.

«Начало Калединского мятежа» [Н. Курмышский, с. 10 – 11].

С утра 29 августа 1917 года было душно и жарко. Тяжело дышалось в раскаленной атмосфере, словно перед грозой. И гроза пришла, но не божья, освежающая жаждущую землю, обновляющая ее творческую силу обильным ливнем.

Пришла в этот памятный день 29 августа гроза . . . «керенская», чуть было не полившая Донскую землю кровавым дождем, чуть не посыпавшая ее градом чугуном и свинцовым.

Пришла эта гроза неожиданно-негаданно, и так пока и осталось невыясненным, зачем понадобилось Керенскому клеветать на рыцаря чести и долга Каледина и поднимать против Дона целых два военных округа – московский и казанский, посылать «экспедиции» для поимки «мятежника» и производить прочую «игру в солдатики», которая могла бы очень дорого обойтись и Дону и России, если бы донское казачество оказалось «скорбным главой».

Но за немногими исключениями (в семье не без уroda) донские казаки, в лице их избранников-старшин войскового правительства и членов круга первого созыва – оказались не только хорошими «земскими деятелями», но и спокойными уравновешенными политиками, сумевшими сказать Петрограду свое «слово твердо» так решительно, что у Керенского отпала охота воевать и он сообразил, что в его поступке имеется состав преступления, именуемого клеветой и провокацией. Правда, Керенский не позволил себе всенародно покаяться в своем грехе, но, когда его, Керенского, не стало, в Новочеркасске появился было адвокат Керенский и попробовал «покончить дело примирением сторон», но это ему не удалось: вожди казачества отказались с ним разговаривать.

Но под влиянием столь живых еще воспоминаний о позорнейшей странице истории керенской России пишущий эти строки увлекся и забежал вперед, уклонившись от своей задачи – рассказать, как начался первый «Калединский мятеж» в Новочеркасске.

Каледин отсутствовал. Он поехал в северные округа, чтобы познакомиться на месте с тремя тогдашними злобами дня.

Первая – надвигавшийся голод вследствие неурожая.

Вторая – в связи с первой – все более развивавшееся тайное винокурение, считавшееся тайным лишь официально. На приготовление «дымки» уходили последние скудные запасы хлеба, и это обостряло продовольственный вопрос, а вместе с тем развивалось страшное пьянство. «Дымка» шла по дорогой цене в соседнюю Воронежскую губернию, а оттуда и в другие местности России. Выборные станичные и

хуторские власти опасались раздражать влиятельных избирателей и смотрели на «тайное винокурение» сквозь пальцы, в некоторых станицах дошло до того, что приговорами разрешали устройство винокурен, облагая их взносом в свою пользу.

Третья злоба дня – подготовка к выборам в Учредительное Собрание. Надо было выяснить положение дел на месте и побеседовать со станичниками, среди которых началась уже разлагающаяся работа большевистских агитаторов.

Каледин, вернувшись с Московского совещания, решил использовать для поездки несколько дней затишья в работе войскового правительства и уехал в сопровождении адъютанта.

Уехал и «как в воду канул». Скромно и без помпы, сопровождавшей поездки прежних наказных атаманов, выборных войсковой атаман объезжал северные стражи, а войсковое правительство даже и не знало, где именно в данный момент находится его глава.

В этом случае сказалась административная неопытность войсковых правительств, которая привела к очень печальным результатам, если бы не вера М.П. Богаевского в рыцарскую честность Каледина.

Утром 29 августа Петроградское Агентство прислало в редакцию «Вольного Дона» следующую циркулярную телеграмму:

“От атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом”.

Редактор С.П. Черевков пришел в недоумение. Агентство – правительственное, под непосредственным руководством самого Керенского. Лгать оно, как будто, и не может . . . А с другой стороны – ожидать от Каледина подобного шага тоже нельзя было. По крайней мере, без ведома и согласия войскового правительства, председателем которого был войсковой атаман. “А может быть”, – толковали в редакции, – “в телеграмме и правда, Каледин близок к Корнилову, тот его недавно приглашал в походные атаманы . . .”.

Решили разузнать, как на телеграмму смотрит войсковое правительство. Я давал в газету отчеты о его заседаниях, и поэтому мне и пришлось идти «на разведку». В областном правлении была обычная летняя сонная атмосфера, чиновники писали бумаги, отмахиваясь от мух и мечтая о прелестях жизни на лоне природы . . . Долготерпеливый секретарь Э.П. Фомин по обыкновению старался разъяснить бесплодным кандидаткам в пенсионерки, в каком фазисе находится их дело. Старушки слушали, умиленно кивали головами, а в заключении говорили: “А все таки, ваше благородие, все от вас зависит . . .”.

Вхожу в зал заседаний. И тут легнее настроение. Жарко и уныло . . . На стенах зияют золоченые рамы без царских портретов. За большим столом сидят члены правительства и слушают «мухоморный» доклад одного из советников.

М.П. Богаевский нетерпеливо ерзает на председательском месте. Народный трибун чувствует себя не в своей тарелке в роли бюрократа, выслушивающего канцелярский доклад. Я подхожу к М.П. и рассказываю ему содержание телеграммы о Каледине. “Господа”, обращается Богаевский к старшинам – “получена какая-то странная телеграмма агентства, будто генерал Каледин выступил против временного правительства. Я решительно ничего не понимаю, это черт знает что такое! Алексей Максимович мне ничего об этом не говорил. Нет, по-моему, это ерунда! . . .”

Один из членов правительства заметил: “А если телеграмма верна, что тогда делать?”

Тогда М.П. Богаевский предложил обсудить вопрос в закрытом заседании, и правительство заперлось в кабинете б. младшего помощника атамана. Пока не прие-

хал Каледина, правительство так и не заседало иначе, как запершись. Столь необычное поведение не могло не вызвать в публике подозрение, что «дело нечисто . . .».

На закрытых заседаниях шли споры. Часть членов правительства требовала ареста Каледина, но большинство не верило «мятежу» и разделяло мнение М.П. Богаевского. Что надо выждать Возвращения атамана, а пока призвать население к спокойствию. Один из старшин «дипломатически» заболел, решив выждать, когда «все образуется» . . .

А тем временем неудачный донской Наполеон Голубов старался «отличиться» пред Керенским и арестовать «мятежника» Каледина. Но Голубову повезло меньше, чем другому кандидату в Наполеоны Верховскому, который за «поход против Дона» получил, если не маршальский жезл, то хотя портфель военного министра.

«Последнее воззвание А.М. Каледина» [с. 11].

Многие склонны думать, что атаман А.М. Каледина обрек себя на смерть еще в декабре и ссылается на его слова на декабрьском круге, когда он был в третий раз избран атаманом: "Теперь у нас с вами союз не на живот, а на смерть. Если хотите сохранить казачье лицо – ваш слуга до конца".

28 января, накануне трагического конца, по приказанию А.М. летчики разбрасывали над станицами и хуторами последний призыв атамана. Атаман был всегда скромен и тих. Остался верен себе он и на этот раз. Это воззвание не попало ни в «Вольный Дон», орган войскового правительства, ни в другие издания. Из Ростовских газет оно промелькнуло в «Ростовской Речи» и прошло совершенно незамеченным. А для историй дней Каледина, для характеристики самого атамана, это воззвание говорит очень много.

«Граждане – казаки ! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их продвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников угрожают станице Каменской и ст. ст. «Звереве» и «Лихая». Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и часть его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандами красногвардейцев, из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын - Себряково, прекратив совершенно всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперский и Усть-Медведицкий округа.

В слободе Михайловке при ст. «Себряково», произведено избиение офицеров и администрация, причем погибло до 80 одних офицеров.

Развал стрелевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полковых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

В таких обстоятельствах до завершения начатого реформирования полков, с уменьшением их числа, и оставлением на службе только четырех младших возрастов, войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг пред родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь с борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах.

Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача – довести управление областью до созыва и работы 4 февраля войскового круга и съезда казацкого населения – выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка! И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу пред Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только пред кругом*.

«Смерть А. М. Каледина» [с. 12].

На день смерти А. М. Каледина – 29 января Донскую область представляла только часть Черкасского округа – остальной край и вся Россия были отрезаны от Новочеркасска и не знали подробностей кончины Донского атамана. Досужие люди создали много версий, а иные уверяли даже, что атаман Каледина жив и скрывается, а вместо себя похоронил юнкера. В столичной «Вечерней Звезде», например, нам довелось читать такую повесть о последнем дне Каледина:

«Генерал Каледин после его разрыва с частью войскового правительства, редко приглашался на заседания и только 31 января в день его самоубийства он по приглашению помощника главного атамана Богаевского, принял участие в заседании войскового правительства. К моменту приезда на заседание Каледина в войсковом правительстве обсуждался дальнейший план военных действий. Савинков делал доклад о ходе военных действий, из которого выяснилось, что большевики заняли целый ряд пунктов и окружили область с трех сторон: Ростову грозит опасность со стороны Кавказа, побережья Дона и Екатеринославской губернии. После этого доклада приверженцы Каледина заявили его противникам, что Каледин был прав, отстаивая оборонительный характер действий.

Каледин, прибывший в это время на заседание, молча выслушав сделанное сообщение, уселся рядом с Богаевским, атмосфера на заседании все накалялась, атаман Назаров предлагал самые отчаянные меры для спасения Дона от вторжения большевиков. Во время его речи прибыл гонец от генерала Алексеева с требованием присылки подкреплений на ростовско-воронежский фронт. Это требование ошеломило многих членов войскового правительства и они заявили о сложении своих полномочий. Положение создалось критическое. Назаров, игравший на

этом заседании первую роль, предложил Каледину обстоятельно высказаться, на что генерал Каледин лаконически ответил: *«Уже поздно. Я не атаман Каледин и не ваш военный начальник. Время покажет свое».*

После этого генерал Каледин встал, стал взволнованно ходить взад и вперед, затем вышел в соседнюю комнату и двумя выстрелами покончил с собой.

Самоубийство Каледина произвело сильное впечатление на членов войскового правительства. Похороны генерала Каледина будут обставлены торжественно. Казачество собирается отдать последний долг по всем правилам казачьих традиций”.

Правдивого в этих строках столичного «души – Тряпичкина» только одно: фамилия донского атамана, действительно – была Каледин.

Но это сообщение облетело все газеты и многие не знают, как умер первый донской выборной атаман. На страницах «Вольного Дона» покойный М.П. Богаевский напечатал красивый и, кажется, единственный законченный очерк – «29 января 1918 года», в котором правдиво и полно излагает конец атамановых дней.

Мы ниже печатаем этот очерк, тем более, что не только Россия, но даже и родной Дон, охваченный в то время воинствующим большевизмом, не читал очерка М.П. Богаевского.

Помимо правдивого и точного изложения событий, очерк весь пропитан ароматом души донского трибуна.

«29 января 1918 года». [Митрофан Богаевский, с. 12 – 13].

Это число в истории Дона останется навсегда. В этот день в 2 ½ дня кончил свои дни первый выборной атаман Войска Донского Алексей Максимович Каледин.

6 месяцев и 10 дней был я при нем в должности товарища Войскового Атамана и на свежую память теперь же считаю своим долгом рассказать, как все произошло.

Кроме заседаний. Я обычно виделся с А.М. два раза в день: утром приходил за распоряжениями и для осведомления, а вечером в 6 – 7 часов докладывал о ходе заседаний, работе и т. д. В экстренных случаях он вызывал меня из квартиры, а я знал, что случись что-нибудь недоброе. Так было и в это роковое утро.

Пасмурный день с ветром и холодным дождем нагонял тоску, сумрачно было в кабинете А.М., подавлен и уныл был он сам. Поздоровавшись, передал телеграммы, из которых было ясно, что дела наши совсем невеселы: почти все окружные станицы в руках большевиков, частей нет, добровольческая армия собирается уйти с Дона, формирования дружин идут очень вяло.

А.М., познакомивши меня с положением дел, потребовал немедленно созвать Объединенное правительство. До прихода членов правительства мы стали намечать вопросы для обсуждения. А.М. сказал мне, что его план сводится к следующему: в виду полной невозможности, за отсутствием людей защищать Дон, - сложить свои полномочия и принять меры к тому, чтобы власть перешла в руки какой-либо общественной организации, которая могла бы вступить в переговоры с большевиками, сохранить в городе порядок и не допустить до кровавых расправ.

Когда собрались члены правительства, А.М., стоя за своим письменным столом, прочитал телеграммы, кратко ознакомил с положением на «фронтах» и по области, а затем почти буквально сказал: “Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя снимаю”.

Затем он предложил без длинных речей наметить, что делать. Я в немногих словах дополнил сказанное А.М. о тяжести нашего положения и также сложил с себя полномочия, так как ни у А.М., ни у меня уже не было веры в то, что соберется Войсковой Круг: жизнь войска пришла в полное расстройство.

Никто из членов Объединенного Правительства не возражал против такой постановки вопроса и такого решения: в тот момент мы все были убеждены, что, имея за собой около 150 штыков, которые держали в своих руках, главным образом, дети – гимназисты, – сопротивляться – значит проливать много крови, вызывать жестокую расправу. А.М. и все мы считали невозможным оставаться у власти, которую население не признавало и относилось к ней враждебно.

Но мы, все-таки, обязаны были кому-то эту власть передать. Остановились на такой комбинации: временно ее возьмут: городская дума, Новочеркасское станичное правление и военный комитет; они могут по своему усмотрению, привлечь и другие организации. Были вызваны представители этих организаций и им было сказано решение Объединенного Правительства. После некоторых переговоров было решено, что эти организации в 4 ч. дня в гор. думе устроят совместное заседание для выработки дальнейшего плана действий. Когда обмен мнений по поводу организации новой власти несколько затянулся и принял неясные формы, А.М. настойчиво просил говорить короче и, выходя в другую комнату, с горечью бросил фразу, что от болтовни и Россия погибла.

Около половины 2-го закончилось заседание Объединенного Правительства, при чем постановление о передаче власти, рекомендованное А.П. Епифановым (бывший член Донского Объединенного Правительства от казачьего населения) и 2–3 раза прочитанное, никем подписано не было; произошло это без всякого умысла, второпях. Во время заседания А.М. был вызван по делу. Пользуясь его отсутствием В.В. Брыкин (бывший эмиссар от казачьего населения в Правительстве, доктор. Погиб от руки неизвестных убийц вскоре после смерти А.М. Каледина) сказал небольшую речь, в которой характеризовал А.М., как большую государственную величину и настаивал на необходимости спасения А.М. от самосуда большевиков. Члены правительства отнеслись к этой мысли весьма сочувственно. В это же время группа офицеров независимо от правительства принимала меры к осуществлению этой же мысли.

После заседания Объединенного Правительства А.М. просил остаться Войсковое Правительство, членам его он дал некоторые поручения, касающиеся денег, находившихся в его распоряжении. Это были деньги, предоставленные разными, по большей части неизвестными лицами в безотчетное распоряжение А.М. на его усмотрение. Абсолютно никаких казенных и войсковых денег, конечно, у него на руках не было. Мне лично он передал пакет с несколькими десятками рублей, которые были найдены у него в кабинете на полу и велел их присоединить к благотворительным суммам.

Около половины 3-го стали расходиться члены Войскового Правительства. Во дворце становилось тихо и жутко. Я несколько раз хотел подойти к А.М. и попрощаться с ним, как с бывшим Атаманом, но каждый раз что-нибудь мешало. Я спустился вниз в свою квартиру, но уже чрез несколько минут был вызван криком войскового есаула Г.П. Янова: "М.П., Алексей Максимович застрелился" . . .

Я бросился вверх, пробежал чрез большой кабинет и вбежал в маленькую комнату рядом с ним, где обычно жил брат А.М. Посредине комнаты стояла деревянная небольшая кровать, а на ней лежало еще теплое тело Атамана Каледина . . .

Когда наверху никого не осталось, А.М. видимо, стал искать Марию Петровну, подошел к столу, где она вела деловой разговор с посетителем, глянул в дверь и быстрыми шагами прошел чрез зал и кабинет в комнату. Снял туужурку и шейный георгиевский крест, лег на кровать и выстрелил в сердце из большого револьвера системы Кольта. Пуля обожгла белую рубаху, пронзила А.М. насквозь, прошла через тюфяк и

матрац, расплющилась о железную решетку кровати и была мною найдена на полу (передана в музей). Выстрела, благодаря коврам на полу, слышно не было, но в комнату очень скоро вошли Мария Петровна и денщик А.М.

Крик М.П. заставил чуть живого А.М. повернуть голову и слегка приоткрыть глаза. Но уже не было в них жизни. На кровати уже лежал труп Атамана. В белой рубахе, в подтяжках, в казачьих брюках с лампасами и высоких со шпорами сапогах лежал он, закинувши голову на подушке и со скрещенным на груди руками. И никто ему их не складывал, а сам он, очевидно, выстрелив, имел силы так сложить их, вытянуть ноги и выпрямиться во весь рост. Лицо было совершенно спокойно, смерть наступила быстро и не терзала его так, как 6 месяцев делали это с ним русские люди, а особенно донские братья – казаки . . .

На кровати рядом лежал большой револьвер: он помог Атаману не дожидаться зверской расправы большевиков над собой. Уже не верил Атаман своему великому войску Донскому, не верил, что донские казаки не выгадут его на расправу лютым палачам, не захотел допустить позора выдачи и поругания, ибо «с чистым именем он пришел, а с проклятиями должен был уйти».

Я пришел в гостиную, окна которой выходят на восток: из них видны займище, задонские станицы и степи. Плакал хмурый холодный день, а над Доном вал за валом медленно ползли свинцовые синечерные тучи, и не летние грозы с теплым дождем они несли: зловещие – жуткие тянулись они над Доном и сулили ему горе, смерть и разорение . . .

А эхо страшного выстрела уже гулко отдавалось по всему Дону и донским степям и рекам, и ликовал враг, и торжествовала буйная казачья молодежь, и лишь старые казаки сердца чутко прислушивались к этому эху и недоброе почуяли они: донские казаки сами загубили своего лучшего рыцаря – казака, первого выборного Атамана. Протяжно гудит старый соборный колокол: еще недавно звал он на вольный круг, а теперь, говорят, звонит он по душе Атамана, Алексея Каледина, говорят и другое: что звонит колокол похоронный звон по донскому вольному у казачеству.

«А по-над Доном в час ночной тихо реют тени прежних атаманов,
Славный честью боевой».

В ночь с 29-го на 30-е прибавилась еще одна тень, и алая кровь сочится у нас из сердца. Это тень атамана – мученика Алексея Каледина . . .

«Одна ночь». [В. Курганов, с. 14].

29 января . . . На улице, в длинных коридорах областного правления чувствуется какая-то тревога, все куда-то торопятся, на – ходу слышатся отрывистые фразы, которые не сразу поймешь, не сразу уловишь. Еще ничего не случилось, но сердце сжимают какие-то предчувствия.

В 4 часа в кафе к столику, за которым мне пришлось сидеть с приятелями, подошел торопливый швейцар и шепотом спросил: «Правда ли, что атаман застрелился?»

Нет слов описать тот ужас, который посеяла эта весть. Скорее, на улицу, к дворцу атамана. Моросит мелкий дождь, белесое небо хмурится . . . Оно уже оплакивает атамана Каледина. Уныло падают капли небесных слез на мостовую, печально поникли своими ветвями деревья в сквере перед дворцом, в тоске мечутся люди по дворцовой площади, даже лошади как-то понуро поводят ушами. Незабываемая картина тоски по атаману и страха, отчаяния перед грядущим. Безысходно – унылая картина . . . Каледина нет. Горсть партизан, стерегущих дворец, окружает толпа, жадно глядящая на двери, за которыми скрыта пока тайна смерти атамана.

Толпа чук и серых шинелей. Толпа, враждебная Дону и его вождю. Под руками у многих мешки, в руках у иных корзины. Слетелось воронье. И как островки в толпе скорбные лица и печаль в глазах у немногих. У сквера, где летом за цветущей сиренью не видно порой атамана Платова, зовущего казаков на подвиг, на рюшечке точеная фигура кубанца. Не донца в чекмене, а кубанца в черкеске с выпавшими из чехол на груди юзьями. Срывающимся голосом в толпу он бросает гневные слова упрёка казакам за смерть атамана и зовет загладить вину перед мучеником. "Идите защищать Дон. За мной, сейчас, отсюда прямо пойдём брать винтовки и в поле, на врага!"

Из толпы слышится выкрик: "Хулиган!". Но толпу зажег кубанец. Она выталкивает ругателя. Готова растерзать его. Кубанец зовет идти за винтовками, просит простить ругателя, как он его простил. За кубанцем уходит горсть юношей, а вся толпа слушает иные речи и долго топчется у дворца.

Жуткая ночь. На Московской улице, где движение замирает далеко за полночь, в 10 часов вечера было пусто. И только изредка будит тишину окрик патруля: "Партизан, кто идет?"

Пусто в кафе. Одинокое торопливо допивают чай. В окно доносится пиликанье гармоники с пролетки проезжающего извозчика. И песенка гармоники звучит кощунством в такую ночь, когда во дворце спит мертвым сном Каледин, «единый за многих», а в станичном правлении, урюмом доме на углу Ермаковского проспекта, обречает себя на смерть другой – Назаров. Его просят черкасские казаки продолжить дело Каледина.

Поздней ночью с приятелем мне удается проникнуть во дворец. Пусто и тихо. В дежурной комнате внизу двое: полковник и молодой офицер. Не слышно шагов по ковру лестницы. Проходим в дворцовую церковь. В углу, завешенном черной материей, на полу спит монашенка в черной одежде.

Как-то сразу глаза останавливаются на этом черном углу, углу, где притаилась будто сама смерть в черной ризе. За аналоем другая монашка читает кофизмы, и слова, говоримые быстро – быстро, падают, как камни земли на гробовую крышку.

На столе – атаман. Бледное, но удивительно спокойное лицо. Смерть не исказила ни одной черты на его лице. Он все тот-же, с печалью за родной Дон, в нависших бровях. По бокам – почетный караул. Тихо и страшно.

Там, за 10 – 15 верст от города, гремят орудия, там кипит бой за право власти, здесь – спокойное лицо атамана, который отдал жизнь за свой народ.

Похороны Каледина . . . Его хоронили торжественно . . . Но я не забуду одного момента. От дворца атамана везли в катафалке по узкому переулку до Платовского проспекта. Катафалк был в тесном кольце почетной стражи. Толпа теснила провожающих. И узкая лента стражи с катафалком в середине казалась крадущейся в этом узком проходе.

Вместе с Калединым хоронили юнкера. Юноше Виктору Крупскому, отдавшему жизнь за Дон, суждено было пойти ординарцем в загробный мир при донском атамане Каледине.

Как всю жизнь, Мария Петровна Каледина была при нем. Не покидала его и мертвого, пока не отняла его у нее земля. Бабы в казаевцах глазели на атаманшу, повергнутую в печаль и беспощадными злыми глазами впивались то в лицо мертвого, то в атаманшу.

Неведомый офицер зафиксировал аппаратом Каледина в гробу, у гроба М.П. Каледину и те страшные лица баб, что были у гроба. Негатив увез заграничный корреспондент, а единственный оттиск остался у М.П. Калединой.

«Последний ординарец А.М. Каледина». [прив.-доц. И. Дьяков, с. 15]

31 января 1918 г., в горестный день похорон атамана А.М. Каледина, два катафалка, украшенные венками, медленно двигались к Новочеркассим «Елисейским полям»: один – катафалк генерала – героя и атамана – мученика, другой – катафалк какого-то еще военного, павшего смертью храбрых в жестокой гражданской войне. Но имя атамана – мученика было у всех на устах, имени же того, другого, кто был его ординарцем на тот свет, не знал почти никто.

“Какой-то офицер”. “Какой-то прапорщик, военный” – неопределенно отвечали на вопросы в толпе. Это малоизвестный публике спутник А.М. Каледина к месту последнего упокоения был поручик добровольческой армии Виктор Николаевич Крупский, тяжело раненый в кровавом бою под станицей “Гуково” и скончавшийся в Новочеркасском лазарете в один день с А.М. Калединым.

Безутешно скорбью отозвались сердца всех знавших В.Н. Крупского, на известие о его смерти. Всегда отзывчивый и приветливый, веселый и подвижный, он был лучшим другом, как в школьной, так и в служебной среде. Вот он гимназист Новочеркасской гимназии, – один из центров товарищеской веселости и оживления, скрашивающих полуказарменную жизнь: – чуждый учебного карьеризма и всегда любимый одноклассниками, по большей же части и учителями, вечно подвижный и маловнимательный обитатель одной из задних парт. Непременный член всех товарищеских заседаний и горячий участник споров, он был в напряженной атмосфере послереволюционной (1906 – 07 гг.) сосредоточенной мысли, одним из центров коллективного мышления.

О смысле жизни, о назначении человека, о путях добра и зла, о любви к ближнему и дальнему, о женщине и половом вопросе, об индивидуализме и мещанстве – все это было темой бесконечных дебатов дружеского «consiliuma».

Всегда чуткий и отзывчивый, Виктор Николаевич был тем, к кому шли за поддержкой, советом и утешением все, смолodu израненные лапами жизни. Не умеющий любить – умеет ненавидеть, и Виктор Николаевич до глубины своей души ненавидел все, на чем лежал отпечаток мещанства, душевной дряблости, сомнящейся убогости или нравственной нечистоты. “Бич мещан”, – называли его в товарищеской среде.

Затем наступили студенческие годы в Киевском университете, шумные и неясные, полные молодого задора, надежд и разочарований. Вспыхивает европейская война и, горячий патриот Виктор Николаевич, не окончив университета, добровольно поступает в Александровское Московское военное училище – и отправляется на фронт.

Среди боевой среды разразилась наша печальная революция и, полный любви к своему несчастному, темному, обманываемому народу, Виктор Николаевич напрягает все усилия своего ума и воли, чтобы удержать его на пути спасения. Убедением и личным примером, работой в вновь созданных армейских комитетах, он благотворно влияет на солдатские массы и имеет великое счастье быть одним из командиров тех последних героев, которые прославили имя свое уступлением 18 июня 1917 года.

Но процесс разложения солдатских масс прогрессировал все быстрее и падало влияние боевого товарища и патриота – офицера на помувившийся разум солдат. Пока, наконец, он «не получил» проходного свидетельства, куда глаза глядят – о том, что он «ни в каких контр-революционных замыслах замечен не был».

С этих пор Виктор Николаевич снова на Дону и, конечно, в первых рядах добровольческой армии. И тут, как везде и всегда, веселый и приветливый, он был лучшим другом всех, с кем сталкивала его судьба, - боевым товарищем – героем.

В последний раз я видел Виктора Николаевича в начале января текущего года в артиллерийских бараках Новочеркаска, где стояли первые батальоны формирующейся тогда добровольческой армии, за два часа до отправления его в опасную командировку, из которой он уже вернулся, кажется, со смертельной раной.

Это было тревожное время начала разложения фронтовых казаков, стоявших по соседству, от которых ожидали враждебного против «офицеров» выступления. Более молодые из боевых его друзей, - студенты, бывшие члены Московского комитета народно – социалистической партии, были в заметно угнетенном настроении.

И мы уверили их, не-казаков, что казаки этого себе не позволяют. "Ничего, раскачаются мало-помалу!" – сказал о казаках Виктор Николаевич. И, действительно, казаки «раскачались», - но гораздо позднее, чем этого ожидали.

Нашлись «казаки», которые все себе позволили, зато нашлись и не-казаки, - и много их, - которые, как В.Н. Крупский отдали жизни свои за свою Родину и Донскую землю. Слава им всем и В.Н. Крупскому, бывшему в их первых рядах!

«Могила А.М. Каледина». [с. 15 – 16].

Около могилы А.М. Каледина в дни торжества Советской власти на Дону было много самых разнообразных толков.

А если начать еще раньше, то много толков породила и сама трагическая и неожиданная смерть А.М. Каледина. Одна из бульварных газеток сообщила даже, что А.М. Каледин жив, спрятан в безопасном месте, а в гроб вместо него положен юнкер, павший в боях с красной армией.

Когда же в Новочеркасск пришла советская армия, то в столице Дона, а отсюда и по всему Дону понеслись слухи, что красногвардейцы надругались над могилой Каледина.

Говорили, например, что на кладбище явился войсковой старшина Голубов со своими казаками, разрыл могилу, показал казакам мертвого атамана, удостоверил его личность и приказал зарыть могилу. По другой версии, на кладбище приходили красногвардейцы, отрыли могилу, сорвали с мертвого атамана генеральские погоны – «подчинили его советской власти» и ушли. Все эти слухи были порождены досужей фантазией соседей кладбища, видевших отряды красногвардейцев, приходивших на кладбище.

Пришли красногвардейцы и потребовали указать могилу Каледина. Могилу показали. Красноармейцы решили ее отрывать, но их предупредили, что это не легкий труд. Могила цементирована, обложена кирпичом. "Что же, придется с ней возиться?" - "Да, придется повозиться". Красноармейцы «возиться» – работать не захотели и покинули кладбище.

После они или другие, но кто-то устраивал засаду на вдову А.М. Каледина – Марию Петровну и ей приходилось посещать дорогую могилу, ожидая каждую минуту нападения из-за угла.

«Каледин в карикатуре». [В.С., с. 16].

Злые и шаловливые карандаши художников – карикатуристов не трогали атамана Каледина. Несмотря на то, что имя его было «одиозным», несмотря на овации с

одной стороны и проклятия с другой – художники не рисовали Каледина, сатирические журналы чрезвычайно редко останавливались на фигуре и лице атамана.

Один из художников даже жаловался мне: "В Алексее Максимовиче не за что зацепиться".

Перелистывая ворохи журналов – «Сатирикон», «Бич», «Барaban», «Будильник» и др., я нашел только две карикатуры на Алексея Максимовича.

Одна – работа художника Тэдди и напечатана в ж. «Бич» за 1917 г. [помещена в статье, С.К.]. Заголовок «Казачья песня», внизу три куплета, написанные редактором «Бича». А.В. Амфитеатровым. Каледин в изумлении читает свой пресловутый «ультиматум», пожимая в недоумении плечами. Куплеты песни таковы:

Генерал наш Каледин

Получил депеш один:

"Для чего ты бунтовал?"

"Почему ты воевал?"

Отвечает генерал:

"Эка вздоры ты наврал!

На Дону – не Петроград.

Я Нахамкесу не брат.

Не Чернов, не партияк, -

Русский воин я «казак»!" . . .

В Петрограде жалкий стон,

И . . . хохочет тихий Дон!

Другая карикатура, к сожалению, карандаша донского казака известного московского карикатуриста Д. Моора. На рисунке уродливые лишённые минимального сходства, портреты Ленина и Каледина. Сверху над рисунком эпиграф: "По слухам, Ленин – Ульянов - казак из ст. Цымлянкой". Внизу надпись, которая не могла бы оскорбить донского атамана уже в силу своей чрезмерной грубости. Что-то вроде: "Два сапога – пара".

Из сатириков никто не писал о Каледине чего-либо обидного. Как-то сразу атамана согрели сочувствием. Несколько раз говорил о нем А.В. Амфитеатров.

Один раз в «Биче», говоря о гидре контр-революции, А.В. Амфитеатров пошутил: "Телеграфировали генералу Каледину: Если на Дону водится гидра, вышлите немедленно. За ценю не стоим. Отвечал: Гидры нет. Икра есть, балык осетровый только дорого. Не профершпильтесь".

Острил поэт д'Акриль, говоря о снах поправшей бабушки революции Брешко-Брешковской:

- И во сне послеобеденном,

Бредит бережно Калединым.

«Сатирикон» персонально атамана не трогал, хотя казачьих тем касался не раз.

Художники, приезжавшие в Новочеркасск, не раз брались за карандаши, что-бы зарисовать атамана на круге. А.М. Каледин быстро замечал их намерения и закрывал лицо рукой или еще чаще сжимал рукой подбородок. Таким – без подбородка, вышел он в наброске журналиста К. Треплева.

Художник Л. Кудин, чтобы нарисовать А.М. Каледина, должен был в союзники пригласить чуть-ли не весь состав войскового правительства во главе с М.П. Богаевским. Едва-ли не единственный раз М.П. Богаевский обманул Каледина, когда на третьем – декабрьском круге прятал за спиной художника, отвлекая от него внимание атамана. Союзником Богаевского был Бадьма Наратович Уланов, депутат степей в войсковом правительстве.

Но и этот рисунок не удался. А.М. Каледин некоторое время из скромности делал вид, что не замечает коварства Богаевского, а затем встал и ушел с круга.

Деникин о Каледине

Ю.А. Табунщиков любезно предоставил выдержки из книги А.И. Деникина «Очерки русской смуты» [Мн., Харвест, 2002, с. 191 – 198], предлагаемые ниже без каких-либо изменений.

* * *

Каледина я знал еще до войны по службе в Киевском военном округе. Тогда военная жизнь была проще и требования ее элементарнее. Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может, упрямый. Этим и ограничивались мои впечатления. В первый месяц войны 12-я дивизия, которой он командовал, шла перед фронтом 8-й армии Брусилова в качестве армейской конницы. Брусиллов был недоволен действиями конницы и высказывал неодобрение Каледину. Но скоро отношение переменялось. Успех за успехом дали имя и дивизии и ее начальнику. В победных репортажах Юго-Западного фронта все чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников; только двух, так как конница в эту войну перестала быть «царицей поля сражения» – графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно; другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это (вовсе не рисуясь – это выходило само собой) эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы; другой – просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоями шли. Неумолимая судьба привела их к одинаковому концу: оба, следуя совершенно разными путями, в последнем жизненном бою погибли на проволочных заграждениях, сплетенных х дикими парадоксами революции.

Наши встречи с Калединым носили эпизодический характер, связаны с воспоминаниями о тяжелых боях и могут дать несколько характерных черточек к его биографии. Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале октября 1914 года. Моя 4-я стрелковая бригада вела тяжелый бой с австрийцами, которые обтекали наш фронт и прорывались уже долиной Кобло в обход Самбора. Неожиданно я встретил на походе Каледина с 12-й кавалерийской дивизией, получившей от штаба армии приказание спешно идти на восток, к Дорогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни минуты перед неисполнением приказа кругого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой часть своих сил. По той быстроте, с которой двинулись эскадроны и батареи, видно было, как твердо держал их в руках начальник. В конце января 15-го года судьба позволила мне отплатить самборский долг. Отряд Каледина дрался в горах на Ужгородском направлении, и мне приказано было усилить его, войдя в подчинение к Каледину.

В хате, где расположился штаб, кроме начальника отряда собрались командир пехотной бригады генерал Попович-Липовац и я со своим начальником штаба Марковым. Каледин долго, пространно объяснял нам маневр, вмешиваясь в нашу компетенцию, давая указание не только бригадам, но даже батальонам и батареям. Когда мы уходили, Марков сильно нервничал: - Что это он за дураков нас считает ?

Я успокоил его, высказав предположение, что разговор относится преимущественно к Липовицу – храброму черногорцу, но малограмотному генералу. Но началось сражение, а из штаба отряда шли детальные распоряжения, сбивавшие мои планы и вносявшие нервность в работу и раздражение среди исполнителей.

... Дня через два приехал из штаба отряда офицер генерального штаба «ознакомиться с обстановкой». – А неофициально, говорит он мне. - Хотел доложить по одному деликатному вопросу. Вы не сердитесь. Генерал всегда так вначале недоверчиво относится к частям, пока не познакомится. Теперь он очень доволен действиями стрелков, поставил вам задачу и больше вмешиваться не будет. - Ну, спасибо. Кланяйтесь генералу и доложите, чтоб был спокоен: австрийцев разобьем.

Сильный мороз; снег по грудь; бой чрезвычайно тяжелый; уже идет в дело последний резерв Каледина – спешенная его кавалерийская бригада. Я никогда не забуду этого жуткого поля смерти, где весь путь, пройденный стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными фигурами с зажатыми в руках ружьями. Они застыли в тех позах, в каких застигла их вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти. Бригада растаяла.

Каледин не любил и не умел говорить красивых, возбуждающих слов. Но когда он два раза приехал к моим полкам, посидел на угесе, обстреливаемом жестоким огнем, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы возбудить их доверие и уважение. После тяжелых боев взята была стрелками деревня Лутовиско, центр позиции, потребовавший смерти многих храбрых, и отряд, разбив австрийцев, отбросил их за Сан.

Май 1916 года застал Каледина в роли командующего 8-й армией. Он сменил Брусилова, назначенного главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Назревала большая операция, первоначальные приготовления к которой сделаны были Брусилевым. И как это ни странно, но Брусилев, обаянный всей своей славой 8-й армии, почти два года пробывший в главе ее, испытывал какую-то, быть может, безотчетную ревность к своему заместителю, которая проглядывалась во всех их взаимоотношениях в дни побед, и еще более в дни неудач. Помню, как главнокомандующий прислал своего начальника штаба генерала Клембовского проверить подготовку ударного фронта 8-й армии, выразил в приказе неудовольствие и потом приписал участию Клембовского весьма преувеличенное значение в успехе операции, наградив его георгиевским оружием. Позиции моей дивизии посетили и Клембовский, и Каледин. Первый был необыкновенно учтив и высказывал удовольствие от всего виденного; а потом вдруг в приказе Брусилова появилось несколько неприятных замечаний. Это казалось несправедливым, направленным через наши головы в штаб армии, а главное – ненужным: своего опыта было достаточно, и все с огромным подъемом готовились к штурму. Второй приехал, как всегда, угрюмый; тщательно осмотрел боевую линию, не хвалил и не бранил, а уезжая сказал: - Верю, что стрелки прорвут позицию. В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для дивизии.

В конце мая началось большое наступление всего фронта, увенчавшееся огромной победой, доставившее новую славу и главнокомандующему и генералу Каледину. Его армия разбила наголову 4-ю австрийскую армию Линцингера и в 9 дней с кровавыми боями проникла на 70 верст вперед, в направлении Владимира-Вольнска. На фоне общей героической борьбы не прошла бесследно и боевая работа 4-й стрелковой дивизии, которая на третий день после прорыва австрийских позиций у Ольки ворвалась уже в город Луцк.

В июне и июле шли горячие бои в 8-й армии, но к осени, после прибытия больших немецких подкреплений, установилось какое-то равновесие . . .

Но Брусилев был неумолим, и Каледин приказывал повторять атаки. Он приезжал в корпус на наблюдательный пункт, оставался по целым часам и уезжал мрачнее тучи, ни с кем из нас не поведавшись. Брусилев не мог допустить, что 8-я армия – его армия – топчется на месте, терпит неудачи, в то время как другие армии – Щербачева и Лечицкого – продолжают победное движение. Я уверен, что именно этот психологический мотив заслонял собою все стратегические соображения. Брусилев считал, что причина неудачи кроется в неадекватной настойчивости его преемника, и несколько раз письменно и по аппарату посылал ему резкие, обидные и несправедливые упреки. Каледин нервничал, страдал нравственно и говорил мне, что рад бы сейчас сдать армию и уйти в отставку, как бы это не было тяжело для него, но сам уйти не может – не позволяет долг. После одного неудачного штурма и очередного неприятного разговора с главнокомандующим Каледин пригласил нас – пятерых кор-

пусных командиров – к себе. Не предлагая сесть, чрезвычайно резко и сурово осудил действия войск и потребовал прорыва неприятельских позиций во что бы то ни стало. Через несколько дней – новый штурм, новые ручьи крови и... полный неуспех.

Когда на другой день я получил приказ по армии «продолжать выполнение задачи», в душу невольно закралось жуткое чувство безнадежности. Но через несколько часов Каледин прислал в дополнение к официальному приказу частное «разъяснение», сводившее все общее наступление к затяжным местным боям, имевшим характер исправления фронта. В первый раз, вероятно, суровый и честный солдат обошел кривым путем подводный камень воинской дисциплины. Боевая деятельность на фронте армии с этого дня постепенно начала замедляться.

Когда вспыхнула революция и в армию хлынули потоком роковые идеи «демократизации», Каледин органически не в состоянии был не только принять «демократизацию», но даже подойти к ней. Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитетные выразили протест, а Брусилов, окончателно запугавшегося в демагогии. Но по требованию комитетов Цуриков был оставлен. Тогда я, будучи весной начальником штаба Верховного, предложил Каледину 5-ю армию на Северном фронте и вошел в соответственные отношения по этому поводу. Но генерал Драгомиров отстаивал своего кандидата Юрия Данилова. Верховный не поддержал меня, и для генерала Каледина, давшего армии столько славных побед, не нашлось больше места на фронте. Он ушел на покой в Военный совет.

Вновь назначенный главнокомандующий Румынского фронта генерал Щербачев согласился было предоставить Каледину 6-ю армию вместо Цурикова, окончателно запугавшегося в демагогии. Но по требованию комитетов Цуриков был оставлен. Тогда я, будучи весной начальником штаба Верховного, предложил Каледину 5-ю армию на Северном фронте и вошел в соответственные отношения по этому поводу. Но генерал Драгомиров отстаивал своего кандидата Юрия Данилова. Верховный не поддержал меня, и для генерала Каледина, давшего армии столько славных побед, не нашлось больше места на фронте. Он ушел на покой в Военный совет.

Когда из Петрограда Каледин ехал на Дон и его спросили, согласится ли он принять пост Донского атамана, на который его выдвигают донские деятели, он ответил: - Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь; но то, что будет – это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитеттики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда.

Но избранный огромным большинством голосов, после неоднократных отказов Каледин сдался. И 18 июня Донской круг постановил: «По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенному волею Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим войсковым атаманом».

Каледин принял власть, «как тяжелый крест». Он говорил: - Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями...

Русский патриот и Донской атаман. В этом двойственном бытии – трагедия жизни Каледина и разгадка его самоубийства. Этот всей революционной демократией и темной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый человек проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции. В этом было его моральное оправдание и политическое бессилие. Он мыслил и чувствовал, как русский патриот; жил в эти месяцы, работал и умер, как донской атаман. Каледин ставил перед собой государственные задачи так же ясно, как Алексеев и Корнилов, и не менее страстно, чем они, желал освобождения страны. Но в то время, когда они, ничем не связанные, могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь – всюду, где можно было найти отклик на их призы, Каледин – выборный атаман, относившийся к своему избранию как к некоему мистическому предопределению, кровно, связанный с казачеством и любивший Дон, мог идти к общерусским национальным целям только вместе с донским войском, только возбудив в нем порыв, подняв чувство если не государственности, то, по крайней мере, самоосвобождения. Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушел из жизни.

Ждать исцеления Дона у него не было сил.

Из журнала «Донская волна»

Статья К. Треплева «Поход Каледина на Ростов» [№4, с.12–13]

"Поход на Ростов в ноябре – декабре 1917 года – последняя боевая страница в биографии генерала Каледина. Под Ростовом закончилась боевая эпопея славного донского атамана – и начался трагический путь на атаманскую Голгофу.

Последние дни атамана полны неудач. Кто знает, что пережил и передумал атамана за эти дни? Казаки отвернулись от своего избранника, - как говорил Митрофан Богаевский: "Казаки пошли разно", - и он остался в трагическом одиночестве.

Под Ростовом атаман Каледин сражался с большевиками, которые были прекрасно снабжены пулеметами, - имея в своем распоряжении небольшой отряд из мальчиков-кадет, молодых юнкеров и офицеров. Простых казаков с атаманом почти не было. Казаки заявляли своему атаману:

- Не желаем идти.

Мальчики проявляли чудеса храбрости, проливали кровь, дети защищали родные степи, с оружием в руках поддерживая былинную славу донского казачества, его вольность.

Было тяжело и обидно. И эта обида слышалась в словах ген. Алексеева, который после похорон солдат молодой "калединской гвардии" павших на поле брани смертью храбрых, - говорил о донских казаках:

- Вы, знаете, какой бы я им поставил памятник? Грубый гранит – громадная глыба, а наверху: разоренное орлиное гнездо с мертвыми орлятами. И сделал бы надпись: "орлята умерли, защищая родное гнездо, где же были орлы, донские казаки?"

Калединские орлята умирали за свободу Дона; донские орлы – митинговали. Они голосовали: идти или не идти за атаманом Калединым? Атаман не стал ждать своих "верных" сынов – и с мальчиками смело пошел на Ростов. И Ростов был взят. Как говорил атаман Каледин: "без лишних жертв..."

* * *

Трудно было сделать первый шаг. Тяжело было атаману идти на Ростов. На декабрьском круге Каледин признался:

- Нужно сказать, что к моменту начала военных действий, отношения чрезвычайно обострились, но всеми силами старались оттягивать этот момент. Было страшно пролить первую кровь.

"Страшно пролить первую кровь". Но для спасения Дона надо пролить кровь брата – и атаман с тяжелым сердцем согласился на это. Каледин и верный оруженосец Митрофан Богаевский мучились этой кровью, искали оправдание в том, что была пролита кровь брата.

На круге Митрофан Богаевский оправдывался:

- Я с тоской и мукой стоял над гробом тех юношей, которых мы похоронили. Я искал ответа: лежит ли эта кровь на моей душе? – и говорил: да, лежит. Но пусть лежит не на мне только одном. Я принимаю ее на свою душу, но если потребуется моя кровь, то я отдаю ее за казачество. К этому я готов...

- Нет, не преступление то, что мы делаем, а осуществление гражданского долга. Мы, рискнувшие на этот шаг, совершаем его во имя тех целей, которые надо достигнуть во что бы то ни стало. Я не стану вас призывать проливать свою и чужую кровь. Но когда приходят чужие и отнимают у нас Ростов, я заявляю: не боюсь я этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час России, а мы и Россия еще не хотим умирать...

Перед тем, как сделать первый шаг, поднять знамя вооруженной борьбы с большевиками, правительство Каледина искало путей соглашения. "Страшно пролить первую кровь", не мечом, а миром хотело оно разрешить наболевшие вопросы. Но мира не было; революционная демократия не хотела пойти на уступки. Дело шло к кровавой развязке. Со всех сторон над свободным Доном собирались черные тучи. Крыленко объявил правительство Каледина "вне закона", большевики из Дона пытались создать Вандею (хороша Вандея без вандейцев!), шел постыдный торг с украинским военным министром Петлюрой о пропуске советских войск на Дон, в Ростов прибыло несколько траллеров. Ростовские большевики, опираясь на черноморских матросов, требовали от правительства Керенского, чтобы власть была передана им.

И свершилось то, чего страшился Каледин. О том, как началась борьба с большевиками на Дону свидетельствуют слова атамана:

- Когда генерал Потоцкий получил сведения, что в ночь готовится арест всех общественных организаций, он решил встретить удар контр-ударом: арестовать военно-революционный комитет. Выступление с обеих сторон прошло почти одновременно. Кто сделал первый выстрел – установить трудно. Первая жертва была с нашей стороны: был убит поручик Фесенко, первым вошедший в помещение военно-революционного комитета.

Жребий был брошен – Рубикон перейден. Когда атаман Каледин "перешел Рубиков", то выяснилось, что переходить было не с кем. Ибо трудно было собрать воедино мигнирующие войска. Казаки торговались: выступать им или нет. Кое-как сбит отряд из молодежи.

Атаман с горечью отвечал в своем докладе.

- Ростовский гарнизон сначала держался хорошо, но в конце-концов сдался. А наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей. После 28-го ноября произошел перелом, но так как в нашем распоряжении находились небольшие силы, а у противника были пулеметы, то во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка.

И дальше докладывал атаман:

- У генерала Назарова была артиллерия, что помогло обойтись без лишних жертв. Три батареи пошли сразу, а две подтягивались с трудом. К 28 ноября подготовка была закончена. Наши части были разбиты на три колонны. Первую колонну составлял отряд полковника Кучерова, в состав которой входили юнкера и курсисты. Вторую – отряд полковника Богаевского и третью – конный отряд генерала Краснова: у него собралось около 11 сотен, конечно, небольшого состава. Эти три колонны двинулись одновременно на Ростов с трех сторон...

После артиллерийской подготовки, ловким стратегическим маневром, неожиданным для большевиков, Ростов был взят войсками Каледина. Большевики бежали в панике, бросая оружие, спасаясь на траллера. Конечно, первым бежал военно-революционный комитет в полном составе. Атаман Каледин, которому страшно было пролить кровь, который действовал наверняка, чтобы избежать лишних жертв, победоносно вошел в город при всеобщем ликовании, но победа его не радовала.

Лицо атамана было грустным, брови сурово сдвинуты, на сердце лежала тяжелая скорбь и тот, кто видел тогда атамана, понимал, что молчаливый Каледин переживает тяжелую трагедию.

- Ему пришлось пролить братскую кровь.

Но, как солдат долга, он свято исполнял свои обязанности. Счастье Дона – превыше всего. Наступая на Ростов, он шел впереди цепи, как всегда низко опустив голову, ежеминутно рискуя быть сраженным пулей, но, не заботясь об этом, шел и думал о тех, с кем сражался.

- Страшно пролить кровь.

- Надо действовать так, чтобы меньше было жертв.
Но жертвы были, но кровь пролита, - и тяжело было на сердце атамана.

* * *

Я помню атамана Каледина, когда он на автомобиле, после разоружения пехотного полка медленно проезжал по Большой Садовой. Улица была запружена ликующим народом. Автомобиль с трудом продвигался вперед. Атаман, словно не обращая никакого внимания на то, что делалось кругом, сидел не двигаясь, погружившись в молчаливую думу. Толпа задержала автомобиль. Атаману устроили овацию. Аплодисменты, крики "ура", цветы. По приказанию атамана автомобиль был остановлен: Каледин сделал властный жест рукой, толпа замолчала.

- Мне не нужно устраивать оваций, - сказал атаман, напрягая голос так, чтобы все его слышали. - Я не герой - и мой приход - не праздник. Не счастливым победителем я въезжаю в Ваш город. Была пролита кровь и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданский долг, - и тихо добавил: - оваций мне не нужно.

Толпа молчала, почтительно расступилась, пропуская автомобиль с атаманом; скоро атаман скрылся...

На другой день один из молодых "гвардейцев" Каледина рассказывал мне о том, как был разоружен пехотный полк, который держал нейтралитет.

- Атаман Каледин с адъютантом смело направился к казармам. Наши передовые цепи далеко ушли вперед. Атаман не побоялся ни предательского выстрела, ни того, что его могут поднять на штыки. Он вошел в казармы и приказал солдатам сдать оружие, обещая им полную безнаказанность, если они исполнят его приказание. Солдаты молча сдали атаману оружие.

И после минутного молчания мой собеседник прибавил:

- Он один разоружил целый полк. Так поступает тот, кто умеет повелевать. Он пришел - и властно приказал - и его не посмели ослушаться.

* * *

Конечно, то, что я рассказал - небольшие штрихи, но они очень характерны для оценки того Каледина, вокруг которого сплетали венки чудовищных легенд.

Простота и благородство, смелость, рыцарская честность и отсутствие красивых жестов, сознание своего долга - эти качества всегда были присущи атаману Каледину. Недаром все, кто знал атамана, почтительно называли его:

- Первым гражданином Дона.

Он молча переживал трагедию Дона - и эта трагедия была его личной трагедией. Он говорил на круге:

- Мое имя повторяется во всех концах страны и фронта. Мое имя стало известным символом не только для Дона, но и для России, как выразителя некоторых идей. Может быть, мое имя навлекает на родной Дон лишнее подозрение? Я долго и мучительно думал об этом и полагаю, что мне надо уйти. Ведь не может быть речи о личности, когда решается судьба края.

Но атаману Каледину не дали возможности оставить свой высокий пост. Круг взвалил на его плечи тяжелый крест и возвел его на атаманскую Голгофу. Ему дали власть, но не поддержали его в момент трудной борьбы, - и тем самым обрекли его на гибель, как обрекли на гибель и другого атамана - Назарова.

Печальна судьба революционных атаманов. Один - застрелился, чтобы избавить Дон от своего имени, другой - с гордо поднятой головой, пошел на расстрел. И умирая, каждый думал:

- Где же орлы - донские казаки?

Молчала степь, занесенная снегом, кипел негодованием под ледяным покровом тихий Дон..."

Статья Н. Шинкаренко «Каледин на войне» [№ 15, с. 11 - 15].

“Трудно писать о Каледине в рамках журнальной статьи, в рамках почти фельетона. Каледин на войне, - это 12-я дивизия и Галицийский поход, это вся 8-я армия и весь Луцкий прорыв, это победы, победы и победы.

Каледин требует книги. Но теперь, в дни унижения, так приятно и так искупающе думать о победе, что должна проститься попытка вспомнить о победах погибшего атамана войска Донского, о победах погибшего полководца, хотя бы наизусть, хотя бы без документов, хотя бы в нескольких штрихах. Если при этом придется слишком много говорить о полках Каледина, то это вина судьбы, сделавшей то, что полки 12 кав. дивизии и Каледин – одно.

Пишущий эти строки никогда не был лично близок к генералу Каледину, но он дрался в рядах одного из Калединских полков, осенью 14-го года и весной 15-го видел Каледина почти каждый день и мог удержать в памяти хоть несколько отдельных букв из величавой боевой книги, созданной оружием покойного генерала.

* * *

Одно из первых видений, встающих в моей памяти, это удушливо жаркий день 29 августа 1914 года. День усекновения главы Иоанна Предтечи, день поминовения павших воинов. Австрийцы ломают не только что отданный им Львов. Главный удар императорско-королевских войск направлен на левый фланг 8-й армии Брусилова, армии Брусилова и Каледина. XXIV армейский корпус побит еще три дня тому назад под Татаринувом, расстрелан позавчера севернее Рычахува. Всю ночь горели отданные вчера деревни. С утра, с самого рассвета начался новый бой. Сегодня разыгрывается решительная партия. Войскам сообщено, что где то далеко на севере, почти за пределами выданных нам карт близка победа, но для того, чтобы победа эта не улетела, надо, чтобы мы удержались. 12-я армия и сегодня так же, как и накануне, так же, как позавчера, прикрывает левый фланг XXIV корпуса и всей армии.

Ночевали в Линдерфельде, брошенной населением немецкой колонии. Ничего не ели. Напились теплой воды с одним куском сахара на троих. Потом эскадроны выводили, вся улица наполнилась тем сдержанно-энергичным полущумом, который всегда бывает там, где много конницы и который складывается из позванивания пик, легкого поскрипывания кожи не успевшего постареть конского убора и движения лошадей. В строй четырех эскадронов стали штандарты, полки пошли искать победу. Влево и впереди вытянулась Демня. Туда одна за другой ушли все сотни синих Оренбуржцев. Над Демней рвались двуцветные императорско-королевские шрапнели и оттуда несли раненых.

Спешили драгун. Желтая бригада, - Белгородцы и Ахтырцы, - ждали своей очереди, спешившись в извилистой и глубокой долине северо-западнее Линдерфельда. Было жарко, устало и сонно. Людям, сидящим в счастливой безопасности кругого ската, больше всего на свете хотелось спать, и им совсем не думалось о бое.

А бой разгорался. С нашего уже берега болотистой речушки Щерека гремели австрийские батареи, и там, где было неснятого хлеба, то и дело показывались идущие впереди серо-синие цепи; показывались и исчезали, и только непрекращающаяся ружейная стрельба, похожая на треск сухого дерева в печке с хорошей тягой, только она не позволяла забыть о том, что враг придвигается все ближе и ближе.

Начальник дивизии был на маленькой высоте, впереди: Каледин никогда не управлял боем из халупы. К нему вызывали то одного, то другого эскадронного командира, и уходили вперед один за другим эскадроны желтой бригады, те, кто остался - не знали куда. Около 2 ч. дня, по-теперешнему около 14-и, положение на фронте дивизии стало особенно напряженным. Оренбуржцы и сводный батальон 48-й пехотной дивизии, не выдержав огня противника, начали очищать Демню. 3-й эскадрон

Белгородского полка, бывший в прикрытии артиллерии севернее Демни, ушел назад, бросив 4-ю Донскую батарею, которой грозила опасность быть захваченной. Еще севернее австрийцы заняли небольшую рощу в непосредственной близости лощины, в которой оставались еще последние эскадроны улан и гусар.

Каледин поскакал к беспорядочно отходящим из Демни оренбургским сотням. В первый раз еще, - и в последний, полк его дивизии отходил, и, притом, без приказа, и, притом, в беспорядке. Генерал, обычно спокойный и бесстрашный, не мог равнодушно видеть, как его казаки уходят. Он громко приказал пиками загонять Оренбуржцев. Вблизи не было никого с пиками, и вообще не было никого, но так велико было боевое обаяние Каледина, и так непривычно было для казаков идти назад, что они остановились.

А затем сделали то, что для них было более привычно: снова пошли вперед и заняли почти все селение Демню. Только на западной опушке ее, в крайних дворах шел бой. Каледин мог быть спокоен за Демню, по крайней мере, в этот момент.

Но выростала новая опасность. Австрийская пехота, наступавшая в почти пустом от наших войск промежутке между Демней и двумя рощами севернее селения, все продвигалась вперед. Густые цепи серо-синих пехотинцев показались совсем близко, в нескольких стах шагах. Наступил грозный момент, когда неприятель мог опрокинуть стоявший против него спешенный 6-й эскадрон улан. Прорвать жиденский фронт дивизии, окружить то, что было в Демне, а в дальнейшем, кто знает, разгромить весь левый фланг армии. Решалась судьба сражения.

В резерве у Каледина оставалось 4 эскадрона гусар и 1 эскадрон (4-й) улан. Имелся еще, но на каком то неопределенном положении 2-й Лабинский полк кубанского казачьего войска. Всего около 1200 сабель. И больше ничего. Опасность надвигалась, как быстро идущая грозовая туча. Ее надо было парировать немедленно.

Каледин решил поставить последнюю карту, бросить в атаку последние свои эскадроны. А эскадроны, стоящие в лощине, еще ничего не знали. Нам ничего не было видно, нам по-прежнему хотелось спать, и только со свистом пролетающие над головой пули начинали говорить о том, что впереди нехорошо.

И вот к нам рысью подъехал Каледин. С ним был Рот и еще кто-то. Начальник дивизии быстро сказал что-то командующему эскадрону и проехал дальше к гусарам. Он был очень спокоен. Из-за поворота лощины, оттуда, где, мы знали, были гусары, слышалось движение и слова команды. Эти команды и те, которые были даны у нас, были командами перед атакой. Спокойное почти улыбающееся лицо Каледина, его тихое приказание, его неторопливая рысь, все это, оказывается, предвещало атаку. Нам и гусарам он отдал приказание лично, Лабинскому же полку приказание было послано.

Пошли в атаку только мы и гусары. По какой причине не атаковали лабинцы мне не известно. Главную роль в этой атаке сыграли четыре гусарских эскадрона. Насколько можно выяснить, перед приказанием Каледина они стояли в линии колонн. Для атаки интервалы между эскадронами, кажется, увеличены не были; каждый же эскадрон разомкнулся пошелонно. Таким образом, гусары атаковали в довольно густом строю и приммерно четырьмя волнами, причем волны эти шли очень скоро одна за другой и, вероятно, с самого же начала перемешались. Уланский эскадрон, шедший на левом фланге, разомкнулся в одну шеренгу на 5 – 6 шагов между всадниками и шел в очень жидком строю. Позади него новых волн не было.

Пошли с места галопом и сразу же увидели совсем близко от себя спешенных улан, а подальше густую неприятельскую цепь. Солнце светило в глаза и австрийцы представлялись темными фигурами; лиц разобрать было нельзя. Шла большая стрельба. Стреляла пехота, пулеметы, какая-то батарея, а может быть и две.

Уланы и гусары шли по нескольким сходящимся направлениям, и потому скоро их фланги перемешались. Галоп стал полевым. Встретилась какая-то канава и ло-

шади немного замялись, но кто-то крикнул "ура", - хотя и не полагалось кричать, - канаву перемахнули. Затем всадники были уже в неприятельской цепи, и цепь эта оказалась бегущей. Затем была вторая, была третья цепь, и, наконец, образовалось целое бегущее стадо. Стадо пехотинцев бежало версты полторы и все время посреди него скакали гусары и уланы желтой бригады.

Стали собираться. Ахтырцы понесли очень тяжелые потери, уланский эскадрон, благодаря своему одношереножному разомкнутому строю отделался гораздо дешевле. Главное же, цепь была достигнута: императорская и королевская пехота отхлынула по всему фронту, очистила рощу, выскочила из Демни. Кризис боя миновал благополучно.

Дивизия, а также и части XXIV корпуса получили требуемую передышку, а когда перед заходом солнца успевший устроится противник вновь перешел в наступление, поредевшие бойцы Калединской дивизии, хотя с трудом, но удержали Демню.

На следующий день 30 августа снова собирались полки, снова выносили штандарты и снова полки готовились идти в бой. На сборном пункте дивизии Каледин встретился с командиром XXIV корпуса генералом от кавалерии Цуриковым.

Цуриков просил неподчиненного ему Каледина еще раз прикрыть его растрепанный корпус, просил идти на подвиг, и когда Каледин согласился снова бросить свои полки вперед, обнял и перекрестил его. Но и Цуриков и все мы ошиблись в своих предчувствиях. Брусиловское обещание было выполнено: мы продержались требуемые 24 часа и победа уже была одержана.

В ночь на 30 августа австрийские армии начали отход и 12-я кавалерийская дивизия почти без сопротивления вышла к остававшемуся все время в наших руках Миколаюву. Бои западнее Львова кончились. Влияние, оказанное Калединым на благоприятный исход этих боев, было велико. Несколько позднее пишущему эти строки пришлось услышать от самого Брусилова, что в конце августа армия победила благодаря блестящим действиям 3-й стрелковой бригады и 12-й кавалерийской дивизии. 12-я же дивизия – это был Каледин.

* * *

Пронесли месяцы. Многое изменилось и многих не стало. Каледин со своей дивизией, преследуя отходящих австрийцев, дошел до Сана у Лиско, а разведывательные эскадроны перешли за Сан. Тяжелая разведывательная работа.

Потом новый переход австрийских армий в наступление. Вся наша армейская конница отходит на несколько переходов назад, наводя австрийцев на наши главные силы, остановившиеся на линии Фельштвейн – Старый Самборт.

12-я дивизия тоже отходила. И в то время, когда в Восточной Пруссии и в Польше при наших отходах оставались отрезанными и забытыми целые эскадроны, Каледин не забыл и не бросил ни одного разъездика, ни одного человека.

Октябрьский отход в Карпаты. Бросок почти в тыл противнику к Турке. Невозможно рискованные положения. Невозможные для всякого другого, но у Каледина большое счастье и умение воевать еще большее, чем счастье. И для него все возможно и ничто не рискованно. Движение конницы Каледина от Дрогобыча до Турки, бои у Ластувки, у Володянка Велька, у Исае, у Ломны, горные бои без свободы в движениях, с угрожаемым зачастую тылом – это маленькие перлы в военной короне Каледина. Потом зима. Декабрьский налет к Балигороду. От Каледина пошла только бригада и сам он не пошел. Сперва успех, а затем 15 декабря бригада вследствие ловкого маневра австрийцев отскакивает сразу на полперехода. Настроение подавленное, впечатление отрезанности. И вот приезжает Каледин, сосредоточенный, не улыбающийся. Я не помню, было ли в этот день солнце. Но для всех и для улан и для гусар и для артиллеристов солнце выглянуло с приездом неулыбчивого Каледина. И снова – победа. Наступил 15-й год. Дивизия в составе 2-го конного корпуса стояла в районе

Лутовиска, высылая вперед только разведывательные эскадроны. Противник, на этот раз уже австро-германцы, подготовлял новую операцию большого стиля. Грандиозное наступление, распространившееся почти на весь Карпатский фронт, захватило к 10 января и подступы к Лутовиску. С каждым днем размах и напряженность завязавшихся боев все увеличивались. Каледину в первый раз пришлось управлять крупным соединением войск, большим, чем армейский корпус. 61-я пехотная дивизия, части 34-й, 65-й дивизий, "железная" 4-я стрелковая бригада генерала Деникина, все это было подчинено ему. В эти тяжелые дни Каледин сильно недомогал. Изможденный, желтый, он казался теряющим силы. Но сила его полководческого таланта не ослабела. Та незримая и никогда не обманывающая связь, которая существует между вождем и войсками, не ослабевала ни на минуту. И все время войска чувствовали, что вождь силен и уверен, и что он победит.

Несмотря на то, что бои протекали в крайне тяжелой обстановке на покрытых снегом высотах при сильных морозах и холодных ветрах уверенное настроение, сообщенное войскам Калединым, было неизменно. Весы успеха долго колебались. Целая серия боев у Паныщова и на высотах севернее Скородне дала Каледину лишь незначительное продвижение вперед. Но победа отдается более настойчивому.

Более настойчивыми оказались мы, и победа засияла нам в боях у Линье, у корчмы "под Острем", на высоте 673 и под Лутовиской. Австрийцы отступали по всему фронту, и операция их, грозившая прорывом в направлении на Перемышль, окончательно не удалась. Это была заслуга Каледина. Вскоре после этого 12-я кавалерийская дивизия была переброшена в южную Галицию на Станиславское направление. Но Каледину недолго уже оставалось командовать дивизией. Судьба уже готовила разлуку.

* * *

Мне ясно представляется последний день Калединского периода жизни 12-й дивизии. Февральское утро, и утро теплое. Над долиной незамерзшей Ломницы поднимается мокрый туман. Покрытые лесом холмы с пологими скатами. Лес в чудном порядке – императорская дача.

12-я дивизия уже перешла Ломницу и ведет бой с арьергардами австрийцев, отходящих к Станиславу. День особенно замечателен потому, что командир корпуса в первый раз выехал к ведущим бой войскам. В свите шутили, говоря, что должно случиться что-нибудь особенное. Шутка, к сожалению, оказалась пророчеством.

Пишущий эти строки был в свите командира корпуса. Мы переехали в брод через Ломницу у Бабинских выселков (zu Babin). В долине реки и в улице было видно много трупов убитых австрийских пехотинцев: здесь накануне ходили в атаку туземцы. На южном берегу, там, где Станиславовская дорога поднимается в гору, вытянулись эскадроны главных сил дивизии. Эскадроны были спешены и лошадей держали в поводу. В голове колонны был уланский полк. Каледин находился еще впереди на артиллерийском наблюдательном пункте. Шел редкий артиллерийский бой. Австрийцы обстреливали ту высоту, на которой находился Каледин. Высота эта лежала влево от большой дороги и отделялась от нас довольно глубокой ложиной поросшей молодым лесом и кустарником.

Командир корпуса захотел пройти на наблюдательный пункт. Его предупреждали, что нужно спешиться. Все слезли с лошадей и, продираясь через кустарник, пошли на соседнюю высоту. Артиллерийский огонь австрийцев усилился и видны были разрывы шрапнелей как раз над самым наблюдательным пунктом, маленьким окопчиком под группой голых деревьев. Оставалось шагов триста, когда показался быстро идущий, почти бегущий навстречу командиру корпуса ординарец Каледина поручик Макаров. Он был взволнован и кричал издала: "Идите укрыто. Начальник дивизии ранен!". Каледин ранен. Эта весть поразила всех, как будто-бы все были уверены, что его ни ранить, ни убить не может.

Вся группа командира корпуса остановилась как раз на опушке кустарника и точно ждала чего-то. Очень скоро со стороны наблюдательного пункта показался Каледин. Его поддерживали под руки и почти несли ординарец поручик Скачков и какой-то казак артиллерист. Группа эта медленно приблизилась к нам. На снегу расстелили солдатскую шинель и положили на нее раненого. Каледин был очень бледен серо-землистой бледностью. В лице выступил крупными каплями пот.

Вероятно, он сильно страдал, но сдерживался, разговаривал с командиром корпуса медленным немного прерывающимся голосом, и даже пошутил с молодым и несколько терявшимся врачом, который осматривал его рану и накладывал перевязку. В первый раз я слышал, как он шутил. Рана была неприятна. Шрапнельная пуля попала в ногу выше колена, пошла по кости и застреляла около кости же, повредила надкостницу. В возрасте Каледина это было серьезно.

Раненому пришлось пролежать на шинели с четверть часа, пока из головного уланского эскадрона не принесли носилки. При помощи одеял и шинелей постарались получше приспособить эти носилки, и четверо улан понесли раненного. Его несли как раз по той дороге, на которой стояли его эскадроны. У людей были серьезные грустные лица. Все думали о том, что-то теперь будет с дивизией. И всем было жалко и самих себя и раненого.

Каледина перенесли в Бабин в штаб корпуса, помещавшийся в господском доме, и положили в комнате командира корпуса. Снова приезжали врачи, осматривали, перевязывали. Через несколько часов был подан обыкновенный легкий автомобиль, который по возможности приспособили для перевозки раненого, и автомобиль этот увез от дивизии ее начальника.

Трудно сказать, как велика для 12-й кавалерийской дивизии утрата, понесенная в лице Каледина. Правда, победа не отлетела от нее и успех продолжал сопутствовать ее штабдартам, но это объясняется в значительной степени тем, что Каледин создал школу, дал метод, оставшийся жить в дивизии и после того, как сам он ушел.

* * *

В день ранения Каледина, почти в тот самый момент, когда его ранили, была получена телеграмма с предложением ему временного командования корпусом. Ранение отсрочило получение корпуса, и только осенью, вернувшись в армию, Каледин оказался во главе своего же этого же XII корпуса. Всю осень и всю зиму он был вдали от нас. Но весной шестнадцатого года, когда Каледин получил 8-ю армию, дивизия, только что пришедшая на Волынь, снова очутилась под его начальством. Первой встречей был смотр, произведенный дивизии в последних числах марта. Уже немного оставалось участников галицийских побед Каледина: большинство их ушло на тот свет. Но вся молодежь все-таки знала Каледина, прониклась его неумирающими заветами, и дивизия все-таки осталась Калединской. Вероятно, это чувствовал и сам полководец, и говорил с дивизией, как с родной.

В последовавшие дни подготовки Луцкого прорыва нам не пришлось часто видеть Каледина. Так же было и в дни самого выполнения прорыва. Но, по тому, как велись бои, по тем сведениям, которые до нас доходили, дивизия чувствовала, что ею руководит все тот-же Каледин, не изменивший своей военной манере.

Луцкий прорыв был последней большой победой России. Последовавшие за ним бои со стягивавшимися отовсюду германцами – кровавые полупобеды были уже началом паралича, в который постепенно впадала теряющая волю в борьбе армия.

И в этот период полупобед еще раз Каледин проявил могучую военную индивидуальность. Это было в дни Шельвова и Корытницы, Затурца и Свинохова, когда после кровавой Безобразовской неудачи на путях к Ковелю центр тяжести наших наступательных стремлений был перенесен дальше на юг, на Владимир-Волыньское

направление. У Каледина были собраны блестящие, привыкшие к победам полки, ему была передана гвардия.

Перед начало прорыва Каледин отдал приказ, в котором напоминал старым полкам 8-й армии недавние блистательные победы, а частям гвардии их исторические традиции. Севернее Корытницкого леса есть резко выделяющаяся высота с большим обзором. Через нее проходила первая линия наших окопов, и на ней же был устроен наблюдательный пункт командующего 8-й армией.

Каледин хотел видеть атакующие волны и хотел, чтобы волны атакующих войск видели его. Редкий случай в этой анонимной войне. Здесь в сфере настоящей, а не дубой опасности, он наблюдал за боем и управлял им. Его видели волны штурмующих полков, и дрались так, как надо драться. Если прорыв не удался, если победа не увенчала огромного усилия 8-й армии, то не она и не Каледин виновны в этом. Причины неудачи лежали в общих условиях борьбы, истинный метод которой лишь начинает выявляться. Причины неудачи лежали еще глубже, коренясь в той усталости армии и в том исчезновении воли к борьбе, которые годом позже привели к братанию и к торжеству большевизма. Каледин же оставался самими собой, солдатом и полководцем. Он побеждал до тех пор, пока мыслимо было остаться непобежденным.

* * *

Это воспоминания о днях боев, о днях побед, но вспоминается один день, когда Каледин был не бойцом, а учителем и почти что пророком.

Это было глубокой карпатской осенью в ту пору, когда до Вены оставалось четырнадцать листов 1/50000 карты. Еще не все победы оставались позади, ни одна надежда еще не была изжита, и ни грусти, ни стыду не приходилось еще спускаться на наши полки. Каледин был на празднике 1-го эскадрона Белгородского полка.

В самой обширной и все же маленькой халупе Жукотина, полной народу, все было так, как и положено быть на хорошем эскадронном празднике в хорошем эскадроне, на празднике, для которого рассылают и в Киев и в Одессу гонцов со всеми возможными удостоверениями, берут поваров со всего полка, и на котором в результате весело всем, и гостям и хозяевам. Уже прошли все обязательные тосты, такие неизбежные и такие приятные. Прошла и официальная чара за начальника дивизии, и он отвечал, - тоже официально. А потом, после тостов за полки, после песен про Збруч и про Руду, когда вся столовая была полна веселым объединенным шумом, Каледин захотел говорить еще раз. Неофициально. Спустилась тишина, тоже новая, но домашняя, неофициальная. Каледин заговорил, не улыбаясь, и серьезный, как всегда, - больше, чем всегда; и то, что он заговорил своим ровным, медленным голосом с большими паузами, было так же неулыбчиво и серьезно. И сверх того необычно.

Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается. Говорил про то, что главная тягота ее еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжелые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесенные, и многих из тех, что сейчас сидят в этой халупе, не станет.

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и про то, что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил и чувствовалось, что он не знает—заслуживает ли победу Россия, заслужит ли ее армия. Больше: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное. В окно смотрел бессолнечный ноябрьский день и, казалось, его сероватый свет заглянул с неулыбчивыми словами генерала в души слушателей. А было это в ту пору, когда впереди чудились только победы. Но он, Каледин, видел лучше и знал то, что другие не знали."

Приложение: О Чернецове

Из работы А.П. Богаевского «1918 год». [Белое дело, М., Голос, т. 2, 1993, с. 21 – 23]:

“За неделю до смерти А.М. Каледина был убит (21 января) доблестный полковник Чернецов, зарубленный изменником Подтелковым (Это одна из любопытнейших фигур нашей Смуты. О нем я скажу несколько слов впоследствии). С его смертью какая-то тяжелая безнадежность охватила то казачество, которое еще боролось с большевиками.

Я познакомился с Чернецовым еще в 1915 году, когда он был начальником одного из партизанских отрядов на германском фронте.

Эти отряды различного состава были сформированы из добровольцев-офицеров, казаков и солдат конных частей и находились в общем ведении штаба походного атамана. Число их доходило до пятидесяти. Толку от них было немного. Ввиду особых условий позиционной войны, когда почти вся многочисленная русская кавалерия долгими месяцами, а некоторые части и больше года, без всякого дела стояла в тылу, иногда занимая спешенными частями небольшой участок позиции, эти отряды давали возможность энергичной и отважной молодежи чем-нибудь проявить себя, производя набеги и разведки в расположении противника. Однако трудность прорыва небольшими конными частями почти сплошных укрепленных линий противника, неопытность молодых партизанских начальников, а главное, несочувствие этой затее большинства старших кавалерийских начальников, опасавшихся неудач и потерь, - все это не дало развиваться деятельности партизанских отрядов, и из полусотни их едва десять – пятнадцать кое-что сделали; остальные или бездействовали, или же нередко и безобразничали, обращая свою энергию и предпримчивость против мирных жителей. Благодаря этому многие отряды вскоре были расформированы. Из числа хороших отрядов выделялись партизаны Чернецова и Шкуро.

Мне пришлось видеть Чернецова единственный раз в штабе походного атамана. Маленький, худой, очень скромный на вид, в чине подъесаула он имел уже орден Св. Георгия. В то же время трудно было предположить, что из этого молодого скромного офицера выйдет народный герой гражданской войны, человек, который в самые тяжелые дни существования Дона умел сплотить около себя и вести в бой против неизмеримо сильнейшего врага смелые отряды таких же отважных людей, как и он сам”.

Из «Казачьего Словаря-справочника» Г.В.Губарева[США,1970]

“ЧЕРНЕЦОВ Василий Михайлович (дон.) –род.ок. 1890 года, ст. Калитвенской; полковник и знаменитый командир донских партизан. В офицерский чин произведен из питомцев Новочеркасского Казачьего училища. В начале Первой Мировой войны, в чине сотника назначен со льготы на службу в 26 Дон.каз. полк, а когда из полков 4-й дивизии был выделен на добровольных началах специальный разведывательно-партизанский отряд, сотник Ч. назначен его начальником. В этой должн. он со своими партизанами прославился широко по фронту и заслужил орден св. Георгия 4 степени.

После революции 1917 г., по доверенности подчиненных, Ч. представлял свою часть на Первом Донском Круге. По наружности типичный Казак, небольшой, смуглый, “востроглазый”, он неоднократно выступал на трибуне Казачьего Народного Собрания с мудрыми речами по насущным вопросам.

Возвратившись окончательно на Дон, есаул Ч. первым из всех казачьих офицеров приступил к формированию партизанского отряда для защиты Дона от наседавших со всех сторон ленинских красногвардейцев. Его отряд из офицерской и учащейся молодежи начал свою боевую страду 30 - го ноября (ст. ст.) 1917 г. Благодаря

личной храбрости, большому опыту в партизанской войне и блестящему составу рядовых отряда, он легко побеждал большевиков, в то время не любивших отрываться далеко от жел. дорог. Об его маневренных действиях говорят и свои и советские сводки, вокруг его имени создаются легенды, его окружает любовь партизан, переходящая в обожание и глубокую веру в его безошибочность. Он становится душой донского партизанства, примером для других отрядов, сформированных позднее. С открытыми флангами, без обеспеченного тыла, он неизменно громит встречные эшелоны красных в Александрогрушевске, под Макеевкой и Дебальцевым, разгоняет их отряды, берет в плен их командиров и комиссаров.

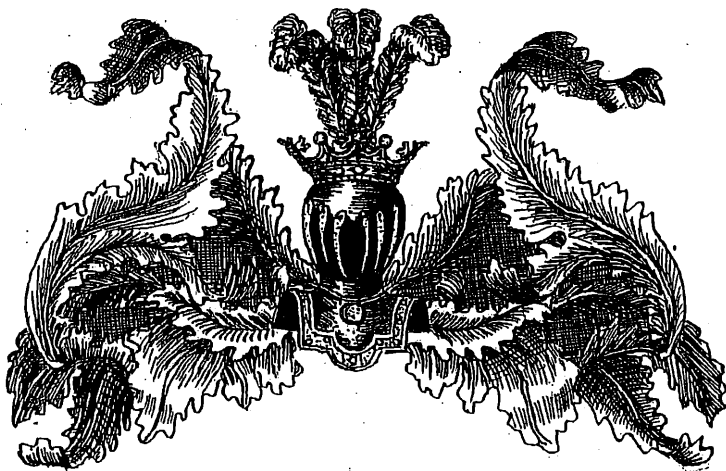
Во второй половине января 1918 г., двигаясь на север, он занял со своими партизанами станции Звереве и Лихую, выбил врагов из станицы Каменской. Вероятно, в это время атаман Каледин поздравил его с производством в чин полковника, хотя приказ об этом несколько запоздал.

Продолжая победное движение, полковник Ч. в обход с севера захватил ст. Глубокая. Но от Миллерова к красным подошло подкрепление в лице перешедших на их сторону Казаков, собравшихся из 27 и 44 полков со своим командиром войск старшиной Голубовым. Эта конница стала окружать пеших партизан все теснее. Попытки атак партизаны отбивали огнем и сами хотели броситься в штыки на конных с тем, чтобы их командир мог вырваться из окружения и уйти. Но тот удержал их, говоря: «Вы шли за мною. Если вам суждена гибель, то умру и я с вами, а спастись за ваш счет не буду». В это время Голубов предложил переговоры и раненый в ногу полковник Ч. согласился на них, т.к. знал, что патроны на исходе и видел перед собой не красную гвардию, а Казаков и был товарищем по оружию Голубова. Однако, красные Казаки и их начальник уже успели усвоить ленинские подходы к противнику. Едва несколько делегатов с Голубовым подъехали к строю партизан, остальные тоже подвинулись ближе к маленькому отряду Чернецовцев, а потом неожиданно бросились на него. 30 партизан, вместе со своим командиром попали в плен, остальные погибли сопротивляясь или успели рассеяться в наступающих сумерках.

Через два-три часа после этого, урядник 27-го полка Вырякин привез начальнику Каменского боевого участка, генералу Усачеву, лаконическую записку: «1918 г. 21 января. Я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития, прошу Вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов». Внизу записку подписал и войсковой старшина Голубов.

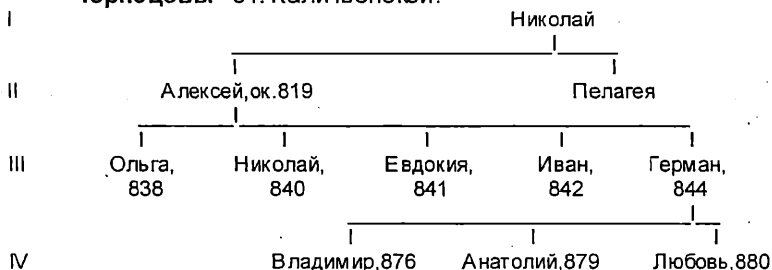
Голубов приказал вести пленников на хутор Астахов, через железную дорогу. Конвой он поручил подхорунжему Подтелкову со взводом, сам же с остальными Казаками поскакал вперед. По пути полковник Ч. сделал попытку спастись от плана и себя и партизан. При виде показавшегося бронепоезда, он воскликнул: «Ура! Наша берет!» и ударил кулаком Подтелкова в ухо. Но ускользнуть от него не успел. Тот выхватил шашку и зарубил своего пленника. Партизаны бросились в стороны, а Казаки конвоем, видя, что совершилось гнусное убийство Казака – Казаком, их не преследовали и сами рассыпались по полю. Бронепоезд принадлежал красным. Верные Дону круги были поражены, как громом, изменой голубовцев и смертью своего партизана. Она в значительной степени повлияла и на судьбу ее виновников Голубова и Подтелкова. Когда они попали в руки восставших Казаков, засчитали им и этот грех. (По материалам, собранным полковником М.К. Бугураевым)». [т. 3, с. 279 – 281].

Примечание. Материал показывает, что, находясь в эмиграции, вдали от архивов, да еще и спустя значительное время, многое видится в другом свете: вместо Георгиевского оружия упоминается орден св. Георгия 4 ст.; гибнет только Чернецов, а остальные будто-бы разбежались. Кстати, а в статье о Подтелкове [т. 2, с. 282 – 283] говорится о том, что и другие пленники были перебиты.

Чернецовы

Чернецовы ст. Калитвенской:

II колено

Николай, казак Калитвенской ст.; сотник 2-й артиллерийской роты; умер 4 января 1834 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 4 об.].

Примечание. Исходя из сведений, представленных в брошюре «Алфавитный список Донских дворянских родов» [А.А. Шумков, СПб., 2000, с. 41], был один дворянский род Чернецовых (Черницовых). Упоминается: РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 619, л. 80 об.; - с пометкой – «дело о дворянстве в РГИА не обнаружено». Там же читаем: «есть два дела по чину за 1821 и 1829 гг.: оп. 32, д. 1718, 1719».

Определенно можно утверждать, что это ПС Николая (либо сведения из данного документа. Достаточно велика вероятность того, что это Николай Григорьевич, сын поручика (о Григории см. в разделе «Другие Чернецовы»)).

III колено

Алексей Николаевич, из дворян, р. ок. 1819 г.

В службе казаком с 1 января 1837 г. В батарее №8 с 16 сентября 1838 г. Урядником 4 кл. с 11 марта 1839 г. Урядником 2 кл. с 7 июня 1842 г. Переведен в батарею № 7 – 10 ноября 1849 г. Переведен в батарею № 5 – 21 апреля 1850 г. Урядником 1 кл. с 6 декабря 1852 г. Переведен в батарею № 6 – 14 марта 1853 г. Произведен в хорунжие 6 декабря 1853 г. В батарее № 4 с 27 марта 1854 г. Переведен в батарею №8 – 10 апреля 1854 г. С 1855 г. на Кавказской линии. Вдов. дети: Николай р. 18 февраля 1840 г., Иван р. 28 сентября 1842 г., Герман р. 27 июня 1844 г., Ольга р. 11 июля 1838 г., Евдокия р. 25 мая 1841 г. Имущество родовое за мать в Донецком округе – 87 душ и мукомольный завод. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 625, ПС за 1857 г.].

Казак Калитвенской ст.; сын сотника. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док. 1877 г.]

Пелагея Николаевна, дочь сотника.

Муж – есаул Молодикин Иван Яковлевич (сын урядника, р. ок. 1812 г.), дети: Петр 23 года, Николай 21 год, Яков 17 лет, Андрей 8 лет, Анна 24 года. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1021, ПС Молодикина И.Я. за 1861 г.].

IV колено

Иван Алексеевич, сын обер-офицера, р. 1 августа 1842 г., казак Калитвенской ст.; окончил Класс Донских урядников; награжден С-3.

Службу начал урядником в батарее № 7 – 13 августа 1867 г. В Классе . . . с 29 августа 1867 г. Произведен в хорунжие, будучи в батарее № 10, – 31 августа 1870 г. В батарее № 11 с 28 ноября 1870 г. Сотником с 3 августа 1871 г. Вышел в отставку по домашним обстоятельствам 23 октября 1872 г. В запасной батарее с 8 июля 1877 г. В батарее № 13 с 24 июня 1878 г. В батарее № 1 с 16 сентября 1879 г. Награжден С-3 – 7 марта 1881 г. В батарее № 12 с 1 ноября 1882 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 221, ПС за 1882 г.].

Сотник в комплекте ДКБ; исключен из списков умершим 9 августа 1884 г. [Выс. приказы].

Герман Алексеевич, из дворян, р. 21 июня 1844 г., казак Калитвенской ст.; окончил Класс Донских урядников по 1 разряду; награжден: А-3, С-3, А-4, СБМ-877.

Службу начал урядником в батарее № 4 – 13 августа 1867 г.; в тот же день отправлен в Класс Донских урядников. Произведен в хорунжие 31 августа 1870 г. В батарее № 2 с 25 сентября 1870 г. Сотником с 3 августа 1871 г. награжден С-3 – 30 августа 1873 г. В батарее № 14 с 31 мая 1875 г. В батарее № 21 с 12 мая 1876 г. В батарее № 11 с 20 ноября 1876 г. награжден А-3 – 26 февраля 1877 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах награжден А-4 – 21 июля 1877 г. За отличие по службе произведен в есаулы 12 апреля 1879 г. со старш. с 14 января 1878 г. В батарее № 1 с 20 сентября 1879 г. В батарее № 8 с 1 ноября 1882 г. Жена – дочь Коллежского Регистратора Маслова Капитолина Федоровна, дети: Владимир р. 8 июля 1876 г., Анатолий р. 25 сентября 1879 г., Любовь р. 6 апреля 1880 г. Имущество: приобретенное – 200 десятин земли, родовое – 100 десятин земли. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 779, ПС за 1889 г.].

Есаул; владелец каменного дома в Новочеркасске по адресу: Прибыльчанская ул. (от Железнодорожной ул. до Ермаковского просп.), д. №21 (дворовое место №21). [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 216].

Есаул, состоящий по артиллерии; отставка по домашним обстоятельствам с чином (войскового старшины) и мундиром – 19 апреля 1893 г. [Выс. приказы].

Другие Чернецовы:

Иван, казак Нижне-Каргальской ст.; в службе с 1751 по 1775 г.: на Миюсе, Калгальник, Турецкая война—во 2-й армии, за Кубаном. Сын—7 лет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Конец XVIII — начало XIX веков

Гаврила, казак Старочеркасской ст.; походной службы 11 лет 6 месяцев: в полку Грекова 17-го во Франции 2 года; в полку Лютинского в Грузии — 4 года 2 месяца; в полку Карпова 4-го в Финляндии — 5 лет 3 месяца. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 1014, л. 32, док. 1837 г.].

Григорий, из казачьих детей, р. ок. 1750 г., казак Калитвенской ст.

В службе с 1 июля 1767 г. В Крыму 4 с половиной года. Произведен в сотники 15 мая 1780 г. Вновь в Крыму в 1783 — 1785 г. Участвовал в действительных сражениях. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 504, ч. 1, док. 1789 г.]. Казак Калитвенской ст.; поручик; умер 20 октября 1814 г. от *"слезлой болезни"* [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 84 об.].

Ефим Андреевич, из казачьих детей, р. ок. 1787 г., казак Калитвенской ст.

В полку генерал-майора Иловайского 4-го с 1 декабря 1806 г. В службе казаком с 1 января 1807 г. Участник Прусской кампании 1806 — 1807 гг., в действительных сражениях с французами: Гутштат, Гельзберг. В 1807 — 1809 гг. в Литовской губернии. В 1809 — 1812 гг. Галиция, Белостокская губерния. Участник Французской кампании 1812 — 1814 гг., в действительных сражениях: Романов, Звенигород, Духовщина, Вильно. За отличие в делах произведен в урядники 2 ноября 1812 г. Данциг, Лейпциг, Лейпциг, Лаон, Реймс. Жена — дочь казака Агафья Матвеевна, детей нет. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3040, ПС за 1815 г.].

Казак Калитвенской ст.; урядник полка Чернушкина; умер 10 сентября 1828 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 76].

Степан Михайлович, из казачьих детей, р. ок. 1792 г., казак Старочеркасской ст.

В службе казаком в полку подполковника Иловайского 8-го с 15 апреля 1811 г. в 1811 — 1812 гг. кордонная служба по границам с Австрией и Пруссией. В том же полку генерал-майора Грекова 18-го с 10 июля 1812 г. Участник Французской кампании 1812 — 1814 гг., в действительных сражениях: Мир, Романов, Молево Болото, Бородино, Можайск, у сел. Черничное, Малоярославец, Вязьма, Берлин, Гельберштадт. Произведен в урядники 22 июня 1813 г. Лейпциг, Бельгия, Кассель, Ганау, Суассон, Лаон, Реймс. В полку полковника Грекова 26-го с 16 мая 1815 г. в Гродненской губернии.

Холост. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3349, ПС за 1815 г.].

Награжден ЗОВО в составе полка Грекова 18-го; урядник в отставке. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 96, док. 1834 г.].

XIX век

Александр Егорович, из казачьих детей Калитвенской ст.; в службе казаком с 1869 г.; урядником с 29 сентября 1878 г.; служил в команде Войскового конного завода. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 653, док. 1879 г.].

Андрей Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1838 г., казак Мариинской ст.; награжден БМ-863. В службе казаком с 1 января 1858 г. В батарее № 1 с 22 февраля 1859 г. Участник Польской кампании 1863 — 1864 гг., в действительных сражениях. Урядником 4 кл. с 13 июня 1867 г. Урядником 3 кл. с 3 августа 1869 г. Урядником 2 кл. с 16 июня 1871 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 10, ПС за 1869 г.].

Григорий Трофимович, из казачьих детей, р. ок. 1827 г.; награжден БМ-853.

В службе казаком с 1846 г. В полку № 33 Попова в Польше с 14 мая 1852 г. по 13 октября 1856 г. В полку № 22 с 21 мая 1859 г. по 6 июня 1863 г.: на Кавказской линии. Урядником с 9 августа 1863 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 461, док. 1863 г.].

Ольга Александровна, дочь хорунжего. Муж – хорунжий Чернов Василий Ефимович (из дворян, р. 1834 г.), сын Виталий р. 2 февраля 1862 г. Имущество (ее) – 60 десятин земли в Миусском округе и приобретенные 2 дома в ст. Усть-Белокалитвенской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1236, ПС Чернова В.Е. за 1864 г.].

Осип Данилович, из казачьих детей, р. ок. 1847 г., казак Калитвенской ст.

В службе казаком с 1 января 1867 г. В Учебном полку с 15 мая 1871 г. по 15 мая 1874 г. Урядником с 9 мая 1874 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 186, ПС за 1874 г.].

Конец XIX – начало XX веков

Александр, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 мая 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик в комплекте ДКП; хорунжим с 8 мая 1917 г. со старш. с 1 января 1916 г. [Выс. приказы].

Александр Николаевич, р. 1887 г.; образование: 5 классов гимназии и НКЮУ.

Хорунжим с 1 мая 1916 г.; сотником с 25 декабря 1918 г.; на весну 1920 г. в Донском офицерском резерве. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 268 об.].

Василий, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 октября 1916 г. со старш. с 1 июня 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. [Выс. приказы].

Василий Михайлович, из казачьих детей, р. 22 марта 1890 г., казак Калитвенской ст.; окончил городское училище и НКЮУ по 2 разряду.

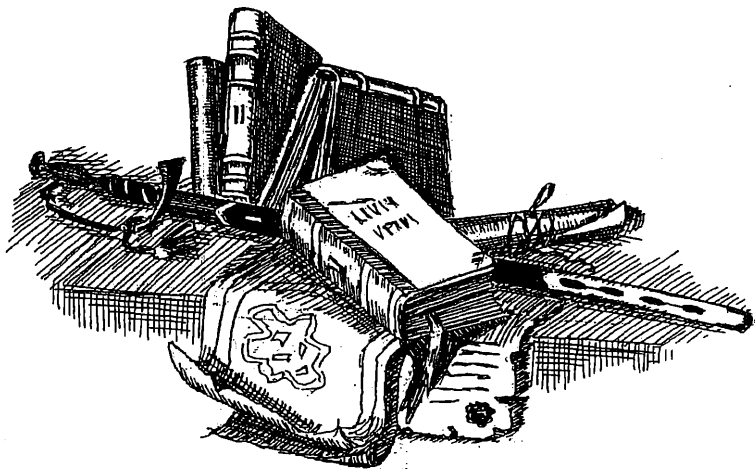
Юнкером с 1906 г. Произведен в хорунжие 6 августа 1909 г. с зачислением в полк № 9. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 585, ПС за 1909 г.].

Хорунжий; сотником с 5 октября 1913 г. со старш. с 6 августа 1913 г. Сотник полка № 9; награжден С-3 – 6 мая 1913 г. Сотник полка № 26; за отличие в делах награжден: А-3 МБ и С-2 М – оба 3 февраля 1915 г., В-4 МБ – 5 мая 1916 г., Выс. благоволением – 27 августа 1915 г. Сотник полка № 26; подьесаулом с 23 мая 1916 г. со старш. с 13 августа 1915 г. Подьесаул полка № 26; за отл. в делах награжден: чином есаула – 4 октября 1916 г. со старш. с 20 февраля 1916 г., А-4 – 31 мая 1916 г.; Георг. оружием *“за то, что будучи в чине сотника, в бою 24 января 1916 г. у д. Гривнек, командуя сотней партизан и получив приказание атаковать сильно укрепленную позицию, не взирая на губительный огонь, преодолевая с большим трудом проволочные заграждения, с криком «ура» ворвался в немецкие окопы, где, работая штыками, ручными гранатами и в рукопашную, быстро покончил с ротой противника, которая большей частью была переколота и только небольшой части удалось бежать, а 12 человек взяты в плен”* 23 января 1917 г. [Выс. приказы].

Другие материалы о В.М. представлены ниже.

Татьяна Николаевна, жена Коллежского Ассессора, владелица деревянного дома в Новочеркасске по адресу: Атаманская ул. (от Железнодорожной ул. до Марининской ул.), д. № 5а. [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасс, 1896, с. 26].

?, Коллежский Секретарь, в Донской армии; на весну 1920 г. делопроизводителем Донского вещевого склада. Титулярным Советником с 30 января 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

«Донская волна». Памяти Чернецова

Выпуск № 10 «Донской волны», вышедший в свет 12 августа 1918 г., посвящен памяти В.М. Чернецова. Такой чести были удостоены еще только два человека: А.М. Каледин (вып. № 2) и писатель Ф.Д. Крюкову (вып № 23 от 18 ноября 1918 г.). Ниже предлагаются статьи из данного журнала (вып. № 10). Пропущены только те материалы, которые не имеют непосредственного отношения к В.М. На обложке журнала представлен портрет В.М. Копия его изображена на с. 163.

* * *

Статья Виктора Севского «Богатыри младшие» [с. 2 – 3].

«Атаман Каледин, атаман Назаров – это на Дону богатыри старшие. Василий Чернецов, Эммануил Семилетов, Федор Назаров – богатыри младшие. От них повелось донские партизаны.

Василий Михайлович Чернецов – коренастый, мускулистый молодой человек со смуглым лицом, на котором играл румянец, зрелая вишня на френче, был первым донским партизаном. Приготовительный класс партизанства он прошел на фронте и на Дон принес не одного Владимира на груди, но и опыт, а с отвагой в груди он родился в своей Калитве.

- Есаул – конфетка, - для гимназисток.

- Он, есаул! – для студентов и гимназисток.

Ему было всего двадцать семь лет, но славы, добытой за три месяца гражданской войны, хватило-бы и до седых волос. Комendant на Макеевских рудниках. Это начало его карьеры и ярлык для начала: - Угольных дел мастер.

Присутствует на митингах, выступает в Совете. Рабочие, «краснеющие» от агитаторов, косятся на молодого есаула, но только молчат. Дон идет налево – Чернецов покидает рудники. Присутствует на круге – кипяток-есаул. Каледин идет на Ростов – Чернецов формирует свой отряд.

Старый режим сгонял казаков в эшелоны и отправлял их за тридевять земель от родной земли отбывать воинскую повинность. И в этих полках постепенно умира-

ло казачество. Оставались лихие чубы, парусили широкие шаровары с лампасами, шапки были у всех набекрень, но казачества не было. Стоило продержатъ казаков три года в окопах, развеять их по широкому фронту, чтобы от казачества остались только воспоминания, а войсковое правительство в наследство от старого режима получило казачьи полки, в которых возможна и сдача оружия большевикам, и выдача офицеров, и даже открытй мятеж, как это было в Каменской станице. На всех кругах была рознь между фронтовым казачеством и стариками. Старики оставались казаками, сидя у родной реки на родной земле; молодежь в Галиции и на Карпатах забыла о Доне. С грустью нужно было признаться: казачество умерло. Шаровары были на колоссе, у которого глиняные ноги, а голова, угрожаемая по большевизму. Но казачество воскресло. То казачество, на пенсию славы которого жило бывшее казачество несколько веков. Воскресли в степях те удалцы, которые когда-то на границах России дрались за ее честь и славу. Воскресли вольные казаки.

Кликнул клич Василий Чернецов и к нему стекались удалцы, в ком кровь по жилочкам переливалась. В маленьком румянном есауле Чернецове живет старое казачество. Ему двадцать семь лет, а о нем говорили его партизаны, и не юноши из кадетского корпуса, а поручики, подпоручики, ротами командовавшие на фронте, батальоны водившие в бой, а теперь скромные рядовые партизаны:

- Он ! Есаул !

Атаман удалцов. Под Ростов Чернецов не успел пойти со своим отрядом – без него завоевали. Чернецов жаловался:

- Ну зачем Каледину Ростов, если у него Луцк был.

С отрядом Чернецов пошел опять по угольному району, пошел и, едва вышел, уже слева клеили ярлык: - Донской Ренненкамф !

На третьем круге он докладывал о своем первом походе на рудники. Разоружал тысячи рабочих, появляясь всюду, где пахло порохом и нигде не пролил ни одной капли крови. Даже гласные демократических дум городов угольного района, приезжавшие с жалобами на есаула, не могли указать на насилия и зверства, есаула и его партизан.

- Красный флаг порвали. – Сало поели.

Есаул признавался:

- Был такой грех, казаки красный флаг порвали себе на лампасы.

- Был и такой грех, - сало съели голодные партизаны, когда узнали, что сало адресовано большевикам в Горловку.

Старики аплодировали есаулу: - Бескровный завоеватель.

Даже никогда не аплодировавший Каледин приветствовал Чернецова. Был есаул то время плетью казачества, которая устрасала, но не секла.

На станции Дебальцево, куда есаул Чернецов попал со своим отрядом по пути в Макеевку, паровоз и пять вагонов были задержаны. Есаул вышел из вагона и нагнулся на члена военно-революционного комитета. Солдатская шинель, барашковая шапка, за спиной – винтовка штыком вниз.

- Есаул Чернецов ? - Да. А ты кто ?

- Я член военно-революционного комитета. Прошу на меня не "тыкать".

- Солдат ? - Да. – Руки по швам ! Смирно, когда говоришь с есаулом !

Член военно-революционного комитета вытянул руки по швам и испуганно глядел на есаула. Два его спутника – понурые серые фигуры – потянулись назад, полагая от есаула.

- Ты задержал мой поезд ? - Я.

- Чтобы через четверть часа поезд пошел дальше. – Слушаю-сь !

Не через четверть часа, а через пять минут поезд отошел от станции.

О приближении отряда Чернецова давались врагами телеграммы:

- Берегись, едет Чернец !

“Чернеца” ждали с одной стороны – он появлялся с другой.

- Я люблю красивую жизнь и строю ее по-красивому, - говорил Чернецов. И действительно строил по-красивому. Не даром чуткая к красоте молодежь шла за ним, пела о нем песни и творила легенды о нем.

- Но проснулся донской Степан Разин – сын степей, есаул Чернецов.

У него все было красиво и ярко. Даже его помощник Василий Курочкин был его тезкой. Не только по календарю, но и в битве. Лихой рубака, воин и певец красоты, влюбленный в молодежь.

- Поводов для кровопролития каждый день много, но у меня в отряде юнкера, кадеты, гимназисты. Их матерям я клятвы давал беречь их сыновей. И берегу.

Видел есаул Чернецов, как хоронили в Новочеркасске павших в боях с большевиками под Ростовом. Под заунывный колокол соборный по Платовскому проспекту мимо аллеи из тополей тянулись белые гробы защитников Дона. Видел гробы есаул Чернецов и крепко блюл клятву, данную донским матерям.

Чернецов и Каледин. Он один был у Каледина, старого атамана – рыцарь верный. И недаром, когда казаки восстали против Каледина, из угольной царства появился в Новочеркасске. Последний козырь Каледина. На Глубокой его не стало. Он пал в понедельник. И суеверные говорили: жди беды и в следующий понедельник. Напророчили: через неделю – в понедельник 29 января не стало и Каледина и в понедельник 12 февраля пришли в Новочеркасск мятежные казаки Голубова.

Что значит Чернецов для донской истории ? То же, что стихотворение в прозе для литературы. Каледин – это сага. Спокойная и эпически простая. Чернецов – вихрь экстаза, порыв степного ветра и долгий шепот седого ковыля, когда ветер пронесся.”

Примечание. Еще две части статьи посвящены Эммануилу Семилетову и Федору Назарову. [с. 3 – 4].

Статья С. Гордеева «Чернецов» [с. 4 – 5].

“

Безумству храбрых поем мы славу. Горький.

I.

Гудят многолюдные казачьи круги. Льются потоки слов о «текущих моментах» В словесных боях рождаются резолюции о поддержке правительства «постольку, поскольку»... На трибуне есаул Чернецов, Энергично и звонко, точно молотком по металлу, отбивает свое, независимое, вразрез с целым кругом.

- Поддержать, признать Правительство, закрепить свободы... - Господа, ведь это слова, что дадите вы на деле ? Где ваши реальные силы ?

Настойчиво и смело подчеркивал Чернецов разницу между жизнью и революцией. Подчеркивал и оказался прав бесконечно: когда пришло время защищать свою родную землю от внешней напасти и свое донское правительство обратилось за «реальными силами», то за резолюциям и нашло пустое место. На опасном посту оказался только один Чернецов со своими партизанами. Слово и дело не разошлись у героя казачьей трибуны, героя и в «реальном» бою.

II.

Макеевский горнозаводской район – это сердце юга России, это – царство углекопов буйных, как вешние потоки, это столица политических страстей... и в ней Чернецов со своей сотней казаков. В дни революции оттуда неслись угрозы миру капитализма, там рождались ядом напоенные слова: долой штыки, долой нагайки, долой казаков – наемников капитала, смерть буржуазам и их приспешникам.

А Чернецов не пропускал ни одного митинга, молча стоял в стороне или чаще садился у председательского столика и слушал. Временами товарищи с пеною у рта, с сердцами, опаленными злобою, бросались к Чернецову. Сотни сжатых кулаков поднимались в воздух, а он неизменно один восставал против толпы; против всех в защиту закона, правительства, в защиту исконных прав казачества. Смелость Чернецова была изумительной, легендарной среди углекопов.

На одном из митингов он сидит среди накаленной толпы, закинув нога за ногу и стеком щелкая по сапогу. Кто-то из толпы обозвал его поведение нахальным. Толпа заревела. Чернецов быстро появился на трибуне и среди тишины спросил: - «Кто назвал мое поведение нахальным?». Ответа не последовало, тогда Чернецов, издеваясь над трусостью толпы, еще раз переспросил:

- Значит никто не называл? Та-а-ак!

И снова принял ту же позу. Ужас перед Чернецовым был велик безгранично; его именем матери пугали детей. Однажды на одном из митингов Чернецова арестовали; тесным кольцом сдавила враждебная толпа его автомобиль. Чернецов вынул часы и заявил:

- Через 10 минут здесь будет моя сотня... Задерживать меня не советую...

Знали буйные, что такое сотня Чернецова... Многие рабочие искренне верили, что Чернецов со своею сотнею, если захочет, то зайдет с краю и загонит в Азовское море население всех рудников. Арест не состоялся.

III.

Ростовский вокзал залит огнями, забит народом. Встречаю Чернецова. Говорим о делах общественных. Рядом с нами хорошенькая соседка-татарка, девушка лет восемнадцати.

- Хотите – познакомлю, - вдруг неожиданно заявляет Чернецов, - ведь она хороша. Правда?

Я смущенно знакомлюсь с соседкою.

- Приезжайте к нам на рудники, у нас есть и более красивые, чем она. Девушка с укором смотрит на Чернецова, но по лицу ее видно, что любовь прощает все.

Через несколько дней я снова был на рудниках.

- А татарочку помните? Ее уж нет. Вчера она застрелилась, - сообщил Чернецов.

Железное спокойствие, невозмутимое лицо Чернецова изумили меня до крайности и невольно в памяти моей вырос образ атамана Разина. Энергичный командант без сердца и жалости – так звали Чернецова девушки. Кипучая энергия, дикая смелость, цельность натуры, широкий разгул, - неудержимо влекли к нему молодежь и женщин. Точно опилки к магниту тянулись они к Чернецову, безропотно отдавая все до жизни включительно.

IV.

Каменский вокзал. На платформе трупы убитых в бою партизан. В самом вокзале лошади. Еще дальше почерневшие от пыли и пороха точно муравьи снуют партизаны Чернецова. В уборной штаб отряда, настроение унылое. На измену наткнулся отряд Чернецова и не возвратился... Нет и Чернецова и никто не знает: жив ли он или убит. Чувствуется, что замирает сердце отряда...

На безумный подвиг пошел Чернецов с горстью партизан: пошел на ст. Глубокую, где скопились эшелоны с тысячами красноармейцев. Пошел днем, ночью ворвался на станцию, усеял ее сотнями вражеских трупов и под утро отошел от станции в сторону. А здесь, точно коршун над степью, вился Николай Голубов с полком казаков – изменников. Пулеметным и артиллерийским огнем стал добивать измученных партизан. Сорок человек партизан бились до вечера и сдались, когда не осталось патронов. Но и в плену, верный сын Дона, полковника Чернецов, остался смелым и решительным до конца.

В темных вечерних сумерках, услышав чьи-то выстрелы, Чернецов, крикнув: «идут наши», безоружный бросился на конвоиров, внес панику и спас своих партизан, укрывшихся в темноте, но не спасся сам. Чернецов погиб от рук предателей Дона, погиб во имя любви к родному краю, родному казачеству, но не погибло его дело – любовь к Дону.

- Энергия Чернецова, его отвага, безумная смелость, презрение к смерти, - остались в сердцах его юных сподвижников – партизан. Точно былинки в поле стояли они одиноко воины-дети против урагана большевизма; тяжко пулись, надламывались и гибли, но пережили бурю и возродили, вернули к жизни родимый край”.

Статья П. Криндача «Чернецов на “Щетове”» (Эпизоды из второго похода) [с. 5 – 6].

I.

Вот мы и на фронте. Мой приятель и я только что прибыли на станцию “Щетово” в качестве “пополнения” в Чернецовский отряд. Я, студент – обыватель, представляющий себе войну по книгам и газетам, удивленно осматриваюсь кругом. Разве это война ? Разве это фронт ? Зная об отряде и его действиях только по наслышке, я, по простоте обывательской, думал найти здесь нервную суетливость ближайшего тыла, а там невдалеке, пройдя немного вперед, настоящий фронт с его окопами, проволочкой, ревом орудий и пулеметным таканьем.

Оказалось – ничего подобного. Маленькую станцию и прилегающий к ней поселок пушистой пеленой покрывает снег. Тихо, пустынно и немного торжественно. Разве изредка прорежет воздух резкий гудок маневрового паровоза да мелькнет серая фигура партизана в поисках утреннего кипятка. На фронте боевое загишье и отряд живет мирной лагерной жизнью. Весь отряд размещен в одном эшелоне, составленном в большей части из пассажирских вагонов. Пара орудий, походная кухня, расположенные на платформах, кажутся резким диссонансом и придают поезду какой-то несуразный полустатский, полумоношный вид.

Как непохоже все это на то, что рисовалось мне по дороге к “Щетову”. И в войне и в отряде чудится мне что-то ненастоящее, игрушечное. Однако, надо явиться к командиру. С помощью тринадцатилетнего дитяты, одетого в шинель и гордо именующего себя партизаном, мы расковыряет Чернецова в офицерском вагоне. Коренастый, небольшого роста человек с открытым румяным лицом стоит перед нами и отрывисто и резко бросает фразы. После обычных вопросов – заявление:

- Мои партизаны знают только один приказ - вперед; осмотритесь здесь хорошенько: малодушным и неженкам нет у меня места, если покажется тяжелым, можете вернуться.

Нас определяют во второй взвод и отпускают. Явившись в комфортабельный пульмановский вагон третьего класса, где помещается взвод, мы жадно набрасываемся с расспросами и на своих будущих соратников.

- Где противник ? Какова его численность ? Сколько наших ?

Мы узнаем, что противник, силою до нескольких тысяч, находится в районе “Дебальцево” и держится пассивно. Наша задача – держать его в постоянном страхе и, не позволяя ему наступать, беспokoить его налетами. Ребята только позавчера совершили такой налет на “Дебальцево”, а потому разговор вертится исключительно около недавних боевых встреч. С трудом прервав поток красноречия об одержанном успехе, мы наконец узнаем численность нашего отряда. Не больше и не меньше как 140 бойцов... Это невероятно – несколько тысяч против ста сорока !

- Но ведь мы – Чернецовские партизаны, - самоуверенно заявляет то самое “дитя”, что водило нас к есаулу.

Несколько недель спустя, под Каменской и Лихой я убедился в правоте его слов. Тот же самый малыш рассказывает нам об отряде, о быте его и правах. Делит-

ся он на четыре взвода; каждому из них партизаны присвоили специальное название. Первый называется взводом "вольноопределяющихся", третий – "кадетским", четвертый, почему-то, "непромокаемым". Наш взвод названия не имеет. Я назвал бы его "винегретным" – настолько разнятся между собою мои новые товарищи по своему социальному положению и возрасту. В кучке партизан, тесно собравшихся в кружок и отчаянно дующихся в три листика, я различаю безусые лица еще не служивших станичников и крестьян. Пара столь шумевших казаков-фронтовиков принимают деятельное участие в игре. Завистливо смотрят на играющих малыши, вроде моего первого знакомого – ученики городского училища. И старшие, и карман не позволяют им играть. Седоусый дед – станичник неодобрительно поглядывает на игру и бормочет что-то старческое, ворчливое. Нагорит же играющим, если поручик Курочкин, старший офицер и правая рука Чернецова, узнает об этом. Но сильна у партизана любовь к острым ощущениям, хотя бы даже карточным...

С первой полки доносится чувствительный романс:

- "Полюбил всей душой я девицу"...

Ищу глазами исполнителя и вижу парня с лукавой рожей и бойкими, насмешливыми глазами. Подхожу, завязываю разговор, оказывается, передо мной никто иной, как лакей из киевского кафешантана. Наконец, нас, вновь прибывших, вызывают и выдают обмундирование и винтовки.

- "Большевицкое", - усмехается офицер, заведующий складом, - только позавчера захватили! Мы облачаемся в шинель, натягивает сапоги, папаху. Затем нам показывают ружейные приемы. Эта процедура длится не более пяти минут. Военное образование этим и кончается, - мы стали заправскими, боевыми партизанами.

II.

Нудно и однообразно проходят на "Щетове" Рождественские праздники. Боевых действий нет. Враг, видимо, никак не может оправиться от жестокой трепки, заданной ему нашими под Дебальцевом, молча зализывает он свои раны, не проявляя не малейшего желания наступать. Тоскливо тянутся серые зимние дни, скучно празднуем Новый год. Однообразие лишь изредка нарушается посылкой взвода на станцию "Колпаково". Это – наша передовая застава, каждому взводу по очереди приходится здесь дежурить. В одно из этих дежурств мне посчастливилось быть свидетелем довольно интересной сцены.

Хмурый январский вечер. Мой приятель и я сидим в телеграфной комнате ст. "Колпаково" в качестве телефонистов при полевом аппарате. В двух шагах от нас помещается железнодорожный телеграф. Заспанный "вижгель" клюет перед ним носом, сладко посапывая. Царит тишина, изредка прерываемая проверочным пищанием нашего телефона. Вдруг раздается призывный телеграфный стук; служащий пробуждается от спячки, прислушивается.

- "Дебальцево" хочет соединиться со "Щетовым" и просит провода.

Желание исполнено и аппарат снова начинает стучать. Наш взводный офицер, находящийся тут же, заинтересовавшись происходящим, приказывает телеграфисту включить ленту и читать. Вот, что выстукивал аппарат:

Дебальцево: - Я, главнокомандующий доблестными революционными войсками, хочу вести переговоры с вашим главнокомандующим, прошу ответа.

Щетово: - Я, командующий казачьими силами, есаул Чернецов, у аппарата, что вам нужно и как вас зовут?

Дебальцево: - Я предлагаю вам мирные переговоры; каковы ваши условия? До имени моего нет вам дела.

Щетово: - Думаю, переговоры эти все-равно ни к чему не приведут, Впрочем, если вам так хочется узнать мои условия, "товарищ" таинственный главоверх, то вот они: все ваши "доблестные" революционные войска должны немедленно сложить оружие и выслать таковое в распоряжение моих войск; вы же и местные ваши комис-

сары явятся ко мне в качестве заложников. Это будет для начала, а там дальше посмотрим.

В ответ на это следует бешеный фонтан большевистского красноречия с его "гидрами контр-революции", "ножом в спину пролетариата" и т.д. Каскад красноречия главковерха кончается категорическим отказом от каких бы то ни было переговоров. Аппарат замолкает, телеграфист снова собирается задремать, но нет — лента побегала опять.

Щегово выстукивает: "Официальные разговоры кончены; позвольте же мне, старому войке, сказать на прощание несколько частных слов вам, неведомый главковерх, стыдящийся своего имени. Я, конечно, не сомневаюсь в вашем блестящем знании и опытности в боевом деле, приобретенных вами, по всей вероятности, в бытность вашу чистильщиком сапог где-нибудь на улицах Ростова или Харькова. Все же мне, почему-то кажется, что вас вскоре постигнет участь друга вашего Коняева (комиссар Коняев был пригвожден штыками к вагону во время налета партизан на Дебальцево). То же самое получат и все присные ваши: Бронштейны, Нахамкесы и прочие правители советской державы. Напоследок позвольте у вас спросить: все ли вы продали, или еще, что осталось? Ну, до скорого свидания, ждите нас в гости!.."

Главковерх ошелшил — не отвечает.

В едких презрительно-насмешливых словах Чернецова, как нельзя, лучше сказался его характер: гордый и смелый, быстрый и решительный. Непостижимым образом умел он вливать эти качества в души своих партизан, превращая слабых полу-детей в отважных бойцов, а большевистские полчища в панически бегущее стадо."

Статья «Последний Чернецовский поход», подписана — Чернецовец [с. 6 — 10].

"Редакция охотно предоставляет место бесхитростному рассказу рядового-чернецовца о подвигах и лишениях его отряда, первого вставшего на защиту Дона.

14 января есаул Чернецов повел своих партизан в последний поход. Поход, из которого ему не суждено было вернуться. Александровск-Грушевск, Сулин, Горная, Звереве были заняты без боя. В Звереве оставили заслон из 56 офицеров под начальством есаула Лазарева и двинулись дальше. В Замчалове захватили первых пленных. Один из них носил фамилию Дыбенко. Можно себе представить радость партизан, думавших, что попался знаменитый матрос.

На Лихой в это время находились мятежные казачьи полки. Есаул предложил им сложить оружие и очистить станцию. На размышление было дано 15 минут. Срок истек, ответа получено не было и Чернецов приказал начать наступление. Однако, до боя не дошло, ибо "храбрые" революционные войска удрали после двух шрапнелей, разорвавшихся где-то далеко за вокзалом. В Лихой переночевали. Чернецов вел какие-то переговоры с Подтелковым. 16 января около 3 часов дня двинулись на Каменскую. Не доезжая Северного Донца, разведчики обнаружили цепи противника. Эшелоны остановились. Партизаны выскакивают из вагонов. Минут 15 — 20 ожесточенного артиллерийского, пулеметного и ружейного огня со стороны противника и редкого, выдержанного с нашей; потом «ура!»... и противник, бросая оружие, бросился убежать. А за ним было и численное превосходство; и большое количество орудий и лучшая позиция—например, пулеметные гнезда были сложены из дикого камня и т.д.

Здесь нужно сказать, что на левом фланге большевиков были казаки гвардейских полков, но, так как они огня не открывали, то и в них было приказано не стрелять. Если верить свидетельству лейб-казачьего офицера, бывшего со своей сотней в цепи (командир 3-й сотни лейб-гвардии казачьего полка под-есаул герцог Лейттен-

бергский), его казаки были настолько поражены смелостью Чернецовских артиллеристов и, особенно, наблюдателя, корректировавшего стрельбу, сидя на телеграфном столбе без всякого прикрытия, что казаки решили уходить, говоря:

- Нет, с такими кадетами нам не драться...

17-го утром были в Каменской. Тепло и радостно принимало население партизан. Останавливали на улицах, расспрашивали, приглашали в дом, предлагали папиросы. Помню особенно какую-то старушку со слезами на глазах твердившую:

- Казачата храбрые... Дети-солдатики малые... и совашую всем проходившим целые пачки папирос.

К вечеру у эшелонов появились дамы и барышни с корзинами и кошелками с едой; в зале 1-го класса они же устроили бесплатный буфет для партизан, функционировавший во все время стоянки. Поздно вечером пришло сообщение, что на Лихой неблагополучно. На рассвете 18 января туда была послана первая сотня, состоявшая из старых партизан, и оба орудия. Общая численность отряда, которым командовал поручик Курочкин, любимец старых партизан, равнялась 140 – 150 человек. Под Лихой эти испытанные во многих боевых столкновениях партизаны, держали серьезный экзамен. Держали и выдержали, и притом блестяще. Правда, тяжело было чернецовцам, большим потерям, одиннадцатью молодыми жизнями пришлось заплатить за победу. Но ведь недаром же против ничтожного по числу бойцов отряда “главковерхи” двинули свыше двух с половиной тысяч красногвардейцев, большую половину которых составляли латышские стрелки и военнопленные – лучшие советские войска, а против двух наших легких орудий полевою батареей и взвод тяжелой артиллерии. И, все-таки, когда поручик Курочкин, осколком гранаты раненный в голову, повел свой отряд в решительную атаку, красные не выдержали и обратились в панические бегство.

Потери большевиков были очень значительны – свыше 300 трупов осталось на месте, особенно много было их на левом фланге, который попал под перекрестный пулеметный огонь. Среди убитых был и командующий этим отрядом красногвардеец Макаров. Партизаны взяли богатые трофеи – массу оружия (одних пулеметов 16) и целый поезд, груженный снаряжением, мануфактурой и различными припасами – копченой и маринованной рыбой, сушеными абрикосами, изюмом, миндалем. Партизаны, усталые, голодные, едва кончился бой, бросились к вагонам отбитого поезда и принялись хватать вкусную снедь. Поручик же Курочкин метался от вагона к вагону, отгоняя партизан, то угрожая, то умоляя не позорить доброго имени отряда.

- Ведь дай только пищу злым языкам !

Партизаны отошли от вагонов, но тут прибыл из Каменской Чернецов и первым делом обратился к Курочкину.

- Ну как дела, поручик ? - Плохо, г. есаул. – Что такое ? Вас разбили ?

- Хуже ! - Вы потеряли отряд ? – Хуже ! Они грабили захваченный поезд !

Чернецов усмехнулся: - Пустяки, г. поручик.

И, обращаясь к партизанам, крикнул:

- За славную победу дарю этот поезд моим орлам.

Дружное «ура» и «спасибо» было ответом. Важное значение этих двух побед – под Северным Донцом и Лихой было признано Войсковым Правительством, которое наградило есаула Чернецова производством в полковники, а вся первая сотня представлена была к георгиевским медалям (кстати, это представление куда-то затерялось и многие партизаны, уже нашившие ленточки, теперь их снимают).

Характерно для Чернецова, что, когда его поздравляли с производством, он благодарил, но печально добавлял: - Слишком дорого это мне стоило... С удовольствием остался бы в прежнем чине – были бы живы мои орлята !

19-го после полудня была назначена на Каменском вокзале торжественная панихида по павшим героям. Панихида эта не состоялась, в виду того, что как раз к

назначенному для нее времени к железнодорожному мосту со стороны Глубокой пришел эшелон в пять вагонов пехоты при 3-х орудиях, из которых большевики и начали обстреливать вокзал. Стреляли как всегда – плохо; первый снаряд попал в дом начальника станции и оторвал ноги какому-то старику, второй разорвался перед нашими эшелонами, третий сзади. Казалось, мы попали ввилку и следующие выстрелы должны были дать попадание, однако снаряды стали ложиться Бог знает где.

В Каменской орудий не было – они были на Лихой, но высланной жиденькой цепью с несколькими пулеметами красногвардейцы были отогнаны. Остаток дня прошел спокойно. С Лихой Чернецов вызвал орудие, позвал разведчиков, приказал к 4 часам ночи приготовить подводы: подготавливался поход на Глубокую. План был очень прост: - по железной дороге часть отряда, не помню под чьим начальством, должна была произвести демонстрацию. Полковник же с главными силами в 120 человек и одним орудием предполагал грунтовыми дорогами и зайти в тыл неприятелю и внезапным ударом овладеть станцией. 20 января в 8 часов утра выехала из Каменской почему-то запоздавшая обходная колонна. Демонстрация, начавшаяся в назначенное время, удалась как нельзя лучше и в Каменской с часу на час ждали от Чернецова вестей о новой победе.

Однако, наступила ночь, а полковник не давал о себе знать. В штабе начали тревожиться. Адьютант, поручик Личко, предложил некоторым каменским офицерам – своих людей было мало и все были заняты – отправиться разездом на Глубокую, чтобы войти в связь с отрядом. Но сперва не было желающих, когда же после настойчивых просьб такие-то нашлись, у них не оказалось лошадей... словом, этот проект оставили. Уже ночью пришла весточка от Чернецова. Вернулся подполковник Морозов, бывший на левом фланге ушедшего отряда. Он сообщил, что его отряд в 35 человек оторвался от главных сил, что Глубокая была занята после упорного боя, а потом оставлена, что он связь с отрядом восстановить не мог, а потому вернулся в станцию. Относительно же полковника и дальнейших его действий высказал предположение, что Чернецов займет станцию снова и не позже следующего утра даст о себе знать. Наступило утро 21 января. От Чернецова вестей не было, можно было только предполагать, что он вел бой, так как со стороны Глубокой слышался гул артиллерийской стрельбы.

Чтобы выяснить положение, один из офицеров отряда, кажется есаул Упорников, предложил сделать разведку по полотну железной дороги. Разведчики – есаул Упорников, прапорщик Болтушников и два партизана, взяв пулемет, отправились на паровозе к Глубокой. Приблизительно на полдороге они заметили, очевидно, дозорных, верховых казаков. Едва последние заметили паровоз, они поспешно повернули и скрылись, а через минуте неведомая батарея, к которой, вероятно, принадлежали казаки, начала обстреливать разведчиков. Однако, им удалось благополучно добраться почти до самой Глубокой когда на встречу неожиданно выскочил большевистский паровоз с орудием на платформе, которое и открыло огонь по нашему паровозу. Разведчики, отстреливаясь из пулемета, повернули обратно и без потерь вернулись в Каменскую.

Вскоре после их возвращения наша застава донесла, что к станции идет эшелон противника с орудиями на платформах. Штаб спешно вытребовал из Лихой второе орудие (первое ушло в обход с Чернецовым). С орудием прибыл есаул Лазарев и остатки его офицерского отряда, который был оставлен в Звереве, подвергся нападению красных, выдержал жестокий бой и, несмотря на большие потери, сумел удерживать станцию до прихода подкреплений из Новочеркасска.

Лазарев тотчас же двинулся навстречу противнику, взяв всего 20 – 25 партизан (больше свободных не было) и разместив их в большом, “длина внушительности” количестве вагонов. Довольно быстро противник был сбит и, преследуя его по пятам, Лазарев, вероятно, с налету захватил бы Глубокую, но встреченные делегаты: уряд-

ник 27-го казачьего полка, доктор Чернецовского отряда и партизан, - сообщили настолько важные и неожиданные сведения о пленении полковника Чернецова и его отряда сводным казачьим отрядом войскового старшины Голубова, который и послал этих делегатов в Каменскую, чтобы Лазарев остановил наступление и повернул обратно, спеша доставить делегацию в штаб.

В штабе доктор сообщил, что он и партизан отпущены с голубовским казаком для того, чтобы последнему скорее поверили; относительно же Чернецова сообщил, что он 20 января занимал Глубокую, выбив оттуда сильный отряд красной гвардии, понесший огромные потери, но к ночи, имея перед собой превосходные силы противника и, не делая жертвовать людьми, оставил станцию и остановился ночевать в балке. Утром 21-го отряд оказался окруженным мятежными голубовским и казаками.

Завязался бой и когда у партизан, сильно пострадавших от артиллерийского огня – сам полковник был ранен в ногу – оказались подбитыми пулеметы, да и запас патронов истощился, Чернецов, жалея своих "орлят" и не желая допустить их уничтожения, с 35 – 40 человеками сдался Голубову.

Казачи обезоружили партизан и отвели их в хутор Гусев, где он, доктор, сделал раненному полковнику перевязку, а затем был отправлен в Каменскую. Делегат Голубова, урядник, ничего к этому рассказу не добавил, но передал генералу Усачеву, который в это время находился в штабе, письмо от Чернецова с голубовской припиской. В этом письме Чернецов сообщал о своем ранении и плене и просил приостановить военные действия и добиться освобождения захваченных с ним партизан. Интересно, что этот делегат, не зная хорошенько, зачем его послали; в конце концов, когда Усачев стал стыдить его за участие в столь гнусном деле, начал просить, чтобы его зачислили в партизанский отряд.

Партизан сообщил то же, что и доктор, но в его рассказе была маленькая подробность, которая лучше всяких характеристик показывает, что за человек был Чернецов: когда полковник начал переговоры с Голубовым, партизаны, понимая какая участь ждет вождя, если он попадет в руки красных, обратились к нему с просьбой разрешить им ударить в штыки с тем, чтобы он, воспользовавшись сумятицей, ускакал, но Чернецов отказался: - Вы шли за мной, - если вы погибните – с вами погибну и я... Спасаться за ваш счет не могу...

После непродолжительного совещания решено было послать Голубову ответную делегацию, которая должна была добиться освобождения пленников и доставить три записки от генерала Усачева командиру 27 казачьего полка, полковому комитету и Голубову, в которых генерал требовал немедленно освобождение партизан, доставки раненого полковника в Каменскую и подчинения Войсковому Правительству.

Делегатами вызвались ехать – хоруный Матвеев и партизаны: студент политехникума Александрин, казак – урядник 24 полка Кубанкин и еще один пожилой урядник, фамилию которого, к сожалению, не помню; проводником должен был быть голубовский посланец. Еще до отъезда нашей делегации в штаб явился первый беглец из голубовского плена, сильно усталый и с окровавленным лицом (удар казачьей нагайки), очевидно под влиянием пережитого. Что-то очень путано сообщивший об уничтожении казаками пленных. Делегатов все же отправили с тем, чтобы, если слова прибывшего подтвердятся, они привезли хотя бы тела погибших.

Интересно отметить, насколько плохо было осведомлено Войсковое Правительство об истинном положении. Вслед за отбытием наших делегатов, начальник штаба был вызван к прямому проводу тогдашним походным атаманом генералом Назаровым, который приказал отряду уйти на Звереву и занять, выбивая постепенно красную гвардию, станцию Колпаково, поручив защиту Каменской войсковому старшине Голубову, который, кажется, сформировал уже свой отряд и находится где-то около Каменской. Когда же походному атаману было сообщено о нападении Голубова на отряд и о пленении Чернецова, походный атаман приказал выделить из отряда

небольшую часть в 100 человек, оставить их в Каменской, эвакуировав предварительно оттуда в Новочеркасск семьи военных и, по возможности, администрацию на случай занятия станции большевиками, -отряду же выполнить вышеуказанную задачу...

В Каменской в это время было всего 62 партизана – цифра точная, установленная повзводной проверкой. В течение всей этой ночи и весь следующий день в станцию по одиночке и группами прибывали беглецы, из рассказов которых выяснилось следующее: Сейчас же за отбытием делегатов в Каменскую Голубов решил за чем-то перевести своих пленников на Глубокую. Всю дорогу казаки измывались над партизанами – грозили и даже били их нагайками, особенно отличался в этом отношении Подтелков, ехавший рядом с Чернецовым, поносил последнего самыми гнусными словами и обещая ему выпустить из него кровь по капельке. Когда уже приближались к Глубокой, где-то поблизости раздалась артиллерийская стрельба (Лазарев вел наступление); Чернецов крикнул: «Наши идут ! – Вперед !» - ударил Подтелкова кулаком по лицу и поскакал, партизаны кинулись врассыпную.

Дальше показания партизан расходятся. Одни говорили, что видели, как полковник скрылся, другие видели его лошадь, но уже без всадника, некоторые же говорили даже, что видели, как Подтелков рубнул полковника шашкой. И, наоборот, были такие, которые утверждали, что Чернецов зарубил Подтелкова его же палашом.

Почти всем партизанам удалось спастись и только 9 человек попали в руки “доблестных казаков”. Трупы этих несчастных, страшно изуродованные, были впоследствии найдены на Глубокой. Около 4 часов утра 22 января вернулись в Каменскую хорунжий Матвеев, партизан Кубанкин и голубовский делегат. Они сообщили, что не найдя Голубова в хуторе Гусеве, они отправились на Глубокую, но Голубова и там не оказалось, а станция была оставлена красной гвардией.

Оставив на Глубокой двух партизан, делегаты вернулись и привезли с собой хорунжего Фролова, который провел целый день на станции, среди красногвардейцев, что ему позволял “товарищеский” костюм. Хорунжий Фролов доложил, что казаки привели своих пленников на Глубокую, где их отняли красногвардейцы и тут же прикончили, что Голубов, узнав об этом, был в большом отчаянии, проклинал комиссаров, кричал, что он гарантировал неприкосновенность пленных честным словом, что ему теперь придется застрелиться. На вопрос, почему оставлена станция, Фролов ответил, что наверное не знает, но красные видимо чего-то испугались. Он часто слышал имя Корнилова. После выяснилось, что большевики перехватили телеграмму, в которой говорилось об отбытии в Каменскую Корнилова с отрядом. Речь шла о штабс-ротмистре Корнилове, храброе же советское воинство, решив, что идет сам знаменитый генерал, почло за благо заранее убраться подальше.

С этого печального дня, т.е. с 21 января для отряда наступили черные дни. Правда, благодаря неутомимой энергии и несравненному мужеству начальника и беззаветной преданности своему делу партизан, на долю отряда выпадали и яркие успехи и удачи, но чувствовалось, что вместе с любимым вождем, в смерть которого так долго не хотелось верить, погасла и ярко сиявшая звезда отряда, не знавшего до этих пор поражений, умевшего только побеждать и знавшего только один приказ: “вперед”. 23-го часть партизан под начальством есаула Лазарева сделала налет на станцию Глубокую и хутора, расположенные вокруг нее. Когда отряд подходил к станции, большевики пустили навстречу нашему эшелону пустой паровоз, который, однако, не причинил вреда, т.к. был подбит удачным выстрелом из орудия. Лазарев без потерь занял Глубокую, захватил 6 полевых орудий, 16 зарядный ящиков, несколько походных кухонь, порядочно фуража и снаряжения и, подобрав трупы замученных партизан – голубовских пленников, вернулся в Каменскую.

24-го снова была сделана попытка занять Глубокую, но вследствие значительного превосходства сил противника и полученных тревожных сведений с Лихой и Звереве, отряд, взорвав полотно, отступил. 24 - го часть отряда, а именно – первая

сотня, была вызвана с Лихой, где она стояла, на Звереве и 25-го под Заповедной понесла поражение, потеряла много людей и вынуждена была отступить. По единогласному мнению участвовавших в бою – чернецовцев, поражение было следствием несогласованных и нерешительных действий прочих частей.

Чрезвычайно тяжело действовало это поражение на непривыкших к черным дням партизан. Первая сотня, оставив в Каменоломне бывшую при ней часть команды связи, проехала прямо в Новочеркасск. Впоследствии эти части принимали участие в боях под городом и особенно отличились под Каменоломней.

Вернемся теперь к каменскому гарнизону. 25-го большая его часть была вызвана на Лихую, откуда поступило сообщение о начавшемся энергичном наступлении красной гвардии. В то же время в виду Каменской появился большевистский эшелон, который и начал обстреливать станицу из четырех орудий. Это была демонстрация для отвлечения внимания от Лихой, но партизан было мало, орудий у них не было, а к большевикам на станицю Погорелое прибывали все новые и новые эшелоны.

Красные обнаггели, - огонь, ведшийся по железнодорожному и "деревянному" мосту, они перенесли на станицу, где разрушили несколько домов и, наконец, выпустили густые цепи, которые уже с дальнего расстояния открыли интенсивный ружейный и пулеметный огонь. Положение было почти критическое, но, во время подошедшее из Лихой орудие несколькими удачными выстрелами заставило большевиков отойти. Их поезд с трехдюймовками тоже ушел за бугор, но продолжал обстреливать привокзальную часть. Наша пушка отвечала. Перестрелка длилась до ночи.

Положение было тяжелое. Настроение плохое. Ведь партизан было так мало и уже ощущался недостаток в снарядах к единственному орудию, а большевики получали все новые подкрепления и всю ночь тревожили наших, пуская ракеты и освещая местность прожекторами. Утро 26-го не принесло ничего утешительного переутомленной горсти защитников станицы. С Лихой пришло сообщение о крупном сражении и об отступлении наших частей со Зверева. Правда, днем пришел 10-й полк и заявил о своем желании драться против красной гвардии, но чувствовалось, что помощь запоздала. Да и никто не верил в боевые способности митингующих казаков.

Любопытным показателем храбрости советских войск может служить то, что когда полк с музыкальной переходил "деревянный" мост, красные в панике бежали с Погорелова. Потом к Каменской опять подошел паровоз и вел перестрелку. Наши разведчики донесли, что Погорелово вновь занято 4 эшелонами пехоты с одной батареей.

Ночью с 27-го на 28-е бой на Лихой сделался весьма ожесточенным. Лазарев просил поддержки из Каменской, но там и так не хватало людей и генерал Усачев предложил 10-му полку выслать помощь. Казаки собрались на митинг, долго так и эдак обсуждали предложение и, наконец, выслали 11 человек. А красновардейцы получали все новые и новые свежие силы; упорство защитников и большие потери озлобляли их, и атаки делались все решительней и настойчивей. Наконец, пришлось Лихую оставить. Утром 28-го, взорвав пути, отряд есаула Лазарева отступил к Каменской. Теперь наступление шло с двух сторон. Партизаны, измученные непрерывным боем, имея только одно орудие и ограниченный запас снарядов, с трудом сдерживали бешеный натиск противника, почти в сто раз превосходившего их численностью. Когда же наше орудие было подбито, положение стало безвыходным.

Генерал Усачев решил уйти из Каменской по единственному, оставшемуся свободным пути – вдоль Донца. В 6 часов, когда большевистские банды уже заняли вокзал, партизаны в полном порядке, забрав почти всех раненых, все пулеметы и даже большое орудие, медленно спустились под обрыв и, провожаемые пулеметным огнем, двинулись на восток вдоль Донца.

Тяжел был этот поход. Стояла распутица и партизаны увязали в грязи, особенно тяжело были переправы через вздувшиеся от талой воды речки. Не ласково встречали их в хуторах и станицах, через которые пришлось проходить, да и сильно

волновали слухи, слухи о падении Новочеркасска, разгром добровольческой армии. Но партизаны не падали духом. Только на мгновение у чернецовцев опустели руки, -это когда пришла весть о смерти Каледина, но затем еще энергичней двинулись вперед, надеясь скорее дойти до города и,если можно еще, стать в ряды его защитников

В Новочеркасске часть партизан, больных и усталых, разошлась по домам, большая же часть стала в ряды защитников.

10 февраля чернецовцы ушли с добровольческой армией. Весь титанический поход они совершили в ее составе, поддерживая с честью свою славу. Зато из ушедших более 250 человек вернулось теперь на Дон всего несколько десятков, да и то почти все раненые. Из начальников же уцелело 3 – 4, остальные погибли.

Расстрелян генерал Усачев, пропал без вести поручик Личко; застрелился, не желая увеличивать обоза, тяжело раненный Болтушников; убит под Екатеринодаром храбрый Курочкин... Да всех не перечить ! Слава им и вечная память !”

Статья Георгия Олина «Чернецов и партизаны» [с. 11 – 12].

“Холодное пасмурное утро 21 января в Каменской в штабе Чернецовского отряда тревожно: от Чернецова, ушедшего в обход на глубокую нет вестей. Зато партизаны, сменившиеся с ночных дежурств и нарядов и греющиеся в зале 1-го класса чайком, настроены радужно.

- Что не слыхал, - спрашивает юнкер своего соседа, - когда ждут Чернецова ?

- Не знаю. А вот Морозов вернулся вчера вечером. В эту то ночь уж наверное полковник окончательно занял Глубокую.

Настроение приподнятое. Ни у кого и мысли нет о возможности неудачного исхода экспедиции. Штаб посылает разведочный паровоз – партизаны говорят: “Поехали к полковнику за приказами”. Слышен отдаленный гул орудий – “добивают красных”. Только на минуту, когда вслед за вернувшимся паровозом оказался большевистский эшелон, настроение партизан падает, они озадачены. Но сейчас же подыскивают объяснение: это красные, выбитые из Глубокой, мечутся между обоими нашими расположениями. И когда Лазарев с горсточкой людей бросается навстречу противнику, остающиеся с завистью смотря вслед счастливым – они завершат победу. А в штабе тревога растет. Стемнело. Накапывает мелкий-мелкий, но холодный дождик. Все свободные от службы собрались в зале вокруг самоваров и все те же разговоры о прошлых боях, о будущих победах, предположения о том, где сейчас и что делает Чернецов. Но вот в дверях появилась характерная фигура в серой черкесске, на груди белый крестик, на голове большая папаха и развевающийся башлык за плечами – Лазарев вернулся.

Но почему рядом с ним не видно так хорошо знакомой фигуры полковника ? Кто этот неизвестный казак, которого под конвоем провели в дамскую уборную – помещение штаба ? Почему туда же прошли, не отвечая на вопросы, доктор и партизан из тех, что ушли вчера с Чернецовым ?

Тревога и сомнения закрадываются в души партизан. От бывших с Лазаревым узнается и быстро распространяется зловещая новость – это посланцы Голубова, а Чернецов ранен и с частью отряда в плену у него.

- У Голубова ?! – Не может быть ! Ведь он в Черкасске... арестован... сидит на гауптвахте...

Но скоро слух подтверждается и на мгновение у партизан опускаются руки, но только на мгновение, а затем мелькает злая улыбка: отобьем !

Выводят голубовского казака, мрачно глядят на него чернецовцы, руки сурово сжимают винтовку... Вызывают охотников ехать в ответную делегацию. Изумлены партизаны: Как ответная делегация ?.. Разве не всех нас с пулеметами и винтовками пошлют требовать отчета у Голубова ? Партизаны ворчат, но покоряются. Находятся

желающие ехать. Но раньше, чем они отправились, является первый беглец из плена. Он еле идет, лицо окровавлено, бросает на-ходу:

- Ребят казаки порубили... Полковника, кажется, тоже...

Тихо стало в зале,... кто-то всхлипнул, сразу зашумели, посыпались угрозы, проклятия... В штабе старый урядник, вызвавшийся ехать делегатом, говорит генералу Усачеву: - Ваше превосходительство, Голубов изменил своему слову, но мы поедем, может хотя тела наших привезем, а если что с нами случится то семья вот этого Голубова (она живет здесь) пусть будет залогом.

Старик генерал успокаивает казака. Делегаты едут. Один за другим прибывают беглецы, из рассказов их выясняется картина пленения. Бегство партизан, погоня за ними казаков и у штабных является почти уверенностью, что Чернецов зарублен Подтелковым – слишком часто повторяют прибывающие, что видели, как Подтелков замахнулся шашкой, как лошадь полковника скакала без всадника... и все же теплилась надежда: «Нет ! Быть не может ! Жив Чернецов !»

А партизаны ? – Те после первого взрыва отчаяния просто не верят в возможность гибели Чернецова – Он жив ! Он скоро придет сюда !...

На рассвете возвращается делегация. Голубова не нашли. Глубокая брошена красными. Партизаны окончательно воспрянули духом.

- Ну конечно Чернецов бежал, не даром удрали с Глубокой "красногады". Боятся его мести. Весь день 22-го ждали с минуты на минуту своего вождя. Так и казалось, что раздастся сейчас его голос: - Здорово, орлы !

К вечеру партизаны начали было снова сомневаться, но 23-го привезли с Глубокой 9 изуродованных трупов, полковника среди них не оказалось и сразу окреп слух, перешедший затем в уверенность, что Чернецов жив, но рана мешает ему присоединиться к своим и он лечится в хуторе. Эта уверенность не покидала партизан все время. Даже когда походным порядком пришли в Новочеркасск и смерть любимого вождя стала неоспоримым фактом, чернецовцы не хотели верить и чутко прислушивались к пускаемым кем-то слухам, что жив полковник, что видели его в городе, кто-то даже разговаривал с ним..."

Заметка А. Павлова «Как умирали» [с. 13].

"Прошлым ноябрем встретил юношу гимназиста 7-го класса.

- Настало время, когда долг каждого взять винтовку и идти бороться с насильем и произволом большевиков. Моя совесть мне говорит это и я иду партизаном, - говорит гимназист. Только на днях я узнал о судьбе гимназиста. Он расстрелян большевиками. Убийцы хотели ему завязать глаза, чтобы он не видел винтовок, наведенных на него, но гимназист сорвал повязку.

- Партизаны полковника Чернецова не боятся глядеть смерти прямо в глаза.

Раздался залп и юноша пал мертвым. В кармане убитого было найдено письмо к брату, в котором он писал: "Дорогой брат, твое положение тяжелое, но и мое не легче. Осталось несколько часов жизни и я буду расстрелян. Об этом меня предупредили, хотя я знал и без предупреждения. Смерти я не боюсь, хотя жить так хочется, так хочется дышать этим воздухом, видеть это серое бесчувственное небо и этих не менее бесчувственных жестоких людей. Я теперь только понял всю душу, всем своим существом – какое счастье жизнь. Я скоро умру охваченный жаждою жизни, но без скорби и тоски. Прости и благослови. Твой брат)".

Стихотворение А. Громова «Есаулу Чернецову» [с. 13].

"Молодой ростовский поэт А. Громов, дебютировавший в прошлом году интересной тетрадкой стихов, посвятил есаулу В. М. Чернецову стихотворение,

которое и было напечатано в "Вольном Доне" уже после смерти первого донского партизана. Стихотворение понравилось чернецовцам и не раз они певали его, вспоминая своего вождя. Стихи далеки от совершенства, но в них много чувства и преклонения пред В.М. Чернецовым, наполнившим юношеские умы и сердца.

Над безмолвьем уснувшего Дона,
Над простором родимых полей
Слышен отзвук далекого стога,
Слышен лязг беспощадный степей!

То не пламя пылает заката,
Не рыбак свою песню поет...
В дикой злобности брат встал на брата,
Стон замученных к мести зовет.

Враг идет многолик, безобразен,
Наступает со всех он концов,
Но проснулся донской Степан Разин,
Сын степей, есаул Чернецов.

И ударил на вражки он орды, -
Только дым заклубился вдали...
Так восстал Дон свободный и гордый
Для спасенья родимой земли.

Так восстань, брат любимый и старший,
И Кубань, и Урал за тобой
Все пойдут в зачарованном марше
На последний решительный бой".

Статья Евгения Евг. Чирикова «Страничка воспоминаний» (К походу В.М. Чернецова) [с. 15 – 16].

“Я – один из 12-ти уцелевших от 4-й роты офицерского батальона, принимавшего участие в походе есаула Чернецова. К сожалению, в моей памяти сохранилось от этого похода лишь несколько эпизодов: участие в походе с генералом Корниловым к Екатеринодару, длинный ряд боев, выдержанных на этом тернистом пути, тяжкое ранение под Афинской, двухнедельное путешествие в тряской телеге в полусознательном положении и ужасы пребывания в станице Дядьковской, где была оставлена часть раненых, - успели изгладить из памяти поход с Чернецовым... Постараюсь собрать хотя обломки этих воспоминаний, всплывающие теперь в мозгу, быть может без достаточной последовательности...”

В средних числах января двинулись мы в станице Каменской, где вспыхнул первый большевистский бунт и где зародилось или намечалось в зарождению самопровозглашенное Большевистское правительство с Подтелковым во главе... Помню первый бой под Зверевым... Наш удар был стремительный и, вероятно, неожиданный: сопротивление большевиков было сломлено быстро и закончилось их беспорядочным бегством и большим и потерями. Успех открыл как самого хабрца Чернецова, так и весь его отряд. Помню нашу первую радость и тот экстаз, которым загорались наши сердца при виде бравого есаула. Думаю, что главной целью его было окружить и захватить ст. Каменскую, ядро вспыхнувшего большевизма. Двинулись дальше и без боя заняли ст. Лихую. Здесь есаул оставил нашу 4-ую роту, а сам двинулся далее к ст. Каменской.

Совершенно неожиданно со стороны Дебальцево большевики стали наступать большими силами. Часть их стала обходить занятую нами Лихую с тыла и над горстью нашей роты повисла угроза быть отрезанными, окруженными и уничтоженными. Командир роты, подполковник Морозов отдал распоряжение отступать по направлению к ст. Каменской, которая была уже взята к тому времени лихим есаулом. Непрерывный гром орудийного огня «в пустую» со стороны наступающей к Лихой врага все-же говорил о серьезных силах его.

На полпути нас встретила посланная нам в помощь сотня из отряда Чернецова, с одним орудием юнкерской батареи и с приказанием есаула вернуться и взять занятую неприятелем ст. Лихую. Задача не из легких, нас всего было человек 200 – 250. Эта горсточка должна была выступить против нескольких тысяч большевиков...

помню, что мысли об этом несоответствии вставали среди многих из нас. Кто-то бравадно и весело подчеркнул это беззаботным восклицанием:

- Немного нас, но мы - славяне.

- Пушка есть... Чего вам еще... да еще под командой штабс-капитана Шперлинга... - Вперед!..

Повели наступление. Наша рота – по левую, сотня – по правую сторону железнодорожного полотна. Загрохотали большевистские орудия, затрещали пулеметы. Нет-нет да и наша пушка ахнет... Подходили к лихой под страшным, но беспорядочным огнем неприятеля. Однако, чем ближе подходили, тем огонь становился действительнее. Было ясно, что силы несоизмеримы. Только атака могла спасти положение. Победа или гибель. Такая дилемма делает из обыкновенного человека героя... Пошли в атаку стремительной лавиной. Вероятно, враг вообразил, что наступавшие 200 – 250 человек – это лишь передовые цепи и что нас много где-то там. Тем лучше для нас... - Ура-а...

В паническом ужасе побежали в разные стороны несколько групп неприятеля и увлекли своим примером остальных товарищей... Множество убитых и раненых оставалось на пути бегства... Мы захватили 17 пулеметов и несколько поездов с воинским снаряжением и продуктами, целый эшелон кавалерийских лошадей, вагоны которых предпочли коням свои ноги. Нельзя, однако, сказать, что у нас дело обошлось без потерь... большевистские силы поспешно отступили, откуда пришли, т.е. по направлению к Дебальцево. Другая их часть с «правительством» утвердилась на ст. Глубокой. Есаул Чернецов шел напролом. По его плану был решено наступать на Глубокую с двух сторон: со стороны Каменской вдоль полотна железной дороги и обойти ее с тыла. Наш отряд, составленный из несколько поредевшей 4-й роты и новой сотни отряда Чернецова, должен был обойти ст. Глубокую и ударить в тыл.

Должны были выступить ночью, но задержались почти до рассвета. Шли степями и к полудню следующего дня выполнили задачу: обошли. Помню, был страшный холод, земля промерзла, под ногами звенел ломавшийся лед, в лицо бил леденящий ветер с острой снеговой «крупою». Мы все продрогли, руки окостенели, ноги омертвели. Идти в бой было невыносимо. Нам дали водки и разрешили погреться кто как сумеет. До сумерек сидели в засаде. В сумерках двинулись в наступление, не имея сведений о том, подошли-ли наши от ст. Каменской. Глубокая загрохотала орудийным и пулеметным огнем. Наша единственная пушка подвела нас: поломалась и упрямо молчала, пребывая в укрытии. Мы вошли в предместье Глубокой уже когда стемнело. Большевистский огонь был, по обыкновению, очень силен, но беспорядочен. Наступила ночь. Огонь стал стихать. Что это значит? Быть может, Глубокая уже в наших руках, а быть может, наше наступление со стороны Каменской кончилось печально...

Ночная темнота разбила нашу связь, мы бродили в предместье Глубокой маленькой кучкой и подошли к депо станции. У полотна поймали несколько большевиков: оказалось, что это большевистский отряд красного креста подбирает раненых. Запугали их: сказали, что Глубокая со всех сторон окружена нами, что спасения им нет. Отпустили с миром. Потом собрались в кучу. Нас оказалось человек 18 – 20 и среди нас был командир нашей роты, подполковник Морозов. Устроили совет: меня и добровольца Химченко отправили в разведку. Мы повернулись вблизи станции и узнали, что она занята большевиками.

Захватили и увели станичника-большевика к нашим. Приказали ему вывести нас в степь. Когда выбирались из предместья Глубокой, на полотне дороги двигались огни ручных фонарей: большевики разбирали или собирали путь. Вышли в степь. Темная ночь, ветер и холод. Встретили трех человек, направляющихся к полотну.

- Кто идет?

- Свои, товарищи... путь собирать.

Стрелять было опасно. Захватили их с собой. Отошли несколько верст от станции, спустились в лощину и шли вдоль овражка, где хрустели под ногами подмерзшие ручьи и лужи. Неожиданно на белесоватом фоне небес появились фигуры всадников. Мы залегли, слились с землей и пригнули к ней пленных. Целый конный отряд. Слышно громыханье орудий...

А вдруг наши пленники закричат и выдадут наше присутствие? Что с ними делать? Застрелить? Приколоть? Услышат выстрелы, крики, и мы пропали...

- Наши едут... - врем вслух. - Нет... Это наши... - шепчут пленники.

- Молчите... Иначе и вам, ведь конец... Пристрелим вас моментально.

Притихли. Сжались. Всадники с пушками поколыхались на фоне небес и потонули. Как вдруг наши пленники, словно по уговору, вскочили и стремглав побежали за исчезнувшим. Что делать? Стрелять – значит выдать себя. Убежали. Исчезли. Вот сейчас всадники вернуться и приколят... Пошептались и снялись, гуськом пробегая вдоль лощины. Где пригнешься, где припадешь на колено, полежишь и дальше. Надо подальше от опасности. Ночная темень – спасительница... То яма, то кустарник. В темноте разбились. Час страшных треволнений, сердце отказывается работать. Так бы лег на землю и не двинулся больше. Убьют пусть. Сошлись несколько человек.

- Отдохнуть-бы, братцы... Приляжем-ка, покурим, а там что будет... Вот тут в овражке-то.

Пали наземь. Я моментально уснул, как убитый. Не помню, чтобы когда-нибудь сон казался мне таким огромным счастьем. Проснулся от выстрела. Вздрыгнул, прислушался. Тишина. Почудилось. Озираюсь, никого около нет. Побрел по овражку. Вот еще один спит. Разбудил. Пошли искать и будить остальных. Все исчезли. Осмотрелись, подумали, куда направить путь. Пошли быстро, чтобы отогреться, ибо задрогли. Нашли еще несколько человек своих. Долго бродили по степи, заблудились. На свету ориентировались и к утру добрались до ст. Каменской.

Здесь собрались остатки уцелевших от смерти и плена сподвижников есаула Чернецова. В числе их был Тепляков(?) из нашей 4-й роты, который поведал нам о последних часах захваченных в плен есаула с остатками своих соратников. Большевики стянули огромные силы от Воронежа, с Царицынской ветки и от Дебальцево. Под страшным перекрестным огнем погибла смелая рота удальцов, а есаул с несколькими сподвижниками, раненый в ногу, был заперт в балку, окружен и захвачен в плен. Он попал в руки Голубова и Подтелкова. Остатки от отряда, отрезанные занятой большевиками ст. Лихой, несколько дней ждали помощи со стороны Новочеркасска, отбивались от наседавшего неприятеля и, видя неминуемую гибель, решили пробиваться из все теснее охватывающего нас большевистского мешка. Под командой подь есаула Лазарева мы двинулись на последний подвиг... Труден был путь наш и все меньше оставалось нас... Только миновав царицынскую ветку, мы вздохнули свободно и увы – здесь нас поджидала трагическая весть о самоубийстве генерала Каледина и о том, что большевики победно продвинулись почти к самому Новочеркасску... Опоздай мы на два дня, – пришли бы и попали в лапы большевиков. 7-го февраля мы добрались до Новочеркасска, а 8-го уже выступили и, присоединились в Ростове к армии генерала Корнилова, двинулись на новый крестный путь..."

* * *

Помимо приведенных выше статей, в вып. № 10 опубликованы материалы:

Статья Евгения Чирикова «Иван-царевич» (Посв. Сыну моему Евгения) [с. 1–2] Стихотворение Ник. Вечорика «Интима» [с. 10]. Стихотворение Юрия Губовского «Вальс» [с. 12]. Статья Алексея Двуженова «Василий Курочкин» (о "правой руке" Чернецова) [с. 12 – 13]. Воспоминания Ф. Назарова «В Задонских степях» (Записки партизана, 1-я часть) [с. 13 – 15].

Из журнала «Донская волна»

Статья М. Нефедова «Чернецов» [№ 4 (32), с. 1 – 3, 20 января 1919 г.]:

“21-е января – траурный день для Дона. В этот день недавно истекшего мрачного года был зверски убит на станции Глубокой полковник Чернецов. Был убит вождь-партизан, водивший свои молодые дружины на ратные подвиги, защищавший с немногими неприкосновенность родного края.

Если бывают в истории люди, которые своей личностью и своими делами накладывают отпечаток на эпоху, то именно таким был полковник Чернецов. Он наложил своей деятельностью неизгладимый отпечаток на самый трагический период донской истории, тот период, который носит имя атамана Каледина.

Чернецов и чернецовские дела – это наименование той борьбы, которую пришлось нести Дону в памятные дни конца 1917 года и начала 18-го. Организованные казачьи части, возвратившиеся с фронта и стоявшие в городах и станицах области, охваченные развалом и анархией, отказывались дать свои силы для борьбы с устремившейся на Дон разгульной чернью. Они были увлечены общим течением свихнувшейся революции и пассивно отделились на волю грядущих событий. Нужно было искать новые силы. И эти силы, оставшиеся еще здоровыми, стал собирать Чернецов.

В минуту развала одних, жалкого трепета перед грядущим других, общей покорности перед совершившимся всех – это был, был протест и призывный клич на борьбу. Чернецов и созывал живых в стан мертвых.

С незначительным числом собравшихся под его знамя он пошел на борьбу. Это не была война в настоящем смысле этого слова, с системой укрепленных позиций, боевых линий, ибо для этого не было сил. Чернецов не создавал фронта. Он повел на бой с противником всего лишь сотни бойцов и сделал свою борьбу партизанской. Он сам был по призванию партизан, и опыт, полученный им на русском западном фронте, сделал его героем партизанской войны.

Противник располагал силами, превосходящими его в десятки раз, и наступал не только с севера. Он оказывался и в тылу, он нападал на Чернецова с флангов, он окружал его со всех сторон. Чернецов брал один пункт и в тот же день перебрасывал свои немногочисленные войска в другую; занимал третий и должен был возвращаться к тому месту, которое он занял накануне.

Появляясь неожиданно, оттуда, откуда его не ждали, нападал стремительно, разбивал, прогонял и, сделав скачек в несколько десятков верст, вновь одерживал победу. Он ошеломлял врага стремительностью и неожиданностью своих действий, он наводил на него панику одним слухом о себе. И неудивительно, что с десятками он одерживал победы над тысячами. Чернецов и чернецовцы считались не по числу, брали не количеством.

«Решено было сделать набег в стиле Чернецова», «мы дрались по-Чернецовски», «мы разбили их Чернецовским маневром», говорили его партизаны, рассказывая о подвигах своего «атамана». Чернецов создал свою, стильную по своей необычности партизанскую борьбу. Борьба Дона при Каледине – «чернецовская» борьба.

Люди, определившие собой эпоху, умирая, кладут конец и этой эпохе. Не стала Каледина, исчезла, отошла в область истории и калединская эпоха. Еще были живы «калединцы» и делали попытки продолжить начатое Калединым. Но эпохи не было. Калединская эпопея завершила свой круг. Пал Чернецов и с момента его смерти настали для партизан черные дни. Они еще продолжали борьбу в «чернецовском» стиле, свято чтяли заветы своего «атамана». Но неудачи следовали одна за другой.

Были победы, но после побед партизаны отступали. Умер Чернецов и с ним вместе умерла победа, оканчивавшаяся всегда наступлением. Завершила свой круг и чернецовская эпопея партизанской борьбы.

Чернецов погиб 21-го января. Новочеркасск пал 13 февраля. При Чернецове он держался три месяца, после него три недели. Чернецов и чернецовцы в дни бурно катившихся волн анархии были жизнью тихого Дона.

Василий Михайлович Чернецов родился на берега Донца, в Усть-Белокалитвенской станице. Донской истории словно угодно было, чтобы подобно Донцу, вливающимся в Дон, уроженец Донца сделался притоком уроженца Дона – атамана Каледина.

Молодым офицером в чине хорунжего Чернецов отправился в составе одного из Донских полков на русский западный фронт и сначала находился на фронте вместе с полком. Но тех боевых дел, которые выпадали на долю полка, Чернецову оказалось недостаточно, и он вступает на путь партизанской войны. Со своей сотней делает лихие набеги, которые отмечаются высшим командованием рядом похвал и наград. Тем не менее, будучи скромным и честным офицером, не разглашавшим своих заслуг, он почти не выделялся среди прочих начальников партизанских отрядов.

«Он был незаметен и даже как-то тих, хотя дела его были выдающиеся», - говорит о нем генерал А.П. Богаевский, видевший Чернецова во время одного его приезда в ставку великого князя Бориса Владимировича.

В начале 1917 года, будучи ранен, Чернецов покидает фронт и эвакуируется на Дон для лечения. На фронте он уже больше не был. После выздоровления он едет на Макеевские рудники, получив должность коменданта рудничного района.

Здесь его застаёт развал, начавшийся среди рабочих рудников, и его дальнейшее развитие, приведшее рабочих к большевизму. Чернецов принял в отношении последнее определенную линию поведения: он не стал на путь угодничества масс и искания у нее или у избираемых ею комитетов поддержки. Для него сразу стал ясен тот уклон, по которому пойдут рабочие и который по своей природе исключал всякую возможность с их стороны не только поддержки, но и признания какой бы то ни было военной власти. Основ для порядка в организованных рабочих комитетах Чернецов не видел и единственной спорой для власти и сберегаемого ею спокойствия, и нормального течения рудничной жизни считал ту сотню казаков, которая имела в его распоряжении. Он не прелятствовал организации и деятельности комитетов рабочих, поскольку она носила экономический и политический, - в чистом виде, - характер и не допускал лишь одного – попыток военной организации и вооруженного выступления рабочих. Но и такая деятельность Чернецова, которая, конечно, вызывала недовольство рабочих, но в результате своем была лишь надежной опорой порядка на рудниках, была осуждена ростовской и новочеркасской «демократией». Войсковое Правительство под давлением некоторых членов пошло на уступки и в середине ноября отозвало Чернецова с рудников.

В последних числах ноября разразилось ростовское восстание большевиков, воочию убедившее всех, в том числе и Войсковое Правительство в ненадежности казачьих частей и в необходимости создания свежих здоровых сил. Ко времени ростовского восстания получились сведения о неблагополучии и на рудниках, грозившее повсеместным выступлением рабочих. Места сомнению и колебаниям не оставалось. Борьба разразилась. Дону угрожала непосредственная опасность захвата власти анархическим элементом.

Чернецов стал собирать живые силы для борьбы. Собрал около 250 человек, большинство которых составляли офицеры и молодежь высших и средних учебных заведений, он был отправлен 3-го декабря в г. Александровск-Грушевский, где к тому времени организовался военно-революционный штаб вооружившихся рабочих.

Из Александровска-Грушевского пришла лаконическая телеграмма: «Город взят без сопротивления. Кровопролития пока не было».

Парамоновские рудники – главный очаг вооружившихся рабочих грушевского района, ловким обходным маневром были заняты также без боя. Неожиданность нападения Чернецова была так велика, что рабочие-красногвардейцы, приготовившиеся к надежной встрече, обратились в паническое бегство. Из Александровска-Грушевского отряду, вследствие полученного приказа, пришлось спешно выехать в Макеевский район. Борьба носила тот же характер, так же обошлось без потерь с той и с другой стороны, и к 12 декабря почти весь рудничный район был очищен от красной гвардии. Чернецов стал окружаться ореолом славного партизанского вождя, бескровно подавившего восстание.

13 декабря Круг приветствовал Чернецова, сделавшего доклад о своей «военной прогулке» по рудникам. Чернецов был знаком Кругу. Состоя его членом, он в своих выступлениях всегда говорил о необходимости принятия решительных мер против большевистского движения и организации надежной военной силы для борьбы, которая, несомненно, рано или поздно настанет. Его голос на Круге всегда звучал искренно и призывно, временами, как казалось некоторым, даже воинственно.

Ростовские события подтвердили опасения и предупреждения Чернецова. Его «прогулка» убедила и... успокоила на счет принятых им мер в отношении восставших. Крови не пролилось.

После возвращения из Макеевских рудников Чернецов производит некоторое переформирование своего отряда и приблизительно 20 декабря отправляется на станцию «Щетово», северо-донецкой ж. дороги, где ему было приказано вести охрану границ области со стороны «Дебальцево». Этот период в боевой деятельности Чернецова носил сравнительно пассивный характер. Только 27 числа произошел короткий бой на станции «Дебальцево», окончившийся полным поражением красногвардейцев, захватом почти всех комиссаров большевистских эшелонов, стоявших на станции, и овладением последней.

4 – 5 января Чернецов со своим отрядом отзывается в Новочеркасск и получает задачу поддерживать порядок в городе и служить его надежной защитой.

Но в десятых числах января разыгрываются события в станице Каменской. Возникает военно-революционный комитет Подтелкова, захватывает окружающую власть и объявляет себя революционным правительством всей области. Чернецов посылается для ликвидации восстания.

Это был последний поход партизанского атамана. Вместе с тем это был наиболее величественный период боевой деятельности Чернецова. 14 января Чернецов прибывает на станцию «Зверово», пройдя без боев и всякого сопротивления Александровск-Грушевский, Сулин, Горную. Следующая станция «Замчалово» занимает также почти беспрепятственно, ибо находившийся там большевистский гарнизон разбежался при приближении эшелонов партизан. При занятии Лихой было сделано всего два орудийных выстрела. Стоявшие на этой станции мятежные казаки также разбежались от первой разорвавшейся шрапнели.

Более или менее серьезный, хотя и короткий, бой произошел у станции «Северный Донец», и 17-го утром Чернецов прибывает в станицу Каменскую. После «Северного Донца» красногвардейцы и восставшие казаки не посмели оказать сопротивление у Каменской. 18 января происходит, по обыкновению, удачный бой у станции «Лихой», куда прибыли красногвардейские силы со стороны «Дебальцево». 19-го у Каменской со стороны станции «Глубокой» и на 20-е назначается наступление на «Глубокою», которое оказалось лебединой боевой песней Чернецова. В этом бою

Чернецов был захвачен в плен казаками 27-го полка, предводительствуемыми Голубовым. 21-го Чернецов был зверски убит Подтелковым.

- Помнишь, - насмеялся Голубов над пленным Чернецовым, - мы встречались на Круге. Ты тогда говорил, что арестовал бы меня, если бы я пришел к тебе в сотню. Что же вышло ?

- Ты, - отвечал Чернецов, - сейчас в роли победителя и тебе должно быть неудобно говорить со мной в таком тоне. Кто из нас прав, - выяснит история. Я лично жалею, что мои слова не оправдались и вышло наоборот.

Голубов молчал...

Послышались выстрелы со стороны подошедших на помощь к своему атаману партизан, и Голубов бросился со своими казаками довершить так удачно начатую победу. Чернецова он передал подоспевшему Подтелкову, которому поручил хранить его, как заложника. Подтелков повез Чернецова на станцию «Глубокую, по дороге все время издеваясь над ним.

Здесь на станции Подтелков беспрепятственно отдался своему дикому гневу. Он сыпал угрозы по адресу Чернецова и, махая над его головой обнаженной шашкой, неистово ругался. Он смеялся над пленным диким смехом. Бессилия когда-то страшного врага рождало в нем необузданную алчность дикаря.

От Чернецова потребовали, чтобы он написал записку о своем поражении и плене. С этой запиской Подтелков послал делегатов к генералу Савельеву, находившемуся с партизанами на станции Каменской, с предложением приостановить наступление, что будет служить условием сохранения жизни Чернецова.

Не получая долго ответа, Подтелков пришел в неистовую ярость. Спокойствие Чернецова его окончательно взбесило. Ругаясь, он подскочил к нему, выхватил шашку и с криком: «Бей его. Это Голубов, потому сам офицер» ударил по левому плечу. Брызнула кровь. Подтелков начал наносить удары куда попало, продолжая рубить уже упавшего Чернецова.

Весть об убийстве Чернецова быстро разнеслась по красногвардейскому стану и дошла до Голубова. Оставив позиции, он бросился на станцию.

- Что ты, мерзавец, наделал ! – истерически кричал он Подтелкову: - как я буду теперь разговаривать с правительством : Оно ни на какие уступки не пойдет. Ты знаешь, что такие люди, как Чернецов, нужны России !

Когда Подтелков сообщил командующему советскими войсками Овсенко-Антонову об убийстве Чернецова, тот ответил:

- Привезите нам голову Чернецова, тогда мы поверим, что вы его убили.

Не верили, потому что боялись."

Статья В. Хмурого «"Дебальцево" – первый бой Чернецовцев»
[№ 4 (32), с. 3 – 4]:

“Чернецов уже прежде своих знаменитых боев в районе ст. Звереве и Лихой, оперировал со своим отрядом, но победы, доставшиеся ему до сей поры были легки и бескровны, благодаря расчетливости и стремительности действий. Таковы были странствования по Макеевскому рудничному району, имевшими целью разоружение и успокоение рудников. После возвращения оттуда в Новочеркасск, закончив маленькое переформирование, отряд в количестве 120 партизан и пулеметной команды 17-го казачьего полка направился на ст. “Щетово”, где ему надлежало нести охрану границ Донской области.

В юных умах партизан рисовались настоящие битвы с громом орудий, треском винтовок, где есть место подвигам храбрости. Караульная же служба, которую изо дня в день они здесь несли, - было совсем не то. Нудная и однообразная, она так надоела им, что они начали ежечасно просить своего атамана, чтобы он повел их в настоящее дело. На первый день Рождества случилось небольшое, но сильно взбудоражившее боевую "семью" обстоятельство: со станции "Колпаково", куда выставлена застава, неизвестно чем перепуганные телеграфисты дали дельцу, что большевики наступают, заняли Колпаково и уже направляются к ст. "Щетово", где находился весь отряд. Хотя и жаль было партизанам товарищей, бывших в заставе, а все же радость, что будет "дело", была велика и шумна. Весь отряд был возбужден и щебетал, как стая многоголосых ласточек.

Была мерзкая погода, снег лежал по колено, была вьюга и метель слепила глаза. Отряд вышел из вагонов, быстро построился и двинулся по направлению к "Колпаково". Однако после того, как промаршировала таким образом приличное расстояние, пришло известие от командира заставы, что тревога ложная. "Цели" свернули и ни с чем воротились "домой". После этой прогулки сидение на "Щетово" без дела и видимой цели сделалось еще более невыносимым, еще скучней, ибо аппетит воинственный был затронут, но не удовлетворен.

27 декабря начали прибывать в отряд казацки части: две сотни 10-го полка, 1 сотня 58-го полка, взвод 12-й батареи и пулеметная команда 10-го полка со станции Ровеньки, а из Новочеркасска 1-я донская добровольческая дружина в 70 человек. К вечеру того же дня начались какие-то таинственные приготовления и всем стало ясно, что Чернецов что-то готовит, куда-то собирается вести свой отряд.

Предпринималась маленькая, но дерзкая, - в стиле Чернецова, военная хитрость. Решено было сделать нападение на ст. Дебальцево. Причем, для того, чтобы этот замысел сделать тайным для большевиков, Чернецов решил отправить свои эшелоны под видом пассажирских поездов. В таком порядке и тронулись в путь пассажирские поезда № 3 и № 3 bis. 26-го еще на ст. Дебальцево были посланы конные разведчики. Однако об этом ни в момент отправки, ни в пути, партизанам не было известно. Наши составы двигались от станции до станции, со всеми формальностями настоящих пассажирских поездов: остановками, отправлениями, пропусками и, даже, продажей билетов. Разумеется, пассажиров с собой не брали и в вагоны не пускали. Необходимые в силу этого меры предосторожности в виде оставления караулов в "аппаратных" на станциях были приняты.

Меры были настолько решительные и умелые, что 1-й эшелон отряда без помехи прибыл на последнюю перед Дебальцево станцию, откуда, как обычно, была дана дельца с просьбой принять "пассажирский поезд № 3". Ответ последовал отрицательный: "до особого распоряжения Совдепа". Чернецов, не смущавшийся ничем, не смутился и этим ответом, и эшелон тронулся дальше без особых затруднений и подошел к дебальцевскому семафору. Здесь была сделана остановка, арестованы стоявшие у семафора часовые. Отряд выгрузился и, построившись колоннами по взводу, двинулся к станции, не дождавшись 2-го эшелона "пассажирского № 3 bis".

По дороге встретилась ничего не подозревающая смена часовых с разводящим, направляющаяся к семафору. Эту смену, конечно, постигла участь первых часовых: они были арестованы и отправлены в эшелон для допроса. Надо было видеть, какие у них были недоумевающие лица!

Погода была и на сей раз не из прекрасных: снег подтаял и оледенел, а сверху от дождя стояли огромные лужи воды, по которым отряд дружно шагал, отбивая "ногу", как на параде. На полдороге рассыпались в цепь. Все было тихо, мирно и спокойно, и только, когда подошли к вокзалу шагов на 200, послышались первые выстрелы из окон станционного здания. С первыми же выстрелами пал смертью храбрых кадет Донского корпуса - Виктор Полковников, первая жертва Чернецовского отряда.

Был открыт ружейный и пулеметный огонь. Перестрелка продолжалась минут двадцать. Из орудий было сделано 2 выстрела, причем оба снаряда попали в цель: одним был сбит и поврежден стоявший на крыше вокзала пулемет и самое здание вокзала, а вторым железнодорожное депо. После этого некоторого подобия артиллерийской подготовки, отряд с громким «ура» бросился на штурм вокзального здания.

В то время, как цепь мчалась рысью к станции, от вокзала отделилась какая-то фигура наподобие «товарищей» и направилась смело по направлению к партизанской цепи. Фигура эта оказалась контрразведчиком – чернецовцем М.И. Свечниковым

Когда подбежали к самому вокзалу, из темноты на перрон вышли 6 сонных вооруженных с ног до головы «товарищей». К ним подбежал один из партизан и срочно приказал бросать оружие, что «изумленные защитники» не замедлили послушно выполнить. Без особой помехи, руководимые ознакомившимся с положением вещей разведчиком ворвались в вокзал. Картина, представившаяся нашему взору, внутри здания, поражала своим комизмом. В углу залы 3-го класса сбился довольно большая толпа пассажиров, чаявших ехать с тем «пассажирским № 3», с которым прибыл отряд, служащие и пр. Вся эта, живописная группа, возглавляемая одним представителем вокзального гарнизона с вздетыми горе руками и брошенным у ног оружием, для охлаждения страстей обильно поливались фонтаном воды, с силой бившем из простреленной водопроводной трубы. При осмотре здания везде в «аппаратных» и «службах» попадался под столом у стен распростертый в позе молящихся персонал ст. «Дебальцево». Немногочисленный же по случаю бывшего в тот вечер балу гарнизон станции вылетал из окон.

В это время прибыл «пассажирский № 3 bis» – резерв отряда. У партизан явилось непосредственное желание тоже побывать на том балу, где дружно веселились «защитники» станции с совдепами, комиссарами и т.п. Чернецов согласился отпустить своих партизан попящая на балу «товарищей». Был наряжен небольшой отряд во главе с разведчиком. Явившись на вечер, партизаны быстро и смело нарушили беззаботность веселья и арестовывали по указанию разведки, а арестованных отправляли для допроса к Чернецову. Таким образом, попал в руки партизан почти весь совдеп.

5 пулеметов, один вагон новых винтовок, до 700 тысяч патронов, разное интендантское имущество, много револьверов, подаренных Чернецовым в награду за лихость своим партизанам, таковы были трофеи набега партизан на ст. «Дебальцево»

Кроме кадета Полковникова отряд понес убитыми еще и воспитанника высшего начального училища Пятибратова, да несколько человек ранеными."

Статья М. Нефедова «Чернецов на фронте» [№ 9 (37), с 4 - 6]:

«В.М. Чернецов в борьбе за Россию – это недописанная и мало известная страница биография донского вождя партизан. А, между тем, эта страница чрезвычайно богата теми эпизодами и теми интересными чертами, которые характеризуют славного подвижника атамана Каледина и вскрывают источники того боевого опыта, который во всей силе и красочности развернулся в знаменитой партизанской деятельности Чернецова на Дону.

Чернецов на фронте, в борьбе за Россию – это будущий Чернецов в уменьшенном масштабе, тот же вождь партизан – в миниатюре. Здесь мало придется на долю молодости, на долю неопытности казачьего офицера, только что очутившегося в боевой обстановке. Но гораздо большее надо несомненно отнести на счет тех условий, в которых приходилось действовать молодому партизану.

Борьба на русском фронте в дни европейской войны – не та борьба, которую вел Дон в памятные дни конца 17-го и начала 18-го годов. Не десятки и – много – сот-

ни бойцов разворачивались на непрерывном фронте, не просторные степные пространства, а линии глубоких окопов и целые многоверстные участки технически укрепленных позиций, служили театром военных действий. Там была позиционная война и тысячеверстный фронт. И если всей коннице не было возможности проявить свою активность, то заброшенной в этой массе вооруженных людей сотне партизана Чернецова была предоставлена едва заметная полоска для борьбы. Но и на этой полосе русского фронта личность и боевые качества партизан Чернецова проявились в полной мере и не один раз обращали на себя внимание высшего командного состава.

Начало партизанской деятельности Чернецова на фронте относится к концу 1915 года, когда была развернута в широком масштабе работа по организации на русском западном фронте партизанских отрядов.

До этого времени Чернецов, будучи в чине сотника, состоял в 26-м казачьем полку. Несмотря на то, что полк лишь изредка нес чисто боевую службу, употребляясь главным образом для выполнения службы связи при 5-й армии, Чернецов успел за это время получить три ранения и заявить себя одним из самых храбрых офицеров и лучшим разведчиком в 4-й донской казачьей дивизии. Он жил боевой отважной работой, любил ее и не покидал строя даже после ранений. Об этом красноречиво говорят те свидетельства о ранении, которые имеются в распоряжении автора настоящей статьи.

В первый раз Чернецов был ранен 11 ноября 1914 года пулей в область затылка. По истечении всего лишь недели, 19-го числа того же месяца он был ранен вторично, в ступню левой ноги, и только после этого ранения эвакуируется. Но около середины января 1915 года он уже снова оказывается на фронте, и 27 февраля был ранен в третий раз, в шею. Раны имели серьезный характер и заставили Чернецова опять уехать с фронта для лечения.

Столь несомненная преданность боевой работе, те незаурядные способности, которые проявил в ней Чернецов, и полная готовность на риск и опасность, каковы бы они ни были, обратили на молодого сотника внимание командного состава 5-й армии. И когда в августе месяца 15-го года было признано необходимым организовать сводную партизанскую сотню при 4-й казачьей дивизии, штаб армии выдвинул на должность командира сотни Чернецова, который неоднократно изъявлял на это свою готовность.

«Начальником партизанского отряда», гласило наставление – «назначается офицер, обладающий необходимыми для партизана качествами. При выборе его главное внимание обращается не на старшинство в чине, а на доказанную выдающуюся боевую пригодность».

«Цель действия партизанских отрядов – незаметно проникнуть в тыл расположения противника и наносить ему ущерб в наиболее чувствительных местах... Успех... основан на скрытности в передвижениях, неожиданности в появлениях на уязвимых местах, искусстве в заматании своего следа, неумоимости, отваге, прежде всего отваге, а равно, хитрости и осмотрительности».

Более соответствующего всем этим требованиям офицера, чем Чернецов, в дивизии не нашлось, и ему было поручено формирование «сотни особого назначения», как тогда именовался этот род партизанских войск.

17 сентября были выделены из полков 4-й казачьей дивизии взводы охотников-казаков по 43 человека каждый, и Чернецов приступил к формированию своей партизанской сотни.

Он говорил партизанам-казакам перед началом формирования: «Мы собрались по доброй воле, с полным сознанием, на что мы идем и что от нас требуется. На вас будут возлагаться самые ответственные и самые опасные задачи, к выполнению

которых каждый из нас должен приложить свое старание и усилие, чтобы своими личными делами заработать славу России и Тихому Дону. За хорошие дела буду награждать, за плохие же дела буду строго наказывать. Особенно неумолимо, включительно до предания суду, буду карать любителя чужой собственности».

Эти слова, записанные самим Чернецовым в сотенном дневнике «в назидании потомству и памяти партизанам», в полной мере отражают личность и характерные особенности будущего героя донской партизанской войны. В нем сквозит любовь к России и горячие заботы о поддержании славы своей родины – тихого Дона, той славы, которую заслужили Дону предки, и которая истари до последних дней донской истории неувядаема. Думал ли он тогда о своем славном будущем, предугадывал ли грядущие события и ту роль, которую ему суждено в них играть, защищая честь и достоинство родного края? – трудно сказать. Но он готов был к этому подвигу, не колеблясь в мыслях о должном, что лежало на нем, как истинным сыне Дона.

От слов Чернецова веет сильной волей, убежденностью и сильным характером, которые он так ярко проявил во всей своей деятельности в разыгравшихся впоследствии донских событиях. Эту убедительность помнят депутаты кругов 17-го года, членом которых был Чернецов, эту силу воли и твердость характера, – это непоколебимое мужество помнят его сподвижники – партизаны.

Формирование сотни происходило в спешном порядке и часто перемежалось участием в боевых действиях 4-й дивизии. «Все время, – пишет в дневнике Чернецов, – сотня вела занятия, как пешие, так и конные, согласно составленному расписанию». Эти занятия «по расписанию» неуклонно продолжались и впоследствии, когда сотня перешла к чисто боевой работе. Для них Чернецов использовал каждую свободную от этой боевой работы минуту, стремясь развить в казаках возможно большую «внутреннюю спайку и сплоченность».

«Особенное внимание, – продолжает писать Чернецов, – обращалось на развитие воинского духа, путем частых собеседований и указанием примеров из современной войны о личной храбрости и доблести русских воинов. Рассказывалось о значении Великой Европейской войны, о том, что каждый из нас должен все принести в жертву на защиту Родины от нашествия сильного и грозного врага – вырабатывать тот патриотизм, без которого немислы победный конец».

Упоминание о патриотизме – не фраза, случайно занесенная в дневник, не привычный оборот мысли, усвоенный по рангу и должности. Нет. Это подлинное выражение тех чувств, которыми билось русское сердце партизана, горевшее истинной любовью к родине. Чернецов – патриот в чистом смысле слова, отдавший себе ясный отчет в том, что такое патриотизм. Он видел проявление этого чувства у врага, когда уезжал с последним поездом из Германии накануне объявления войны; видел его силу и мощность и понимал, как оно грозно и нужно для победы. Это сильное и святое для него чувство он хотел внушить своим казакам, когда готовил их к выполнению «самых ответственных и опасных задач».

У нас не привыкли уважать ни патриотических чувств, ни самой элементарной любви к тому, что называется родиной. Одни бравировали этим чувством и в своем усердии доходили до его ложных последствий и извращения, а другие, как бы, в противовес им старались всячески дискредитировать его и считать не только не заслуживающим внимания, но и предосудительным.

Чернецов далек был и от того и от другого. Он любил свою родину истинной любовью, готов был жертвовать для нее какой угодно жертвой, и эту любовь старался привить казакам. Так, через строевые занятия с беседами о личных качествах, необходимых партизану, Чернецов готовил свою сотню к боевой работе. Каких результатов добился он такой подготовкой, об этом красноречиво говорят дела сотни. Но если бы надо было представить в воображении тот идеальный тип офицера, который так усердно пыталась создать русская революция, более подходящего примера, чем

Чернецов, трудно найти. Своими строевыми занятиями, повторявшимися непрерывно изо дня в день, и своими твердыми, но разумными требованиями к казакам, он не только дисциплинировал, но сумел сделать их сознательно преданными дисциплине. Своими же беседами он подходил ближе к ним, уже не только как начальник, но как учитель, и, отвечая на их понятия, влиял на самосознание и привлекал к себе их симпатии. Казаки любили Чернецова и готовы были на все, что от них требовал, ибо знали, что это вызывается необходимостью и долгом.

Даже в бытность свою в Макеевке, когда все было распропагандировано и о дисциплине не могло быть речи, Чернецов сумел удержать своих казаков от общего разложения, привлек на свою сторону их сочувствие и сделался их представителем на Круге. А он и тогда не потакал, не менял своих требований и своей политической физиономии. Он был искренен, а искренность нередко значит все. Он был прям и не склонен идти на компромиссы, и это послужило причиной его отставки. Но последовавшие события показали, кто был прав...

Формирование и подготовка сотни была закончена через 2 месяца, и в середине ноября сотня начала вести боевую работу. Но и в этой непосредственной боевой работе он не переставал преследовать улучшение партизанских качеств в своих казаках. В дневнике от 18 ноября имеется указание, что сотне Чернецова было поручено проникнуть в тыл противника. Это было в Якобштадском районе.

«В виду сильно укрепленной позиции, - пишет Чернецов, - со всевозможными техническими оборонительными приспособлениями, а также неподвижности армий, пройти в тыл не удалось, почему командир сотни решил всевозможным и мелким и нападениями тревожить немцев, нервировать их, захватывая пленных и таким образом постепенно подготавливая казаков к их будущей боевой работе. Лесистая и малопроезжая местность, а также удаленность позиций противника вполне благоприятствовала этим мелким нападениям. Надо ли сомневаться в том, что казаки Чернецова будут более, чем достаточно подготовлены к этой будущей блестящей партизанской работе. Такая работа наступила, вероятно, скорее, чем ожидал сам Чернецов. Но не было бы преувеличением сказать, что к ней он готов был каждую минуту.

Первое серьезное дело произошло в ночь под 25 ноября. Чернецову было поручено сделать нападение на неприятельское сторожевое охранение по реке Эрмейта в районе деревни Вагулан и озера Варзгунек. 23-го числа Чернецов начинает подготовку своего нападения. Разбив сотню надвое, он поручает двум младшим офицерам произвести разведку: «дойти до реки Эрмейта и озера Варзгунек с целью хорошо ознакомиться с лесистой местностью и расположением противника». Разведка выясняет, что немцы занимают укрепленную позицию у деревень Вагулан и Варзгунек. 24-го в час дня Чернецов выступает со своей сотней на деревню Варзгунек, имея целью напасть на неприятельскую заставу.

«Сотня, - пишет в дневнике Чернецов, - двигалась около просеки, дабы не наруживать себя». Глубокий и непроходимый снег сильно затруднял движение, вследствие чего сотне только около 4-х часов дня удалось приблизиться к месту нападения. Оставив казаков в лесу, командир сотни с несколькими разведчиками отправился на опушку леса перед дер. Варзгунек. Разведка дала следующее: деревня, состоявшая из четырех дворов и нескольких жилых помещений, находилась от опушки на расстоянии 300 – 400 шагов. Была тишина и ничто не указывало на присутствие немцев. Заграждения, занесенные снегом, почти не были видны. Шум и немецкий разговор слышен был только со стороны деревни Вагулан, откуда, кроме того, бросались ракеты. Вначале погода была хорошая, но с 6 часов вечера поднялся сильный ветер и пошел снег с дождем. «Таким образом, - поясняет Чернецов, - погода благоприятствовала нашему нападению». Нападение решено было произвести около 2 часов ночи, после того, как все успокоится и немцы заснут. Погода становилась все ху-

же и хуже. Казаки, не имея добрых сапог, начали мерзнуть, почему нападение пришлось сделать раньше. Настроение у казаков было отличное и только холод породил у каждого желание скорее броситься на немцев.

Время тянулось ужасно медленно. Казаки то ложились, то вскакивали и начинали бить нога об ногу, желая хоть как-то согреться. Дождь с крупой пронизывал насквозь. Нетерпение все больше и больше овладевало каждым. Все чувствовали, что решительная минута настала и что больше ждать нельзя. Собрал казаков и объявив им еще раз, что нужно делать, помолвившись Богу, командир сотни рассыпал их в цепь, и быстро без шума цепь поползла к черневшимися халупам. Вскоре наткнулись на провололочные заграждения, но казаки быстро их перерезали.

Раздалась беспорядочная стрельба немцев. Несмотря на это, казаки, преодолевая проволоку и вал, с криком «ура» ворвались во дворы, где, работая ручными бомбами, штыками и шашками, быстро покончили с немцами. В результате атаки 7 здоровых немцев были взяты в плен, около 20 человек изрублено, 8 немцев, замкнувшихся в халупе и не пожелавших сдаться, были сожжены и только немногим из бывших на заставе удалось бежать. Забрав винтовки и каски убитых немцев, а также находившиеся при них бумаги и письма, казаки вернулись к своим, потеряв всего 2-х человек контуженными и 1-го раненым.

Так описывает сам Чернецов это лихое нападение. Здесь нет сгущенных красок и самовосхваления. Все передается так, как происходило, с указанием на подтверждающие данные, - на число захваченных немцев, касок с убитых и винтовок, переданных в штаб армии. Дело получает должную оценку, от всех начальствующих лиц присылаются телеграммы и в конце марта следующего года Чернецов награждается георгиевским оружием за этот подвиг.

Между крупными делами почти непрерывно шла мелкая разведывательная работа, выполнявшаяся, однако, всегда с неизменным успехом, и дававшая для всего якобштадского района точные сведения о противнике. Не раз случалось, что немцы, незаметно для других разведывательных партий подготавливали наступление. Для Чернецова же ничто не могло скрыться. Всякий шаг, всякое изменение в расположении противника становилось ему известным и на том участке, где нес свою партизанскую службу Чернецов внезапно в нападения со стороны противника быть не могло.

Кроме отмеченного выше случая, столь же удачные действия производились неоднократно. Особенного внимания в этом отношении заслуживают: атака немецкой заставы в ночь под 21 января у деревни Гривенек и столкновение с немецкими разведчиками 20 февраля 1916 года. Результатом первой явилось 12 пленных и около 50 человек изрубленных во время боя. Во время столкновения 20 февраля было уничтожено около 20 немцев. Потери со стороны Чернецова и в первый и во второй раз достигали очень незначительных размеров.

Такая выдающаяся по своим успехам боевая работа Чернецова обратила на себя внимание походного атамана в.к. Бориса Владимировича, в руках которого было сосредоточено центральное управление всеми партизанскими отрядами, и в мае месяце 16-го года он телеграммой на имя начальника 4-й донской казачьей дивизии отмечает «выдающуюся несмотря на тяжелые условия, боевую работу отряда... сотника Чернецова минувшей зимою и весной» и запрашивает, «представлялся ли начальник этого отряда к наградам каким». Вероятно, результатом этого вопроса послужило ускорение производства Чернецова в чин подьесаула, а затем производство и в чин есаула.

Дневник подробных и записей боевой работы партизанской сотни Чернецова прерывается на 28 марта и по последующей деятельности Чернецова нет ни где прямых упоминаний. Но что она не прекратилась вместе с дневником и продолжала дальше носить успешный характер, об этом говорит целый ряд косвенных указаний.

Несмотря на такую, казалось бы, более, чем успешную боевую работу, Чернецов, однако, был ею не совсем доволен и находил недостаточной, не использующей в полной мере всех возможностей. Уже в январе месяце он непосредственно обращается в штаб походного атамана с просьбой, предоставив ему самостоятельность, отвести для действий его сотни район, где он мог бы работать в тылу противника. Ответ штаба указывает, что в данный момент «ввиду условий расположения противника и местности на фронте», «в виду неблагоприятной обстановки позиционной войны» проникнуть в тыл противника вообще представляется невозможным.

Эта просьба и ответ на нее штаба чрезвычайно характерны для Чернецова. Он считал возможным работать там, куда только проникнуть другие не допускали мысли. Просьба Чернецова не была удовлетворена, и он нервничал от казавшемуся ему бездействия. Заслуживает быть отмеченной еще одна характерная черта личности партизана. Он всегда стремился быть независимым и самостоятельным, его тяготило подчинение кому бы то ни было в той области, которую он считал ареной своих партизанских действий. Когда он, в силу обстановки на фронте, долгое время находился в районе позиций 1-й Кавалерийской дивизии и подчинялся ее начальнику им неоднократно делались вопросы в штаб походного атамана, является ли такое положение вещей постоянным и, если да, то он признает его ненормальным.

Полный успех, по его мнению будет обеспечен тогда, когда начальникам партизанских отрядов будет предоставлена «свобода действий и самостоятельность» и единственным руководящим началом будут служить «общие директивы штаба 5-й армии».

Из последующего времени можно найти немало указаний на эту любовь Чернецова к самостоятельности и независимости. Он считал их существенно необходимыми, в особенности при тех недостатках, которыми в большой степени был богат высший командный состав. Чрезвычайно интересными и характерными в этом смысле являются эпизоды его деятельности в дни борьбы на Дону.

Яркая, крупная в боевом отношении, сильная по своему характеру фигура Чернецова сквозит в каждом его действии. Несомненный военный талант проявился с достаточной рельефностью уже в первое время его деятельности, в дни партизанской работы на фронте. И на всем этом лежит неизгладимый отпечаток безграничной любви к Родине и забота о поддержании былой славы Дона, родного и близкого его пламенному могучему сердцу.

Горечь утраты лучшего сына Дона велика. Но что было бы, если-б в дни Каледина не было Чернецова? И невольно откликом на этот вопрос звучат слова:

Не говори с тоски «их нет»,

А с благодарностию: «были».

«Последнее письмо Чернецова» [№ 18 (46), с. 4 – 5]:

«Приводим копию подлинной записки Чернецова и выдержки-донесения из «полевой книжки» генерала Усачева, проливающие свет на события, связанные с гибелью Чернецова. Записка посылалась к ген. Усачеву, состоявшему, командующим войсками, сражающимися в Донецком округе. Первое донесение генерала Усачева относится к 21 января 1918 года.

«Походному атаману. Полковник Чернецов с утра 20 по настоящее время ведет бой в районе станции Грубокой; 21 января, 19 часов, Каменская, Усачев.»

Подробности о катастрофе с Чернецовым - во втором донесении, которое точной даты не имеет.

«Походному атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 15 ч., полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27 полка, 44 и атаманского под командой войскового старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам. Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. Усачев».

Через делегацию, упоминаемую в предшествующем донесении, генерал Усачев обратился к командиру полка и полковому комитету 27 полка. Командиру полка генерал писал:

Полковнику Седову, 1918 г., 21 января (22 ч.), Каменская. Прошу вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он немедленно будет доставлен вами в спокойном вагоне на ст. Каменскую. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать жизнь без помощи посторонних. Генерал-майор Усачев».

В том же роде было обращение и к полковому комитету 27 полка:

«Полковому комитету 27 казачьего полка, 1918 г., 21 января, 23 ч., Каменская. Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я надеюсь, что он немедленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую.

Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышлял войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь без помощи посторонних, красногвардейцев. В виду появления казаков на ст. Глубокая, - я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачев».

В тот же день, 21 января, генерал Усачев сделал в штабе походного атамана третье сообщение. В «полевой книжке» имеется выдержка из «разговора со штабом походного атамана от 21 января, в 24 ч.». «Разговор» велся с дежурным офицером прапорщиком Терезниковым, повидимому, по железнодорожному телефону. В выдержке находим новые детали о катастрофе с Чернецовым.

«Полковник Чернецов с 120 челов. предпринял обход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со стороны Миллерова, стал отходить в направлении на х. Гусев и Каменскую и, не доходя 7 верст до Каменской, был окружен конными частями, указанными в телеграмме, под командою в.с. Голубова. Произошел бой и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рассеяны; оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока еще не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали ст. Каменскую, а двинутый отряд полк. Чернецова под командою е. Лазарева был двинут по жел. дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку за подписями полк. Чернецова и в.с. Голубова следующего содержания».

Последнее письмо Чернецова. Написано оно карандашом, беспорядочно, торпливо на листке, вырванном из записной книжки:

«1918 г., 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом встел в плен. Во избежании совершенно ненужного кровопролития, прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова.

Полковник Чернецов».

Под подписью Чернецова имеется и подпись Голубова, сделанная характерным мелким подчерком Голубова.

«Войсковой старшина Н. Голубов, 1918 г., 21 января».

С запиской Чернецова к генералу Усачеву приезжал в качестве делегата урядник Выряков 27 полка. Делегация, посланная генералом Усачевым, придя на станцию Глубокую, никого не застала. Казаки с Голубовым ушли на Миллерово, а Глубовая занята была партизанским отрядом полковника Миронова. Обращение генерала Усачева к полк. Седову и полковому комитету не были доставлены по адресу”.

«Песни чернецовцев» [№ 10 (380, с. 11 – 12):

“Чернецов и его партизаны обвьяны поэзией. Теперь в грозные дни для Дона они опять собрались в партизанском доме, рвутся в бой и поют те же песни, с которыми они уходили год назад. Поют свою «партизанскую» песню и своих «Журавлей». Порой нескладные, порой нескромные, но всегда бодрые куплеты, рожденные под пулеметами и шрапнелью. Нам хотелось бы сохранить для родной истории все новые песни, каждый куплет, но пока нам доставлены только крупичицы. Печатаем их, но за присыл большего будем благодарны.

Наш полковник Чернецов,
Удалец из удалцов.

Журавель, мой журавель
Журавушка молодой...

От Ростова до Козлова
Гремит слава Чернецова.

Припев «журавель».

Под «Лихой лихое дело
Всю Россию облетело.

Припев.

А кто первые бойцы –
Чернецовцы – молодцы.

Припев.

Чернецовский пулемет
Красну гвардию метет.

Припев.

Вечно с пьяной головой
Это Лазарев лихой.

Припев.

Выпил бочку и не пьян
Чернецовский партизан

Припев.

Из Новочеркаска по Крещенскому спуску
к вокзалу в прошлом году уходили горсть за
горстью дети на защиту родины. Уходили с
веселой песнью.

Вот партизаны в поход собираются,
Чистят винтовки и точат штыки.

Гей, песнь моя любимая: *Припев.*

Буль-буль, бутылочка казенного вина.

Вниз по Крещенке, твердо шагая,
Стройно сомкнувшись рядами идут.

Припев.

Полный сознания собственной важности
Взводный идет впереди офицер.

Припев.

В бой мы пойдут, назад не вернемся,
С нами пойдут старики – казаки.

Припев.

Бросим мы книжки, долой педагогов,
В руки возьмем мы штыки.

Припев.

Сели в вагоны, двинулись к северу,
Где большевистские полчища ждут.

Припев.

Первый снаряд разорвался над поездом,
Цепь, рассыпайся ! Вперед на врага.

Припев.

Платовцы фасонные – шутят всегда:
«Здравствуйте девочки ! Здравствуйте милые
Все партизаны вернулись опять».

* * *

В книге Н.Е. Какурина «Как сражалась революция».

Одна из последних книг Советского периода – изданная в 1990 г. работа Н.Е. Какурина [М., Политиздат, под ред. д.и.н. А.П. Ненарокова], о которой в предисловии говорится следующее:

Эта книга – первое серьезное исследование по истории гражданской войны, написанная крупным военным специалистом Н.Е. Какуриным в начале двадцатых годов. С момента ее издания в 1925 г. книга долгое время хранилась в спецхране и была недоступна широкому читателю . . .

В данной книге, подаваемой, как некоторое «откровение» В.М. Чернецов упомянут только один раз:

Партизанский отряд Чернецова при пассивном отношении тех самых фронтовых частей, которые только что вынесли резолюцию о свержении Каледина, выгнал донской ревком с захваченных им станций Звереево и Лихая и принудил его искать убежище на станции Миллерово, вблизи советских частей. [т. 1, с. 163].

Второй, в пояснительной записке к схемам А. Де-Лазари:

28/1 – 29/1 Чернецов, овладев станциями Лихая и Звереево, открыл движение на Каменскую и 30/1 занял ее, оттеснив войска Донревкома. 2/II он начал наступление на Глубокую, овладев ею, но затем 3/II был разбит наголову соединенными силами Донревкома и подошедшей от Воронежа колонной Петрова. Сам Чернецов был убит. [т. 1, с. 245].

В дополнение к этому в конце книги дается биографическая справка, написанная А.И. Ушаковым:

ЧЕРНЕЦОВ Василий Михайлович (1880 – 1918). Есаул, в 1918 г. – полковник, участник первой мировой войны. В гражданскую войну – командир антисоветского казачьего отряда, действовавшего в Донской области. Отличился особой жестокостью в расправе с донецкими шахтерами. Попал в плен, расстрелян 21 января 1918 г. [т. 1, с. 262].

Примечание. Что можно почерпнуть из данного материала, в целом ? Почти – ничего.

Лучше же всего выглядит биографическая справка: рождение перенесено на 10 лет; «отличился особой жестокостью»; был расстрелян.

Кстати, это один из наиболее “объективных” материалов в Советский период.

Из «Казачьего Словаря-справочника» Г.В.Губарева [США, 1970]

“ЧЕРНЕЦОВЦЫ – имя, ставшее почетным звание; партизаны отряда полковника Чернецова, непревзойденные по доблести и боевому духу. Первыми, без страха и сомнения, выступили в ноябре 1917 г. на защиту Дона от нашествия ленинских орд. Спаянные во едино волею своего храброго начальника, совершили ряд боевых подвигов, а после его гибели частично перешли в отряд полковника Семилетова или в партизанский полк, в рядах которого совершили Первый Кубанский поход”. [т.3, с.281]

* * *

В Париже существовало общество донских партизан – Чернецовцев. Председатель – есаул Полов Моисей Тихонович. [Алабин: ж.Станица.–1935, -№ 15. –с.9 – 10]

Приложение: О Голубове

В ж. «Донская волна» (на обложках выпусков № 2, № 10 и № 7 (соответственно) представлены портреты Коледина, Чернецова и Подтелкова.

Н.В. Голубов такой чести удостоен не был. Напечатаны две его фотографии: в вып № 7 [с. 4] и в вып. № 9 [с. 14]. Сделана попытка перерисовать 1-ю из них (см. ниже). Рисунок, разумеется, точно не может передать фотографию, которая, к тому же, очень плохого качества.

Из «Казачьего Словаря-справочника» Г.В.Губарева [США, 1966]

«ГОЛУБОВ Николай Матвеевич (дон.) –рожд. 1881 г., ст. Новочеркасской; войсковой старшина, артиллерист, мятежная душа; в эпоху борьбы за Казачий Присуд сыграл гнусную роль предателя. Учился в Донском кадетском корпусе, который окончил в 1899 г. С юных лет отличался неуравновешенным, порывистым и буйным характером; учился неважно и часто подвергался наказаниям за дикие шалости и нарушения дисциплины. В 1902 г. из Михайловского артиллерийского училища выпущен хорунжим в 3 Дон. каз. батарею. Молодым офицером со страстью увлекался скаковым спортом; на своем вороном жеребце «Сант Яго» часто приходил первым во время состязаний и получил несколько призов.

В начале Русско-японской войны перевелся в 19 Дон. каз. полк и добровольцем ушел на фронт. С командиром полка не ужился и был откомандирован в 26 Дон. каз. полк. Тут приобрел репутацию одного из лучших офицеров-разведчиков, но вскоре стал знаменитым и по скандалам в харбинских притонах. После войны ему пришлось уйти в запас, как говорили, из-за редакции расписки в получении боевого ордена: «Орден в память поражения русских армий Японцами получил».

Оказавшись вне строя Г. поступил в одну из высших школ г. Томска. Здесь его буйная натура вскоре проявилась в избиении редактора местной газеты за непочтительный отзыв о донских институтках. В студенческой среде он впервые ознакомился с идеалами русского революционного движения и они нашли какой то отклик в его мятежной душе, несмотря на то, что он оставался патриотом и внимание оказанное ему государем ценил очень высоко. Противоречия подобного рода находили место во многих его жизненных правилах и поступках.

Во время Балканской войны 1912 г. он оказался добровольцем в Болгарской армии, командовал батареей и награжден военным крестом, который демонстративно вернул Болгарскому царю, после выступления Болгарии на стороне врагов России в

1914 г. В время Первой Мировой войны сотник Г. снова зачислился в конницу, а не в артиллерию. Состоял в 27 Дон. каз. полку, отличался исключительной храбростью. Говорили о нем, что он никогда не ложился под обстрелом противника, был ранен 16 раз пулями и осколками снарядов, вел себя по братски с рядовыми и независимо с начальством. Может быть, благодаря этому постоянно запаздывал с продвижением в чинах, что его весьма возмущало.

Февральская революция застала Г-ва в Новочеркасске на излечении очередного ранения. Человек стихии, азартный игрок во всех проявлениях, он с полным рвением включился и в политическую деятельность. Неизвестно, стал ли он членом какой либо партии или руководствовался личными склонностями и побуждениями. Во всяком случае, он провозглашал идеи крайние, которые пришлось по вкусу малому количеству Казаков, но зато делали его своим человеком у солдат запасного полка. Попав представителем казачьего гарнизона на Первый Донской Конгресс, он выступал с теми же идеями и оттолкнул от себя солидных и умеренных во взглядах «стариков». В резкой и активной позиции по отношению к законной донской власти проявлялась его деятельность во время атамана А.М. Каледина. Трудно предполагать в нем искреннего сторонника большевиков. Чего он хотел, не выяснилось до конца его дней. Вернее всего, в его действиях нашла отражение основная установка его хаотической натуры: оппозиция ради самой оппозиции. При весьма своеобразных представлениях о чести, о доблести, он готов был рисковать, идти против течения при любых обстоятельствах, было ли это на поле битвы или на арене политической. За подрывную деятельность в пользу русских революционных идей он был арестован по приказанию Заместителя Донского атамана М.П. Богаевского. Но давши обещание уйти от всякой политики и по ходатайству Походного атамана ген. Назарова, вскоре был выпущен с гауптвахты. Освободившись, Г. сразу же скрылся в ст. Каменскую, стал во главе войск Военно-революционного комитета, способствовал публичному выступлению Чернецова и разгрому его партизанского отряда. Потом, ведя пропаганду среди остатков некоторых полков, убедил их в необходимости присоединиться к его отряду, хотя бы для того, чтобы занять Новочеркасск раньше красногвардейцев и матросов. Например, 10 Дон. каз полк присоединился к нему по причинам скорее патристическим. Сохранившийся от демобилизации и верный правительству, полк еще недавно защищал свои станицы от налетов красной гвардии. Но Г. сумел убедить рядовых и офицеров, что Донское правительство так или иначе падет, а если в Новочеркасск ворвутся первыми матросы, то они там не оставят камня на камне. После этого полк вместе с офицерами примкнул к его отряду, с ним вместе занял донскую столицу и, действительно, не давал разбушеваться красным, пришедшим на следующий день. Новочеркасск потерял много офицеров, расстрелянных красными, но он потерял бы много больше, если бы жители и их дома не находили защиту у голубовцев. Рассмотревшись в обстановке, Казаки не дали большевикам расстрелять офицеров, арестованных на гауптвахте. Погибли только взятые в первый день, среди них атаман Назаров и с ним шесть генералов и штаб-офицеров. Красная гвардия распоряжалась в городе не более двух-трех суток. В дальнейшем дежурные сотни голубовцев решительно препятствовали арестам и грабёжам до тех пор, пока красногвардейцы не ушли из города. Когда Г. появлялся в общественных местах, его тотчас же окружала толпа просителей и если он не руководствовался личными антипатиями и был в состоянии помочь, то помогал. В некоторых случаях разрешал Казакам укрывать в своих рядах местных офицеров. На улицах города постоянно возникали столкновения между солдатами революции и голубовцами.

Через неделю красная гвардия, расстреляв атамана Назарова и др., передвинулась дальше, унося в душе зlobу и недоверие к «революционным» Казакам и их командиру. Разделяя с ними и те же чувства и ростовский Исполнительный комитет. Для того, чтобы очиститься от подозрений в измене революции, Г. решил организо-

вать набег на Сальские степи, найти там и разгромить партизан Походного атамана П.Х. Попова. Объявлен был поход и назначена погрузка в вагоны. Но Казаки считали свою миссию законченной. Ни у кого не было желания углублять революцию или гоняться по степям за своими же казачьими и партизанами. Все хотели домой, а у многих уже назрела мысль, что «чужую рвань» скоро придется с казачьей земли вырубать шашками. Голубовцы неохотно собрались на рампе и не спешили размещаться по вагонам. О настроении отряда сообщили Г-ву, погрузка была отменена. Г. отправился в ст. Великокняжескую с небольшим штабом, в надежде на помощь местных иногородних. И он не ошибся в расчете: толпа добровольцев и доносителей помогли ему разыскать и пленить М.П. Богаевского.

Перед рассветом 6-го марта 1918 г. Г. арестовал его в доме калмыцкого гелюна (священника) ст. Денисовской. Он привез его в Новочеркасск и поместил на гауптвахту. Но торжества не чувствовалось в его докладе на гарнизонном собрании, не радовались его «успехам» и голубовцы. Рознь между ними и ростовским красным центром росла и расширялась. Ростов требовал беспрекословного повиновения от человека, не признававшего никаких авторитетов, не переносившего никакого подчинения. По прежним обыкновениям азартного игрока и, очевидно, по личной инициативе Г. устроил выступление М.П. Богаевского, плененного Донского Златоуста, перед казачьим гарнизоном Новочеркаска, позволил ему говорить свободно более трех часов. И его речь была принята слушателями, как призыв возвратиться на путь истинных казачьих интересов, против успешных надоесть пришельцев с их заманчивыми лозунгами и отталкивающими действиями. В настроениях гарнизона стала проявляться подлинная контрреволюция.

Собрание происходило в присутствии комиссара Ларина и тот не преминул донести обо всем в Ростов. Отряд и его командир потеряли всякую видимость революционности. На требование выдать пленника Г. отмалчивался. Потребовали его самого для доклада, он не поехал. И тогда, 27 марта утром, по улицам Новочеркаска загремели броневики красной карательной экспедиции. Казачий «революционный» отряд разбежался по окрестностям. Сам. Г. и с ним тридцать человек 29 марта появились в ст. Заплавской. Ему разрешили выступить с речью в станичном правлении. Он начал с призыва к восстанию против большевиков, но станичники потребовали от него оправданий в его предыдущих поступках, в смерти партизана Чернецова, в смерти атамана Назарова и всех, расстрелянных по его вине Казаков. Его слушали в течении четырех часов и когда толпа была уже готова простить своему заблудшему сыну его вины, один из присутствующих, студент Пухляков, тремя выстрелами из револьвера прекратил жизнь этому неистовому политикану. Уже мертвому посылали люди ему проклятия и благодарили его убийцу.

В истории Г. оказался вне симпатий какой либо русской или казачьей политической группировки. Память о нем сохранилась только, как о Иуде-предателе. [т. 1, с. 140 – 143].

Ниже предлагается ряд выдержек из статей, опубликованных в журнале «Донская волна»:

Из статьи К. Треплева «Сергей Сырцов» [Донская. Волна, № 7, с. 10]:

“Он широко пользовался всеми благами “социалистического рая”, но, как и другой герой большевизма - Николай Голубов, он был в оппозиции”.

“Сергей Сырцов играл крупную роль на Дону, на его совести много преступлений. Но он никогда не был талантливым, как Голубов, храбр, как Подтелков.

Он был бездарен и труслив”.

Из статьи П. Попова **«Из истории освобождения Дона»** [вып. № 14, с. 1]:

“Кольцо обложения Новочеркасска суживалось все больше и больше.

А в это время в общество проник слух, что Голубов передал из своего стана кому-то записку с предложением впустить его с казаками в город, чем якобы гарантировалась полная безопасность населению от самосудов, насилий и грабежей.

Льстивые и лживые обещания Голубова скоро подкупили и загипнотизировали горожан: Атамана А.М. Назарова положительно осаждали неумными вопросами – неужели город может стать аренной кровопролития, когда Голубов предлагает такие заманчивые условия.

Знали истинную цену словам, обещаниям и клятвам Голубова только юнцы-партизаны. Горячо веря в казачество и в светлое будущее России, безошибочно расценивая временное затмение, охватившее народ, они не боялись заведомого самосуда красных. Смерть не была страшна для них – они давно обрели себя на жертву.

Между тем слухи о просьбах и обещания Голубова проникли скоро и на круг. И здесь нашли они не только почву, но и надежных сторонников, сначала осторожно, а потом и смелее заговоривших о делегации к Голубову”.

“Начались приготовления. Решено было вывезти из Новочеркасска все оружие и патроны, захватить наличное интендантское имущество и некоторый запас продовольствия, чтобы поставить войска, насколько возможно, в независимое положение от местных средств.

...

Но утром 11-го атаман Назаров приказал повременить с отходом и распустить обоз, так как среди некоторых членов круга нашло веру лживое обещание Голубова – гарантировать город от разрома, а население и войско от насилий и самосуда, если бы его с казачьими полками впустили в город без боя”.

Из статьи Виктора Севского **«Смерть Митрофана Богаевского»** [Донская волна, № 9, с. 12]:

“Николай Голубов привез донского златоуста из Сальских степей на гауптвахту в Новочеркасск. Возил на суд – на гарнизонное собрание казаков.

И, чудо: преступник стал прокурором. Казаки рукоплескали Богаевскому. Всполошились в красном Ростове: потребовали Богаевского на суд в Ростов.

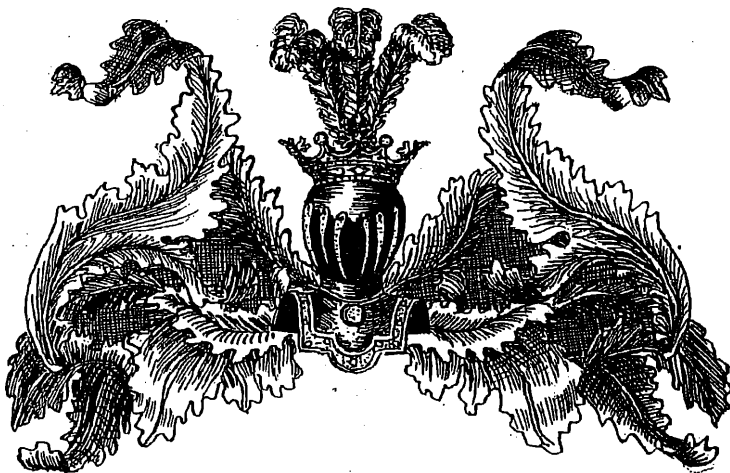
Голубов отказался в выдаче Богаевского и был объявлен врагом советского Дона. В Новочеркасск пошел отряд матросов и красновардейцев.

Голубов бежал – Богаевского отвезли в Ростов”.

В книге Н.Е. Какурина **«Как сражалась революция»** [М., Политиздат, 1990].

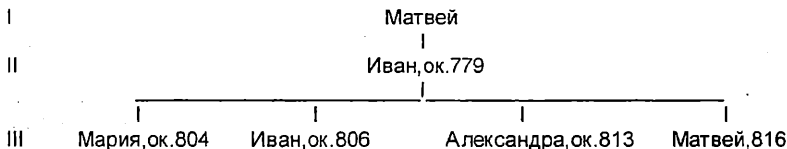
Голубов упомянут вскользь в рамках “своеобразного” описания взятия Новочеркасска:

“Саблин 22/II со ст. Шахтная, имея на левом фланге отряды Петрова, Голубова, с войсками Донревкома, а на правом – отряд Медведева, повел наступление на Новочеркасск, имея перед собой противника под командой ген. Абрамова. Наступление задержалось выжиданием результатов обходного движения Голубова (казачья бригада Донревкома, которая обходила Новочеркасск с востока и которая вошла в город 25/II настолько неожиданно, что не встретила сопротивления), 26/II в Новочеркасск вошел Медведев, а вслед за ним – Петров” [т. 1, с. 246].

Голубовы

Голубовы ст. Старочеркасской:

II колено

Иван Матвеевич, из казачьих детей, р. ок. 1779 г. (в ПС показано – 60 лет), казак Старочеркасской ст.; награжден: ЗОВО, СМ-812.

В службе казаком с 1 мая 1798 г. В полку Кумшацкого с 1 мая 1798 г. по 15 апреля 1800 г.: в Пинске. В 1804 – 1805 гг. на почте. В полку Кирсанова (затем Иловайского 11-го) с 20 февраля 1806 г. по 1 января 1810 г.: Австрия; с 1807 г. участвовал в войне с турками, в действительных сражениях: Хотин. Урядником с 20 мая 1807 г. Участник Прусской кампании 1807 г., в действительных сражениях с французами; с 1808 г. в Молдавской армии, в боях с турками, ранен пулей в левую ногу (против турок по 1810 г.). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813 – 1814 гг., в действительных сражениях: Малоярославец, Борисов, Люблин, Данциг – за отличие в деле 28 мая 1813 г. награжден ЗОВО; за отличие в делах произведен в хорунжие 28 февраля 1814 г. (30 лет от роду). В полку Балабина (впоследствии Каргина) с 20 апреля 1826 г. по 14 июня 1830 г.: квартальным надзирателем Новочеркасской полиции. В полку Янова 2-го (впоследствии Жирова № 8) с 3 июля 1830 г. по 7 июля 1837 г.: на Кавказской линии, в боях с горцами. Участник Высочайшего смотра в Новочеркасске в 1837 г. Сотником с 22 октября 1837 г. ПС составлен в связи с предполагаемой отставкой по болезни с мундиром.

Жена — дочь казака Маслова Евдокия Васильевна, дети: Иван 35 лет, Матвей 23 года. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3227, ПС 1839 г.].

На 1818 г. — 44 года, жене — 38 лет; дети: Иван 10 лет, Матвей 3 года (р. 5 марта 1815 г.), Мария 14 лет, Александра 5 лет; на 1837 г. 58 лет; дети: Иван 31 лет, Матвей 23 года, Мария 33 года, Александра 24 года. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 648, док. 1838 г.].

III колено

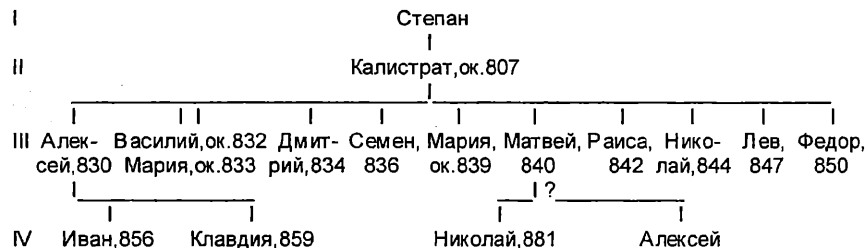
Матвей Иванович, из дворян, р. 9 августа 1816 г.; окончил Частное учебное заведение; награжден: А-3 Б, А-4, ЗОВО, СМ-849, БМ-853, БМ-863, Крестом за службу на Кавказе.

В службе казаком в полку № 8 с 1 мая 1833 г. Урядником с 26 июля 1833 г. За отличие в делах против горцев в 1833 г. награжден ЗОВО. В полку № 39 с 8 июля по 15 сентября 1837 г. В полку № 35 с 13 мая 1840 г. За отличие против горцев в 1840 г. вторично награжден ЗОВО (вторая треть на пансион по награде). Произведен в хорунжие 16 апреля 1841 г. В полку № 40 с 22 октября 1841 г. по 11 июня 1844 г. Сотником с 13 января 1844 г. В полку № 8 с 10 мая 1845 г. В полку № 15 с 26 июня 1847 г. по 21 января 1850 г.: участник Венгерской кампании 1849 г., в действительных сражениях. За отличие в делах против венгров награжден А-4 — в 1849 г., и А-3 Б. Произведен в есаулы 11 апреля 1849 г. В полку № 3 с 10 мая 1851 г. по 6 ноября 1856 г. Начальником команды для изловления беглых с 11 декабря 1856 г. по 25 января 1857 г. В полку № 26 с 17 августа 1859 г. по 1 января 1861 г. В полку № 33 с 20 мая 1861 г. В полку № 41 с 22 марта 1865 г. Вышел в отставку с награждением чином войскового старшины 15 октября 1871 г. Вновь в службе есаулом с 3 января 1877 г. со старш в чине с 29 июля 1854 г. В полку № 25 с 13 апреля 1877 г. по 5 сентября 1878 г. Войсковым старшиной с 9 августа 1877 г.

Жена — дочь есаула Кунделекова Наталья Семеновна, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 482, ПС за 1884 г.].

Полковник, владелец деревянного дома в Новочеркасске по адресу: Троицкий просп. (от Троицкой пл. до Краснокутской ул.), д. №5 (дворовое место №16). [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 266].

Голубовы ст. Новочеркасской:

II колено

Калистрат Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1807 г.; награды: А-3, БМ-853

В службе казаком с 23 марта 1823 г. Писарем Войсковой канцелярии с 23 марта 1823 г. по 20 декабря 1826 г. С этого времени в Прокурорской канцелярии. Урядником с 1 января 1829 г. С 1 января 1836 г. поныне письмоводителем Прокурорской кан-

целярии. Произведен в хорунжие 6 мая 1837 г. (30 лет от роду). Сотником с 16 апреля 1841 г. Произведен в есаулы 13 января 1844 г. За отличие по службе войсковым старшиной с 6 февраля 1851 г. За отличие по службе награжден А-3 – 6 декабря 1856 г.

Жена – дочь казака Кашеева Александра, дети: Алексей р. 11 марта 1830 г. (ныне есаул), Дмитрий р. 24 октября 1834 г. (сотник), Семен р. 22 мая 1836 г. (урядник), Матвей р. 8 августа 1840 г. (в службе), Николай р. 25 июля 1844 г., Лев р. 17 февраля 1847 г., Федор р. 20 апреля 1850 г., Раиса р. 28 марта 1842 г. Имущество благоприобретенное – 2 дома в Средне-Новочеркасской ст. и 4 души мужского пола. [РГВИА. ф. 330, оп. 55, д. 910, ПС за 1860 г.].

В ПС за 1842 г. показаны дети: Алексей 12 лет, Василий 10 лет, Дмитрий 7 лет, Семен 5 лет, Матвей 3 года, Мария 9 лет, Мария 4 года. [ф. 330, оп. 58, д. 664].

III колено

Алексей Калистратович, сын войскового старшины, р. ок. 1825 г.; награжден БМ-853. В службе урядником в батарее № 4 с 14 мая 1845 г. В фейверкерской школе с 12 июня 1845 г. по 21 октября 1847 г. Произведен в хорунжие 20 августа 1847 г. (22 лет от роду). В Учебном полку с 22 июня 1848 г. по 5 мая 1849 г. В полку № 28 Наследышева с 14 мая 1850 г. по 19 октября 1856 г. Сотником с 29 апреля 1851 г. Произведен в есаулы 8 сентября 1856 г. В полку № 13 Шапошникова с 10 мая 1858 г. В 1850 – 1861 г. в Финляндии.

Жена – дочь купца Форсман Аделаида Ивановна (лютеранка), дети: Иван р. 3 сентября 1856 г., Клавдия р. 30 апреля 1859 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1037, ПС за 1861 г.].

Дмитрий Калистратович, из дворян, р. 1831 г.; окончил Новочеркасскую гимназию (отделение восточных языков); награжден: БМ-853, СМ-ЧД.

В службе урядников с 15 февраля 1856 г. Письменным переводчиком Кумыкского округа (причислен к полку № 71) с 4 июля 1856 г. Произведен в хорунжие 16 августа 1857 г. со старш. с 4 января 1857 г. С 1858 г. на Кавказской линии, в действительных сражениях. Переведен в полк № 21(?) – 17 июня 1859 г. За отличие по службе сотником с 11 ноября 1860 г. Переведен в полк № 22 Шейкина – 1 сентября 1862 г.

Жена – дочь купца II гильдии Степанова Ольга Степановна, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1141, ПС за 1862 г.].

Николай Калистратович, из дворян. р. 24 июля 1844 г.; окончил Класс Донских урядников. Урядником батареи № 1 с 23 октября 1861 г. В Классе . . . с 31 октября 1861 г. Произведен в хорунжие 18 октября 1864 г. В Л.-Гв. ДКБ с 28 марта по 28 июня 1867 г. Сотником с 25 декабря 1867 г. В батарее № 7 с 3 января 1869 г. по 30 октября 1870 г. В батарее № 10 с 10 августа 1870 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 183, ПС за 1874 г.].

Николай Калистратович, Надворный Советник, владелец каменного дома в Новочеркасске по адресу: Александровская ул. (от Железнодорожной ул. до Почтовой ул.), д. № 31а (дворовое место № 16). [Краснов Б. В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 12].

Лев Калистратович, из дворян, р. 18 февраля 1847 г., казак Новочеркасской ст.; окончил МАУ по 1 разряду; награжден: А-3, С-3.

Урядником в батарее № 4 с 4 августа 1864 г. Юнкером с 30 августа 1867 г. Произведен в хорунжие 12 июня 1868 г. В 1-й конно-артиллерийской бригаде с 9 мая 1869 г. Сотником с 26 мая 1870 г. В батарее № 13 с 11 ноября 1871 г. Произведен в

есаулы 3 апреля 1874 г. Награжден С-3 –30 августа 1874 г. В батарее №10 с 21 ноября 1876 г. В батарее № 4 с 1 августа 1878 г. За отличие по службе награжден А-3 – 8 февраля 1880 г. В батарее № 12 с 24 апреля 1880 г. Вышел в отставку по домашним обстоятельствам с чином войскового старшины и мундиром – 7 января 1891 г. Вновь в службе есаулом с 21 сентября 1892 г.

2-я жена дочь купца из Мариуполя Попова Марфа Ильинична, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 1055, ПС за 1892 г.].

Есаул, владелец каменного дома в Новочеркасске, выходящего на две улицы по адресам: Скородумовская ул. (от Железнодорожной ул. до Ермаковского пр.), д. № 42 (дворовое место № 25) и Арсенальная ул. д. №11 (дворовое место №25). [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 20, 243].

Есаул, состоящий по Донской артиллерии; отставка по домашним обстоятельствам с чином (войскового старшины) и мундиром 31 декабря 1894 г. [Выс. приказы].

Федор Калистратович, из дворян, казак Средне-Новочеркасской ст.; в службе казаком с 1869 г.; урядником с 4 сентября 1870 г.; служил писарем в распределительном отделении Областного Правления. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 468, док. 1877 г.]

Казак из дворян, владелец каменного дома в Новочеркасске, выходящего на две улицы: Городовая ул. (от С.-Петербургского просп. до Краснокутской ул.), д. № 13 (дворовое место № 17) и Креничная ул. (от Троицкого просп. до Нижне-Тузловской ул.), д. № 4а. [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 74, 165].

IV колено

Примечание. По словам И.М. Алабина в ДОВ в 1914 г. была опубликована статья о братьях Голубовых. Один, на тот момент, – сотник, другой – кадет ДИАЗКК. Предположительно, это Николай Матвеевич и Алексей Матвеевич

Николай Матвеевич, окончил ДИАЗКК в 1899 г. и МАУ. [Вечеслов А.Ф. «25 лет ДИАЗКК», Новочеркасск, 1908, с. 188]. Из юнкеров МАУ произведен в хорунжие 13 августа 1901 г. со старш. с 9 августа 1900 г. с зачислением в батарею № 3. Хорунжий батареи № 20; сотником с 15 апреля 1905 г. со старш. с 9 августа 1904 г.; состоял в батарее № 20 по 27 сентября 1906 г. Сотник, состоящий по Донской артиллерии; утверждено награждение за отличие в делах А-3 МБ – 8 февраля 1907 г. Сотник; вышел в отставку по болезни без наград. – 9 января 1908 г. Отставной сотник; вновь в службе с зачислением в комплект ДКП – 2 сентября 1914 г. [Выс. приказы].

Сотник. Ранен. [ДОВ, № 210, л. 4, 16 сентября 1914 г.].

Сотник полка № 28; за отличие в делах награжден: А-3 МБ –10 января 1915 г., В-4 МБ – 14 апреля 1915 г., С-2 М – 11 сентября 1915 г., чином подьесаула – 19 марта 1916 г. со старш. с 16 июля 1915 г. Подьесаул полка № 28; переведен в полк № 27 – 11 июня 1916 г. Подьесаул полка № 27; переведен в батарею № 22 – 7 сентября 1916 г.; произведен в есаулы 15 сентября 1916 г. со старш. с 22 сентября 1915 г. Есаул батареи № 22; переведен в 1-ю Запасную батарею – 31 марта 1917 г.; за отличие в делах награжден А-2 М – 12 апреля 1917 г. Есаул 1-й Запасной батареи, прикомандированный к полку № 40; произведен в войсковые старшины 21 апреля 1917 г. со старш. с 9 августа 1916 г. [Выс. приказы].

Примечание. Другие материалы о нем см. ниже.

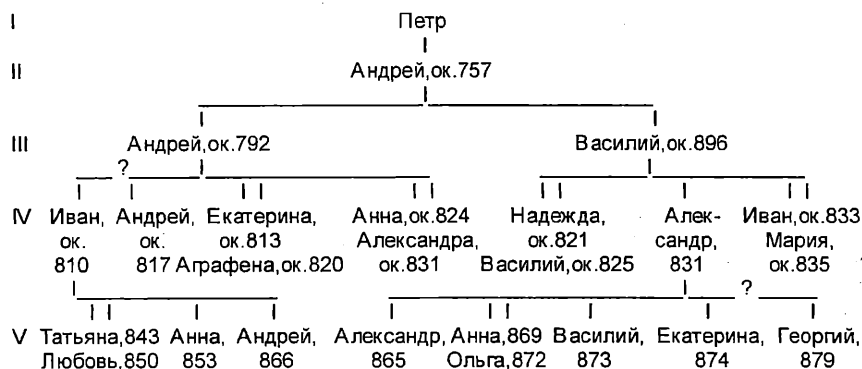
Алексей, кадет 6 класса ДИАЗКК, стипендиат дворянства; исключен из корпуса на попечение опекуна (по его просьбе) приказом по ВД № 405 от 9 октября 1914 г. [ДОВ, № 238, л. 1, 18 октября 1914 г.].

Алексей М., в Донской армии; участник Степного похода в отряде войск старшины Гнилорыбова. [Волков: ж. Родимый край. Спец. выпуск: Степной поход, 1969].

А.М., полковник, командир 1-го казачьего конного полка на 1945 г. [А.К. Ленивов «Под казачьим знаменем в 1943 – 1945 г.» (Материалы и документы), Мюнхен, 1970, л. 104].

Произведен 15 мая 1945 г. в генерал-майоры. В составе Отдельного Казачьего корпуса (г.н. «Казачьего Стана») сдался в плен англичанам; содержался в г. Лиенце (Австрия). Выдан 29 мая советскому командованию в г. Юденбурге (Австрия). Приговорен Особым совещанием НКВД СССР к 10 годам лишения свободы по ст. 58 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере. В 1956 г. освобожден; вернулся к семье в Бельгию. Умер 7 января 1978 г. в г. Эрмаль (Бельгия). В некрологе показано: ст. Старочеркасская, ДИАЗКК, Георгиевский кавалер; войсковой старшина. [Алабин, Волков: ж. Часовой].

Голубовы ст. Новочеркасская и Каменской:

II колено

Андрей Петрович, из казачьих детей, р. ок. 1757 г.

В службе казаком с 1 января 1775 г. В полку полковника Михаила Давыдова на Кагальнике с 1 апреля 1778 г. В полку генерал-майора Ивана Исаева с 16 мая 1781 г.: Ея, в действительных сражениях, против черкес. В команде подполковника Осипа Поздеева с 11 июня 1783 г.: Петербург, участник войны со шведами, в действительных сражениях. В том же полку с 1 октября 1792 г. В полку армии полковника Харитоновна с 16 мая 1795 г.: на Кавказской линии. Зауряд-хорунжим с 16 сентября 1796 г. Жена – дочь казака Ефимия Кондратьевна, дети: сын 8 лет, сын 6 лет. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3692, ПС за 1798 г.].

В другом ПС за 1798 г. показаны дети: Андрей 8 лет, Василий 4 года. [ф. 489, оп. 1, д. 3021(?)]. Казак Новочеркасская ст.; хорунжий полка № 8; умер 21 января 1833 г. от нервной горячки. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 11].

III колено

Андрей Андреевич, из казачьих детей, р. ок. 1793 г.; награжден: А-3, А-4, СМ-828.

В службе казаком с 20 января 1808 г. В 1808 – 1813 гг. писарем Донецкого Сыскаго Начальства и Военной Канцелярии. В команде Аверкова в Польше с 1 апреля 1814 г. В Средне-Егорлыкской карантинной команде с 4 октября 1814 г. В 1814 – 1821 гг. писарем. Урядником с 3 декабря 1812 г. В полку Поздеева 1-го (впоследствии Бегидова) с 23 апреля 1821 г.: в 1821 – 1825 гг. Бессарабия, кордонная служба по р. Прут. Произведен в хорунжие 16 апреля 1823 г. (32 лет от роду). В 1826 – 1827 гг. там же. Сотником с 29 апреля 1828 г. Участник Русско-Турецкой войны 1828 – 1829 гг., в действительных сражениях: Бухарест, Силистрия – за отличие в делах награжден А-4. В полку № 19 (затем № 1) с 3 июля 1830 г.: в 1830 – 1834 гг. в Отдельном Кавказском Корпусе. Произведен в есаулы 21 сентября 1833 г. Затем по 1837 г. в Грузии. За отличие по службе награжден А-3. В полку № 35 Сербинова 1-го с 13 мая 1840 г.: Отдельный Кавказский Корпус, в делах против горцев. За отличие по службе войсковым старшиной со 2 августа 1840 г. Вдов, дочь Александра 12 лет. Имущество благоприобретенное – дом в Новочеркаске. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 663, ПС за 1842 г.].

В ПС за 1825 г. показано: сын обер-офицера; дети: Андрей 8 лет, Екатерина 12 лет, Графена 5 лет, Анна 1 год. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 313].

Василий Андреевич, сын обер-офицера, р.ок.1796 г., казак Каменской ст; награжден: СМ-812, СМ-Париж, БМ-812.

В службе казаком в полку Харитонова 7-го с 19 января 1812 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813 – 1814 гг., в действительных сражениях. Урядником с 21 сентября 1812 г. В 1816 – 1817 гг. канцелярским служащим Донецкого Сыскаго Начальства. В полку Желтоножкина (впоследствии Костина 4-го) с 13 февраля 1820 г.: в 1820 – 1823 гг. Черномория, против горцев, Грузия. Произведен в хорунжие 26 сентября 1825 г. (29 лет от роду). В полку Исаева 1-го (впоследствии Фомина) с 8 мая 1826 г.: в 1826 – 1828 гг. в Финляндии; в 1828 – 1832 гг. в Петербурге. В 1835 – 1839 гг. в Крыму. Сотником с 22 октября 1837 г. В полку № 10 Кутейникова 3-го с 30 мая 1835 г. по 12 августа 1839 г. ПС составлен в связи с предполагаемой отставкой по выслуге с мундиром. Жена – дочь казака Дурнева Ольга Андреевна, дети: Василий 14 лет, Александр 9 лет, Иван 6 лет, Надежда 18 лет, Мария 4 года. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3227, ПС за 1839 г.].

Казак ст.Каменской; сотником с 22 октября 1837 г.; в отставке с 25 июля 1840г [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 426, л. 43 об.]. В док. 1812 г. показан казаком Черкасской ст. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3694, л. 33]. В док. 1840 г. показан сыном хорунжего. [ф. 405, оп. 6, д. 3209].

IV колено

Василий Васильевич, из дворян, р. ок. 1825 г., награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1844 г. В полку № 21 Терпилова (впоследствии Калинина) с 5 мая 1845 г. по 30 марта 1850 г.: Грузия, кордонная служба по границе с Турцией. Урядником с 6 августа 1848 г. Произведен в хорунжие 6 декабря 1851 г. (26 лет от роду). В полку № 39 с 29 мая 1853 г. по 5 октября 1856 г.: Бессарабия, участник войны с турками. Сотником со 2 января 1857 г. В полку № 13 Шапошникова с 10 мая 1858 г.: в 1858 – 1861 гг. в Финляндии.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1037, ПС за 1861 г.].

Казак ст. Каменской. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Александр Васильевич, из дворян, р. 30 августа 1831 г.; окончил окружное училище; награжден: С-3, ЗОВО, БМ-853, СМ-ЧД.

В службе казаком с 1 января 1850 г. В полку № 18 с 15 мая 1851 г. по 25 сентября 1856 г. Урядником с 30 марта 1852 г. Награжден ЗОВО – 12 июля 1854 г. В полку № 6 с 7 августа 1857 г. по 13 июня 1861 г. Произведен в хорунжие 12 июня 1860 г.

Заседателем Донецкого окружного Судного Начальства с 31 декабря 1862 г. Сотником с 10 июня 1865 г. Произведен в есаулы 17 июня 1872 г. Заседателем Донецкой окружной Опеки с 15 июля 1874 г. Награжден С-3 – 5 марта 1871 г.

Жена – дочь есаула Денисова Марфа Васильевна, дети: Александр р. 13 августа 1865 г., Анна р. 12 декабря 1869 г., Ольга р. 19 марта 1872 г., Василий р. 11 июня 1873 г., Екатерина р. 5 ноября 1874 г. Имущество: 200 десятин земли в Миусском округе по чину, 200 десятин земли, доставшиеся по смерти брата; 2 деревянных дома в ст. Каменской. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 209, ПС за 1874 г.].

Есаул; отставка по домашним обстоятельствам с чином (войскового старшины) и мундиром – 11 апреля 1879 г. [Выс. приказы].

V колено

Александр Александрович, из дворян, р. 15 августа 1865 г., казак Каменской ст.; окончил НКЮУ по 2 разряду; награжден: СМ-А3, ТБМ-897.

Юнкером с причислением в полку №15 с 1 сентября 1882 г. по 10 марта 1883 г. в полку № 6 с 17 апреля 1884 г. Юнкером ВПЮУ с 5 сентября 1884 г. Переведен в НКЮУ – 20 августа 1885 г. Подхорунжим в составе полка № 14 с 26 августа 1886 г. Произведен в хорунжие 22 января 1887 г. В полку № 10 с 9 февраля 1890 г. по 6 октября 1895 г. Произведен в: сотники 6 октября 1891 г. со старш. с 22 января 1891 г. и подьесаулы 15 апреля 1894 г. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 372, ПС за 1899 г.].

Подьесаул Каменской местной команды; есаулом с 15 апреля 1903 г. [Выс. приказы]. Есаулом с 15 апреля 1903 г. со старш. с 6 мая 1900 г. 3-й Сводный ДКП. Холост. [д. 941, Список по старш. за 1906 г.]. Есаул расформированного 3-го Сводного ДКП; награжден С-3 – 13 июля 1908 г. Есаул полка № 1; награжден А-3 – 6 мая 1914 г. Войсковой старшина полка № 45; награжден С-2 – 21 октября 1916 г. Войсковой старшина в комплекте ДКП; вышел в отставку по болезни с чином (полковника) и мундиром – 10 февраля 1917 г. [Выс. приказы]. Войсковой старшина; 53 года; вышел в отставку по возрасту с чином (полковника) – 4 апреля 1920 г. приказом Войскового Штаба ВВД № 99. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 144, л. 12 об.].

Василий Александрович, из дворян, р. 13 июля 1873 г., казак Каменской ст.; окончил НКЮУ по 2 разряду.

Юнкером с причислением к полку №4 с 31 августа 1892 г. Подхорунжим в составе полка № 10 с 1 августа 1895 г. Произведен в хорунжие 23 февраля 1896 г. При ВД с 10 октября 1899 г. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 378, ПС за 1899 г.].

Хорунжий; сотником с 15 апреля 1900 г. со старш. с 23 февраля 1900 г. Сотник 4 Донской казачьей отдельной сотни; подьесаулом с 15 апреля 1904 г. со старш. с 23 февраля 1904 г. Подьесаул Таганрогской местной команды; награжден С-3 – 6 мая 1905 г.; произведен в есаулы 16 ноября 1910 г. со старш. с 23 февраля 1908 г. Есаул полка № 12; за отличие в делах награжден: А-4 и А-3 МБ –оба 16 июля 1915 г., чином войскового старшины – 1 мая 19016 г. со старш. с 10 сентября 1915 г.; А-2 М – 3 октября 1916 г., В-4 МБ –30 ноября 1916 г. Войсковой старшина полка №12; отправлен в распоряжение войскового начальства 21 января 1917 г. [Выс. приказы].

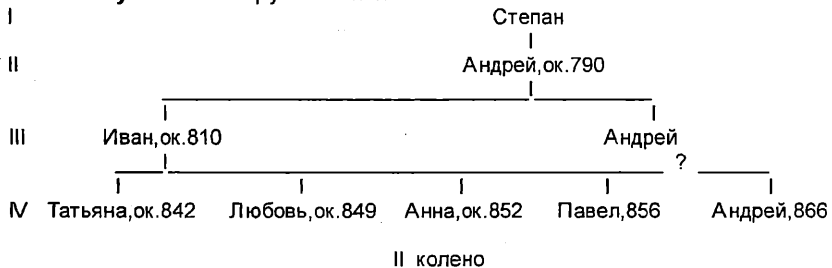
Полковник; на весну 1920 г. в Донском офицерском резерве. 47 лет; образование: реальное училище, НКЮУ и ОКШ. Хорунжим с 23 февраля 1896 г.; полковником с 8 августа 1918 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 58 об.]. Полковник; отставка по возрасту без наград – 4 апреля 1920 г. приказом Войскового Штаба ВВД № 97. [д. 144, л. 11 об.].

Георгий Александрович, из дворян, р. 24 августа 1879 г.; окончил Ярославскую военную школу и НКЮУ по 2 разряду.

Юнкером с 1 сентября 1897 г. Подхорунжим с 29 июля 1900 г. Произведен в хорунжие 27 марта 1901 г. Из полка № 13 переведен в полк № 10 – 8 июля 1902 г. Сотником с 15 апреля 1905 г. со старш. с 27 марта 1905 г. На 1906 г. в полку № 18. Награжден С-3 – 3 октября 1906 г. В полку № 10. Произведен в подьесаулы 6 мая 1909 г. со старш. с 27 марта 1907 г. Жена – Крусицкая Ир... (?) Мартыновна (лютеранка), детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 580, ПС за 1909 г.].

Подьесаул полка № 45; за отличие в делах награжден: А-4- 23 марта 1915 г., А-3 МБ – 6 января 1916 г.; произведен в есаулы 10 декабря 1915 г. со старш. с 27 марта 1913 г.; за отличие в делах В-4 МБ – 15 мая 1916 г. Есаул полка № 45; переведен в полк № 40 – 20 февраля 1917 г. Есаул полка № 40; войсковым старшиной с 27 апреля 1917 г. со старш. с 13 января 1916 г.; полковником с 19 ноября 1917 г. со старш. с 13 мая 1917 г. [Выс. приказы].

Голубовы ст. Грушевской:

Андрей Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1790 г.

В службе казаком с 25 марта 1809 г. Служба "по внутренности" ВД – фельдшером. Урядником с 15 февраля 1815 г. Произведен в хорунжие 26 сентября 1825 г. Женат, дети. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 313, ПС за 1825 г.].

Казак Грушевской ст.; отставной хорунжий; умер 10 января 1833 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 67].

III колено

Иван Андреевич, сын обер-офицера, р. ок. 1810 г.

В службе казаком с 1 января 1830 г. Аптекарским учеником Войсковой аптеки с 1 мая 1831 г. по 14 октября 1838 г. Урядником с 30 августа 1835 г. Писарем Прокурорской канцелярии с 20 сентября 1840 г. по 1 марта 1856 г. Произведен в хорунжие 6 декабря 1855 г. (45 лет от роду). В Рабочем полку с 16 апреля 1856 г.

Жена – дочь казака Чеботарева Фекла, дети: Павел р. 29 июня 1856 г., Татьяна 14 лет, Любовь 7 лет, Анна 4 года. Имущество приобретенное – дом в ст. Грушевской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 333, ПС за 1855 г.; д. 496, ПС за 1856 г.].

Ст. Новочеркасской. [оп. 56, д. 464, док. 1877 г.]. Хорунжий; отставка по болезни без награды приказом Воен. Министра по Иррег. войскам – 30 ноября 1857 г. [Выс. приказы]

Андрей Андреевич, сын обер-офицера, казак Грушевской ст.; в службе казаком с 1836 г.; урядником с 30 августа 1843 г.; служил лекарским учеником. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док. 1877 г.].

IV колено

Андрей Иванович, сын хорунжего, р. 3 июля 1866 г., казак Грушевской ст.; окончил НКЮУ по 2 разряду.

Юнкером с причислением к полку № 12 с 1 сентября 1884(?) г. Подхорунжим с 7 мая 1887 г. В полку № 10 с 8 октября 1887 г. Произведен в хорунжие 14 февраля 1888 г. В полку № 17 с 11 февраля 1892 г. Сотником с 21 октября 1892 г. со старш. с 14 февраля 1892 г. В полку № 16 с 12 февраля 1897 г.

Жена – дочь полковника Каменнова Олимпиада Васильевна, детей нет. Имущество за родителями – 200 десятин земель в Черкасском округе и дом в станице. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 290, ПС за 1899 г.].

Другие Голубовы:

XVIII век

Зиновий (Голубин), казак Каменской ст.; в службе с 1752 по 1775 г.: на Миосе, Пруссия, Кизляр, в Польше дважды, ранен саблей трижды в голову, отрублена кисть левой руки, ранен дробью в козлец. 3 сына: Филипп 17 лет, Матвей 15 лет, Фо-ма(?) 3 года. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Конец XVIII – начало XIX веков

Алексей, казак Старочеркасской ст.; урядник полка Янова 2-го; убит хищниками 24 сентября 1832 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 17 об.].

XIX век

Иван Касьянович, из казачьих детей, р. ок. 1849 г., казак Кагальницкой ст.

В службе казаком с 1 января 1869 г. В полку № 30 (ныне № 8) с 26 августа 1874 г. Урядником с 28 января 1876 г. Жена – дочь казака Мария, дети: Изот р. 28 декабря 1869 г., Яков р. 21 декабря 1872 г., Петр р. 18 мая 1874 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 227, ПС за 1876 г.]. Переведен в неспособные. [д. 782, док. 1881 г.].

Никифор Петрович, из казачьих детей Луганской ст.; в службе казаком с 1860 г.; урядником с 26 февраля 1867 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 468, док. 1877 г.].

Семен Ефимович, из казачьих детей Кагальницкой ст.; в службе казаком с 1864 г.; урядником с 1 января 1872 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 468, док. 1877 г.].

Семен Никитович, из казачьих детей; в службе казаком с 1864 г.; урядником с 1 января 1872 г.; отправлен в запас; 1 военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 653, док. 1879 г.].

Федор Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1847 г., казак Нижне-Кундрюческой ст. Казаком с 1 января 1867 г. В полку № 14 с 12 мая 1871 г. по 19 сентября 1874 г. Урядником с 1 января 1875 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 210, ПС за 1875 г.].

Яков Иосифович, из казачьих детей Грушевской ст.; службу начал казаком в 1866 г.; урядником с 30 августа 1870 г.; служил в хоре музыкантов; вышел в отставку по выслуге 1 января 1876 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 298, док. 1876 г.].

Конец XIX – начало XX веков

Александр, из юнкеров МАУ произведен в прапорщики 10 июля 1915 г. со старш. с 1 апреля 1915 г. с зачислением в комплект ДКБ. Прапорщик запасной батареи; хорунжим с 3 мая 1916 г. со старш. с 1 декабря 1914 г. [Выс. приказы].

Алексей, подесаул; вышел в отставку по выслуге с чином (есаула) и мундиром – 26 августа 1903 г. [Выс. приказы].

Алексей, из урядников 10 Донской казачьей запасной сотни произведен в прапорщики 22 июня 1916 г. (производство Главного начальника Кавказского военного округа – 15 февраля 1916 г.). [Выс. приказы].

Алексей, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 июня 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 29; хорунжим с 14 сентября 1916 г. со старш. с 26 февраля 1916 г; за отличие в делах награжден А-3 МБ – 6 февраля 1917 г; сотником с 12 мая 1917 г. со старш. с 3 января 1917 г. [Выс. приказы].

Алексей Матвеевич, казак, владелец участка в Новочеркаске по адресу: Грушевая ул. (от С.-Петербургского просп. до Краснокутской ул.), д. № 10 (дворовое место № 20). [Краснов Б.В. «Новочеркаск» (Справочная книжка), Новочеркаск, 1896, с. 89].

Алексей Филиппович, казак, владелец участка в Новочеркаске по адресу: Артиллерийский пер. (от Воспитательного пер. до Старогородной ул.), д. № 9 (дворовое место № 13). [Краснов Б.В. «Новочеркаск» (Справочная книжка), Новочеркаск, 1896, с. 22].

Андрей Иванович, ст. Новочеркаская; за отличие в делах награжден СГ-4 и произведен в приказные. [ДОВ, приложение № 25, с. 4, фото, 8 ноября 1915 г.].

Василий Матвеевич, урядник, владелец деревянного дома в Новочеркаске, выходящего на две улицы: Городовая ул. (от С.-Петербургского просп. до Краснокутской ул.), д. № 34 (дворовое место № 6), и Сенная ул. (от Троицкого просп. до Нижне-Тузловской ул.), д. № 14 (дворовое место № 6). [Краснов Б.В. «Новочеркаск» (Справочная книжка), Новочеркаск, 1896, с. 77, 257].

Владимир, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 февраля 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик в комплекте ДКП; хорунжим с 22 декабря 1916 г. со старш. с 1 октября 1915 г. [Выс. приказы].

Владимир, хорунжий; в Донской армии в 37 ДКП; награжден А-3 – 31 января 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

Георгий (Голубев), кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 9-го уланского полка. Убит в 1920 г. в Северной Таврии. [сообщил С.В. Волков].

Георгий, хорунжий; в Донской армии на 1920 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 115].

Георгий Иванович (Голубев), ст. Усть-Белокалитвенская, казак, без вести пропал. [ДОВ, № 211, л. 3, 17 сентября 1914 г.].

Елизавета Харитоновна. В 2001 г. на старом кладбище Новочеркасска обнаружен памятник на цементе в виде "аналога с евангелием", высотой около 160 см; верхняя часть (крест - ?) отсутствует. На "евангелие": «*Помяни мя господи во царствии Твоем*». Ниже: «*Здесь покоится прах Елизаветы Харитоновны Голубовой ск 20 ию... 1911 г. 65 л...*». [сообщили Абрамов М.Ю. и Марченко С.А.].

Иван Гаврилович, младшим урядником в 9 ДК пешем (Усть-Белокалитвенском) П; год переписи—1909; казак Усть-Белокалитвенской ст; ранен 17 октября 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 53].

Иван Осипович, казаком в 9 ДК пешем (Усть-Белокалитвенском) П; год переписи — 1908; за отличие в деле 30 мая 1918 г. награжден Георг. медалью 4 ст. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 18].

Михаил Алексеевич, р. 1898 г.; сотник; на весну 1920 г. в Донском офицерском резерве; командирован в этапно-транспортную часть Донского корпуса 20 июля 1920 г.; произведен в подьесаулы с 21 апреля 1919 г. приказом Войскового Штаба ВВД № 367 от 21 июля 1919 г.; награжден А-4 тем же приказом. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 49 об. № д. 122, л. 15]. Подьесаул; вышел в отставку по болезни с чином (есаула) —18 августа 1920 г. приказом Войскового Штаба ВВД № 406. [д. 144, л. 12 об.].

Михаил Алексеевич, сотник; в Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского ("Ледяного") похода в Партизанском полку. Войсковой старшина. В Донской армии. Полковник. В эмиграции. Публицист времен 2-й Мировой войны. Атаман казачьей станицы в Австрии. Умер 20 декабря 1984 г. в Инсбруке (Австрия). Оставил воспоминания. [Волков: Список участников 1-го Кубанского похода; ж. Вестник Первопоходника, 53; Донской Атаманский вестник; ж. Часовой].

Михаил Алексеевич (Голубев), поручик 9 ДК пешего (Усть-Белокалитвенского) П до февраля 1918 г. в 1-м Куртлакском полку. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 6, док. 1918 г.].

Никита Васильевич (Голубев), казак ст. Кагальницкой. Заседанием Коллегии Отдела борьбы с контрреволюцией Царицынской ГубЧК от 9 ноября 1918 г.: *"за активное участие в контрреволюционных вооруженных выступлениях в рядах Красновских банд в Области Войска Донского и Царицынской губернии зачислить в рабочую дружину для принудительных работ впредь до полной ликвидации контрреволюционного мятежа генерала Краснова"* вместе еще с 128-ю казаками. [Ю.Г.Фельштинский "ВЧК-ГПУ», М., 1995, с. 59].

Николай, подхорунжий 2-го ДКП; награжден СГ-4. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 16 об.].

Николай Казьмич, в Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Вахмистр. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

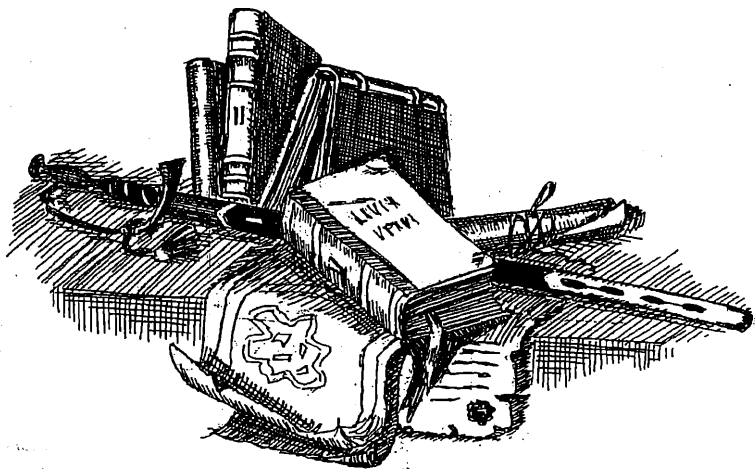
Павел Трофимович, р. 1896 г., казак ст. Каргальской(?); в Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5 ДКП в Болгарии. Старший урядник. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Степан Георгиевич, р. 1896 г., образование: 6 классов реального училища и 1-я Киевская школа прапорщиков.

Прапорщиком с 20 июля 1916 г. Сотником с 28 марта 1919 г.; на весну 1920 г. в 3-м Донском атамана Каледина полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 52 об.].

Сотник 3-го Калединского полка; убит (либо умер, - ?) 5 августа 1920 г. Телеграмма командира полка 492. [д. 143, л. 4 об.].

Войсковой старшина Голубов

2-я часть статьи Виктора Севского «Два казака» – «Николай Голубов» из журнала «Донская волна» [№ 7, 22 июля 1918 г., с. 4 - 7]:

«На нем кровь первого партизана Чернецова, последнего атамана Назарова, Волошинова и позже Митрофана Богаевского.

Голубов не был сам палачом донских вождей, палачом был другой, а он был чем то средним между Иудой и Понтием Пилатом: то продавал, то умывал руки, стонил и даже рыдал, когда узнавал о смерти им проданных.

В августе на круге Митрофан Богаевский обмолвился о Николае Матвеевиче Голубове: -Я помню его гимназистом. Он всегда ходил с засученными рукавами и искал случая, с кем бы подраться.

Засученные рукава у Голубова остались на всю жизнь, несмотря на двойной просвет на погонах. Всю жизнь искал случая, с кем бы подраться. Кончил гимназию, поступил в университет, но заремели на Дальнем Востоке японские пушки и студент Голубов меняет тужурку с голубыми петличками на казачий мундир и идет в Манчжурию добровольцем. Там лихо дерется и возвращается в Новочеркасск в чине сотника с Георгием в петлице. И казаки говорят: - Честно заработанный Георгий !

Примечание. Георгиевских наград Голубов не имел. В Русско-Японскую войну только один из Донских частей (да и сам – не природный казак) Васильковский получил орден св. Георгия 4 ст. За отличие в делах против японцев Н.М. Голубов награжден: С-3 МБ и М-3 МБ., - С.К.]

Голубов гуляет по Московской улице, покоряет гимназисток и берет приступом рестораны и пивные. А затем, оставив после себя шлейф скандалов и дебошей, удаляется в Томск и поступает в технологический институт. Снова скандалы и, томский редактор не вытерпел—«пропечатал» Голубова. На беду редактор оказался евреем и Голубов устраивает еврейский погром. Маленький погром, но ведь Голубов еще сотник, а не войсковой старшина, не штаб-офицер: большой погром еще впереди.

Возвеличенный громкой хвалой сибирской прессы, возвращается в Новочеркасск и здесь скушает, пока в его положение не входит Фердинанд болгарский, объ-яв-

ляющий войну Турции. Славяне идут на Цареград. Голубов весел, обрягается в военный мундир и едет на Балканы.

- С Голубовым я познакомился под Андрианополем, - рассказывал мне один рубака-воин штабс-ротмистр.

- Как то в солнечный день на горке блеснул широкий красный лампас. Столбы пыли, что то гремит - кагитсы. Ближе, ближе и, из-за клубов пыли показывается сперва орудие, а за ним какой-то коренастый казак, удерживающий бег орудия с горы за лафет. Это был сотник Голубов. Фуражку он потерял и лоб закрывал громадный выходящий вихор непокорных каштановых волос, лицо было потное красное.

- Увез у турок орудие на себе.

И там, на Балканах, Голубов жил с засученными рукавами. Его ценили, славословили, как героя, но Болгария, в конце концов, попросили Россию отозвать Голубова. В Новочеркасске студенты острили:

- Голубов царя Фердинанда с королем Петром поссорил.

А старожилы по этому поводу вспомнили забавную историю об одном подьесауле. Стоял подьесаул с полком в Финляндии и от скуки пьянствовал. Поехал однажды в пьяном виде с казаками купаться в пограничной речушке. Выкупался, и вплавь переплыл речушку и, так, в чем мать родила со взводом казаков появился на чужой территории - в Швеции. Шведы - пограничники в смущении отступили в ближайший городок, подьесаул за ними въехал в тихий городок тихих шведов. В городе началась паника: приехали пьяные казаки, очевидно, Россия объявила войну. А казаки погарцевали на конях - голые, в одних фуражках, и уехали обратно.

У шведов же был большой переполах: войска отступали, войска группировались... А подьесаул понял все значение им содеянного только после сильного нагоня командира полка.

- Ведь вы, батенька, чуть Россию в войну со Швецией не втянули!

Что-то подобное творил на Балканах и Николай Голубов. Пришлось ему возвращаться в Новочеркаск. В участках отточили перья и приготовились писать протоколы. И popisывали, ибо что же было делать Голубову, если на земле мир и в человецех (? , С. К.) благоволение ?

Заскучал... Встреленулся., едва началась мировая война, опять бранные поля, опять лихие схватки. Сколько корреспонденции написали военные корреспонденты о казачьем сотнике Голубове. Удали ему не занимать статью, лютоости к врагу тоже. Мне вился и божился один из боевых товарищей Голубова, что Николай Матвеевич на фронте сам вызывался казнить пленных и после с наслаждением рассказывал, как он расстреливал и вешал.

На полях Польши и Галиции он развернулся во всю ширь. В одной из схваток его ранили и он снова поехал в Новочеркаск лечиться. Погоны сотника сменили погоны штаб-офицера - войскового старшины.

Герой войны был обласкан генералом Покотило, наказным атаманом, одним из самых ужасных для Дона. Все душил атаман Покотило и Дон в его дни даже черное «Русское Знамя» звало «Покотилией». Приехал на Дон царь Николай Александрович - генерал Покотило представил ему своего любимого офицера, а фотограф запечатлел для иллюстрированного журнала красивую группу: государь император милостиво разговаривает с Николаем Голубовым. Голубов замер в живописной позе верно подданного с рукой у козырька, сбoku стоит генерал Покотило.

Царь бросил окурок папиросы, Голубов стремительно поднял его и спрятал у себя на груди. В марте 1917 года на митингах не было более сильных речей во славу пришедшей свободы, чем речи друга Покотило. Казаки-фронтовики на руках носили Голубова и послали своим представителем в исполнительный комитет.

Голубову уже грезилась атаманская булава, но ее временно вручили Волошинову и Голубов стал «леветь» не по дням, а по часам. Когда власть из рук испол-

нительного комитета перешла к кругу, Голубов завладел сердцами и умами фронтовиков в военном комитете и оттуда делал вылазки на круг и здесь пытался громить стариков и упрекал их в реакционности. Старики заглушали речь Голубова криками негодования и Голубову приходилось покидать трибуну и проходить сквозь строй стариков, подчас рискуя бортами тужурки. В корниловские дни Голубов появился в Ростове и здесь произнес пламенную речь против Корнилова.

- Русский народ возведет на эшафот офицерство и это будет по заслугам.

Из Ростова Голубов поехал по Дону ловить «мятежного» Каледина. По пути Голубов заезжал в казачьи полки и бросал семена раздора в казачью семью. Два – три офицера примкнули к Голубову и два полка вынесли резолюцию против Каледина и его правительства. Голубов метался по станциям железной дороги в поисках Каледина. Царицынский совет рабочих и солдатских депутатов был очарован Голубовым и прислал на Дон приказ о назначении Голубова атаманом вместо Каледина. Не было на Дону еще атамана милостью Царицына.

Старики на круге требовали исключить Голубова из казачьего сословия.

- Лишить его на Дону хлеба и воды ! Арестовать !

Голубов несколько дней скрывается, а затем появляется на круге. Я видел донских стариков только два раза в апогее гнева и, первый раз, когда Голубов появился на круге. Ветхий старик из задних рядов крикнул: - Голубов пришел.

Мгновенно старики повскакали с мест, оглянулись назад и зашумели. В процессе между рядами скамей стоял Голубов. Наклонив упрямую голову вниз с непокорным вихром на лбу, он напоминал в тот миг молодого быка, готового боднуть первого, кто дерзнет его тронуть. Старики соскакивали со скамей и с угрозами двигались к Голубову. - Царицынский атаман ! На Каледина руку поднял !

Голубов сделал жест рукой, желая что-то сказать. Но шум не стихал, старики не хотели его слушать.

- Вон с круга ! На гауптвахту ! Удалить его – он не смеет быть на круге !

Голубов поднял голову, рукой отбросил назад свой вихор и гордо посмотрел на стариков. В этот момент он был даже красив: смело смотрел в глаза опасности. Говорят, он и на фронте любил посидеть на бруствере во время жаркой перестрелки.

И стариков поразила поза Голубова – они остановились на мгновение. Голубов снова сделал жест рукой, но старики стряхнули с себя мгновенное очарование и снова зашумели. Председатель круга предложил Голубову не испытывать терпение круга и уйти. Но Голубов не уходил и два юнкера бережно взяли его под руки и повели к выходу. Голубов упирался, оглядывался и сыпал угрозами по адресу стариков, а те из себя выходили и слали в след Голубову проклятия и ругательства.

Сам Митрофан Богаевский выступил защитником Голубова, когда на повестку дня на круге был поставлен вопрос об исключении Голубова из казачьего сословия. Митрофан Богаевский напомнил старикам о свободе убеждений, каждый верует по своему – за это карать нельзя. Старики выслушали своего любимца и, сделали ему уважение: «оставили Голубова в казаках».

- Не умеем мы с Алексеем Максимовичем ходить кривыми дорогами, не умеем политику делать, а ведь мы могли бы давно уже Голубова иметь не врагом, а другом. Нам бы Николая Матвеевича в войсковое правительство провести и, куда бы его оппозиция делась, как рукой бы сняло ! Или произвести его в генералы, ведь у него давно выслуга есть на генерала, да никто представлять не хочет: человек уж больно беспокойный. Ну как бы генерал Голубов, - смеялся как-то Митрофан Богаевский, - пошел бы на крайнюю левую.

Несомненно, Митрофан Богаевский был прав: эплеты скомпрометировали бы Голубова в «левых» кругах. Но... кривые пути были заказаны и Голубов пребывал в оппозиции. Из противоречий был соткан Голубов. Величал социалистов товарища-

ми, сам в «товарищах» пребывал, но и боевых товарищей не забывал. Зашел как-то в военный комитет, а там боевого генерала судят.

Стояла дивизия генерала на отдыхе в Донецком округе. Казаки кушаки сняли, молодое вино у кумушек – казачек пробуют, веселятся. Не заметил один урядник генерала, как тот проходит, чести ему не отдал. Генерал выругал урядника черным словом. Урядник – георгиевский кавалер пожаловался в военный комитет. Комитет судит генерала: не отвечает духу времени командир дивизии.

- Позвольте, товарищи, - возвышает голос Голубов, - да вы знаете генерала ? А я его знаю. Мы в Галиции вместе с ним были: он десятым полком командовал, сухарем последним делился с казаками, под Баламутовкой белый крест заработал, настоящий воин; а вы говорите: «не отвечает духу времени !».

Товарищ по Баламутовке заслонил в тот миг для Голубова принципы товарищей по партии, хотя едва-ли Голубов искренно разделяя веру какой либо партии. Слишком уже он был вихраст и громоздок для «партийного хомута».

Запахло мятежом в Ростове в ноябре 1917 г. и Голубов поспешил в Ростов. Здесь он схватывается с Большевиком Жаковым, когда тот запальчиво говорит в военно-революционном комитете:

- Мы утопим в крови Каледина, если он пойдет на Ростов ! Маленький, «окурок», а не человек, - Жаков возмущил своей фразой большого Голубова. Он поднялся во весь рост, широкий, мускулистый, смерил с ног до головы коротким взглядом Жакова и закричал:

- А для меня всякая кровь – кровь, - сделал паузу, а затем бросил в сторону съевшегося Жакова: - даже комариная кровь ! – Погубил себя этой фразой Голубов: Жаковы позвали другого командовать красной гвардией, менее строптивого.

Вернулся Голубов в Новочеркасск и стал по полкам ходить, пропаганду вести – от безделья и то рукоделье ! Но в Новочеркасске было другое настроение – Голубова посадили на гауптвахту. Весь декабрь просидел Голубов на гауптвахте, без него прошел третий круг, без него круг протянул руку крестьянам и рабочим и призвал и их к власти. Голубов с гауптвахты пишет письма Павлу Агееву:

- Свершилась моя мечта – у власти все население Дона. Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги – мои враги.

Богаевский пожимал каждую протянутую руку – он поверил Голубову и освободил его. В это время у всех на устах было имя Чернецова, первого партизана, его на руках носили. Голубов заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие бывают партизаны. Он в станице Луганской на вербует себе удальцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске. Проводили Голубова в станицу и стали даже забывать его. А он неожиданно-негаданно вынырнул и не в Луганске. В Новочеркасск прискакал партизан из отряда Чернецова с печальной новостью: Чернецов взят в плен Голубовым. Чернецов вел наступление на красную гвардию и сильно теснил ее. Вдруг во фланг и с тыла пошли казаки. Чернецов послал сказать казакам, что с ними он не воюет. Но наступление продолжалось. Чернецов был ранен и с горстью партизан был окружен и взят в плен. Чернецов заплатил сперва пленом, а затем и жизнью за то, что на все безрассудно дерзал с маленькими и силами. Он оставил главные силы в тылу у себя и они, узнав о пленении своего атамана, шли ему на выручку. Голубов предложил Чернецову не лить напрасно крови и написать договор, по которому он Голубов, гарантирует Чернецову сохранение жизни, а Чернецов предлагает своим партизанам прекратить наступление на отряд Голубова. Чернецов подписал договор, Голубов скрепил его, и договор был отправлен к партизанам. Те со скорбью исполнили приказ любимого атамана и отступили.

Еще один удар в сердце Каледину: нет Чернецова, изменил Голубов. Не хотелось верить, все утешали себя надеждой: быть может, у Голубова есть однофами-

льцы. Но знавшие Голубова говорили: в пленении Чернецова сказался весь Голубов. Чернецов, блестящий партизан, молодой есаул, производится за доблесть через чин – в полковники. Это-ли не удар по самолюбию Николая Матвеевича: у него выслуга на генерала, а его друг Васья Чернецов чином обгоняет. И Голубов мстит... Ставит точку на карьере молодого партизана. Чернецов из рук Голубова попадает в руки Подтелкова. Подтелков убил Чернецова.

Голубову Подтелков сказал, что Чернецов убит при попытке бежать. С Голубовым была истерика, он сделал сцену Подтелкову, поплакал, но успокоился.

Собрал отряд из фронтовиков 27 и 10 полков, легкой и подвижный, и с ним направился на Новочеркасск. Снова его увлекла мечта о булаве, которую ему преподнесут фронтовики – его боевые товарищи. С ними он делил горе и радости на чужбине, вместе с ними и идет на Новочеркасск, где сидит «злой генерал Каледина», «лукавый Богаев», «кадетчики» и «юнгерья». Войсковой старшина Голубов с ними, значит он за трудовой народ, за трудовое казачество – ему и булаву в руки.

Социальная революция и самому Голубову, и его казакам да, пожалуй, и всем казакам, поднявшим знамя восстания против Каледина, представлялась только в виде перемены декораций в атаманском дворце: вместо войскового атамана – трудовой атаман. А для Голубова еще проще: вместо Каледина – он, Николай Матвеевич Голубов.

Из столицы шахтеров – Александровска-Грушевского. от железной дороги повернул Голубов влево в казачьи станицы Заплавскую и Бесергеновскую, а оттуда в Кривянской. Забегал вперед, чтобы первым вступить в Новочеркасск, въехать победителем в тот город, где его третировали, где его имя произносилось с презрением. Приехать и подарить врагам жизнь – Голубов умеет миловать!

Вожди красной армии отпустили Голубова вперед: пусть впереди советских войск войдут трудовые казаки. В Новочеркаске же в те дни думали уже не об обороне Дона, а только о спасении самого города. Круг, господа казаки, ударили челом Голубову. 12 февраля, в понедельник, Голубов вступил в город Платова и Каледина. Обещал мир и спокойствие, но зашел на круг и увидел ненавистных стариков, хотя и не тех, что его гнали, и потешил себя: арестовал атамана Назарова и Волошинова и. ослепленный пошел во дворец атамана, где еще витала тень Каледина. Здесь в конюшне атаманской он взял себе военную добычу, только военную добычу – коня Каледина. Грабителем никогда не был, и в февральские дни, когда в Новочеркаске грабили все, Голубов и Саблин были едва-ли не единственными, у кого к рукам не пристала ни одна казачья копейка. – В конюшне Голубов взял себе прекрасного вороного коня Каледина. Может быть, вороной конь Каледина вынесет к булаве, под атаманский бунчук? Каледин в могиле, Назаров на гауптвахте – атаманский дворец свободен. Даже враги на будущем круге трудового казачества отдадут голоса ему – для них он будет атаманом компромисса, а фронтовики в нем души не чают.

Голубов стал даже приобретать некоторые симпатии в городе. 13 февраля он послал к Саблину в Персияновку своих казаков сказать краснокомандующему, что в нем надобность миновала и, он – Голубов сам утвердит в Новочеркаске советскую власть. Саблин ответил, что ему не было смысла с боем продвигаться два месяца на Новочеркасск, чтобы теперь уходить, не увидев столицы Дона, завоевателем которой он себя почитает. Голубову же он напоминает, что он только начальник авангарда и не больше. Голубов поехал к Саблину в Персияновку. Саблин встретил его сурово:

- Вы наказной атаман, что-ли?

Голубов вспылил и ответил очень многозначительно:

- Наказным атаманом ты не собираюсь!

Спасти Новочеркасск от вторжения советских войск ему не удалось; 13 февраля вечером они вступили в город и над городом донской сказки повис кровавый туман. Ручьями полилась кровь.

В субботу 20 февраля по приказу Подтелкова по дороге к тюрьме поздним вечером расстреляли атамана Назарова, генералов Груднева, Усачева, Исаева, председателя круга Волошинова, подполковника Готта, войскового старшину Тарарина.

Когда об этом узнал Голубов, он опять зарыдал и побежал к Подтелкову.

- Ты мне город залил кровью, палач !

Подтелков только усмехнулся: - Чудак, ваше благородие ! А тебе жалко ?

Кровь Назарова легла на душу Голубова. Он попытался остановить дальнейшие потоки крови. Отряд его не знал покоя несколько дней: спасал обреченных и кое-когда успевал. В больницу пришла красная гвардия и стала забирать орлят с подбитыми крыльями – раненых партизан. Сестра милосердия побежала к Голубову: спасите. Казаки Голубова поскакали к больнице и спасли партизан.

Подтелков собрал всех офицеров для регистрации и, в кругу друзей, одобрил проект вампира февральских дней – военного комиссара Медведева: просеять офицеров и некоторых расстрелять немедленно. Голубов напомнил о гарантиях, данных добровольно явившимся офицерам. Подтелков и Медведев только рассмеялись: какой наивный человек ! Тогда Голубов окружил своим отрядом судебную палату, где были собраны офицеры и где сидели Подтелков и Медведев, и обратился к казакам с речью: - Правил нами раньше атаман Каледин – он был ставленником нашей старшины, но он был все-таки казак. А теперь нами правит жид Медведев.

Левый эс-эр, как он рекомендовался. Голубов так и сказал: жид.

- Он хочет теперь расстрелять безоружных офицеров. Братцы, что с ним сделать с самим. Голубовцы гаркнули: расстрелять !

Бледный, с трясущими губами стоял Медведев и ждал смертного часа. Дрожанием голосом крикнул он Голубову:

- Я в Петроград поеду, я Ленину на Вас жаловаться буду !

- Жалуйся хоть самому черту ! Я никого не боюсь.

Но испугался – выпустил Медведева из Новочеркасска. Медведев оправился от испуга и решил остаться в Новочеркасске. Тогда казаки выкатили на Соборную площадь два орудия и заявили, что они сметут советы снарядами если Медведев останется в Новочеркасске. Медведев уехал.

А Голубов был взят на подозрение и, чтобы он волю свою красному Новочеркасску не навязывал, поставили в городе шахтеров-красногвардейцев.

Оседлал Голубов вороного коня Каледина и с горстью казаков уехал в Сальские степи – печаль-тоску разгонять, новые пути к булаве поискать... Ехал через казачьи станицы и хутора, встречал стариков, жаловались ему старики на порядки новые. Весна идет – пора хлеб сеять. А мы не знаем – есть у нас земля или ее комиссары опечатают. Голубов всем говорил многозначительно: - Вооружайтесь !

В Новочеркасске же ходили разные толки о скитаниях степных Николая Матвеевича: - И Иуда после предательства в пустыню убежал. Голубов поехал искать свою осину. - К Корнилову поехал предлагать свои услуги. Только нужна ли Корнилову сума переметная ?

Подтелков в Ростове с балкона роскошного «Палас-Отеля» помахивая рукой, украшенной золотым браслетом и перстнями, хвастливо говорил:

- Голубов пытался выставить свою личность, но я ему указал на его место.

А Голубов из Сальских степей вернулся в Новочеркасск не один: он привез с собой Митрофана Богаевского. И диву давались в Новочеркасске: сидит Митрофан Богаевский на гауптвахте, стережет его стража крепкая, а подъедет автомобиль с пулеметами, выводит стража пленника, держится почтительно, усаживает в автомобиль и долго смотрит ему в след. Богаевского везут на собрание революционного казачьего гарнизона: на председателем месте сам Голубов. Богаевский говорит речь – это не последнее слово подсудимого, а гневное слово прокурора. На скамье подсудимых – новочеркасские комиссары-носители советской власти. Их не слушают,

бурно рукоплещут казаки Богаевского – он говорит два часа, и не устают казаки слушать. Кончается собрание – Богаевского снова отвозят на гауптвахту. В Ростове сперва не понимают событий: «Известия» с ликованием великим пишут:

- В Новочеркасск доставлен Богаевский и он дает показания в совете.

Не случайный студент, восхищенный советами, а сам Стеклов в Москве цитирует в «Известиях» письмо Богаевского к казакам из станицы Великокняжеской: - Перестаньте лить братскую кровь – ищите мирных путей. Вам еще не все пути заказаны!

Стеклов пишет в восторге: - Воззвание Богаевского – капитуляция буржуазии. Она распростерлась ниц перед советской властью.

А в Новочеркасск тянутся изгнанники – офицеры и юнкера. Сотник Смирнов, комиссаром поставленный во главе казачьих сил на Дону, требует в Новочеркасск артиллерию из Каменной станицы. В Ростове всполошились: зреет контрреволюция. В Каменскую летит эстафета: артиллерию Смирнову не посылать. А Смирнову предьявляются ультиматум: прислать Богаевского в Ростов.

Смирнов – пешка в руках Голубова: он отвечает отказом. Проходит день – Голубов еще не ведает беды. В атаманском дворце он мечтает о булаве, которую ему преподнесут на круге и сам Митрофан Богаевский помирит его со стариками.

А в это время красная армия Подтелкова входит тремя путями в его город. Они уже подошли к гауптвахте и Богаевский – их пленник. Идут к дворцу...

Без фуражки, с одной шашкой в руках, Голубов выбегает из дворца, бежит с кучкой казаков по Московской улице, вслед ему летят пули погони. Но ему удается скрыться... Подтелков объявляет его изменником революции, состоящим вне закона.

Снова Голубов появляется в станицах и на этот раз открытым врагом советской власти. Он зовет в поход на Новочеркасск, на Подтелкова.

Но ему уже не верят. В станице Заплавской его встречает офицер Пухляков. Он давно искал с ним встречи: посчитать за кровь братьев-казаков. Наконец встретил и убил. Так кончил свою пеструю жизнь Николай Голубов, всю жизнь искавший славы, обвеянный ею на бранных полях и за эту славу хотевший чрезмерно большой процент: атаманскую булаву. Шел широким шагом и всю жизнь спотыкался о трупы: Чернецов, Назаров и семь, иже с ним, Богаевский... Вся карьера его – прогулка по канату над пропастью. Всегда неудачно балансировал и, каждый раз срываясь, увлекал в бездну самых сильных, самых ярких... И кровь вопила о мщении, и оно пришло.

Сколько раз судьба учила неугомонного, что удаль и доблесть военная не всегда идут вместе с мудростью и лукавством политика. Но он до последнего дня гулял по канату, пока не разбился на-смерть".

Статья Владимира Эмина «Конец Николая Голубова» в журнале «Донская волка» [№ 9, 1918, с. 14 – 15]:

"Быстро разнеслась весть по задонским степям о смерти войскового старшины Голубова, человека самой пестрой биографии и самых противоречивых дерзаний. Говорили, что убил Николая Голубова офицер Пухляков в станице Заплавской.

У пишущего эти строки был товарищем по реальному училищу некий Федор Пухляков, ныне студент землемерного училища. Когда мне удалось в этом апреле встретить в Новочеркасске старого школьного товарища, то я прежде всего спросил его: - Не твой ли брат убил Николая Голубова?

Я знал, что у Федора Пухлякова был брат – офицер. Федор Пухляков, немного запнувшись, ответил: - Я тебе могу рассказать все подробности смерти Голубова.

Затем, немного погодя, Пухляков добавил:

- Многие думают, что Голубова убил мой брат подьесаул Андрей Пухляков, но ошибаются – Голубова убил я.

И Федор Пухляков рассказал мне подробно, как утром, 30 марта, пал от его руки Николай Голубов. Федор Пухляков познакомился ближе с Голубовым в конце декабря прошлого года, состоя в студенческой дружине, работавшей против красной гвардии на станции Миллерово. Здесь ему не раз приходилось слышать от распропагандированных казаков:

- Голубова давай атаманом, а не Каледина. Смерть Каледину.

Уже в то время у студента Пухлякова мелькнула мысль об убийстве Голубова во имя спасения Дона. Однако, не было подходящего времени и места. Судьба послала двум донским студентам роковую встречу уже после смерти двух донских атаманов и накануне смерти Митрофана Богаевского.

Пал Новочеркасск – красные подходили к его воротам. Студенческая дружина была распущена. Пухляков не поступал ни в какой отряд и 11 февраля бежал в родную Раздорскую станицу. В ней он пробыл до конца марта, когда восстали кривянские казаки под предводительством Фетисова. Первыми на восстание откликнулись раздорцы. 28 марта они узнали о восстании Фетисова, а 29 в 3 часа дня они были в Заплавской станице, - в немногих верстах от Кривянской. Остановились в этой станице. И здесь Пухляков на улице узнал от казака о приезде Голубова.

Вместе со своими станичниками Пухляков поспешил в станичное правление. Там было много народу... Голубов проехал мимо правления в сопровождении богаевских казаков. Его увидел атаман и уприсил слезть с лошади и зайти побеседовать... Все слушали речь Голубова, в которой он пытался в глазах казаков оправдать свои действия. Рассказал свою биографию, обрисовал свою работу в военном отделе областного исполнительного комитета; говорил о своих заслугах с революционной точки зрения; говорил в продолжении четырех часов.

Сидел он на столе, положив рядом с собой винтовку... Пухляков присел сбоку. А у окна стал приятель Пухлякова студент Сулин и дядя Пухлякова В.А. Александров. Кроме них у окна снаружи стало двое казаков их взвода Пухлякова с винтовками на случай, если-бы Голубов попытался бежать.

- Я не виноват, - говорил Голубов, - многие считают меня виновником современного положения на Дону... Кто-то что-то делал, кто-то в чем – то виноват – но все слагалось так, что во всем – оказался виноват Николай Голубов.

Пухляков задал Голубову несколько вопросов, но не получил ответа, так как казаки потребовали не мешать говорить Голубову. В 11 часов ночи, по инициативе Пухлякова Голубову объявили об его аресте и обезоружили его. Голубов пытался скрыть браунинг...

- Моя смерть в ваших руках, не выдавайте меня красногвардейцам. А если думаете выдать, то оставьте мне браунинг – я застрелюсь.

Ночь Голубов провел на частной квартире под стражей из восьми человек. Прошла ночь... Около шести часов утра стали собираться казаки. Из толпы раздались крики по адресу Пухлякова:

- Федор Федорович, ведите Голубова.

Пухляков приказал трубить сбор по всей станице, как делегат, отправился к поручику Александрову, начальнику раздорского отряда, за Голубовым, зайдя предварительно к брату и взяв у него "Наган"...

Рис. Ф. Пухляков

Повели Голубова в правление; впереди четыре казака, затем Голубов и Пухляков, а позади еще четыре казака и поручик – начальник отряда... У правления – громадная толпа из женщин, казаков и даже детей. Недаром протрубили сбор. Все были без оружия, кроме тридцати – сорока богаевцев, стоявших отдельной кучкой...

Ввести Голубова в правление казаки не дали. Раздались крики по адресу Голубова: - Стой здесь и отвечай на вчерашние вопросы.

Он стал на площадку около ступенек, а Пухляков, прислонившись к двери, стал позади. Внизу у ступенек со штыком на винтовке стал студент Сулин.

Пухляков повторил вчерашние вопросы:

- Почему был убит Чернецов и почему преследовались партизаны ?

- Товарищи ! – начал Голубов. Поднялся крик.

- Станичники ! В смерти Чернецова я не виноват. Я арестовал его, чтобы спасти. Но не мог спасти, потому что не мог сдержать страсть казаков... и в оправдание мое, что я не виноват в смерти партизана Чернецова укажу на тот факт, что спасал его партизан на своих подвоях и на свои средства триста верст от преследования красной гвардии !

- Господин Голубов, это странно ! Там спасаете чернецовских партизан, а в сальском округе почему-то гонялись за партизанами Попова ?

Голубов что-то глухо пробормотал. Поднялись крики:

- Врешь ! - Дайте оправдаться ! - Душегуб !

Пухляков, забыв что у него в руке револьвер, поднял руку. Блеснул "Наган". Сразу стало тихо и Пухляков задал новый вопрос:

- Почему вы, несмотря на свое обещание, шли против Каледина и его правительства и против интересов казачества ?

- Против Каледина, правительства и всего казачества я в корне не шел, но в мелких деталях я с ними не был согласен.

Голубов гордым взглядом окинул толпу, а затем добавил: - Как и все вы !

Кончил и исподлобья взглянул на своих богаевцев. Но богаевцы молчали. Пухляков напомнил Голубову о семи расстрелянных – атамане Назарове и других. Голубов молчал. Тогда Пухляков под шинелью взвел курок "Нагана". А толпа с пневно искаженными лицами кричала: - Изменник ! Предатель !

- Дайте же оправдаться ! – просил Голубов.

Снова Пухляков поднял руку и толпа смолкла... Вновь "Наган" описал полукруг над головой Голубова. Голубов тихо пробормотал: - Ах, как тяжело !

Из толпы донесся тихий ответ: - А нам легко ?

Тогда заговорил опять Пухляков:

- Станичники ! Голубов, еще будучи членом военного отдела областного исполнительного комитета, еще в то время прозил войсковому правительству шестнадцать тысячами штыков новочеркасского солдатского гарнизона.

Сказал и потерял самообладание, - ткнув дулом "Нагана" в затылок Голубова, спустил курок. Выстрела не было слышно. Пуля вышла в правую бровь... Голубов стал падать на Пухлякова. Тот оттолкнул его... Голубов упал на грудь и голова его стала поворачиваться в сторону Пухлякова. Глаза выражали удивление и негодование; они казалось говорили: - Кто осмелился это сделать ?

Пухляков вскрикнул и выстрелил ему в левое ухо... Оцепеневшая было толпа закричала и завопила. - Добей его ! Добей !

Пухляков в третий раз выстрелил в висок Голубову. Из толпы бросились к Пухлякову и стали жать руки, целовать, благодарить. Его благословляли, а Голубову, уже мертвому, слали проклятия. Голубов лежал на ступеньках. Голова его раздулась, кровь фонтаном била из всех шести отверстий – он был полнокровным.

После, когда пришло успокоение, Пухляков боялся сойти с ума. Несколько дней подряд его преследовали кошмары..."

Приложение: **О Подтелкове**
и Кривошлыкове

Подтелковы

XIX век

Ананий Афанасьевич, из казачьих детей, р. ок. 1847 г., казак Усть-Хоперской ст. В службе казаком с 1 января 1866 г. В полку № 16 с 10 мая 1871 г. по 20 сентября 1874 г. Произведен в урядники 1 января 1875 г.

Жена – дочь казака Устинья Петровна, дети: Григорий р. 7 декабря 1868 г., Анна р. 27 ноября 1865 г., Галия р. 23 марта 1869 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 218, ПС за 1875 г.].

Конец XIX – начало XX веков

Григорий Павлович, казаком в Усть - Хоперской пешей сотне с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, с. 114 – 116].

Гурей, казаком в 6-й Усть-Хорперской сотне с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, с. 65 – 70].

Ефим, Иван, казаками в Котовской пешей сотне с 24 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, с. 74 – 75].

Иван, казаком, **Казьма**, казаком, **Николай**, старшим урядником, - в 5-й конной сотне Усть-Хоперского дивизиона с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, с. 105 – 106].

Матвей Иванович, подхорунжий ст. Усть-Хоперской; за отличие в делах награжден: СГ-4, СГ-3, СГ-2. [ДОВ, приложение № 11, с. 3, фото, 13 марта 1916 г.].

Пантелей, старшим урядником в 6 - й Усть-Хорперской сотне с 26 апреля 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, с. 65 – 70].

Кривошлыковы

XVIII век

Ефрем, р. ок. 1756 г., казак Еланской ст.; в службе с 1776 по 1786 г.: Моздок. 2 сына: 7 лет и 2 года. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 385а, док. 1786 г.].

Федор, казак Кочетовской ст.; в службе с 1745 по 1781 г.: Курляндия, Польша, в 1-й армии. 1 сын в службе. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

XIX век

Алексей, 41 год, казак Вешенской ст.; под надзором полиции. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 8527, док. 1849 г.].

Василий Емельянович, из казачьих детей, р. ок. 1844 г., казак Еланской ст.

В службе казаком с 1 января 1864 г. В Учебном полку с 25 сентября 1868 г. по 15 мая 1871 г. Произведен в урядники 9 мая 1871 г. В полку № 34 со 2 июня 1874 г.

Вахмистром с 10 августа 1874 г. Жена – дочь казака Ирина, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 56, ПС за 1874 г.].

Отправлен в запас. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 653, док. 1879 г.].

Демьян Степанович, из казачьих детей Еланской ст.; в службе казаком с 1835 г.; урядником с 9 мая 1849 г.; служил в Учебном полку. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Евдоким Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1849 г., казак Вешенской ст.

В службе казаком с 1 января 1869 г. В полку № 28 (ныне № 7) с 27 мая 1873 г. Урядником с 4 мая 1876 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 222, ПС за 1876 г.].

Иван, казак Вешенской ст.; походной службы – 11 лет: в полку Астахова в

Грузии - 3 года 4 месяца; в полку Платова 2-го – 7 лет; в полку Янова в Бессарабии – 1 год 4 месяца. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 1014, л. 41, док. 1837 г.].

Иван Васильевич, из казачьих детей, р. ок. 1845 г., казак Еланской ст.

В службе казаком с 1 января 1865 г. В полку № 12 с 29 апреля 1870 г. по 28 октября 1873 г. Урядником с 1 января 1874 г. Жена – дочь казака Крамскова Прасковья, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 188, ПС за 1874 г.].

Отправлен в запас. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 782, док. 1881 г.].

Иван Федорович, из казачьих детей, р. ок. 1846 г., казак Еланской ст.

В службе казаком с 1 января 1866 г. В полку № 16 с 10 мая 1871 г. по 21 сентября 1874 г. Урядником с 1 января 1875 г.

Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 211, ПС за 1875 г.].

Михей Иванович, из казачьих детей Еланской ст.; в службе казаком с 1862 г.;

урядником с 3 августа 1869 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.].

Тарас Степанович, из казачьих детей Вешенской ст., награжден БМ-863.

В службе казаком с 1862 г.; урядником с 16 апреля 1867 г.; служил станичным смотрителем конно-плодового табуна. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.].

Конец XIX – начало XX веков

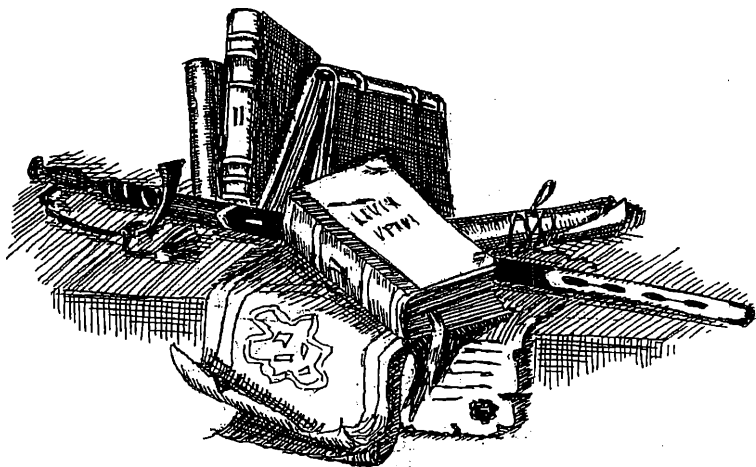
Александр, ст. Еланская, казак; убит. [ДОВ, № 109, л. 3, 16 мая 1915 г.].

Александр Георгиевич, р. ок. 1896 г., казак Еданской ст. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5 ДКП в Болгарии. Старший урядник. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Гавриил Григорьевич, ст. Еланская, казак; оставлен на поле боя. [ДОВ, № 240, л. 4, 21 октября 1914 г.].

Павел Григорьевич, сотник; в 48-м пешем ДКП; награжден С-3 – 10 ноября 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

Терентий Леонтьевич, мещанин, владелец деревянного дома в Новочеркасске по адресу: Западенский пер. (от Западенской ул. до ул. без названия), д. № 8а. [Краснов Б.В. «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 117].

Федор Подтелков

1-я часть статьи Виктора Севского «Два казака» – «Подтелков» из журнала «Донская волна» [№ 7, 22 июля 1918 г., с. 3 – 4]:

«Доном правили учителя, На кругах и на съездах всюду повторяли:

- Буки аз, буки аз – счастье в грамоте для нас.

Во главе Дона стоял педагогический совет.

- Алексей Максимович Каледин – начальник военного училища. Митрофан Богаевский – директор мужской гимназии. Павел Агеев – директор мужской гимназии.

Первые три кандидата от казаков в Учредительное Собрание. Но учителя и последующие кандидаты.

- Бывший комиссар Временного Правительства на Кавказе депутат всех Государственных Дум от Дона, В.А. Харламов – учитель истории. Комиссар на Дону М.С. Воронков – народный учитель.

При педагогическом совете родительский комитет – войсковой круг. А ученик попался малоупевающий. Урядник гвардейской батареи Подтелков очень хотел быть офицером. «Волею бога и милостью государя во мне потекла дворянская кровь», - сообщил бы урядник в родную станицу.

- «Купи себе караку саку, чулки паутинкой, надвинь вуальку с казюлькой на счеке» – написал бы Параше или Пакуте.

Готовился к экзаменам в школу прапорщиков, но репетитор безнадежно махнул рукой на своего ученика: - Слишком туп.

Дворянская кровь в Подтелкове не потекла. Дальше вахмистра в запасном полку не пошел. Стал Подтелков подхорунжим – ни офицер, ни рядовой. Но подвернулся студент Сырцов и перед Подтелковым открылись новые горизонты. Революционный репетитор стал готовить вахмистра в президенты.

В советской республике президенту много знать не нужно, он попугаю подобен:

- Вся власть советам !

- Долой !

Когда у студента Сырцова провалилась в прошлом декабре революция в Ростове, он приехал в Царицын и оттуда наезжал в северные донские округа. Там и Подтелкова нашел. Нашел и обрадовался:

- Туп, глуп и нам будет поваден.

В это время в Смольном институте был спрос на революционные казацкие шаровары. Открытию Сырцова очень обрадовались. Подтелкова приласкали.

В первых числах января он совершает переворот в станице Каменской, становится во главе военно-революционного комитета, арестовывает офицеров, упраздняет и требует всей власти на Дону. В Новочеркасск шлет ультиматум, а в Смольный телеграмму:

- Скоро открою путь на Новочеркасск, пришлите два – три миллиона.

В феврале въезжает в Новочеркасск победителем. Осуждает на смерть атамана Назарова, председателя круга Волошинова, генералов Исаева, Груднева, Усачева и других.

Приказывает казакам водить арестованных с гауптвахты в тюрьму и предупреждает:

- Если попытаются бежать – стреляйте.

Так Годунов предупреждал Битяговского, посылая в Углич убивать царевича Дмитрия:

- Блюди царевича.

Казаки обещали Подтелкову:

- Вестимо, ежели побегут – стрелять будем.

- Ну что расстреляли ? – спросил Подтелков, когда казаки вернулись.

- Нет, не бежали.

- Ведите их обратно и если они хоть шаг в сторону – стрелять.

Казаки обещали.

- Расстреляли ?

- Нет, они и не думали бежать.

Подтелков передал арестованных матросам и красногвардейцам.

- На Харьков !

В ту же ночь были расстреляны. Подтелком жаловался после товарищам-комиссарам на казаков:

- Дураки они у меня и притом без понятия ! Вашим сказал «на Харьков» - они понимают, а мои век бы их по городу водили.

В Ростове Подтелков был казачьим генералом на советской свадьбе, советским медведем на поводе у студента Сырцова.

- Сережа, подписать мне эту бумагу или нет ?

И только один раз он вышел из воли Сырцова: когда вопрос зашел об обороне Ростова от немцев. Он властно заявил:

- Хоша Сережа Сырцов и скубент и все науки превзошел, но в военном деле его котелок моего не устоит.

И комиссары не возражали, ибо еще раньше – на другом собрании Подтелков признался:

- Я – стратег по природе.

Говорят, кто то из саботажников коварно спросил:

- Это вам доктора сказали ?

В чеховской «Свадьбе» есть капитан второго ранга Ревунов-Караулов, которого выдают за генерала. Вахмистра Подтелкова выдавал за социалиста Сырцов – славный шафер на советской свадьбе в Ростове.

Пока Подтелков помнит свою роль – он терпим.

- Казаки за советскую власть пойдут хоть в Америку, - вещает он с балкона «Палас-Отеля».

Но нет над ним глаза шофера – Подтелков проговаривается.

Спросили у него в Новочеркасске:

- А с евреями как ?

Подтелков разъяснил:

- При советской власти приказано и жида считать за человека.

Или в банке встретился с финансовым комиссаром Дунаевским. Тот отказал ему в выдаче десяти миллионов царскими деньгами. Подтелков обозлился:

- Я тебе, жиду, покажу, кто я таков.

Носил Подтелков золотой браслет на руке, перстни на пальцах. Потекла таки дворянская кровь, Пожил бы еще, быть может, и «караку саку» надел бы «с казюлькой на чеке». Во вкус новой жизни Подтелков вошел быстро, Дарил ростовским горничным серьги с бриллиантами. Пришел в банк за миллионом. Ему говорят: «Миллион – это тысяча тысяч билетов».

- Я сам знаю, что такое миллион. Дайте мне царскими пятисотками.

Пугачев больше стеснялся, хотя и текла в нем «царская кровь».

Был Подтелков человеком без сказки, таким и в донскую историю войдет, Уехав из Ростова и пробираясь к себе на север Дона, он был окружен казаками, восставшими против советской власти.

На Подтелкова и свиту в несколько десятков казаков, прекрасно вооруженных, пошли с вилами, с лопатами. И Подтелков сдался. Сдался и Кривошлыков, прапорщик, которому и при советах не удалось побить в генералах. За широкой спиной Подтелкова прожилвал.

Присудили Подтелкова к петле с перекладиной и адъютантом назначили Кривошлыкова. И здесь у смерти Подтелков – малограмотный социал-чернозем, дал урок мужества образованному Кривошлыкову. Тот нервничал, Подтелков был спокоен.

Когда Подтелков 12 января приезжал во главе делегации от восставших фронтовиков к Каледину, атаман обошел ряды делегатов и каждого спросил: какой станицы ? Остановился и около Подтелкова.

- А вы, подхорунжий ?

- Усть-Хоперской.

Каледин вздохнул и тихо, но с большой укоризной сказал Подтелкову:

- Станичник.

И ушел.

Воскресала на Дону сказка. Воскресил ее Митрофан Богаевский, приходил и казачий Иван Царевич – Каледин. Старая степь с посвистом ветра хмельного заговорила в первом донском партизане Висилии Чернецове.

А судьба посмеялась и в бочку старого меда пустила ложку нового дегтя – послала еще и Подтелкова.

Ударила судьба в самое сердце мечтателей:

- Подтелков вышел из родной станицы Каледина – Усть-Хоперской, знамя восстания поднял на родине Митрофана Богаевского – в станице Каменской, от его руки и Чернецов погиб*.

Статья Леонида Кудина «Портрет Подтелкова» из журнала «Донская волна» [№ 7, 22 июля 1918 г., с. 13 – 14]:

“В то время, когда в Каменской станице впервые появились мятежные казаки во главе с Подтелковым, я жил в Новочеркасске, зарисовывая вождей донского казачества. Войсковое правительство отправило делегацию в ст. Каменскую для переговоров с «подтелковцами». С нею поехал и я. В надежде зарисовать вождя взбунтовавшихся «фронтоников».

Но мне не повезло: мы прибыли лишь ночью, а утром возвратились в Новочеркасск. Ответная делегация от «каменских большевиков» должна была приехать через несколько дней.

Нужно сказать, что, я жил в общежитии при Войсковом Правительстве.

12 января утром. Часов в шесть, меня разбудил шум. Высунув голову из-под одеяла. Я сейчас же узнал в крупной фигуре, одетой в кожаную тужурку, самого Подтелкова, а с ним Кривошлыкова, худощавого молодого человека двадцати лет, и еще нескольких казаков.

Это и была пресловутая делегация из Каменской станицы. Подтелков, отдав какие-то распоряжения спутникам, исчез; с ним и Кривошлыков.

Я уже встал, когда Подтелков и Кривошлыков вновь пришли в общежитие. Я подошел в Подтелкову.

- Узнаете ?

Подтелков посмотрел сверху вниз на меня, растерянно улынулся, дернул плечами.

- Н-н-нет, знаете, а впрочем... А, вы тот, что приезжали с делегацией ?

- Вот, вот. Разрешите вас зарисовать ?

Такая перемена разговора показалась Подтелкову, очевидно, слишком неожиданной, так как улыбка мгновенно сошла с его уст, сам весь задержался и спросил:

- Это зачем же ?

- А видите-ли, я зарисовываю для журналов вождей казачества, а как вы, я полагаю, уже крупная политическая фигура, а в будущем... Понимаете ? Так вот, значит я и прошу вас посидеть минут пятнадцать.

- А ? Как ты думаешь ? – Подтелков повернулся к Кривошлыкову.

- Стоит ?

- Чего-же, конечно, только, знаешь, долго это, да и утомительно. Мы ведь две ночи не спали.

- А правда, - опять весь подергиваясь, обратился Подтелков ко мне.

- Я и не побрился даже, видите ? Да и опять же устану.

- Говорю вам – четверть часа, не устанете, а что не побрились – не беда: я вас на рисунке побрею.

Подтелков опять к Кривошлыкову:

- Разве сесть ?

- Как знаешь. Только говорю же тебе – устанешь...

- Не бойтесь вы за него, - прервал я Кривошлыкова, можно сидеть, как угодно.

Наконец мы сели. Подтелков, рядом Кривошлыков, напротив я.

Кривошлыков меланхолично подложил руку под голову, что-то насвистывал, мурлыкал. Подтелков внимательно глядел на мою руку с карандашом. Потом уже не помню как, Кривошлыков оказался позади меня, спорил с кем-то, доказывая, что все офицеры «мародеры» и что они не нужны вовсе.

Неожиданно повернувшись к нему, я с невинным видом спросил:

- А вы в каком чине ?

- Я, - он выпрямился – прапорщик !

- А-а, благодарю ! - А что ?

- Так себе, ничего. – Кривошлыков смутился...

Подтелков терпеливо сидел, все так-же смотря на рисунок. Прошли обещанные мне пятнадцать минут.

- Ну, идем что-ли, в правительство зовут уже.

- Сейчас, сейчас... Дайте кончить, - оживился Подтелков. – Подождут.

Когда рисунок был кончен, Подтелков дал свой автограф, вежливо поблагодарил и пошел решать «участь» Войскового Правительства”.

Статья Николая Литвина «Первый казачий мятеж» из журнала «Донская волна» [№ 8, с. 5 - 7]:

“Одна из первых страничек еще только начинавшейся некогда великой донской трагедии, эпизод из жизни старого Новочеркасска, доживавшего последние скажочные дни, отмеченные огнями, теплившимися вокруг бессмертных теперь Каледина и Назарова.

Много моментов, эпизодов и встреч тех дней мне представляются теперь, сквозь уже существующую дымку исторической дали, рядом маленьких, мягких исторических акварелей, колоритных листов, оторванных ветром от чего-то большого и целого, еще неподобранный, еще носящихся в пространстве.

И вот, эти дни – грустные акварели зимнего Новочеркасска, только что почувствовавшего, что над приближающейся донское весной стало новое, нежданное, прозное, отвратительно даящее, смертельное. Сквозь старые стены областных учреждений, в покойные гостинные новочеркасских особняков вдруг ворвалась сумбурная и тревожная весть о каких-то мрачных людях, где-то делающих новую донскую власть, и прозякающих грязными кулаками старой донской столице.

В Новочеркаске стало известно о мятеже казака Подтелкова. Атаману донесли, что станица Каменская объявлена новой столицей нового, «трудового» Дона, и что оттуда оцетинились на Новочеркасск казаки-фронтвики, выбросив за Звереву угрожающий авангард лейб-атаманцев.

В правительстве имелись перехваченные телеграммы вождей трудового казачества к вождям советских армий. В этих телеграммах говорилось, за сколько Подтелков и Кривошлыков продали свободный доступ в донские степи эшелонам Крыленко. Атаман знал и видел все, и страдал большою, кристалльною душою.

- Если казаки идут с ними против нас, я с ними драться не могу.

А из Каменской приходили все новые и новые вести. Стало известным, что на перенесенном в станицу из Воронежа съезде фронтвиков приняты запальчивые решения, и что неизбежность кровавой гражданской войны на Дону – очевидна.

Правительство решило использовать все средства для того, чтобы не пала на голову донской власти историческая ответственность за происходившее.

12 января решено было отправить в станицу Каменскую делегацию для выяснения положения и переговоров с противной стороной. К этой делегации удалось пристроиться мне, военному корреспонденту газеты «Вольный Дон», и художнику Л. Кудину. Тогда я печатал в газете свои беглые корреспонденции об этой поездке, и теперь мне хочется набросать лишь в общих чертах обстановку, среди которой начались события, закончившиеся огромной трагедией донского народа и безмерными испугательными жертвами, обогрившими грустные новочеркасские акварели святою кровью лучших донских людей...

12 января на Новочеркасском вокзале за несколько минут до отхода поезда с членами делегации был А.М. Каледин. Атаман беседовал с отъезжавшими и говорил делегатам:

-Вы, все-таки, мягче с ними, как-нибудь, говорите. Я не знаю, в чем, собственно, там дело, но если это действительно, наши же, донские казаки, выбрасывают «трудовые» манифесты, подымают боевой клич против меня, - нам ничего не остается делать...

Мне атаман сказал:

- Очень хорошо, что вы едете с этой делегацией. Напишите все так, как есть на самом деле.

После этого я видел атамана всего несколько раз, и эту встречу на грязном вокзале, переполненным приезжавшими и уезжавшими волонтерами, среди суетившихся чего-то ожидавших людей, - я не забуду.

Атаман говорил таким тихим, покорным голосом, такое спокойное и светлое было у него лицо... Тогда не могла прийти в голову страшная мысль, но, вот теперь, почему-то кажется, что тогда именно уже начал разливаться кругом тот жуткий колорит последних дней в донской столице, который окрасил багрово и грозно незабываемое 29 января...

В составе делегации ехали П.М. Агеев, крестьянин Светозаров, Бадьма Уланов, Г.И. Карев, популярный делегат войскового круга – «дядя Митяй», член совета союза казачьих войск есаул Анникеев.

Замечательная поездка, чрез станции, занятые партизанами войскового правительства, чрез глухо шумевший горный Грушевский район.

Помню любопытную путевую деталь – встречу с людьми, уже бросившимися в закипавший боевой водоворот, при первой тревожной весте, добровольно ставшими на честный пост зоркого, ответственного часового.

На перроне станции Сулин выстроена маленькая воинская команда. Молодежь, почти мальчишки, закутанные в длинные, мешковатые шинели. Стоят в две шеренги, словно на параде. К ним подходят члены правительства с Агеевым впереди. Раздается громкая отчетливая команда:

- Смир-но !

От первой шеренги отделяется молодой прапорщик и с рукою у козырька фуражки подходит к Агееву.

- Для чего вы выстроили своих людей ?

- Для встречи делегатов войскового правительства.

- Кто вы ?

- Мы – партизаны есаула Чернецова.

И прелестные нотки гордости прозвучали в отчетливом ответе прапорщика. На партизанов глядят с большим вниманием. Еще бы ! О Чернецове уже ходили легенды, десять чернецовцев разгоняли целые эшелоны красногвардейцев.

Такая же встреча на разъезде Черевково, и, наконец, освещенный газовыми фонарями, людный перрон Зверевского вокзала.

Зверево – в руках повстанцев, Шумной и буйной толпой фигуры в серых шинелях осаждают подкативший делегатский поезд. Здесь уже не те почтительные взгляды, не те приветственные встречи, которые мы видели от Новочеркасска до Черевково. Окружают тесно и бесцеремонно. И в этой враждебной толпе ловлю сначала непонятные слова:

- Вот этот, видишь – попом переоделся.

Разъясняется. Кем-то был пущен слух, что в составе делегации едет сам переодетый генерал Каледин. Невидавшие в глаза атамана серые фантазеры быстро сочинили легенду о том, что священник, ехавший с нами в поезде, был никто иной, как войсковой атаман.

Нелепая легенда так же быстро умерла, как народилась.

- А который Богаев ?

Разве не видишь, вон тот, высокий, в серой шапке.

- То сам Агеев, а Богаев в Черкасске остался.

В толпе шныряют юркие люди в штатском. Много встречал я их в дни скитаний по революционному фронту, по улицам революционных городов. Все похожи один на другого, неубедительные, нелепые застрельщики, способные только настроить толпу на насилие, на самосуд.

Какой-то прапорщик, кажется, Крюков, революционный комендант Зверев. Он строго читает мою телеграмму в газету и покровительственно говорит:

- Да, вы пока верно освещаете положение. Что ж, может быть, мы и поговорим с правительством.

Замечательный тон и апломб. И я невольно думаю:

- Какой портфель в будущем кабинете Подтелкова грезится этому юному, сегодняшнему станционному коменданту ?..

А в зале 1-го класса иная картина. Здесь уже более часа говорит со стула Агеев. Ему кажется, что говорит он хорошо и тепло. И нам так кажется...

Но кругом уже атмосфера митингового скандала. И кажется, что вот, вот, совсем потонет в ней мысль и смысл того, ради чего явились сюда черкасские люди. Мятежная, крикливая станция. Я не забуду этот станционный зал, шумную серую толпу, тонущую в тяжелых облаках махорочного дыма, равнодушный треск телеграфного аппарата за дверью, и неподвижную фигуру Агеева среди кричащей толпы.

Вечер 12 января.

Люди в черных чуйках, гастролеры Каменской и Воронежа, сказали, чего они хотят:

- Долой буржуазное правительство !

Под эти крики Новочеркасские делегаты проходили среди живых серых шпалер к вагонам. Под эти крики поезд медленно двинулся к Каменской.

От проезжего военного врача, севшего в наш вагон, узнаю постепенность каменских событий. Большевистское выступление здесь подготавливалось давно, но долго приезжим агитаторам не удавалось поднять восстание против Каледина. 10 января в станице открылся перебравшийся сюда из Воронежа "Съезд фронтового казачества". Образовался военно-революционный комитет, выпустивший "манифест" к донскому народу. В этом манифесте указывалось, что съезд берет в свои руки "почин освобождения трудового казачества от гнета контр-революционеров из войскового правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародеров и спекулянтов". Говорилось, что 11 января власть в области переходит в руки в.-р. комитета.

До пришествия в Каменскую воронежских большевиков в станицу наезжал вездесущий Сырцов. Немалую роль в Каменской играл портной Шаденко. Человек с любопытным прошлым:

- Вор, неоднократно привлекавшийся к суду по обвинению в сбыте фальшивых денег.

И другая фигура из галереи каменских деятелей.

Присяжный поверенный Диесперов, наезжавший сюда из Питера и доставлявший станичникам много скверных минут. Определенный политический проходец в прошлом с именем, затерявшимся в бесчисленных комиссиях Смольного.

Воронеж дал новые имена:

Подтелков, Кудинов, Кривошлыков, Маркин. О них говорят еще мало, но душа каменских событий – они.

Долго поезд стоит в Лихой. Долгий разговор с представителями здешнего комитета. Снова движемся дальше, в глубокой ночной мгле. Незаметно для самого себя засыпаю, и просыпаюсь от чьих-то торопливых толчков. Кто-то из спутников расталкивает меня и взволнованно говорит:

- Вставайте скорей, нас хотят арестовать.

Ничего не понимаю.

- Где мы ?

И слышу возглас П. М. Агеева в другом конце вагона:

- Обыскивать себя мы не позволим. Кто приказал делать вам это новое насилие ?

При свете фонаря разглядываю лица новых людей, заполнивших коридор вагона. Казаки, как казаки. Традиционные вихры над левых ухом, папахи и фуражки, сдвинутые на бекрень. В руках винтовки.

Начинается новый разговор:

- Забирайте вещи и очищайте вагон.

- Почему ? Мы же в нем обратно поедем.

- Ну, это будет видно, куда и на чем вы поедете обратно.

С молчаливой покорностью выходим из вагона на холодный морозный воздух. Станица погружена во мрак. Нас обводят вокруг вокзала и, не заходя на станцию, ведут в станицу. Идем по острым мерзлым кочкам. Ногам больно. Угрюмо шагают по сторонам большевики-казаки с винтовками в руках. Странное шествие в ночной тишине по улицам словно вымершей станицы. Едва видны темные массы домов, чуть различаются высокие силуэты церквей.

Нас подводят к большому освещенному зданию. На крыльце толпятся люди в серых шинелях, расхаживают вооруженные часовые. Что это, тюрьма ?

Нет, это помещение военно-революционного комитета. Нас вводят в одну из комнат Каменского Смольного. Заплеванная и накуренная комната битком набита людьми. Нас ждали и встретили пробовым молчанием. Мы – среди героев Каменской революции...

До рассвета – кошмарное, ужасное заседание Каменского комитета, и на нем – гастроли Новочеркасских делегатов. Ожесточенная мертвая схватка... А с обеих сторон уже чувствовалось, что совсем напрасна Новочеркасская попытка, что Каменский Смольный решил определенно и стойко:

- Нечего нам с вами политику разводить. Или вы, или мы...

И так хорошо вырисовывался при свете грязной висячей керосиновой лампы в этой страшной комнате апофеоз политики Подтелковых и Кудиновых:

- Повесить этих Калединых и Богаевских !

Заседание проходило в развязном специфически-вульгарном порядке. Хорунжий Маркин читает декларацию.

- Да, мы совершаем государственный переворот. Его идея ? Мы идем под флагом трудового казачества. Мы выбросим за борт все старое отжившее, неспособное, мы дадим новую необыкновенную жизнь.

Агеев, Светозаров...

Слова о Каледине в этих стенах.

Теперь, когда смотришь из нашего маленького, но уже исторического далека на эти минуты, - какими они кажутся сейчас ненужными, и как кощунственно звучало тогда имя огромного, непонятого человека, донского атамана Каледина, имя, вызывавшее на тупых лицах предтеч "новой жизни" – злорадные улыбки.

Сквозь окно уже врывались лучи утреннего рассвета, И, вот тогда, в полусумраке нового дня, выпрямилась маленькая фигура. Посланник калмыцкого народа Бадьма Уланов сказал речь. В глазах и голосе калмыка – негодующая душа его страдающего народа. В словах о Христе и Будде – и ласка всепрощения и грозное "помни" о грядущем.

И в душах у слушавших – что-то новое, забытое, просыпающееся. На лицах – отблески душевной борьбы и налеты тяжкого сомнения в себе...

Но надолго ли проснулась похороненная совесть ?

Бедные, большие дети, побревшие за продавшимися проходимцами...

С требованиями, решительными, ультимативными, требованиями Каменского правительства новочеркасская делегация покидала ночное заседание. Учащенно дышала грудь на утреннем воздухе. Станица просыпалась робко и боязливо, мятежная, вошедшая в войну отцов и детей.

Было ясно:

Ночью на 13 января порвалась тонкая веревочка, связывавшая едва державшиеся мирные донские дни. Подымалась черная хмара над степью, и уже на палитре зимнего донского неба мешались зловещие краски. Разлился багровый фон, на котором 29 января последний раз поднялась твердая рука Каледина...

Статья «Смерть Подтелкова» из журнала «Донская волна» [№ 8, с. 7]:

“Средние числа апреля. К Ростову приближались войска германцев, на Новочеркасск двигались восставшие станицы. Нарастала тревога в штабе донских комиссаров – “Палас-Отеле”.. Президент донской советской республики Подтелков заявил, что революция еще не проиграна и что для спасения ее он отправится на север Дона – в Хоперский и Усть-Медведицкий округа и здесь мобилизует казачество для борьбы с врагами донской советской республики. Запасшись десятью миллионами “царских” денег, с хорошим конвоем Подтелков тронулся в путь и в конце апреля приближался к своей родине.

В шесть часов вечера 26 апреля в управление Краснокутской станицы был доставлен квартирьер отряда Подтелкова казак Константин Мельников, который на допросе заявил, что Подтелков идет объявлять мобилизацию, красную гвардию считает сестрой Дона. Отряд Подтелкова состоит из 119 человек, вооруженных двумястами винтовок, имеет несколько тысяч патронов и один пулемет.

Думает-ли Подтелков сражаться, если ему будет оказано сопротивление ? – спросили квартирьера.

- До последней капли крови. Но Подтелков не допускает и мысли, чтобы против него, как главы донской советской республики, кто-либо осмелился поднять оружие.

Квартирьер был арестован, а против Подтелкова, который подошел к поселку Рубашкину, были двинуты два конных разезда приблизительно по пятьдесят человек в каждом. Была уже темная ночь, моросил дождь, но двор станичного правления и само станичное правление были переполнены казаками станицы.

Раздавались крики:

- Судить беспощадно казака Мельникова, поймать Подтелкова.

Через полчаса на площади было собрано все мужское население станицы, вооруженное от ружей до вил включительно. Образовались пешая и конная части и немедленно же получили боевые задачи. Были посланы гонцы в соседние станицы, которые сейчас же присоединились к краснокутцам.

Разъезды восставших добрались до поселка Рубашкина и здесь узнали, что Подтелков встревожен вспыхнувшим мгновенно мятежом против советской его власти и решил ночевать не в Рубашкине а в двадцати пяти верстах от него в слободе Поляковой. Стали редеть и ряды его защитников – конвойцев и только сам Подтелков обещал виселицы восставшим.

Проходя через имение войскового старшины Ушакова и видя качели, Подтелков приказал их беречь:

- Завтра на них повешу бунтовщиков.

Войсковой старшина Ушаков оповестил об обещании Подтелкова станицу Каргинскую, готовую к восстанию уже по извещении краснокутцев. Отряд каргинцев под командой подъесаулов Цыганкова и Каргина пошел в наступление на слободу Полякову. И здесь около слободы – последней резиденции Подтелкова – встретились восставшие станицы. Прапорщик Спиридонов привел хуторян – пономаревцев, краснокутцев, подошли боковцы. Дымилась пылью дорога – то шли еще чернышевцы.

Подтелков был окружен восставшим и казаками, сильными только пнемом, но не оружием. И он повел переговоры о сдаче. Был полдень 27 апреля, когда командир краснокутцкого разъезда подхорунжий Кумов и прапорщик Спиридонов приняли Подтелкова и прапорщика Кривошлыкова, которые шли на все уступки, лишь бы им был предоставлен свободный выход в станицу Краснокуцкую, которую Подтелков мнил, как верную советской власти.

Подтелков сдал оружие и стал пленником. Арестованные его были настроены миролюбиво, но как рассказывал “Донской Край”, когда Подтелкова и его свиту доставили на ночлег на хутор Пономарев, выяснилось, что подтелковцы сдали далеко не все оружие. У них остались тридцать семь револьверов и две ручные гранаты.

Один из арестованных, очевидно, не сдержавшись, вздумал бежать и выхватил револьвер. Трудно описать, что произошло, Казаками, еще недавно настроенными миролюбиво, овладело бешенство. Слишком ясен был план пленников: в степи воспользоваться малочисленностью конвоя, разбежаться, отстреливаясь.

Казака, у которого нашли револьвер, растерзали на месте. С остальными хотели расправиться так же, но удалось успокоить толпу и организовать некоторое подобие народного суда. Председателем был избран подъесаул Еланской станицы В. М. Попов, обвинителем – И.Ф. Реуцов, секретарем – хорунжий Попов.

Бледный, в смертельном испуге, метался Подтелков. Кривошлыков же все время ругался и грозил:

- Ну, все равно, через неделю и вам то же будет.

- Где Богаевский? – кричали из толпы.

- Право, не знаю, должно быть расстреляли, - извиняющимся тоном ответил

Подтелков.

- Про Богаевского не знаешь, так про тебя то знаем, что нагулялась твоя голова на белом свете.

Увидев в толпе сослуживца из гвардейской батареи, Подтелков обратился к нему:

- Помнишь, на Миллеровой станции я тебя от большевиков выручил? Вызволяй теперь меня!

Казак, которого, действительно, когда-то Подтелков избавил от большевистского заключения, ответил:

- Дак ты же тогда большим начальником был, а я что? Я просто казак, ничего не поделаю...

- И я теперь простой казак, - вздохнул Подтелков.

Народный суд свершился быстро. И двух часов не прошло, как приговор был вынесен: Подтелкову и Кривошлыкову – смертная казнь через повешение, 78 чел. его отряда – расстрел.

Кривошлыков все время ругался и угрожал. Подтелков твердил о том, что он шел за трудовой народ.

Утром, 28 апреля, смертный приговор был приведен в исполнение на поле за хут. Пономаревым. У общей могилы расстреляли 78. А затем были повешены Подтелков и Кривошлыков.

- Одно только, к старому не возвращайтесь, - произнес Подтелков – и в это время из-под него выдернули стул.

Красношлыков же продолжал неистово ругаться. Он бился в руках ведущих на казнь..."

Статья «Автобиография Подтелкова» из журнала «Донская волна» [№ 17, с. 16]:

«Президент» донской советской республики Подтелков был для всего Дона человеком неизвестным. Голубова знали, о других слышали. Подтелков свалился прямо из неизвестности.

Не он сам, несомненно, а стоявшие за его спиной позаботились о популяризации имени Подтелкова и Новочеркасские «Известия» в конце февраля были украшены едва-ли не единственным литературным произведением полупрамотного подхорунжего из вахмистров – «Автобиографией Подтелкова».

Приводим полностью это исключительное произведение, не сохранив только орфографии.

- Я, Председатель Военно-Революционного Комитета, подхорунжий Подтелков, хочу в самых кратких чертах сообщить гражданам историю моего происхождения и вообще бегло отметить все те этапы, которые мне пришлось пройти вплоть до момента моего жизнеописания.

Я, казак Усть-Медведицкого округа, станицы Усть-Хоперской, хутора Усть-Клиновского, уроженец хутора Крутовского, сын казака-землепашца.

Образование получил в церковно-приходской школе, на военную службу поступил в Гвардейскую батарею и занимал должность взводного урядника. Со дня мобилизации выступил вместе со своей частью против немцев и в 1915 году был эвакуирован в город Новочеркасск. Во время пребывания моего в городе Новочеркасске мне за мое выступление на защиту несправедливо арестованного офицером запасной батареи – товарища Лоскина, пришлось по распоряжению атамана Покотилло попасть под надзор. Это обстоятельство не мешало однако Покотилло назначить меня на должность вахмистра в эвакуационной команде Черкасского округа и пешей Кавказской бригаде. Как это ни странно, но было истинно так, где я и пробыл несколько месяцев.

Мое отношение к политике. В политическом отношении я, как до государственного переворота, так и после такового, не вступал ни в одну партийную организацию и всегда лишь ставил своею целью справедливость и беспощадную борьбу с угнетателями и трудящихся масс и по-мере сил призывал всех трудящихся к сплочению и единению, указывал им, что все они одинаково живут своим трудом и одинаково же были угнетены различными властями и капиталистами. Такую свою цель я оправдываю тем, что при наличности какой-бы то ни было розни среди трудящихся. Выиграют только те, кто привык жить на чужой счет. Они воспользуются случаем, затеют гражданскую войну, легко захватят власть и снова трудящиеся массы будут в железных когтях кулаков, богачей и капиталистов.

Гражданскую же войну я понимаю только, как войну одной части трудового народа против другой, под влиянием злостной агитации. То же, что происходит сейчас, это, по-моему, не гражданская война, а борьба трудящегося народа с оружием в руках с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, хищником у трудового народа.

Нас же, наши противники, я по совести не могу назвать гражданами, а вам только есть одно имя: «Вы заклятые враги Трудового Народа».

Работая в различных организациях, я всегда старался убедить таких «граждан», чтобы они добровольно уступили народу то, что он у них требует, но ничего, кроме насмешек, в ответ не получил.

В этом отношении на них было очень похоже и наше Войсковое Правительство, которое своей политикой затемнило казачество и натравливало отца на сына и обратно.

Мы, казаки, были на фронте и сражались там бок о бок с нашими братьями-солдатами и мы даже не могли и помыслить о том, чтобы пойти брат на брата. Вместо этого мы пошли рядом с солдатами на Войсковое Правительство: не могли мы служить такому предательскому правительству, которое задалось целью посеять рознь среди трудящихся масс и поработить народ, что оно и пыталось сделать, распуская казачьи части, чтобы ослабить опасные для них ряды.

Есть сила для борьбы, это – трудовая интеллигенция, которую я зову в ряды борцов не с оружием в руках, а со словом и со светом истины, я верю в идею трудового народа.

Правда на нашей стороне и мы победим ! Вперед за свободу ! Подтелков.

Автобиография грешит большими пропусками. Опушен, например, такой этап из жизни «президента», как сбор взятки с казаков в запасной батарее за выдачу отпускных билетов и т.д. Опушены и описания кутежей на деньги и во славу трудового казачества”.

Из книги Голубинцева «Русская Вандея» [Мюнхен, 1959; переиздана “Вешние воды”, 1995]:

“Недаром славится Усть-Хоперская станица по всему Тихому Дону, и орлы и коршуны вылетали из нее: и славный атаман генерал Краснов, и лихой казак Кузьма Крючков, и печальной памяти «красный атаман Дона», «президент Донской Советской республики», подхорунжий Подтелков”. [с. 15].

“... отступающий из Ростова отряд Подтелкова – «красного атамана Дона» – направляется на Усть-Медведицу и, весьма вероятно, будет проходить через хутор Большой, родной хутор Подтелкова, в котором жили его отец и жена – «донская царица», по выражению Большинцев”. [с. 43].

Из «Казачьего Словаря-справочника» Г.В.Губарева [США, 1970]

“ПОДТЕЛКОВ Федор (дон.) – рожд. ок. 1890 г. ст. Усть-Хоперской; подхорунжий, вахмистр 6-й Донской гвардейской батареи; сторонник соввласти.

По внешности типичный казак, черноглазый, смуглый, широкоплечий brunet выше-среднего роста, блестящий службист-батареец. П. после революции 1917 г. пошел по чужому пути, уверовал в непреложную истинность пропагандных посулов ленинцев и оказался в небольшой группе Казаков – сторонников Октябрьского переворота. Он сразу примкнул к большевикам, выдвинулся у них на пост председателя Каменского Ревкома, стал непримиримым врагом Законного Донского правительства и атамана Каледина. После боя с Чернецовцами под станцией Глубокой, собственноручно зарубил полковника Чернецова и приказал перебить других пленников-партизан.

В апреле 1918 г. на Донском съезде советов, после провозглашения Донской Советской республики, избран председателем ее Совнаркома, но вскоре, отступая из Ростова на север при всенародном восстании Казаков, попал в руки повстанцев. По постановлению народного суда, П. был повешен, как изменник 11 мая (н. ст.) в хуторе Пономареве Краснокутской станицы”. [т. 2, с. 282 – 283].

В первых постсоветских работах ничего нового о нем не говорится:

“Подтелков Федор Григорьевич (1886–1918) – донской казак, участвовал в 1-й мировой войне, в 1917 г. – подхорунжий. 10 января 1918 г. на съезде фронтового казачества в ст. Каменской был избран председателем Донского казачьего ВРК, в апреле 1-м съездом Советов рабочих и казачьих депутатов Донской Советской республики был избран председателем СНК и комиссаром по военным делам. В мае возглавил экспедицию в северные округа для проведения мобилизации в Красную Армию, был захвачен в плен и 11 мая повешен”. [Белое дело, М., 1993, Голос, т. 1, с. 287].

В «Казачьем Словаре-справочнике» Г.В. Губарева [США, 1968] статьи о М.В. Кривошлыкове не оказалось.

Статья “М.Н.” «Из воспоминаний. Кривошлыков», напечатанная в журнале «Донская волна» [№ 7, 22 июля 1918 г., с. 7]:

‘Среднего роста, невзрачный на вид, с шапкой взбитых волос и мало энергичным, но озлобленным лицом, с ленивой нескладной речью и угловатыми движениями, - таковым представляется мне Кривошлыков по воспоминаниям первых дней революционного времени. Тогда он был юнкером Новочеркасского казачьего училища. Будучи совершенно незаметным до переворота, он стал обращать на себя внимание в первые же дни революции не только резкостью и крайностью своих суждений, но и грубой безшабашностью, разрушительным характером своих поступков. «Революционные» требования по отношению к училищной дисциплине, выпады против офицерского состава и обвинения его в «контр-революционности», снятие со стен и битье царских портретов, - таковы были выступления Кривошлыковых.

В то время юнкера училища, встретив радостно, воодушевленно совершивший переворот, более чем сдержанно и с беспокойством следили за все возрастающей тенденцией к пресловутому «углублению» революции. Кривошлыков, определенно ставший с немногими другими на сторону крайних течений, не мог получить сочувствия большинства. Он не был достаточно образован и, я бы сказал, умен, чтобы приобрести авторитет и своими убеждениями увлечь за собой юнкеров, а его резкие выходы, направленные к уничтожению всего, что напоминало «старый режим», встречали сильный отпор и осуждение. И только с постепенным упадком дисциплины, с все увеличивавшимся ростом разнузданности, с падением авторитета товарищеской сдержки и осуждения Кривошлыков стал выдвигаться и попадать в различные училищные организации.

Однако, быть может в силу существовавшей тогда достаточной спайки и единодушия между юнкерами и офицерским составом училища, а также личности значительного авторитета начальника училища ген. Попова – впоследствии походного атамана, а может быть и в силу довольно высокого образовательного уровня большинства юнкеров, которое составляли бывшие студенты и учителя, - вернее, в результате всего этого крайние течения революционного времени не имели в училищных организациях поддержки. Работа все время велась в направлении сглаживания острых углов старой и новой эпох, в направлении сохранения нормального хода училищной жизни и дисциплины в условиях бурных переживаний тех дней. Кривошлыков не мог иметь успеха и не имел его.

И если впоследствии по выходе из училища ему суждено было сделаться одним из большевистских комиссаров, то разгадку этого на первый взгляд странного явления следует видеть именно в тех чертах характера Кривошлыкова, которые определяются анархичностью его взглядов и действий. Это больше всего импонировало разнузданной толпе, и за такими именно людьми, как Кривошлыков, они шли”.

Книга К.А. Хмелевского

В 1985 г. увидела свет книга К.А. Хмелевского «Сына степей донских: О Ф. Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове» [М., Политиздат, 1985. —128 с., илл. — (Герои Советской Родины)]. Это одна из последних работ Советского периода, к тому же, написанная доктором исторических наук. В аннотации о ней говорится следующее:

“Книга доктора исторических наук Константина Абрамовича Хмелевского — это документальный очерк о жизни и трагической гибели Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова. Судьба героев раскрывается на фоне сложных, драматических событий борьбы с контрреволюцией на Дону. Автором привлечены как известные, так и новые архивные документы, воспоминания участников революции и гражданской войны. Книга адресована массовому читателю”.

О происхождении Подтелкова написано следующее: дед - Ануфрий Афанасьевич —участник Русско-Турецкой войны 1877 —1878 гг., полный Георгиевский кавалер; отец —Григорий Ануфриевич —рано умер; Федор Григорьевич —уроженец х. Крутовского Усть-Хоперской ст.; жена — Гордева Анфиса Алексеевна ур. х. Большого Усть-Хоперской ст.; дочь — Лиза.

О происхождении Кривошлыкова: отец — кузнец х. Большого Еланской ст. Василий Ивановича; мать—Мария Игнатьевна; у них 12 детей, из которых выросло только трое: Михаил Иван, Наталья. Наталья Васильевна на 1985 г. жива, в книге ей выражается благодарность автора.

Уже юность будущих революционеров описана таким образом, что много становится ясным.

Подтелков в службе с 1912 г. в составе 6 Л.-Гв. ДКБ. Изнывает от постоянной "муштры" и офицерского негата. "Смекалистый казак" тянется к знаниям:

"Тяжело 26-летнему хуторскому парню давалось учение в дивизионной школе. Скрипя сердцем, терпел он насмешки, издевательские замечания господ офицеров «белой кости». То был один из первых жизненных уроков выходяцу из народа. Ему дали явственно почувствовать пропасть, отделяющую рядового казака от лиц «благородного» звания. Ответом стала поднимающаяся в сердце Подтелкова ненависть к миру угнетения и унижения человеческого достоинства".

Данный абзац интересно сравнить с описанием обучения Подтелкова в статье Виктора Севского (см. выше).

Кривошлыков "рос тихим, застенчивым", "пристрастился к чтению", провел 6 лет (с 1909 г.) в Донском сельскохозяйственном училище; по окончании участковым агрономом в Сальском округе; поступил на заочное отделение Киевского коммерческого института; затем в НКЮУ.

"Месяцы, проведенные там, были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни Кривошлыкова. На курсах царили произвол и грубость, постоянные издеательства и площадная брань господ офицеров. Юнкера, особенно из «образованных», как правило, молча сносили оскорбления.

Не выносившие двоедушия и лицемерия, Кривошлыков открыто возмущался порядками в училище «Среднего роста... с шапкой сбитых волос... и угловатыми движениями, юнкер Кривошлыков, - по словам одного сотрудника, - обращал на себя внимание резкостью и крайностью своих суждений., выпадами против училищной дисциплины и начальства».

Терпеть унижения становилось невмочь, и Михаил подал рапорт об отправке добровольцем на фронт рядовым. Командир сотни был взбешен. Грозил Кривошлыкову военно-полевым судом... Заставил юнкера сто раз исполнить команду «кругом!», войсковой старшина отправил его в казарму...".

Таюже можно сравнить со статьей М.Н. о Кривошлыкове (см. выше). Неплохой оборот: "сто раз заставил исполнить команду «кругом!»".

В дальнейшем автором предлагается типовое описание революционных событий, полностью отвечающее устоявшимся Советским канонам. Дается традиционное описание Каледина и гнусных контрреволюционеров вроде Митрофана Богаевского. Долго пришлось выискивать упоминания о Чернецове и Голубове, нашел:

"Отряд Чернецова был разбит наголову, а сам командир с группой офицеров взят в плен.

Метивший в «красные атаманы» Голубов решил использовать пленение Чернецова для торга с Новочеркасском. Он заявил, что берет войскового старшину на поруки и гарантирует ему своим честным словом жизнь, если стоящий у Каменской отряд генерала Савельева не станет наступать на Глубокую. Чернецову предложили сообщить об этом запиской белому командованию.

Выбора у главаря банды не было. Цепляясь за предоставленную возможность, он вывел карандашом на клочке бумаги: «Я вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов». Рядом поставил свою подпись Голубов.

Получив через посланцев 27-го полка записку, командующий белоказачьими частями Донецкого округа Усачев пришел в ярость. Он решительно не хотел примириться с тем, что надежды на разгром краснойгвардейцев рухнули. В запальчивости генерал велел передать командиру революционного полка и полковому комитету, чтобы те немедленно освободили пленников и доставили в Каменскую.

Особенную заботу, подчеркнул он, проявить к Чернецову, предоставить ему отдельный вагон...

Подтелков был возмущен поведением Голубова.

- Как можно брать на поруки этого матерого бандита ? Сколько он крови пролил ! Революционным судом его судить, и немедленно !

...У самой Глубокой Подтелков и Дорошев встретили колонну пленных, конвоируемых казаками 27-го революционного полка. Чернецов, обезоруженный, в кровь кусая от бешеной злобы губы, шел в первом ряду. Когда Подтелков приблизился к нему, тот бросил на председателя ревкома взгляд, полный лютой ненависти.

- Ну отгулялся, орелик ? – спросил клокочущим голосом Подтелков. – Надоели трупы шахтеров, так захотел казачьей кровушки попить ?

- Подлец, изменник казачеству ! – зашелся в крике Чернецов.

- Но, но, потише, - глухо обронил Подтелков. – Это ты изменник.

Они продолжали лениво переругиваться, как вдруг Чернецов сунул руку за борт бекеши, выхватил заботливо спрятанный пистолет, направил его на Подтелкова. Но – осечка...

- Разбегайтесь, господа, разбегайтесь, - успел он крикнуть офицерам. Те кинулись врассыпную.

«Все произошло быстро, - писал позднее С.И. Кудинов, - так что ехавшие за Чернецовым конвойные не успели схватиться за шашки. Они видели, как Подтелков перебросил с правой на левую руку повод, выдернул из ножен клинок и, перергнувшись, наотмашь ударил им Чернецова. Вслед за этим раздался его оглушительный рев: руби их всех !».

В целом, данный фрагмент текста, полностью характеризует взгляды автора на описываемые события, а также его уровень знаний.

Чернецов характеризуется как "главарь банды". В первом абзаце он называет его войсковым старшиной (чин, который Чернецов никогда не носил), во втором полковником. Представлен оригинальный текст разговора Подтелкова с Чернецовым. Неплохо о требовании "предоставить отдельный вагон".

Автор идет даже дальше М.А. Шолохова: Чернецов не только выхватил пистолет, но и попытался выстрелить; произошла осечка.

Если после этого еще и сохранялись некоторые иллюзии, то фрагмент о Голубове и их окончательно развеял:

"Этот еще сравнительно молодой войсковой старшина, отчаянный храбрец и полный георгиевский кавалер, был одним из самых популярных офицеров на Дону".

"Полный георгиевский кавалер" – означает награждение четырьмя солдатскими Георгиевскими крестами в период службы нижним чином. Н.М. Голубов из кадетского корпуса поступил в МАУ, после чего был произведен в офицеры. То есть, нижним чином не служил. Офицерских Георгиевский наград он также не имел.

Характерно и, кстати, типично, что доктор исторических наук даже и таких вещей не знает.

Кстати, полным Георгиевским кавалером автор именует и деда Подтелкова. Интересно, что он вкладывает в это понятие ? Вероятно, что-то свое. Кампания 1877 – 1878 гг. была не очень длинной и получить за нее 4 креста довольно-таки сложно.

Уничтожение Подтелковым атамана Назарова, Волошинова и других, разумеется, в книге отсутствует. Но есть интересный абзац:

"В критический момент замечались «попутчики» Советской власти. Незадачливый кандидат в атаманы Голубов и «главоверх» Смирнов попытались под-

нять против ревкома казачьи полки, расквартированные в Новочеркасске. С их благословения был отпущен из-под ареста Митрофан Богаевский. Сподвижник Каледина явился на гарнизонный митинг, где выступил с трехчасовой провокационной речью. На требование Подтелкова немедленно отправить Богаевского в Ростов для предания революционному суду Голубов ответил решительным отказом. К Новочеркаску пришлось двинуть красногвардейский отряд”.

Тем самым, автор подтверждает определяющую роль Подтелкова в смерти М. Богаевского, последовавшей почти сразу по прибытии его в Ростов. Кстати, Богаевский не был “отпущен из-под ареста”.

* * *

Пленение и казнь подтелковцев описаны с подобающим пафосом. В основе “научного” исследования . . . описание событий Шолоховым (! ? !), да еще и, как говорится, с собственными дополнениями и “наворотами”.

“Собрав казаков во дворе дома, где квартировал Подтелков, Спиридионов обратился с крыльца:

- Все кто в отряде Федора Подтелкова, - отойди налево. Все прочие - направо. Ваши братья-фронтовики, - продолжал он с издевкой в голосе, - вместе с вашей делегацией порешили, что вы должны сдать оружие. Мы даем вам наше братское слово фронтовиков, что доставим вас невредимыми в Краснокутский Совет, где вам вернут оружие.

Среди бойцов поднялся ропот, раздались недоуменные голоса.

- Подтелков, что мы делаем ? - заговорил Френкель. - Если мы сдадим оружие, они нас всех уничтожат !

Еще раньше Подтелкова пытался отговорить Фролов, но безуспешно. Председатель ревкома махнул рукой, отстегнул шапку и положил ее в стоящую последи двора повозку. Что им руководствовало в тот момент: теплившаяся слабая надежда на фронтовое казачье братство или сознание невозможности прорваться с горстью деморализованных бойцов из окружения ?

«Началось самое ужасное, - вспоминал через 10 дней уцелевший свидетель трагедии А. Френкель, - разоружение, которое продолжалось около часу. Наши товарищи очень вяло и неохотно сдавали оружие, некоторые повинымали затворы у винтовок, пулеметчик вынул замок из пулемета и усакал. Некоторые из нас, имея револьверы и патроны и не желая сдавать их, незаметно разошлись по дворам, чтобы скрыть оружие. Небольшой группой мы вышли со двора и быстро направились к нашим товарищам. Полные тревоги, мы предчувствовали что-то неладное, но все виденное нами - христосование, братские рукопожатия и беседы - настойчиво говорили нам, что этого не может быть... По дороге мы повстречали Подтелкова, направлявшегося к своей тачанке. Поравнявшись с нами, он бросил на ходу: «Вы не ходите, кто может - не ходи». Позже мы узнали, что товарищи предлагали и Подтелкову скрыться, но он не согласился, зная, что это напрасно».

Бандиты несколько раз прочесали весь поселок в поисках скрывшихся. Все же 10 - 12 казакам из каменной команды удалось спастись. До темноты укрывались в доме одного крестьянина Федорцев, Фролов и Френкель. Поздней ночью они отправились в слободу Сариново-Голодаевку, рассчитывая собрать там отряд и поспешить на выручку товарищам. Не получилось.

Обезоруженных подтелковцев казаки погнали в хутор Пономарев. Как только вывели за поселок, их стали избивать нагайками, прикладами винтовок. Сложенное на подводах оружие, табак, сахар с шумом и гиканьем растащили конвойные.

Под вечер вконец измученных, продрогших под дождем участников экспедиции привели в Пономарев и заперли в тесном помещении бывшей хуторской лавки. К дверям и по углам приставили часовых.

Главарь банды торопилась расправиться с красными казаками. В этот же вечер собрался «суд», наслех составленный из представителей восставших хуторов Каргинской, Божовской и Краснокутской станиц. Заседание было коротким. «Всех грабителей и обманщиков трудового народа, поименованных в списке ниже сего в числе 80 человек, - гласило постановление «суда», - подвергнуть смертной казни через расстреляние, причем для двух из них – Подтелкова и Кривошлыкова, как главарей этой партии, смерть применить через повешение... Наказание привести в исполнение завтра, 28 сего апреля, в 6 часов утра».

И коварство белых: обещали пощадить, но обманули. И именование их не иначе, как “бандиты” (кстати, подтверждается то, что не все оружие сдали, и просмотр за арестованными был не строгим – некоторым удалось бежать). И благородство сбегавших (Френкеля и других) – хотели “собрать отряд и поспешить на выручку товарищам”. И издевательство над пленными, и мародерство.

“...Приговоренных привели на выгон за хутором, где ночью была сооружена из двух молодых верб виселица, вырыты могилы. К месту казни спешили жители хутора. Многие шли прямо из церкви от заутрени, в праздничной одежде, с детьми. Старый хуторской почтарь Лукин отказался идти смотреть:

- Там невинные гибнут!

Его избili, окровавленного толкнули к яме вместе в подтелковцами. Хуторской сапожник, молчаливый одноногий калека, насильно приведенной казаками, увидев полураздетых красногвардейцев у ямы, ужаснулся. Громко выругавшись, он заковылял прочь. За ним погнались. Брошенной лопатой раскроили здоровую ногу. Упавшего подняли и тяжело метнули в яму”.

Данный фрагмент явно удался “ученому”, он даже переплюнул Шолохова.

“Подтелков и Кривошлыков стояли у виселицы. Осунувшийся и сразу за ночь постаревший, Федор выглядел, однако, спокойным, уверенным. Бодрился с трудом державшийся на ногах от приступа малярии Кривошлыков. Такими их сфотографировал хуторской учитель, оказавшийся со своим аппаратом среди согнанных жителей. На чудом уцелевшем снимке Подтелков в фуражке и неизменной кожаной тужке стоит; широко расставив ноги, обвеваемый утренним ветром. Рядом в расстегнутой шинели, обратив исхудавшее лицо к Федору, его милый друг и боевой товарищ Михаил Кривошлыков”.

Трогательно, не правда ли ?

“По знаку Спиридонова к яме стали выводить по 8 – 10 человек. Подтелков обратился к есаулу Сенину (спустя 12 лет возмездие настигло палача; изблеченный в контрреволюционной деятельности, он понес заслуженную кару), начальнику караульной команды, которой было поручено привести приговор в исполнение:

- Позвольте нам с Кривошлыковым поглядеть, как наши товарищи будут смерть принимать, поддержать тех, кто слаб. – Сенин вопрошающе посмотрел на Спиридонова. Тот кивнул головой...”

С данного места начинается самое интересное. “Ученый” берет текст художественного произведения и, всего-навсего чуть-чуть изменив слова, пытается это выдать за историческое исследование. У Шолохова это звучало так:

“- Старики! Позвольте нам с Кривошлыковым поглядеть, как ваши товарищи будут смерть принимать. Нас повесите опосля. А зараз хотелось бы нам поглядеть на своих друзей-товарищей, поддержать, которые духом слабы”.

“...Белые вель Подтелкова и Кривошлыкова. Сбоку шли Спиридоном и Сенин с оголенными шашками. Подтелков узнал Ермакова (Ермаков Харлампий Васильевич . . . черты его биографии использованы М. Шолоховым в образе Григория Селекхова), своего отрядника, участника боя под станицей Глубокой.

- И ты тут, Иуда ?

- Тут. Но не как Иуда ! —Ермаков заговорил быстро, как бы оправдываясь.—Я скакал сюда, чтобы успеть разлить и распить самогон в знак примирения с вами...

- А тут уже льют и пьют нашу кровь, — Подтелков хрипел, наступая на Ермакова. — Вижу и ты с ними расстреливаешь братьев своих односумов...

Ермаков что-то пытался возразить, но когда Спиридонов крикнул ему: «Давай своих казаков-охотников!» — сказал твердо, как отрубил:

- Нет у меня палачей-охотников. — вскочил на коня и умчался со своей сотней...”

Судя по всему, на каком-то этапе “ученый” устал переписывать роман своими словами:

“Кровавый кошмар расправы над подтелковцами с потрясающей художественной силой и почти документальной точностью запечатлен Михаилом Шолоховым во второй книге «Тихого Дона»: (затем идет большой кусок текста из романа)”.

По мнению “ученого” М. А. Шолохов обладает “почти документальной точностью” (!).

В завершении Кривошлыков пишет два письма родным. Одно не доходит до потомков из-за нехорошего есаула Попова. Друзья обнимаются. Прощальное слово Подтелкова.

Затем, развернуто, об огромной ценности для будущих поколений всего того, что сделано этими, несомненно, лучшими сынами Дона. В заключении:

“Тысячи и тысячи людей из донских станиц и хуторов, с разных концов нашей Родины ежегодно приходят к высокому холму близ хутора Пономарева. Здесь, на месте казни подтелковцев, сооружен мемориал — 11-метровый мраморный обелиск с рельефным изображением героев и надписью у подножия: «Видным деятелем революционного казачества Федору Подтелкову и Михаилу Кривошлыкову и их 83 боевым товарищам, погибшим от белоказаков в мае 1918 г.»”.

Прочитав эту книгу, как-то начинаешь лучше относиться к М.А. Шолохову. Все-таки у того, практически, не было образования.

Здесь же, при наличии докторской степени, точно такая-же безграмотность.

Очень интересна и поучительна технология подгонки “научно-обоснованных” исторических исследований под то, что изображено в художественном произведении.

Карикатура
из “МК” (?)

Именной указатель

Абрамовы: Василий(61), М.Ю.(83), ? (19); **Агеев Павел М.**(136,228,232); **Аксенова Л.З.**(33); **Алабин Игорь Михайлович**(81); **Александров В.А.**(223); **Альбаков ?** (19); **Андриянов ?** (19); **Антонов Михаил(28)**; **Антонов-Овсеенко В.А.**(111,190); **Апанасов Матвей(28)**; **Арбузова Василиса Михеевна(126)**; **Арганов(109)**; **Атарбеков(109)**; **Афонин ?** (19);

Батырев В.Д.(83); **Бела Аун(109)**; **Богачевский Митрофан Петрович**(70,82,136,137,218,221,228,244); **Божий(109)**; **Болдырев Александр(30)**; **Бондарчук С.**(113); **Боткин Дмитрий(30)**; **Брыкин В.В.**(72);

Вельдман(109); **Вертель Е.В.**(33); **Вихман(109)**; **Волошинов Евгений Андреевич**(29,59,221282); **Воронков М.С.**(228); **Вырякин (Выряков)** (165,199);

Герасимов С.А.(75); **Голубевы:** **Георгий(214)**, **Георгий Иванович(214)**, **Михаил Алексеевич(215)**, **Никита Васильевич(215)**; **Голубины:** **Зиновий(213)**, **Матвей Зиновьевич(213)**, **Филипп Зиновьевич(213)**, **Фома Зиновьевич(213)**;

Голубовы: **Аграфена Андреевна(210)**, **Аделаида Ивановна(207)**, **Александр(213)**, **Александр Александрович(211)**, **Александр Васильевич(210)**, **Александра(207)**, **Александра Андреевна(209)**, **Александра Ивановна(206)**, **Алексей(213,214)**, **Алексей Калистратович(207)**, **Алексей Матвеевич(208,214)**, **Алексей Филиппович(214)**, **Андрей Андреевич(208,209,212)**, **Андрей Иванович(212,214)**, **Андрей Петрович(208)**, **Андрей Степанович(212)**, **Анна Александровна(211)**, **Анна Андреевна(210)**, **Анна Ивановна(212)**, **Василий Александрович(211)**, **Василий Андреевич(208,209)**, **Василий Васильевич(210)**, **Василий Матвеевич(214)**, **Владимир(214)**, **Георгий(214)**, **Георгий Александрович(211)**, **Дмитрий Калистратович(207)**, **Евдокия Васильевна(206)**, **Екатерина Александровна(211)**, **Екатерина Андреевна(210)**, **Елизавета Харитоновна(214)**, **Ефимия Кондратьевна(209)**, **Иван Алексеевич(207)**, **Иван Андреевич(212)**, **Иван Васильевич(210)**, **Иван Гаврилович(215)**, **Иван Иванович(206)**, **Иван Касьянович(213)**, **Иван Матвеевич(205)**, **Иван Осипович(215)**, **Изот Иванович(213)**, **Калистрат Степанович(206)**, **Клавдия Алексеевна(207)**, **Лев Калистратович(207)**, **Любовь Ивановна(212)**, **Мария(213)**, **Мария Васильевна(210)**, **Мария Ивановна(206)**, **Мария Калистратовна(207)**, **Марфа Васильевна(211)**, **Марфа Ильинична(208)**, **Матвей Иванович(206)**, **Матвей Калистратович(207)**, **Михаил Алексеевич(215)**, **Надежда Васильевна(210)**, **Наталья Семеновна(206)**, **Никифор Петрович(213)**, **Николай(215)**, **Николай Казымыч(215)**, **Николай Калистратович(207)**, **Николай Матвеевич(59,73,79,142,165,190,198,201,208,216,242)**, **Олимпиада Васильевна(213)**, **Ольга Александровна(211)**, **Ольга Андреевна(209)**, **Ольга Степановна(207)**, **Павел Иванович(212)**, **Павел Трофимович(215)**, **Петро Иванович(213)**, **Раиса Калистратовна(207)**, **Семен Ефимович(213)**, **Семен Калистратович(207)**, **Семен Никитич(213)**, **Степан Георгиевич(215)**, **Татьяна Ивановна(212)**, **Федор Калистратович(207)**, **Федор Степанович(213)**, **Фекла(212)**, **Яков Иванович(213)**, **Яков Иосифович(213)**;

Горбатова Елена Ивановна(122); **Гордеева Анфиса Алексеевна(241)**; **Готт(221)**; **Грековы:** **Агафон(Агафонгел) Петрович(49)**, **Андрей Святославович(19)**, **Борис Иванович(49)**, **Григорий Святославович(19)**, **Митрофан Борисович(49)**; **Груднев(60,221,229)**;

Дадешкелиани Александр(30); **Денисова Марфа Васильевна(211)**; **Дзержинский Феликс Эдмундович(109)**; **Диесперов(234)**; **Дурнева Ольга Андреевна(210)**; **Дьякова Александра Яковлевна(125)**;

Ермаков Харлампий Васильевич(246); **Жеребков(62)**; **Залкинд Р.С.**(110); **Захаров Григорий(30)**; **Зеев Бар-Селла(33)**; **Зиновьев(109)**; **Иванков Иван(30)**; **Изварин Ефим И.**(17); **Ионер Мария-Елизавета Петровна(124)**; **Исаев(60,229)**;

Калдин Иван(126);

Каледины: **Александра Максимовна(119,121,123)**, **Александра Яковлевна(125)**, **Алексей Владимирович(122)**, **Алексей Емельянович(119,121)**, **Алексей Максимович(69,87,117,121,123,129,230,232)**, **Алексей Павлович(126)**, **Алексей Тимофеевич(127)**.

Андрей(127), Андрей Лукьянович(121), Анна Антоновна(122), Анна Васильевна(121), Анна Максимовна(119), Анна Петровна(122), Василий Егорович(125), Василий Максимович(119,123), Василий Прохорович(121), Василиса Михеевна(126), Вера Васильевна(123), Владимир Емельянович(119,121,122), Гавриил Николаевич(125), Григорий Владимирович(125), Григорий Лукьянович(121), Дмитрий(127), Дмитрий Герасимович(127), Евгения Егоровна(122), Евграф Васильевич(119,121), Евдокия Васильевна(121), Евпраксия Васильевна(121), Егор Емельянович(121,122), Екатерина Владимировна(122), Елена(122), Елена Егоровна(121), Елена Ивановна(122), Елена Максимовна(121), Елена Николаевна(127), Емельян Васильевич(119,121), Ефим Васильевич(126), И.Н.(127), Иван(127), Иван Алексеевич(127), Иван Григорьевич(125), Иван Евграфович(119), Иван Иванович(127), Иван Михайлович(121), Иван Поликарпович(127), Иван Филиппович(128), Игнат Егорович(126), Игнатий Николаевич(126), Иосиф(128), Казьма(128), Казьма Поликарпович(128), Константин Васильевич(119), Ксения Владимировна(122), Лукьян Прохорович(12), М.И.(128), Максим Васильевич(119,121), Максим Тимофеевич(128), Мария Никитична(122), Мария-Елизавета Петровна(124), Матвей(126), Меланья Потаповна(122), Мелетий Максимович(125), Мелетина Ивановна(123), Михаил(127), Михаил Васильевич(121), Наталья Владимировна(122), Наталья Петровна(122), Никандр Николаевич(128), Никита(128), Николай Евграфович(119), Николай Максимович(125), Ольга Васильевна(121), Ольга Саввична(119), Павел Емельянович(121), Пантелей(128), Петр Алексеевич(125), Петр Михайлович(122), Петр Петрович(125), Прохор(126), Прохор Васильевич(119), Савва Максимович(119), Семен Евграфович(119,122), Семен Емельянович(121), Семен Петрович(122), Семен Прохорович(119), Семен Саввич(119), Софья Ефимовна(126), Степан(128), Стефанида Васильевна(121), Татьяна Васильевна(123), Терентий(128), Трофим Архипович(127), Федор(127,128), Федор Васильевич(121), Федор Емельянович(119,121,122), Федор Семенович(127), Федосья Прокофьевна(121), Феофан Иванович(128), Филипп(127), Яков Тимофеевич(128);

Каменнова Олимпиада Васильевна(213); **Каргин** (237); **Карев** Г.И.(232); **Карсавин**(61); **Кашеева** Александра(207); **Кедров** М.С.(110); **Киквидзе** Василий Исилорович(88); **Кожанов** Александр(30); **Крамскова** Прасковья(227);

Кривошлыковы: Александр(227), Александр Георгиевич(227), Алексей(226), Василий Емельянович(226), Василий Иванович(241), Гавриил Григорьевич(227), Демьян Степанович(227), Евдоким Степанович(227), Ефрем(226), Иван(227), Иван Васильевич(227,241), Иван Федорович(227), Ирина(227), Мария Игнатьевна(241), Михаил Васильевич(88,230,231,237.240,241), Михай Иванович(227), Наталья Васильевна(241), Павел Григорьевич(227), Прасковья(227), Тарас Степанович(227), Терентий Леонтьевич(227), Федор(226);

Крупский Виктор Николаевич(148); **Крюков** Ф.Д.(33); **Крючковы:** Козьма Фирсович(5), Фирс Ларионович(8); **Кудин** Л.(232); **Кудиновы:** ?(234), С.И.(243); **Кузнецова** Анастасия Даниловна(49); **Кузьмичев** Иван Наумович(127); **Кумов**(237); **Кунделекова** Наталья Семеновна(206); **Курнос** Василий(24); **Курочкин** Василий(177);

Лаврухин Степан(30); **Лазарев** Роман(179,182,198,199); **Латышева** Анна Антоновна(122); **Лацис**(109); **Ленин** Владимир Ильич(66); **Личко** (178);

Макаровы: А.Г.(33), С.Э.(33); **Максимов** Федор(25); **Мангатов** Борис(25); **Маржин** (234); **Мартыщенко** Митрофан Павлович(49); **Марченко** С.А.(83); **Масловы:** Евдокия Васильевна(206), Капитолина Федоровна(167); **Матвеев** Борис(25); **Медведев** (221); **Медведева-Томашевская** И.Н.(33); **Мезенцев** М.Т.(33); **Мельников** Константин(236); **Меньшов** В.(113); **Миненков** Борис(26); **Миросов** Филипп(26); **Михалков** Н.(113); **Мишарева** Евпраксия Васильевна(121); **Молодикины:** Андрей Иванович(167), Анна Ивановна(167), Иван Яковлевич(167), Николай Иванович(167), Пелагея Николаевна(167), Петр Иванович(167), Яков Иванович(167); **Мордвинцев** Григорий Андреевич(27); **Мордочева** Мелетина Ивановна(123);

Назаров Анатолий Михайлович (59,82,143,221,229); **Наследышевы:** Александра Максимовна(119,123), Николай Хрисанфович(123), Хрисанф Васильевич(123); **Никонова Мария Никитична**(122); **Никул ин Петр**(61); **Номиков Павел**(31);

Оллэндорф Мария-Елизавета Петровна(124);

Парапонова (61); **Петерс**(109);

Подтелковы: Агапия Ананьевна(226), Ананий Афанасьевич(226), Анна Ананьевна(226), Ануфрий Афанасьевич(241), Анфиса Алексеевна(241), Григорий Ананьевич(226), Григорий Ануфриевич(241), Григорий Павлович(226), Гурий(226), Ефим(226), Иван(226), Казьма(226), Матвей Иванович(226), Николай(226), Пантелей(226), Устинья Петровна(226), Федор Григорьевич(64,74,81,88,165,180,190221,228,241);

Полковников Виктор(191); **Пономаревы:** Александр Васильевич(122), Василий Иванович(122), Евгений Васильевич(122), Елена(122); **Поповы:** В.М.(237), Марфа Ильинична(208), Михаил(31), Моисей Тихонович(200),Сергей(31); **Пухляковы:** Андрей(222), Федор Федорович(222); **Пушкаревы:** Иван(31), Константин(31); **Пшеничников**(61); **Пятибратов**(192);

Реуцков И.Ф.(237);

Саенко (109); **Светозаров**(71,232); **Свечников М.И.**(192); **Седов**(198); **Семипетов**(200), **Сенин**(245); **Солженицин А.И.**(33); **Спиридонов**(237,245); **Степановы:** Л.И.(34), Ольга Степановна(207); **Судрабс Мартин**(109); **Сулин**(223); **Сырцов Сергей**(203,228,234);

Тарарин (60,221); **Терезников** (198); **Толстой Н.Д.**(113); **Туроверов Николай** (31); **Тухачевский**(110);

Уланов Бадьма(232,234); **Усачев** (60,165,197,221,229,242);

Федотов А.П.(83); **Фельдман**(109); **Фелимонов Александр**(31); **Фомин Э.Л.**(141); **Форсман Аделаида Ивановна**(207); **Френкель А.**(244); **Фролов Александр**(32);

Харламов В.А.(228); **Хохлачев Михаил**(32); **Худяков**(66);

Цыганков(237);

Чеботарева Фекла(212); **Черевков С.П.**(141);

Чернецовы: Агафья Матвеевна(168), Александр Егорович(168), Александр Николаевич(169), Алексей Николаевич(166), Анатолий Германович(167), Андрей Степанович(168), Василий(169), Василий Михайлович(73,79,163,169,170Ю230,239,242), Владимир Германович(167), Гаврила(168), Герман Алексеевич(167), Григорий(168), Григорий Трофимович(168), Евдокия Алексеевна(167), Ефим Андреевич(168), Иван(168), Иван Алексеевич(167), Капитолина Федоровна(167), Любовь Германовна(167), Николай(166); **Николай Алексеевич**(167), **Ольга Александровна**(169), **Ольга Алексеевна**(167), **Осип Данилович**(169), **Пелагея Николаевна**(167), **Степан Михайлович**(168), **Татьяна Николаевна** (169);

Черновы: Василий Ефимович(169), Виталий Васильевич(169), Ольга Александровна(169);

Шамшев Николай(32); **Шарапова Анна Максимовна**(119); **Шедько И.Н.**(127),

Шолоховы: Александр Михайлович(49), Анастасия Даниловна(49); **Шуваев**(130);

Щаденко(234); **Щучкин Павел**(32);

Эйдук Александр(109);

Юдин Яков(32);

Ягода(109); **Якушев Степан**(32); **Янов** (71).

Список сокращений

6 Л.-Гв. ДКБ	6 Лейб–Гвардии Донская казачья Его Величества батарея; с 4 марта 1917 г. – 6 Лейб – Гвардии Донская казачья батарея
Алабин:	из архива Алабина Игоря Михайловича (адрес: 123480, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 18, корп. 1, кв. 21) со ссылкой на:
батарея	Донская казачья батарея (ДКБ)
ВД (ВВД)	Войско Донское (Всевеликое Войско Донское)
Волков:	словарь Волкова Сергея Владимировича “Словарь – справочник “Участники Белого движения в России” со ссылкой на:
В(Вил)ПЮУ	Варшавское (Виленское) пехотное юнкерское училище
ВСЮР	Вооруженные Силы Юга России
ВУ	Военное Училище
Выс. приказы	Высочайшие приказы о чинах военных (до 14 февраля 1917 г., включительно); с 4 марта 1917 г. – Приказы Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства(Высочайшие приказы, утвержденные с 15 февраля по 3 марта 1917 г., изданы приложением к 4 марта 1917 г.); с ? – Приказы Временного правительства Армии и Флоту о военных чинах; с 24 июля 1917 г. – Приказы Временного правительства Армии и Флоту о чинах военных; с 26 октября по 19 ноября 1917 г. – Приказы Армии и Флоту о чинах военных (за подписью Управляющего Военным Министерством генерала от артиллерии Маниковского).
г.	год, город (гг. – года)
ГАВО	Государственный архив Волгоградской области (адрес ГАВО: г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 30; адрес филиала ГАВО: 403805, г. Камышин, ул Набережная, д. 48).
ГАРО	Государственный архив Ростовской области (адрес ГАРО: 344710, г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, д. 28; адреса филиалов ГАРО: 346527, г. Шахты, ул. Ворошилова, д. 33; 347900, г. Таганрог, ул. Ленина, д. 72; 346411, г. Новочеркасск, ул. Народная, д. 68/6).
д.	дело
ДИАЗКК	Донской Императора Александра III кадетский корпус
ДО(В)В	Донские Областные (Войсковые) Ведомости
док.	документ
Е(И)В	Его (либо Ее) (Императорское) Величество
ЕКЮУ	Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище
К(М)АУ	Константиновское (Михайловское) артиллерийское училище
КК	кадетский корпус
кл.	класс
кр.	крепость
л. (об.)	лист (оборотная сторона указанного листа)
Л.-Гв. Атаманский полк	Атаманский полк вначале был переименован в Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника полк. С 29 августа 1831 г. – Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (ЕИВНЦ) полк. С 18 февраля 1855 г. –Лейб – Атаманский ЕИВНЦ полк. С 8 сентября 1859 г. Лейб – Гвардии Атаманский ЕИВНЦ полк. С 4 марта 1917 г. – Лейб – Гвардии Атаманский полк.
Л.-Гв. Казачий полк.	27 января 1798 г. образован Лейб –Гвардии Казачий полк. 14 августа 1872 г. переименован в Лейб- Гвардии Казачий Его Величества полк. С 4 марта 1917 г. – Лейб – Гвардии Казачий полк.
Медаль	
С(Б,СБ,ТБ)М	Серебряная(Бронзовая,Светло-бронзовая,Темно-бронзовая)медаль

Сметанниковы (35), Смоленские(30), Смолины(41), Соболевы (31), Соины(36), Солдатовы(35),Сохрановы(36),Стальнищкие(41),Стариковы(41),Стенокины (41), Стоцкие (35), Стояновы(30), Страховы (22), Ступачевские(30), Суворовы(43), Сулацковы(36), Сулины (3),Сульяевы(3),Суслины(3), Сухаревы (36), Суховеевы(10), Суховы(43), Сыченковы(41), Табунщиковы (13), Таперечкины(14), Текутовы (12), Текучевы(12), Тереховы (10, 32пд),Тимонины (Золотаревы) (9,32д), Тимошкины (12), Тихоновские (12), Тихоновы (13), Трегубовы(14), Турченковы(9), Упорниковы (25,30а), Уткины(15), Фадеевы(14), Фатеевы (14), Федорцевы (14), Федотовы (14),Фетисовы (18, 28а), Финковы(14), Финляндские(14),Фокины(18), Харисовы(3),Ховаевы(3), Ходаковы (3), Хорошиловы (5), Церковниковы (32),Черновы(10), Черячукины(14), Чумаковы (5), Шамины (3), Шейкины(41),Шеляконы(41),Шильченковы(41),Шмаревы(41), Шумилины (32), Шуруповы(15), Ягодины (15), Якушевы(39). [505, 330].

Рубрики:

Боевые награды: Китайская кампания 1900–1901 гг.(4). Герои Советского Союза(12). Русско–Японская война 1904–1905 гг.(8). Георгиевские кавалеры {1775-1794} (22)

Убитые и умершие от ран:

1812 – 1814 г. { Офицеры, нижние чины } (19). 1900 – 1913 г. { Офицеры } (9).
1914 г. { Офицеры, нижние чины } (12).
Метрики Елисаветовской ст. 1918 – 1920 г. (16).

Некрополи:

Сент-Женевьев-де-Буа.(13). Тестачко.(14). Пирея.(22).
Старочеркасск. (28). Брюссель. (28). Новочеркасск (37).

Архивы и библиотеки:

Фонд № 52 РГВИА (4). Фонд № 1343 РГИА (5).
РГВИА – ГАРО, сравнительный анализ(6). Фонд № 338 ГАВО(9).
Генералитет 1812 г. В.М. Безотосного (10). О Платове (45).
Генералитет в изгнании(22). Дворянские фамилии (15).
Алфавит дворянских родов(26). Елисаветовская ст.(16).
Песни о Платове(21). Опыт работы в ГАРО (32).
«Донская волна» (памяти Каледина) (44). Деникин о Каледине (44).
Казачьи байки В.М. Безотосного I – V.
{I - Донское дворянство } (11), {II – Просвещение и кругозор } (12),
{III - Образование } (14), {IV - Семейные связи } (15),
{ V – 1812 год и образ М.И. Платова } (17).

Из истории Дона: Брак и семья у донских казаков (16). Из истории религиозных Движений на Дону в первой четверти XIX века (41).

1812 год:

Казачи и гусары (24).

1 Мировая война: Казаки в Карпатах (38).

Читаем классика. О Кузьме Крючкове и Русской армии (43). Анисья, Наталья и др. (43). Значение романа (43). Смерть Каледина(44).

Под Советской властью:

Бутово, 1937 г. (25). Ленин о Каледине и Богаевском (30).
Памятник Свердлову (30). Смертная жатва (33).
Семь расстрелянных. (39).

Эмиграция: Воспоминания Н.П. Рудакова (36).

Авиация: Личный состав Донской авиации (39).

Использование ВТ в генеалогических исследованиях:

Хранение и обработка больших массивов данных(4).
Автоматизированное составление выписок из документов(6)

В краю непуганых историков:

Скромное обаяние музейных работников (21). Великий Пронштейн (31). А.И. Агафонов о В.М. Безотосном (24). А.И. Агафонов о дворянстве (26). А.И. Агафонов о генеалогии (27). Проф. В.Г. Сироткин (35). Ростовская шпана (44). Энциклопедия «1812 г.» (45).

Журнал «Русская Старина»:

Проект русско-французской экспедиции в Индию. 1800 г. (27). Письма императора Павла к атаману Орлову (27). Посольские путешествия в Турцию. (28). Цена людей в 1853 г. (28). Дон и Донцы в 1851 г. (29). Дон и Донцы в 1877 г. (46). Софья Пугачева (31). О Булавином бунте (31). Моя боевая жизнь (восп. Я.П. Бакланова (40), Я.П. Бакланов. (40). Донской календарь 1879 г. (40). Есаул Евлампий Кательников (41). Атака Лейб-казаков под г. Лейпцигом 1813 г. 4 октября (41). Донская конная артиллерия (42). О Платове и Земленухине (45).

Сергей Викторович Корягин

Миражи «Тихого Дона».

Генеалогия и семейная история Донского казачества

Выпуск 47

ЛР № 066353 от 03.03.1999

Бумага офсетная № 1, формат 60x84/16 Заказ № 39
Отпечатано в Типографии МГТУ им. Н.Э. Баумана
107005 Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5